

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

К. М. Труевцев

**ГЛОБАЛИЗАЦИЯ
И АРАБСКИЙ МИР:
ДО И ПОСЛЕ ДВУХ ВОЛН
ТУРБУЛЕНТНОСТИ**

МОСКВА
ИВ РАН
2020

ББК 66.4(5)

Т 78

Ответственный редактор

В. А. Кузнецов

Рецензенты

В. И. Бартенев, С. Н. Серебров

Утверждено к печати

Редакционно-издательским советом

Института востоковедения РАН

Труевцев К. М.

Т 78

Глобализация и арабский мир: до и после двух волн турбулентности / Отв. ред. В. А. Кузнецов; Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2020. – 370 с. : ил.

ISBN 978-5-907384-00-2

Монография, включающая как общетеоретические, так и регионально-страноведческие аспекты, посвящена процессу глобализации и ее воздействию на арабский мир. Глобализация рассмотрена как объективный и многогранный процесс, включающий цивилизационно-культурные, экономические и политические аспекты и воздействующий на политические структуры на макро-, мезо- и микроуровнях. Детально описана проблема авторитаризма в связи с ее особой актуальностью для арабского региона. Проведен сравнительный политико-исторический анализ политических систем арабского мира и других регионов, показывающий объективные предпосылки возникновения «арабской весны». Введено понятие волн турбулентности, в качестве которых рассматриваются глобальные события 2011 г. с пиком в виде «арабской весны» и политический процесс 2012–2019 гг., обусловивший возникновение зон региональных конфликтов, в частности, на территориях Ближнего Востока и Северной Африки.

Книга предназначена для специалистов в области политологии и востоковедения, студентов и аспирантов высших учебных заведений гуманитарного профиля. Также может быть полезна широкому кругу читателей, интересующихся данной проблематикой.

ISBN 978-5-907384-00-2

© Труевцев К. М., 2020
© ФГБУН ИВ РАН, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
Раздел I	
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС	11
Глава 1. Основные черты глобализации как политического процесса	13
Глава 2. Глобализация и процессы изменения политических структур.....	23
Глава 3. Глобализация и регионализация: изменение хода процесса и характера региональных сообществ.....	40
Глава 4. Глобализация и конфигурация миропорядка.....	52
Глава 5. Субъекты и объекты, субъективные и объективные стороны глобализации	68
Раздел II	
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ДИЛЕММА АВТОРИТАРИЗМА — ДЕМОКРАТИИ	79
Глава 6. Авторитаризм: проблемы методологии — типология, структура и современная ситуация.....	83
Глава 7. Место авторитаризма в истории и современности	89
Глава 8. Конвергенция и проблема смешанных режимов.....	98
Глава 9. Современный авторитаризм: место в структуре миропорядка и структурно-функциональные характеристики	105
Глава 10. Постиндустриальная стадия развития, глобализация и судьбы авторитаризма	110

Раздел III

**РЕГИОНЫ ЛОКАЛИЗАЦИИ АВТОРИТАРИЗМА
И ИХ СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ
РАЗВИТИЕ В ПРЕДДВЕРИИ ВОЛН
ГЛОБАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ.....**

117

Глава 11. Особенности постсоветского авторитаризма
и модели развития на переломе миллениума 119

Глава 12. Африка южнее Сахары к началу
«арабской весны»: между авторитаризмом
и неустойчивой демократией 127

Глава 13. Политическое развитие в Арабском регионе
накануне «арабской весны» 152

Глава 14. Фактор Аль-Каиды и исламистский дискурс
как вызов светским авторитарным системам 201

Раздел IV

ВОЛНЫ ТУРБУЛЕНТНОСТИ.....

Глава 15. Глобальный контекст событий 2011 г.
и феномен «арабской весны» 213

Глава 16. Вторая волна глобальной турбулентности
и парад зон региональных конфликтов.....236

Глава 17. Североафриканская зона регионального
конфликта: его динамика и значение 250

Глава 18. Структура и динамика Ближневосточной
зоны конфликта 269

Глава 19. Изменение динамики, структуры и содержания
ближневосточного конфликта с 2015 г. 295

Глава 20. Значение поворота 2015 г. в глобальном
контексте динамики конфликтных зон 305

Вместо заключения. Элементы постконфликтного дизайна
в арабском мире и в глобальном контексте 312

Библиографический список.....

Приложения 364

Выражаю глубокую благодарность Виталию Вячеславовичу Наумкину и Вячеславу Яковлевичу Белокриницкому за обеспечение оптимальных условий для работы над этой книгой и ее завершения, а также апробации ее важнейших частей, Василию Александровичу Кузнецову за неоценимый вклад в ее научное редактирование, Василенко Анастасии Игоревне и Воряховой Валерии Ивановне за научно-техническое оформление издания, а также доктору Шестакову Алексею Владимировичу за восстановление моего здоровья до уровня, позволившего закончить эту работу.

ВВЕДЕНИЕ

Название этой книги не случайно. Речь в ней пойдет не только о воздействии глобализации на арабский мир, хотя такое воздействие, несомненно, было и есть, и оно достаточно подробно описывается в монографии. Но не менее важно и интересно выявить взаимодействие между процессом глобализации и явлениями и процессами, которые происходили и происходят внутри региона, включая и те, которые прямо от глобализации не зависят.

Отсюда и весьма сложная композиция книги, в которой некоторые оппоненты, возможно, увидят определенную методологическую противоречивость. Однако эта противоречивость, на наш взгляд, происходит от противоречивости самого предмета, которую мы рассматриваем как данность, и поэтому не возникает намерения устранить ее.

Большая теоретическая часть связана в значительной мере с многочисленными завалами, крайне односторонними, а иногда и прямо выдуманскими трактовками, которые сопровождают понятие глобализации и сказываются на толковании этого важнейшего процесса. За этим следуют и сомнительные выводы, оказывающие воздействие не только на теорию, но и на реальную политику.

В связи с этим потребовалось текстуальное восстановление процесса формирования и семантического развития термина «глобализация», чтобы показать, как это новое понятие отражает возникновение самого ранее неизвестного явления, экстраполяция которого в прошлое недопустима. Это позволило определить временные рамки возникновения процесса глобализации, а затем и осмысления его как многостороннего явления, характерного для постиндустриальной эпохи и охватывающего цивилизационные, культурные, социальные, экономические и политические стороны современного развития.

В монографии кратко описываются особенности большинства аспектов глобализации, однако исходя из задач данного исследования особо вычлняется глобализация как политический процесс. Это дает возможность более детально рассмотреть воздействие глобализации на политические структуры всех основных уровней. На макроуровне это конфигурация миропорядка, которая менялась в ходе процесса и не могла не оказывать воздействие на все происходящее практически во всех странах и регионах мира. На мегауровне

это соотношение между процессами глобализации и регионализации, причем характер и течение второго существенно менялись не только с возникновением глобализации, но и в ходе ее развития. На микроуровне это воздействие на страновые политические системы и политические институты, включая в первую очередь государства и их составляющие, в частности на политические партии.

Последнее представляет особый интерес для региональных и страновых исследований, поскольку воздействие глобализации на структуру и характер политических коммуникаций неминуемо затрагивает всю глубину политического поля любой страны, однако характер реакции на это воздействие со стороны местного социума и политикума в каждом случае будет далеко не идентичным.

В то же время характер этого взаимодействия поддается определенной типологизации, связанной в первую очередь с характером страновых политических систем.

В связи с этим в монографии значительное внимание уделено части теории политических систем, связанной с проблемой авторитаризма. Важность этой проблематики связана с тем, что большинство арабских стран до недавнего времени представляли собой авторитарные политические системы. При этом в монографии представлена авторская трактовка авторитаризма, основанная на системном анализе и этим отличающаяся от трактовок, которые исходят из понятия «политический режим» и, на наш взгляд, сужают понимание глубинных механизмов этого явления.

В книге представлен сравнительный анализ основных регионов локализации авторитаризма, каковыми на 2011 г. являлись часть постсоветского пространства, территория Африки южнее Сахары и почти весь арабский мир. Этот анализ позволил показать, что именно арабский мир в преддверии «арабской весны» оказался не только главным очагом локализации авторитаризма в современном мире, но и очагом, находящимся в критическом состоянии.

Для подтверждения этого факта и более детального раскрытия критического состояния большинства стран региона потребовался историко-политический очерк развития этих государств, чтобы описать в динамике, как сформировались основные политические системы этих стран, их типологические характеристики и те внутренние натяжения, которые вели к политическому кризису. При этом необходимо было показать и реальную альтернативу, которая сформировалась по отношению к правящим арабским режимам в начале XXI в., в лице радикальных течений политического ислама.

Для характеристики процессов, происходивших в арабском мире в 2010-е годы, вводится понятие «волны турбулентности». В разделе IV, посвященном этим процессам, показывается, что волны имели не только региональное, но и глобальное измерение. При этом первая и вторая волны были совершенно разнохарактерными.

Первая волна датируется 2011 г. Обращается внимание на то, что в этот период серьезные политические волнения охватили более 80 стран мира — от США до Индии и Китая, «арабская весна» стала пиком, но не исключением из этого глобального процесса. Вместе с тем подробное описание хода «арабской весны», участвовавших в ней сил и реакций на события со стороны правящих элит позволило не только показать региональную универсальность этого процесса, но и выявить причины разницы в его последствиях, которая оказалась столь ощутимой в различных странах.

Датирование «арабской весны» исключительно 2011 г. и утверждение о том, что с 2012 г. начинается совершенно другой процесс, кому-то могут показаться искусственными. Однако для этого есть определенные основания.

Несмотря на всю разницу политических событий в Ливии и Сирии, именно в 2012 г. в обеих странах процесс переходит в совершенно другую фазу. В Ливии после свержения Муаммара Каддафи раздираемые противоречиями силы, пришедшие к власти, привели страну к конфликту, который не только разорвал ее на части, но и придал в дальнейшем этому конфликту региональное измерение. В Сирии, где гражданское противостояние уже весной 2011 г. переросло в вооруженный конфликт, начало 2012 г. коренным образом изменило характер этого противостояния: на авансцену вышли радикальные исламистские силы и началась экспансия на территорию страны радикальных исламистов из других государств, что положило начало превращению конфликта в региональный.

В 2013–2014 гг. к этим конфликтам присоединился конфликт на Украине, произошла резкая реанимация конфликта в Афганистане, развивалось конфликтное противостояние на Тихом океане. Все эти противостояния приобрели региональное измерение, и в итоге в мире возникло пять зон региональных конфликтов. Их течение синхронизировалось по времени, достигнув пика в 2015 г. Таким образом формируется вторая волна турбулентности, которая получила глобальное измерение и характеризуется нами как развитие зон региональных конфликтов.

Большинство из этих конфликтов удалось либо погасить, либо купировать в период между 2015 и 2018 гг. Рамки и задачи работы не позволяют подробно описать все конфликтные зоны, поэтому в книге подробно рассмотрены две из них, возникшие в арабском мире. Первая обозначается как ближневосточная с эпицентром в Сирии (а затем — в Сирии и Ираке), с последующим включением в нее Йемена и прямым или косвенным участием в ней значительного числа стран региона. Вторая зона — североафриканская с эпицентром в Ливии, поскольку ливийский конфликт оказал непосредственное воздействие на сопредельные и даже не граничащие с этой страной государства — от террористических актов в Тунисе и Алжире вплоть до разрушения территориальной целостности Мали.

Мы ограничиваем рамки этой волны турбулентности в целом 2018 г., поскольку, во-первых, с победой над ИГИЛ¹ и развитием астанинского процесса сирийский конфликт не только приблизился к завершению, но и утратил характер регионального (в числе прочего восстановлена территориальная целостность Ирака и растет локализация йеменского конфликта — участие в нем Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ) не «дотягивает» до общерегиональных рамок); во-вторых, ливийский конфликт далек от завершения, но в целом удалось купировать его в национальных рамках.

Все это привело к тому, что с 2018 г. региональные конфликты стали утрачивать свое значение важного фактора в ходе глобализации, а применительно к арабскому миру — определяющего фактора в текущем развитии.

Это позволяет говорить о начале новой фазы — после второй волны турбулентности, чему и посвящено заключительное эссе работы. В нем описан ряд явлений, характерных для постконфликтного развития арабского мира, и обозначены некоторые новейшие направления мирового развития, включая, например, тенденцию построения ткани Большой Евразии, которая может стать одной из ведущих тем современной фазы глобализации. Арабский мир в силу последствий «арабской весны» и региональных конфликтов, а также ряда последних событий, характеризующихся как своего рода «афтершоки», рискует в ближайшей перспективе оказаться на периферии этого континентального развития.

---

¹ Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

Раздел I

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Глава 1

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ КАК ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Для понимания событий, происходящих сегодня в мире, представляется необходимым более глубокое, чем это встречается в ряде российских и зарубежных работ, осмысление понятия глобализации, в первую очередь ее специфических черт, которые оказывают значительное, а нередко и решающее воздействие на характер, глубину, внутреннюю структуру и даже скорость политических процессов, протекающих в настоящий момент на внутривосточном, региональном и международном уровнях.

Так же, как и ранее принятый для характеристики международных процессов термин «интернационализация», традиционно более понятный тем, кто привык оценивать их с позиций советской интерпретации марксизма, понятие «глобализация» изначально имело экономический смысл, пожалуй, даже более утилитарный по сравнению с первым.

Термин «глобализация» впервые появился в статье «Глобализация рынков», которая принадлежала перу скончавшегося несколько лет назад профессора Гарвардской школы бизнеса Теодора Левита¹ и затрагивала процессы складывания глобальных рынков для глобально же стандартизированных продуктов, т.е. явление такого масштаба, которое раньше просто невозможно было себе представить.

В этом чисто экономическом отношении, впрочем, глобализация выглядела в какой-то мере как логическое продолжение про-

---

¹ *Levitt T. The Globalization of Markets // Harvard Business Review. 1983. May 1.* Справедливости ради следует, однако, упомянуть, что, обращая прежде всего внимание на глобализацию и стандартизацию мировых рынков, Т. Левит в этой программной статье выходит и на политико-философские по своему конечному значению обобщения: «Властная сила влечет мир в сторону конвергируемой общности, и эта сила — технология. Она пролетаризировала коммуникацию, транспорт и путешествия» (цит. по: McKinsey Quarterly, 1984. Summer. P. 1).

цесса интернационализации с том виде, в котором он был описан уже в «Экономических рукописях 1848 г.» и «Капитале» К. Маркса, а также в работах К. Каутского и В.И. Ленина, посвященных империализму. В последних анализировались процессы складывания мирового рынка, международного разделения труда и т.д., а также их политические последствия, включая «раздел мира».

В этом контексте необходимо, в частности, вспомнить работу В.И. Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма», где в числе признаков империализма называется такой: «Мир впервые оказался уже поделенным, так что дальше предстоит лишь переделы»². Сегодня мало кто, за исключением узких специалистов, вспоминает, что эта работа В.И. Ленина была ответом на вышедшую в 1910 г. книгу Р. Гильфердинга «Финансовый капитал»³ (в 1915 г. в русском переводе) и изданную несколько позднее с опорой на содержащийся в ней политэкономический анализ работу К. Каутского «Национальное государство, империалистическое государство и союз государств»⁴, в которых, среди прочего, впервые со времен К. Маркса рассматривались вопросы интернационализации — процесса, который в начале XX в. приобрел практически глобальный размах и на этом основании рассматривается некоторыми современными исследователями как предшествующая фаза глобализации. Однако отождествление двух понятий представляется в корне неверным, поскольку глобализация, являясь, конечно, продолжением процесса интернационализации, вместе с тем содержит совершенно новые черты, которые не были присущи мировым, региональным и страновым общественно-политическим структурам ни 100 лет назад, ни даже в середине XX в.

Логике, сформулированной в работе Т. Левита, в целом следовал и ряд других первичных работ, посвященных глобализации, которые появились в 1980-е годы. Так, в книге японского ученого К. Омаи «Triad Power»⁵ рассматривался глобальный рынок технологий, на котором господствовали в тот период США, Япония

---

² См.: Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 299–426.

³ Гильфердинг Р. Финансовый капитал. М., 1924.

⁴ Каутский К. Национальное государство, империалистическое государство и союз государств. М., 1917.

⁵ Омае К. Triad Power. N.Y., 1985.

и Западная Европа. Однако более поздние работы того же автора, опубликованные в 1990-е годы, демонстрируют не только расширение понятия «глобализация» с экономической на политическую сферу, но и выявление в этом процессе ряда аспектов, которые не фиксировались в ходе шедшего ранее (с середины XIX до последней четверти XX в.) процесса интернационализации. Прежде основной тенденцией, стремительно нараставшей начиная с итогов Первой мировой войны, принявшей глобальный характер с распадом колониальной системы и получившей относительное завершение с распадом СССР, Чехословакии и Югославии, было складывание и укрепление национальных государств, а все международные организации — от Организации Объединенных наций (ООН) и военных блоков до экономических союзов — носили межгосударственный характер, принципиально не меняя политической структуры государственных образований. Глобализация же с последней декады XX в. стала подвергаться сомнению, более того, подрывать и снаружи, и изнутри сами, казалось бы, незыблемые принципы национального государства как первичной основы существующего миропорядка⁶. Государство, замечает К. Омаи, превращается в «ностальгическую фикцию»⁷.

При всем разбросе оценок в отношении способности национальных государств к дальнейшему поступательному развитию зафиксированная тенденция к их ослаблению (если не подрыву) является одной из принципиально новых политических черт, оказывающих воздействие как на характер и структуру государственных образований, так и в итоге — на структуру миропорядка в целом. Однако это лишь одна из черт глобализации, и сама по себе констатация упомянутой тенденции еще не раскрывает ее внутренних механизмов.

На основании уже упомянутых и ряда других работ, где рассматривается этот процесс⁸, допустимо выдвинуть ряд следующих про-

---

⁶ *Ohmae K.* The Borderless World. Power and Strategy in Interlinked Economy. N.Y., 1990; *Idem.* The End of the Nation State. The Rise of Regional Economies. L., 1995.

⁷ *Idem.* The End of the Nation State... P. 12.

⁸ Среди работ, посвященных глобализации, прежде всего выделяется книга Р. Робертсона «Глобализация: социальная теория и глобальная культура» (*Robertson R.* Globalization: Social Theory and Global Culture. L.: Sage, 1992), которая и в контексте настоящего исследования имеет особое значение,

межуточных тезисов, касающихся содержания понятия «глобализация».

1. Глобализация — продукт развития постиндустриального общества, возникающий на определенном, относительно продвинутом его этапе, когда постиндустриальные черты становятся определяющими, по крайней мере для тех стран и регионов мира, где складывается основной вектор его исторического движения в финансово-экономическом и, хотя бы отчасти, в структурно-политическом отношении. В конце 1980-х — начале 1990-х годов это, несомненно, были США, Западная Европа, Япония и Канада, позднее к ним присоединились «азиатские тигры», Китай, Индия, а также наиболее развитые страны Латинской Америки, прежде всего Бразилия, Чили, Мексика, отчасти Аргентина и Уругвай, а также хотя бы в одном отношении — в сфере организации и направлении мировых финансово-торговых потоков — Саудовская Аравия и другие страны — участники Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива. В настоящий момент процессом глобализации в той или иной степени охвачено подавляющее число стран мира, вопрос, однако, заключается в том, насколько та или иная страна и регион является субъектом, а не только объектом глобализации.

2. Развертывание глобализации, превращение ее из в основном финансово-экономического процесса в процесс структурно-полити-

поскольку Р. Робертсон делает особый упор на общественно-политические и цивилизационно-культурные аспекты этого процесса. Он обращает внимание на тот факт, что глобализация как концепт получила признание в академических кругах только в середине 1980-х годов (*Robertson R. Op. cit.*, p. 8). Вместе с тем в течение двух десятилетий нынешнего столетия появился целый ряд работ, посвященных осмыслению глобализации и ее различных аспектов. Сошлемся лишь на некоторые из них: *Ervin J., Smith Z.A. Globalization: A Reference Handbook. ABC—Clio, 2008; Kiely R. The Clash of Globalizations: Neo-Liberalism, the Third Way, and Anti-Globalization. Brill, 2005; Goldwin I., Reinert K. Globalization and Development: Trade, Finance, Aid, Migration, and Policy. World Bank, 2007; Drori G.S., Meyer J.F., Hwang H. Globalization and Organization: World Society and Organizational Change. Oxford University Press, 2007; Bhagwati J. In Defence of Globalization. Oxford University Press, 2004; Sniegocki J. Neoliberal Globalization: Critiques and Alternatives // Theological Studies. 2008. Vol. 69. No. 2. June; Bishop T., Reinke J., Adams T. Globalization: Trends and Perspectives // Journal of International Business Research. 2011. Vol. 10. No. 1. January; Eriksen T.H. Globalization: The Key Concepts. Berg, 2007; Spooner B. Globalization: The Crucial Phase. University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology, 2015.*

ческий совпадают по времени с практическим завершением мирового процесса становления национальных государств, которое происходило в форме распада мировой социалистической системы, включая внутренний распад СССР, Югославии и Чехословакии, на развалинах которых произошло становление исключительно национальных государств (подтверждением чему служат в том числе «спорные» и «непризнанные» государственные образования, такие как Косово, Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье и Нагорный Карабах, а также процессы национально-этнической суверенизации в ряде стран Западной Европы). После завершения этого процесса количество наций и крупных этнических групп, лишенных оформления в виде национального государства, свелось к историческому минимуму. За исключением Тропической Африки, где значительная часть обществ остается на доиндустриальной стадии развития, в основном это нации и этнические группы, входящие в состав описанной З. Бжезинским «дуги нестабильности». Последняя простирается от Индии до Балкан и включает сердцевину исламского мира.

3. Совпадение разворачивания глобализации с крушением мировой социалистической системы как одной из основных опорных конструкций бинарной организации миропорядка (так называемого ялтинского или ялтинско-потсдамского мира, просуществовавшего с 1945 по 1991 г.) не могло не придать мироустройству этого периода глобализации (1991–2006 гг.) черт однополярности с доминированием США.

4. Вместе с тем коренная, первичная причина того, что США стали в этот период лидером или, если угодно, вершиной мироустройства, заключается не в крушении СССР (бывшего, в свою очередь, следствием других причин, как внутренних, так и международных, и не в последнюю очередь результатом органической неспособности советской политической системы эволюционировать в соответствии с реалиями постиндустриальной эпохи), а в том, что именно США первыми вступили в постиндустриальную эпоху и первыми сумели воспользоваться ее качественными преимуществами. Поэтому от них прежде всего происходили, а в известной мере происходят и до сих пор наиболее мощные импульсы глобализации. Впрочем, последний, пока еще очень короткий период (с середины первой декады XXI в.) дает некоторые свидетельства того, что США начинают утрачивать монопольное положение

единственного эпицентра глобализации, а, следовательно, фора, данная им в этом отношении историей, может оказаться близкой к исчерпанию.

Вернемся, однако, к первому тезису, поскольку именно он, на наш взгляд, является ключевым для понимания основных черт глобализации и векторов ее развития.

Среди главных свойств постиндустриального общества, отличающих его от предшествующей, индустриальной стадии развития, теоретики⁹ выделяют в первую очередь такие, как: интеллектуализация процесса производства и управления, а также самого конечного продукта; внедрение принципиально новых технологий, которые определяют гибкость и способность тиражировать не только количество, но и качество; превращение информации (и основанной на ней коммуникации) в ведущий фактор производства, обмена и всех других сфер общественной, в том числе политической, жизни; соединение информации с новейшими технологиями, что превращает медийную сферу (СМИ, Интернет) в важнейший системообразующий фактор общественной, экономической и политической жизни.

Утверждение принципиально новых — гибких и «умных» — технологий, органическое соединение их с каналами распространения информации превратили коммуникационную сферу в ведущий и определяющий фактор мирового развития. Именно это дало основание З. Бжезинскому назвать постиндустриальную эпоху «технотронной»¹⁰, а Э. Тоффлеру — «информационной»¹¹. На этот же фактор обратил внимание и Т. Левит, указавший на «новые технологии» как на основную предпосылку складывания глобальных рынков.

Стоит, однако, упомянуть и о том, что еще за полтора десятилетия до него понятие «глобальный» в странном, как тогда каза-

---

⁹ На этом акцентировал внимание уже У. Ростоу в книге «Стадии экономического роста». См.: *Rostow W. The Stages of Economic Growth: a Non-Communist Manifesto*. L., 1960.

¹⁰ Впервые понятие «технотронная эпоха» З. Бжезинский сформулировал и использовал в своей книге «Между двумя веками». См.: *Brzezinski Z. Between Two Ages: America's Role in the Technetronic Era*. N.Y., 1970.

¹¹ В основных произведениях Э. Тоффлера «Шок будущего» (1970), «Культурные потребители» (1973), «Третья волна» (1980) понятие информационного общества занимает центральное место.

лось, сочетании «глобальная деревня» («Global Village») было использовано Г.М. Маклуэном в книге «Understanding Media»¹², а затем и в книге, прямо так и названной: «War and Peace in the Global Village»¹³. Причем использовано в совершенно определенном контексте: он трактовал крупные коммуникационные системы (в тот период это были телевидение и радио, позже к ним прибавились факсимильная связь, копировальная техника, мобильные телефоны и, наконец, синтезирующие все перечисленное компьютеры и Интернет) не только как «мирового посредника» («global media»), но и как фактор, преобразующий мир, взрывающий межгосударственные, региональные и другие перегородки, снимающий временные и пространственные барьеры между странами и всеми без исключения регионами мира и моментально превращающий любое значимое событие в достояние всего мира. В этом смысле жители земного шара, участвующие в коммуникационном процессе, становятся непосредственными свидетелями (а очень часто и соучастниками) всего, что происходит в мире, снимаются любые препятствия к непосредственному общению между людьми — это и есть в понимании Г.М. Маклуэна «глобальная деревня». Такое представление о роли коммуникационных систем в современном мире дает возможность рассматривать их и как важнейшую предпосылку, и как главный действующий фактор глобализации.

Между тем за различными интерпретациями понятия глобализации стоит очевидная проблема его разного толкования:

- 1) глобализация как экономический процесс (Т. Левит, ранний К. Омаи и др.);
- 2) глобализация как социокультурный и, если угодно, цивилизационный процесс (Р. Робертсон и в известном смысле Г.М. Маклуэн¹⁴);

¹² McLuhan H.M. *Understanding Media: the Extensions of Man*. L.-N.Y., 1964.

¹³ McLuhan, Fiore Q. *War and Peace in the Global Village*. N.Y., 1968. Примечательно, что и Р. Робертсон при разработке своей концепции глобализации ссылается именно на эту книгу Г.М. Маклуэна (*Robertson R. Op cit.*, p. 8), а также на его более ранние работы, где впервые появилось понятие «глобальная деревня».

¹⁴ Хотя Г.М. Маклуэн не употреблял термин «глобализация», именно его по уже объясненным причинам можно считать основоположником социокультурного толкования этого процесса, на что совершенно справедливо указывает тот же Р. Робертсон (*Robertson R. Op. cit.*).

3) глобализация как политический процесс (поздний К. Омаи, З. Бжезинский в своих последних пяти работах и др.).

В свою очередь, за этими тремя различными характеристиками процесса глобализации может проследиваться не только описание его различных сторон, но и определенная стадийность: хотя все три стороны глобализации так или иначе могут проследиваться на разных ее стадиях, но в каждый период развертывания процесса все же на первый план выходит одна из этих сторон.

Очевидно, что глобализация в своем первичном виде начала разворачиваться еще на этапе перехода наиболее развитых стран к постиндустриальному обществу в виде становления глобальных коммуникационных сетей, прежде всего радио и телевидения. И проявила она себя в этот период прежде всего в социокультурном и социоцивилизационном аспектах: становлении массовой транснациональной культуры — кино, джаза, рока, шоу-бизнеса, массовой контркультуры — транснациональных протестных движений, первоначально направленных против существующего образа жизни как социального статус-кво (60–70-е годы XX в.). Однако уже на этом этапе глобализация дала определенные политические выходы — в виде превращения протестных движений в антивоенные, появления массовых национальных и транснациональных экологических и правозащитных движений, существенным образом повлиявших на политический спектр и политическую структуру ряда ведущих стран мира. Следует отметить, что коммуникационный взрыв 1960–1970-х годов, правда, прежде всего на уровне радио, отчасти преодолел и преграды «железного занавеса» в плане распространения западной массовой культуры в пределы советского блока, что повлекло и определенные политические выходы.

В 80-е годы XX в. глобализация разворачивалась прежде всего как экономический процесс в виде становления глобального рынка в его новой форме. Именно на этой стадии произошло совпадение развития глобализации с процессом перестройки, а затем крушения мировой социалистической системы, включая ее цитадель — СССР. И это уже само по себе можно считать также важнейшим политическим выходом этого этапа процесса глобализации, поскольку ликвидация мировой биполярности и относительная гомогенизация политического мироустройства стали политической предпо-

сылкой в том числе и для взрывного развития глобализации как экономического процесса.

З. Бжезинский отмечал, что на этом этапе произошла и экономико-политическая институционализация глобализации: «Создание Всемирной торговой организации, новая роль Международного валютного фонда с его резервным фондом и развернутые антикоррупционные мероприятия Всемирного банка представляют собой систему институтов и мер, институционно оформляющих глобализацию»¹⁵.

В свою очередь, начало 1990-х годов можно считать отправной точкой развития глобализации как политического процесса, приведшего к тем результатам, которые на сегодняшний день мы имеем в плане структуры мироустройства, и продолжающего оказывать дальнейшее далеко идущее воздействие как на глобальную политическую структуру, так и на политические структуры регионов и отдельных стран. Хотя, стоит отметить, определенные черты глобализации как политического процесса стали проявляться ранее, с началом становления постиндустриальной стадии, однако общесистемный характер они приобрели именно в указанный период.

В данной работе глобализация рассматривается прежде всего как политический процесс, хотя при этом невозможно полностью отвлечься и от других ее составляющих.

Следует выделить некоторые основные черты глобализации как политического процесса:

- глобализация оказывает сквозное модифицирующее воздействие на все уровни глобального политикума;
- на микроуровне (в рамках отдельно взятых государств) она ведет к модификации, а нередко и к радикальным изменениям основных политических институтов, прежде всего вертикально организованных, таких как партии, партийные системы, и самого государства как политического института;
- на мезоуровне (развития региональных сообществ), будучи сопряженной с процессом регионализации, она оказывает существенное воздействие на постоянную модификацию этого процесса, коренным образом изменяя как его течение, так и само содержание регионализации;

---

¹⁵ *Бжезинский З.* Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. М.: Международные отношения, 2010. С. 16–17.

Раздел I. Глобализация как политический процесс

- на макроуровне (глобальном) она приводит к кардинальному изменению структуры миропорядка.

Будучи процессом нелинейным, она приводит и к флуктуациям на всех указанных уровнях, это порой создает иллюзию возвратного, в том числе «антиглобализационного», движения, что на деле, как правило, оказывается изменением, модификацией самого процесса и конкретного содержания глобализации.

Рассмотрим подробнее развитие и воздействие глобализации на всех указанных уровнях.

Глава 2

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПРОЦЕССЫ ИЗМЕНЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ СТРУКТУР

Ставшие общим местом в современной политологии описания того, как глобализация разрушительным образом действует на государственные структуры, нередко представляются слишком абстрактными, далекими от реальной политической жизни.

Чтобы понять, что угрозы со стороны глобализации существующему государственному и общеполитическому статус-кво — вовсе не пустой звук и они несут с собой предвестие грядущих существенных перемен, достаточно напомнить о двух хорошо известных событиях, разделенных десятилетием, первое из которых было воспринято большинством мировой общественности как трагедия, а второе — по крайней мере какой-то ее частью — как казус. Первое — террористическая атака Аль-Каиды¹ на здания Международного торгового центра в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г., второе — скандальные публикации секретных материалов США и ряда других стран на сайте WikiLeaks.

Тем не менее, если внимательно присмотреться к реакции государств и правительств (в первую очередь к реакции администрации США, хотя, впрочем, не только — довольно схожей была и реакция ряда других правительств западных стран), то мы обнаружим, что она в обоих случаях была весьма близкой. И в том и в другом случае она сводилась к следующему: 1) наказать злодея (в первом случае Аль-Каиду и Усаму бен Ладена, во втором — Джулиана Ассанджа); 2) ужесточить меры безопасности (в первом случае эти меры вовсе не ограничились усилением безопасности в аэропортах, а привели к созданию в США министерства национальной безопасности,

---

¹ Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

объединившего в единый кулак все спецслужбы, а также к существенному ущемлению гражданских прав — прослушиванию телефонных разговоров, усилению слежки за выходцами из исламских стран, превентивным арестам, похищению некоторых из них агентами ЦРУ и пыткам в местах предварительного заключения; во втором случае речь идет о существенном ужесточении контроля за Интернетом, соответствующие законы разрабатываются в США и Великобритании, но еще до их принятия спецслужбы не только этих двух, но и ряда других стран фактически приступили к значительному усилению контроля за Интернетом, а после выступлений 2011 г. — особо за социальными сетями)².

Почему же реакция государств на столь разные по своему непосредственному смыслу события оказывается столь однородной: как на угрозу национальной безопасности? Очевидно, это происходит потому, что они в обоих случаях рассматриваются как действия, наносящие удар по существующей системе коммуникаций, по ее инфраструктуре.

Следует обратить внимание и на то, что в ходе событий «арабской весны» совершенно схожим образом действовали и правительства арабских стран — Египта, Ливии, Сирии и Саудовской Аравии: блокировали вещание телесетей, Интернета (прежде всего социальных сетей), мобильных телефонов. Другое дело, что в Саудовской Аравии и Сирии электронные и интернет-СМИ, телефонные переговоры удалось в значительной мере поставить под контроль, а в Тунисе, Египте и Ливии — нет, и это стало одним из важнейших факторов падения правивших там режимов.

Однако независимо от того, насколько удачны указанные действия правительств с точки зрения сохранения существующих режимов и вообще существующего порядка, встает вопрос о том, насколько они эффективны в стратегическом плане и насколько адекватны.

С точки зрения теории политических систем речь здесь идет о функции реагирования, причем реагирования на то, что Д. Истон называл «disturbances», т.е. «раздражающие воздействия» со стороны окружающей среды. Так вот, одним из важных свойств глобализации

---

² Применительно к США речь идет о принятии в 2001 г. так называемого Патриотического акта. См.: The USA PATRIOT Act: Preserving Life and Liberty. URL: <http://www.justice.gov/archive/ll/highlights.htm/> (дата обращения: 04.09.2020).

является то, что с многократным увеличением разнообразия способов коммуникации и вместе с тем количества самой разнообразной, в том числе противоречивой, информации столь же многократно возрастают и упомянутые «раздражающие воздействия». Это ощущает на себе практически каждый человек, но сходное воздействие обнаруживают на себе и человеческие общности, коллективы и в конечном счете социальные и политические системы.

Последствия этого воздействия на политическую жизнь трудно переоценить. Любое политическое действие происходит в медийном поле. Хотя бы в этом смысле понятие «четвертая власть» перестает быть метафорой: любой политический деятель и политический институт осуществляет свою деятельность через средства массовой коммуникации, в первую очередь электронные. Причем в последнее время это происходит не только через телевизионный экран, но все в большей мере через Интернет³. Однако тем самым медийное пространство в определенном смысле поглощает сферу политики и существенно преобразует ее, превращая политиков и политические институты в «актеров» (т.е. и действующих лиц, и актеров одновременно)⁴ медийного поля, устраняя абсолютность иерархий

³ По данным фонда «Общественное мнение» число интернет-пользователей на осень 2011 г. в Великобритании, Австралии, Германии, Японии и США варьировалось между 82 и 78% взрослого населения. Россия с 47% несколько отставала от этих наиболее развитых стран, но в течение последующих двух лет этот разрыв стремительно сокращался (осенью 2009 г. было 34%). По этому показателю она уже в этот период вплотную подошла к Италии (49%) и значительно опережала Бразилию и Китай (37 и 36% соответственно). Приближение числа пользователей в нашей стране к половине населения означает, что по этому важнейшему параметру она уже в 2011 г. вступила в постиндустриальную эпоху и это имеет далеко идущие политические последствия, учитывая тот факт, что приведенное число пользователей ясно указывает на то, что Интернет как канал получения информации, в том числе политической, перестал к этому времени быть уделом лишь узкого слоя политической элиты. Приведенные данные взяты из статьи А.А. Ослона «Апология умной толпы» (см.: *Ослоп А.А. Апология умной толпы // НГ-Сценарии. 2012. 28 февраля*). Следует отметить, что в последующие три года число пользователей Интернета в России практически сравнялось с наиболее развитыми странами, а к 2018–2019 гг. по ряду параметров постиндустриального развития (цифровизация и проч.) она вошла в число наиболее развитых стран.

⁴ Собственно понимание политических структур в качестве «актеров» возникло еще до глобального медийного взрыва второй половины XX в. Г. Алмонд справедливо связывал его с «бихевиористской революцией» (см.: *Алмонд Г. Политическая наука: новые направления. М., 1998*). Бихевиористы, прежде всего Г. Лассуэл, Ч. Мериам и др., синтезировав ряд подходов

в политическом устройстве — как личностных, так и институциональных.

Качество способности реагировать просто не может спонтанно, автоматически столь же стремительно и многократно меняться, сколь многократно возрастает мультипликация коммуникационных каналов и систем, а главное — распространяющейся по ним противоречивой информации.

Разрыв между коммуникационным воздействием и заключенным в нем информационным потоком, с одной стороны, и возможностью реагирования на него со стороны политических систем, с другой, является одним из важнейших проявлений процесса глобализации, причем проявлением критическим, т.е. способным породить и, как правило, порождающим критические состояния в политической жизни.

При этом, поскольку функция реагирования напрямую связана с функцией адаптации, представляя собой механизм прямого и обратного действия по отношению к последней, совершенно очевидно, что скорость и адекватность реагирования являются одними из важнейших показателей возможности адаптирования политических структур и политических систем к процессу глобализации⁵.

Нетрудно заметить, что одним из главных эффектов действия глобальных коммуникационных систем стало существенное сни-

---

структурализма и психоанализа с теоретическими выводами из конкретной социологии, выработали подход к политическим структурам с позиции поведения индивидов и групп людей, что и придало им вид не застывших структур, а действующих (коллективных и индивидуальных) лиц политики, продолжив и углубив тем самым динамические подходы к изучению политики, которые еще в XIX в. каждый по-своему наметили К. Маркс и Ф. Ницше. Именно бихевиористы ввели в политологический обиход понятие «актор», ставший выражением описанного подхода к политическим структурам. Вместе с тем это понимание было все же делом достаточно узкого слоя профессионалов. Медийный взрыв, однако, расширил рамки поля этого понимания до более широкого слоя политически активных людей, что стало особенно очевидно после второй волны медийного взрыва, связанного со всеобщим распространением Интернета.

⁵ Д. Истон приводил следующее понимание связи между реагированием и адаптацией: говоря о реагировании политической системы на раздражающие воздействия окружающей среды, он подчеркивал, что имеет в виду не простое реагирование, а такое, которое способно менять и саму систему, и окружающую среду, и то и другое вместе. См.: *Easton D. The Political System: An Inquiry into the State of Political Science*. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1953.

жение веса и значения вертикальных коммуникационных связей при одновременном усилении роли и значения горизонтальных. В политической практике это означает прежде всего далеко идущий вызов иерархически организованным политическим структурам, каковыми являются в первую очередь государства и политические партии.

Из этого было бы по крайней мере преждевременным сделать вывод, что уже начался предсказанный К. Марксом и пропагандируемый анархистами в течение полутора столетий процесс отмирания государства. Скорее, практически все государства мира оказались перед исторически новой для них дилеммой: либо становиться существенно более гибкими, готовыми к стиранию граней и объединению с ближними и более отдаленными соседями, либо обречь себя на деструктивные, разрушительные процессы вплоть до состояния «несостоявшегося государства» («ailed state»). Причем одним из главных условий успешного развития, включая способность к интеграционным процессам, становится внутренняя гибкость государственных структур, способность адаптироваться к быстро меняющемуся социально-политическому ландшафту.

Эта дилемма, пусть и в несколько ином конкретно-политическом ракурсе, стоит и перед политическими партиями.

Во-первых, проводившиеся в целом ряде стран Западной Европы в течение последних двух десятилетий XX в. социологические опросы, в частности по методике «демократического аудита»⁶, свидетельствовали о последовательном снижении уровня доверия к сложившимся традиционным политическим партиям⁷. Эта тенденция имела продолжение и в первом десятилетии нынешнего столетия.

Во-вторых, эта тенденция в наибольшей степени затронула массовые партии. Описанные в свое время М. Дюверже как более поздний, более сложный и более совершенный партийный механизм по сравнению с предшествовавшими им по своему генезису

⁶ Идея демократического аудита. URL: https://psyera.ru/ideya-demokraticheskogo-audita_13227.htm (дата обращения: 04.09.2020).

⁷ *Труевцев К.М.* Демократический аудит в России: значение, возможности и перспективы // Экономика и право. 2002. № 3; *Byrne J.* Democratic Audit: Executive Democracy in War and Peace // Parliamentary Affairs. 2004. No. 57 (2). P. 453–468; *Petersson O.* The Democratic Audit in Sweden. 1995–2011 // Democracy without Parties? Leiden: Leiden University, 2013. P. 14–15.

кадровыми партиями⁸ в последние десятилетия массовые партии пережили сложный критический период в своем развитии именно в силу того, что обладали более жесткой иерархической вертикалью.

Наиболее ярким примером в этом отношении служит Италия, где в течение четырех послевоенных десятилетий на политическом пространстве доминировали две массовые партии — христианские демократы и коммунисты. Однако во второй половине 1980-х годов обе партии переживали жесточайший кризис, и их доминирование было буквально сметено стремительно ворвавшейся на политическую арену совершенно исторически нетипичной для итальянского ландшафта кадровой партией «Вперед, Италия!» во главе с С. Берлускони. О том, насколько успешным был этот взлет, свидетельствует хотя бы то, что кабинет министров, сформированный этой партией, находился у власти беспрецедентно долго за всю историю послевоенной Италии. Следует отметить и тот факт, что период, когда у власти находились партия «Вперед, Италия!» и сформированные ею политические альянсы (включая и эпизоды с приходом к власти оппозиционных ей сил), сопровождался переформатированием всего партийно-политического пространства страны.

После правления С. Берлускони события в электоральном поле и партийной системе Италии развивались еще более непредсказуемым и в определенном смысле парадоксальным образом. На первый план выдвинулось протестное и с формальной точки зрения аполитичное протестное движение «5 звезд», возглавляемое популярным цирковым артистом. И уж совсем немислимым представлялось его объединение в коалицию с правой и считавшейся сепаратистской Лигой Севера, однако эта правительственная коалиция стала новым феноменом политической жизни Италии.

Тем же массовым партиям, которым удалось удержать свое влияние на политической арене, — таким как христианские демократы и социал-демократы ФРГ, социал-демократические партии скандинавских стран, социалисты во Франции, лейбористы и консерваторы в Великобритании — пришлось пережить достаточно сложную структурную эволюцию, которая сопровождалась существенным ослаблением жесткой иерархии и усилением горизонтальных связей. Кроме того, произошло почти повсеместное раз-

---

⁸ Подробнее о массовых и кадровых партиях см.: *Дюверже М.* Политические партии. М.: Академический проект, 2000.

мывание идеологии центристских партий и превращение многих из них в партии «лови всех» («catch all» parties).

В-третьих, традиционные политические партии с конца 1960-х годов испытали на себе конкуренцию новых политических сил.

Уже первый этап становления глобальных коммуникационных систем, пришедший на этот период, совпал с появлением и бурным развитием массовых молодежных движений (а в значительной мере именно он и породил их), имевших слабо выраженную («плавающую») иерархичность, но обладавших гибкими и стремительно нараставшими горизонтальными связями. Культурная трансграничность этих движений имела, среди прочего, и эффект политической транснациональности, причем и то и другое стало возможным в условиях чрезвычайно быстрого, практически мгновенного тиражирования их активности через системы глобальной коммуникации. Прямым продолжением этой активности стало становление мощных правозащитных и экологических движений, ставших новым постоянным фактором национального политического ландшафта подавляющего большинства стран Западной Европы и Северной Америки, а целый ряд этих движений превратился в транснациональные организации с глобальным влиянием, такие как Amnesty International, Human Rights Watch, Greenpeace, «Врачи без границ».

Помимо того что само по себе появление и развитие этих движений существенно изменило содержание и характер политических систем западноевропейских и североамериканских обществ, оно повлияло еще и на изменение их партийного ландшафта. Особенно это относится к Западной Европе, где некоторые из них либо непосредственно переросли в новые политические партии, занявшие прочное место в партийной системе, — как Партия зеленых в ФРГ, либо стали играть определенную роль в межпартийных коалициях — подобно «новым левым» и их производным структурам в левом спектре партийной системы во Франции.

А затем наступила волна почти повсеместного появления и резкого взлета «новых правых» партий, таких как «Национальный фронт» во Франции, Партия свободы в Австрии, «Список Пима Фортейна» в Нидерландах и «Альтернатива для Германии» в ФРГ.

Нельзя не напомнить и о том, что эти структурно-функциональные сдвиги в характере политических систем не ограничились

только западной частью Европейского континента, но затронули, довольно существенно, и его восточную часть. Прежде всего речь идет о Чехословакии, где возникшее в 1968 г. демократическое движение, довольно аморфное в структурном отношении, но изначально обладавшее относительно устойчивыми горизонтальными связями, было заглушено в условиях советской оккупации, но, как показали последующие события, отнюдь не задавлено окончательно. Еще в большей степени это относится к Польше, где движение «Солидарность» именно за счет сильных горизонтальных связей и использования новых средств коммуникации (в тот период в первую очередь копировальной техники) получило опережающее преимущество в информационно-коммуникативной сфере по сравнению с действиями государственных структур⁹. Именно это преимущество дало возможность «Солидарности» превратиться в неодолимую общенациональную силу, а затем и в основу нового партийно-политического спектра посттоталитарной Польши.

Перечисленные структуры, а также транснациональные корпорации, которые на политическом уровне выступили как мощные группы интересов, имеющие трансграничный характер, и явились, по сути, теми важнейшими и во многом определяющими политическими компонентами, из которых стала складываться глобализация как универсальный политический процесс.

Приведенные примеры изменения, эволюции политических структур показывают, как происходила адаптация к процессу глобализации уже на первой ее стадии, а вслед за тем — и на последующих. Кроме всего прочего, они демонстрируют и тот непреложный факт, что каждый раз указанный процесс адаптации неизменно сопровождался прохождением через критические состояния, причем эти критические состояния переживали не только сами политические структуры, но и весь социум, и соответствующие политические системы.

Одним из важнейших проявлений этих критических состояний было напрямую связанное с процессом глобализации явление, описанное в литературе как «информационный шок». Для западных

---

⁹ Об этом явлении, называя ее «ксероксной революцией», довольно подробно писал, в частности, З. Бжезинский в книге «Между двумя веками» (*Brezinsky Z. Between Two Ages...*).

обществ в конце 60-х годов XX в. он был связан с прямой телевизионной трансляцией военных действий во Вьетнаме, что вызвало массовый всплеск антивоенных движений. Для жителей СССР и стран Восточной Европы всплеск информационного шока пришелся на период гласности, когда привычная одноканальная связь в короткий промежуток времени сменилась многоканальным потоком информации, в том числе критической, в которой подвергались сомнению и пересмотру установки, сложившиеся в жизни целых поколений. И этот поток информации явился одним из детонаторов процесса крушения существовавшего в этих странах политического порядка.

Однако эти критические состояния отнюдь не являются уделом только недавнего прошлого. Одним из таких критических состояний были события 11 сентября 2001 г., которые сопровождалось глобальным информационным шоком, вызванным прямой трансляцией нападения на башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке. К ряду несомненных критических состояний можно отнести и глобальную социально-политическую турбулентность, охватившую 84 страны мира в 2011 г. А для арабских стран, оказавшихся в эпицентре этой турбулентности, роль детонатора событий в значительной мере сыграл информационный взрыв в социальных сетях, охвативший подавляющее большинство этих государств.

Но следует задаться вопросом, очевидно, одним из главных для данной работы: почему в одних случаях эти критические состояния, пусть через цепь проб и ошибок, порой приводящих к трагическим эпизодам противостояния, но все же разрешаются путем эволюционного развития, а в других приводят к крушению существующего политического порядка?

Ответ на это вопрос лежит в плоскости способности политических систем, государств адаптироваться к вызовам, которыми сопровождается процесс глобализации.

На первой стадии глобализации (1960–1970-е годы), как уже отмечалось, наиболее критическим ее воздействиям подверглись страны Запада — США и Западная Европа. Но они смогли адаптироваться к этим воздействиям не в последнюю очередь благодаря гибкости политических систем, которые оказались в состоянии аккумулировать в себя элементы контркультуры, определенную

часть ее персональных носителей¹⁰, возникшие на ее основе социально-политические структуры. В отличие от этого страны советского блока оказались напрямую мало затронуты этими воздействиями, за исключением Чехословакии и Польши, однако события в них относительно мировой социалистической системы в целом носили все же периферийный характер.

Но уже на следующей стадии глобализации (1980–1990-е годы) наиболее критическому воздействию подверглись именно социалистические государства. И это воздействие стало для них роковым: запоздалые попытки придать бóльшую гибкость политическим системам этих стран лишь ускорили крах.

Нынешняя стадия глобализации (с начала 2000-х годов по настоящее время) подвергает политические структуры и политические системы новым рискам, среди которых следующие.

1. Беспрецедентная по своим масштабам и возможностям угроза терроризма в связи с коммуникационными возможностями мгновенного преодоления любых пространств, просачивания на любую территорию, доступа к средствам массового поражения и возможности использования в качестве таковых транспортных средств, производственных, инфраструктурных и энергетических объектов, включая атомные электростанции, плотины, химические производства и проч. При этом на первый план выходит медийная сторона терроризма, которая собственно и придает его воздействию глобальный характер, что с наибольшей наглядностью продемонстрировали события 11 сентября 2001 г.

Причем сам терроризм, по крайней мере в своем наиболее актуальном джихадистском варианте, претендует именно на глобальную роль, что проявляется не только в проекте всемирного хали-

---

¹⁰ В США уже в администрации Дж. Картера в качестве советников президента нашли место некоторые участники молодежного протестного движения, а впоследствии один из участников антивоенного движения Б. Клинтон стал президентом страны. Еще более широко бывшие участники молодежного протестного движения оказались представлены в правящих кругах Западной Европы. Достаточно назвать такие фигуры, как бывшие английские премьер-министры Т. Блэр и Г. Браун, бывший канцлер ФРГ Г. Шредер и министр иностранных дел его правительства Й. Фишер. Все они отдали дань участию в молодежном протестном движении. А один из наиболее ярких лидеров майского молодежного восстания в Париже в 1968 г. Д. Кон-Бендит является сегодня депутатом Европарламента от фракции «зеленых».

фата, но и в самом размахе его деятельности, охватывающей большинство значимых государств мира.

2. Не менее актуальная, чем прямая, косвенная угроза со стороны терроризма, заключающаяся в принятии государствами, которые подверглись террористической опасности, мер безопасности и других актов, ведущих к превращению их в «государства-крепости», с соответствующими ограничениями прав и свобод граждан, вмешательством в их личную жизнь, возможностью их немотивированного ареста и применения к ним методов допроса, связанных с насилием над личностью. Эта тенденция была достаточно убедительно показана З. Бжезинским на примере США¹¹, но сходные тенденции проявили себя в политической жизни Франции, Великобритании и ряда других стран, а в России трагедия Беслана в 2004 г. была использована федеральной властью для отмены выборов глав субъектов Федерации.

3. Тенденция трансграничной синхронизации протестных сил, порожденная новыми коммуникационными возможностями. До определенного момента эта тенденция проявлялась в основном через антиглобалистское движение, которое, несмотря на свою широкую разрекламированность, надо признать, затронуло все же относительно узкий сектор международной общественности.

Но уже «цветные революции» на постсоветском пространстве были отмечены значительной степенью скоординированности. Большинство российских аналитиков списывали этот фактор исключительно на искусственную координацию этих действий из единого зарубежного центра¹². Этот элемент в данных событиях, разумеется, был, но он оставлял в тени другую, отнюдь не менее важную сторону вопроса.

¹¹ См.: *Бжезинский З.* Между двумя веками: роль Америки в эру технотроники / пер. с англ. И.М. Максимовой. М.: Прогресс, 1972. С. 227–239.

¹² См.: Цветные революции // Русский эксперт. URL: https://ruxpert.ru/Цветные_революции (дата обращения: 04.09.2020); Цветные революции как следствие дезинтеграции постсоветского пространства. Новые геополитические реалии Союзного государства. URL: <https://www.postkomsg.com/news/various/170014/> (дата обращения: 04.09.2020); *Манойло А.* Цветные революции и проблемы демонтажа политических режимов в меняющемся мире. URL: <http://fondedin.ru/biblioteka/stati/244-andrey-manoylo-cvetnye-revolucii-i-problemy-demontazha-politicheskikh-rezhimov-v-menyayuschemsya-mire.html> (дата обращения: 04.09.2020).

Однако когда тот же подход был перенесен на анализ событий «арабской весны», возникли куда более серьезные сомнения в его правомерности. Если рассматривать эти события в полном объеме¹³, а не выдергивать из контекста лишь отдельные страны, то выяснится, что приписывать США и Западу вообще исключительную роль в организации и координации этих событий, включая волнения в Саудовской Аравии, Иордании, Бахрейне и Кувейте (в последних двух странах спорадически возникающие волнения продолжались достаточно долго), равносильно тому, что обвинять западные государства в суицидальных наклонностях. Еще менее подходят под описание событий, организованных и скоординированных Западом, волнения 2019 г. в Алжире, Судане, Ливане и Ираке.

Отсюда со всей очевидностью следует, что необходимо различать объективный ход событий, включая и технологическую роль в них средств и каналов коммуникации, и то, каким образом те или иные политические силы используют или пытаются использовать эти реалии в своих интересах.

Еще более очевидно это стало в ходе волнений, которые охватили в 2011 г. значительное количество стран за пределами арабского мира, включая США и Западную Европу. Весомую роль в этих событиях сыграла акция «Захвати Уолл Стрит», которая в той или иной форме была растиражирована по многим странам мира. Распространение технологии этой акции через социальные сети носило характер эпидемии. Нельзя не обратить внимание, что волнения 2011 г. имели определенное продолжение и в 2012 г. в ходе протестных движений, охвативших страны Южной Европы — Грецию, Испанию, Италию, Португалию, которые к концу года стали носить все более скоординированный характер.

---

¹³ Опыт такого анализа был предпринят нами в опубликованном в 2011 г. материале. См.: *Труевцев К.М.* Год 2001 — новая демократическая волна? Препринт. М.: Изд. дом ВШЭ, 2011. На наш взгляд, он вполне согласуется с подходом ведущих советских арабистов. См.: *Васильев А.М.* От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. М.: ЦентрПолиграф, 2018. С. 472–517; *Наумкин В.В.* Вместо предисловия. Круговорот Арабского пробуждения // Ближний Восток. Арабское пробуждение и Россия: что дальше? М.: Ин-т востоковедения РАН, 2012. С. 3–20; *Филоник А.О.* Вокруг «арабской весны»: социально-экономические процессы в арабском мире (общее и особенное) // Ближний Восток. Арабское пробуждение и Россия... С. 32–71; *Мирский Г.И.* «Арабская весна» между Америкой и «Аль-Каидой» // Ближний Восток. Арабское пробуждение и Россия... С. 117–130.

Таким образом, следует констатировать, что на нынешней стадии глобализации тенденции транснациональности, трансграничности протестных движений, организованных и координируемых через средства массовой коммуникации, прежде всего через Интернет, приобретают все более широкое распространение, становясь одним из закономерных явлений переживаемого периода.

4. Тенденция фрагментации многосоставных государств¹⁴. Эта тенденция, которая на предыдущем этапе (1990-е годы) ознаменовалась распадом ряда федеративных государств — СССР, Чехословакии, Югославии, сегодня таит в себе реальную угрозу приобрести если не тотальный, то по крайней мере очень широкий характер, охватив многие государства Европы, Азии, Африки и Америки¹⁵.

Прецедент, который был создан отделением Косова от Сербии, был использован Россией после августовской войны с Грузией в 2008 г. посредством признания двух из четырех ранее непризнанных государств на постсоветском пространстве — Абхазии и Южной Осетии, будет практически неизбежно использован в отношении Приднестровья в случае объединения Молдавии с Румынией или вступления ее в НАТО, причем даже на самой ранней стадии начала такого процесса. Причем угроза дальнейшего распада Молдавии продолжала усиливаться после состоявшегося 4 февраля 2014 г. референдума в Гагаузии, к которому фактически присоединился также населенный болгарами Тараклийский район на юге страны, эта же тенденция назревала и в районе г. Бельцы на севере. Дело идет и о возможности признания рядом латиноамериканских стран Нагорного Карабаха.

---

¹⁴ Здесь мы несколько расширительно употребляем термин, впервые использованный А. Лейпхартом (см.: *Лейпхарт А.* Демократия в многосоставных обществах. М.: Аспект Пресс, 1997), имея в виду государства, общества которых разделены по этническому, профессиональному, этноконфессиональному и федеративному принципам.

¹⁵ Применительно к ближневосточным государствам этот процесс основательно рассмотрен в ряде работ академика В.В. Наумкина. См.: *Наумкин В.В.* Насильственные конфликты и внешнее вмешательство на Ближнем и Среднем Востоке через призму теории глубоко разделенных обществ // Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития. Сер. Российская политическая наука. Истоки и перспективы / под общ. ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: Аспект Пресс, 2016. С. 415–443.

Ярким проявлением тенденции распада многосоставных государств явился украинский кризис. Причем, как и в случае с Грузией, он показал, что отказ от федерализации и попытка построения унитарного национального государства в условиях реальной полиэтничности, акцентированной к тому же на региональном уровне, только усилили центробежные тенденции, объективно назревавшие в течение всего периода украинской независимости. Отделение Крыма, война в Донбассе стали характерными чертами распада государственности, построенной на основе перечисленных подходов.

Если говорить о европейском континенте, процесс вовсе не ограничился территорией бывшей Югославии и постсоветским пространством. Тенденция распада Бельгии как единого государства долгое время парализовала деятельность ее правительства. В Великобритании прошел референдум о независимости Шотландии, и, хотя он закончился поражением сторонников независимости, число их оказалось столь значительным, что его результаты все равно будут иметь далеко идущие последствия¹⁶. Испания, десятилетиями ведшая борьбу против баскских сепаратистов, столкнулась с произошедшим фактически (хотя и формально запрещенным) референдумом в Каталонии, на котором за независимость проголосовало уже большинство участников¹⁷, а теперь тенденция к сепаратизму нарастает уже и в Галисии¹⁸. Волна сепаратизма затронула даже такие, казалось бы, монолитные страны, как Италия и Германия, где возникла потенциальная угроза отделения соответственно

¹⁶ 18 сентября 2014 г. в Шотландии прошел референдум, в ходе которого ее жители решали, должен ли регион остаться в составе Великобритании или стать независимым государством. По последним данным, за сохранение единства Соединенного Королевства проголосовали 55,3% граждан (2 001 926 человек), против — 44,7% (1 617 989) (см.: URL: <https://ria.ru/20140919/1024799086.html> (дата обращения: 04.09.2020)). После голосования в Британии по выходу из ЕС вновь встал вопрос о проведении повторного референдума в Шотландии, поскольку там, в отличие от Англии, большинство проголосовало за сохранение в составе ЕС (см.: URL: <https://www.dw.com/ru/шотландия-планирует-новый-референдум-о-независимости-до-2021-года/a-48464846> (дата обращения: 04.09.2020)).

¹⁷ Более 90% проголосовавших на референдуме в Каталонии высказались за независимость региона от Испании. Всего в голосовании приняли участие 2,26 млн избирателей из общего числа 5,3 млн. URL: <https://www.interfax.ru/photo/3575/37159> (дата обращения: 04.09.2020).

¹⁸ *Филатов Г.* Каталония, Страна Басков и Галисия: сепаратистские тенденции в начале XXI века. URL: https://www.imemo.ru/publications/periodical/meimo/archive?article_id=8886 (дата обращения: 04.09.2020).

Северной Италии и Баварии. Разумеется, большинство этих сепаратистских проектов пока что находится в гипотетической плоскости, но они демонстрируют общую тенденцию.

На этом фоне уже не кажутся чистой фантастикой и спекуляции по поводу гипотетического распада США: сегодня уже в семи штатах, включая такие важные, как Техас, Алабама и Айова, собраны подписи за выход из федерации.

Однако, если в развитых странах этот процесс, даже если он примет широкомасштабный и при этом необратимый характер, все же имеет значительные шансы остаться в рамках того, что принято называть «цивилизованным разводом» (т.е. пойти по чехословацкому, а не по югославскому сценарию), то в большом массиве азиатских и африканских стран, в том числе в государствах арабского мира, его развитию могут сопутствовать куда более мрачные прогнозы.

Одним из наиболее негативных последствий «арабской весны» стал фактический распад ливийского государства, который угрожает и далее сопровождаться длительным, возможно, многолетним межрегиональным и межплеменным противостоянием. Прямыми следствиями ливийских событий стали раскол Мали и появление на ее территории исламистского очага, что создало в центре Африки и в подбрюшье арабского мира ситуацию, схожую с той, что была в Афганистане в период правления талибов. Малийский очаг затрагивал интересы практически всех стран Северной, Западной и Центральной Африки, тая в себе угрозу их внутреннему единству.

Схожая ситуация складывалась в Сирии и вокруг нее. Во-первых, как отмечали некоторые арабские аналитики, в частности профессор Бейрутского университета, депутат ливанского парламента Али Файяд, складывавшаяся в стране патовая ситуация, когда ни одна из противоборствующих сторон не в состоянии одолеть другую, вела к разделению по этноконфессиональному принципу на две части — арабо-суннитскую, с одной стороны, и включающую все остальные конфессиональные и этнические группы, с другой, с возможным территориальным закреплением этого раскола¹⁹.

Во-вторых, задействование курдского фактора в сирийско-турецком противостоянии привело к фактическому образованию

¹⁹ Выступление А. Файяда в НИУ ВШЭ 15 ноября 2012 г.

курдской территориальной автономии с поголовно вооруженным населением и предоставлением сирийского гражданства турецким курдам. Эта территориальная автономия, являющаяся естественным географическим продолжением турецкого и иракского Курдистана, могла открыть путь к созданию единого курдского национально-государственного очага, неподконтрольного ни одному из соответствующих государств, чего, однако, по ряду причин не произошло и вряд ли произойдет в обозримом будущем. Но явившаяся одним из следствий развития событий в курдском ареале трансграничность вооруженных отрядов турецкой Рабочей партии Курдистана (РПК) стала одним из политических факторов регионального конфликта.

Если к этому добавить, что фактор этноконфессионального противостояния затрагивает не только Сирию и Турцию, но и Ирак, Иран, Саудовскую Аравию и другие страны Персидского залива (а практически все они прямо или косвенно были включены во внутрисирийский конфликт и практически все являются многосоставными), сценарий перерастания этого противостояния в широко-масштабный региональный конфликт стал реальностью начиная с 2012 г., и результаты этого процесса до сих пор продолжают оказывать воздействие на ситуацию в регионе.

Перечисленные тенденции выступают серьезным вызовом существующим политическим структурам, прежде всего институту государства. Трудно назвать страны мира, которые были бы застрахованы от этих вызовов.

А.В. Облонский в книге «Кризис бюрократического государства»²⁰ ставит вопрос еще шире, выделяя причины падения авторитета государства в мире вообще:

«Таких причин немало. Я выделю несколько, не претендуя на полноту перечня:

а) общий подъем политической культуры и политического сознания населения развитых стран, вследствие чего “просвещенные” граждане опасаются усиления государства, видя в этом угрозу возрождения тоталитаризма в новых версиях;

б) связанное с этим снижение уровня доверия к государственным институтам и государству вообще;

---

²⁰ *Облонский А.В.* Кризис бюрократического государства. Реформы государственной службы: международный опыт и российские реалии. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2011.

в) нарастающая неадекватность традиционных государственных институтов и методов управления вызовам современного мира;

г) продолжающаяся вопреки предыдущему фактору экспансия бюрократических амбиций, безосновательно пытающихся представить государство главным “мотором” и действующим лицом всего общественного развития.

В результате совокупного действия этих факторов в последние десятилетия во многих странах, причем самых разных, происходит падение доверия к государственным институтам, в частности к государственному аппарату, упадок престижа госслужбы»²¹.

В течение последних десятилетий в странах Запада и ряде других стран мира серьезно пересматривается роль государства в общественно-политической жизни, его структуры и функций²², государственные институты постепенно трансформируются в направлении их демократизации, усиления горизонтальных связей как внутри самих институтов, так и между ними и обществом, большей открытости и прозрачности системы государственного управления.

Тем не менее и эти государства продолжают сталкиваться с перчисленными вызовами глобализации и, как было уже показано в этой работе, нередко запаздывают с реакцией или неадекватно реагируют на них. Но особенному риску в этих условиях подвергаются государства с жестко организованными вертикальными структурами, а это прежде всего страны с авторитарными режимами.

---

²¹ Там же. С. 16.

²² Там же. С. 45–46.

Глава 3

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ: ИЗМЕНЕНИЕ ХОДА ПРОЦЕССА И ХАРАКТЕРА РЕГИОНАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ

Современная система международных отношений в том виде, в каком она складывалась после создания ООН в 1945 г., практически сразу стала приобретать и региональное измерение. Первоначально в рамках структуры ООН оно имело довольно простое решение: деятельность ООН была разделена на пять географических регионов — Африка, Америка, Азия и Тихоокеанский регион, Европа и Центральная Азия, Ближний Восток¹. Изначально, впрочем, ООН приняла довольно простую и понятную классификацию на пять макрорегионов, исходя из континентального принципа (Европа, Азия, Африка, Америка, Австралия и Океания), которые, в свою очередь, тоже делились по географическому принципу².

Реальная же регионализация, которая изначально пошла по пути создания международных региональных организаций, развивавшихся, впрочем, в рамках ооновской системы (они регистрировались в качестве таковых в ООН), стала изначально вносить коррективы в понятие «регион»: рамки географического и политического региона стали не всегда совпадать. Так, уже первая зарегистрированная в ООН региональная организация «Лига арабских государств» (ЛАГ), созданная в 1945 г., изначально включала шесть стран, находящихся в Азии, и одну, расположенную в Африке.

¹ URL: <https://www.un.org/ru/sections/where-we-work/> (дата обращения: 04.09.2020).

² Geographic Regions. United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Statistics Division. URL: <https://unstats.un.org/unsd/methodology/m49/> (дата обращения: 04.09.2020).

По мере освобождения арабских стран от колониализма расширился и состав ЛАГ, причем за счет как азиатских, так и африканских государств.

Ряд международных региональных организаций, таких как Организация Американских государств, Африканский Союз, Совет Европы, носит общекомконтинентальный характер. Хотя их уставы, как правило, включают вопросы экономики, культуры, здравоохранения и проч., основной их прерогативой было и остается регулирование региональных политических отношений.

Однако столь крупный формат организаций не обеспечивал более тесного, интегрального характера сотрудничества, когда в нем возникала потребность.

Конец 50-х и 60-е годы XX в. ознаменовались попытками создания тесных региональных союзов на близкой идеолого-политической основе, таких как Союз африканских государств в составе Ганы, Гвинеи и Мали (1958–1962) на основе близости этих левопопулистских режимов, Объединенная Арабская Республика в составе Египта и Сирии (1958–1961), Федерация арабских республик (1972–1977) на основе идеологии арабского национализма. На практике все союзы подобного рода, однако, оказались недолговечными. Единственным исключением стала созданная в 1967 г. на антикоммунистической основе Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), однако условием сохранения и дальнейшего развития этого союза стал коренной пересмотр принципов его устройства и функционирования.

Примечательно, что развитие регионального экономического сотрудничества в этот период было в доминирующей степени обусловлено биполярным устройством миропорядка. Поэтому наиболее развитые формы региональной экономической интеграции осуществлялись в рамках двух ведущих мировых систем — в Европейском экономическом союзе (ЕЭС) в Западной Европе и Совете экономической взаимопомощи (СЭВ) в Восточной.

Однако уже в 1970-е — начале 1980-х годов тенденция развития регионального взаимодействия на основе экономического фактора (с добавлением к нему силовой составляющей) стала проявлять себя в различных регионах мира. Эта тенденция выступала в форме зачатков региональных кластеров вокруг наиболее развитых экономически и финансово, а также в структурно-политическом,

военном и геодемографическом отношении (размер территории и населения) государств региона. В Южной Америке на эту роль претендовала Бразилия, в Центральной — Мексика, в Африке — Египет, Нигерия, ЮАР, в Восточной и Южной Азии — Япония, Индия, Китай, на Среднем Востоке — Иран. Именно в этот период в политический лексикон входит понятие региональной державы как драйвера регионального развития.

В начальный период развертывания глобализации, который совпал с ликвидацией биполярной системы мироустройства, произошел коренной поворот в развитии региональных сообществ. На передний план вышли сообщества, базирующиеся на принципах региональной экономической интеграции. Ведущее место среди них занял Европейский экономический союз, вовсе не случайно преобразованный в этот период в Европейский союз (ЕС), что ознаменовало его переход от чисто экономической к политической интеграции.

Напомним, что ЕС был создан в 1957 г. на основе Европейского объединения угля и стали и включал те же шесть стран: Западную Германию, Францию, Италию, Бельгию, Нидерланды и Люксембург. За время своего существования он пережил семь расширений (1973, 1981, 1986, 1995, 2004, 2007 и 2013 гг.) и сегодня насчитывает 28 государств — подавляющее число стран Западной, Северной, Центральной и Южной Европы. Наиболее крупным стало расширение 2004 г., когда в его состав влилось 10 стран, а всего за период пост-биполярного мира его состав увеличился более чем вдвое — на 16 стран (если же считать с формального начала глобализации, по Т. Левиту, для ЕС — с 1986 г., тогда увеличение составило 19 стран, т.е. более чем втрое). Иначе говоря, превращение ЕС в то, чем он является теперь, — экономический, территориальный и демографический гигант, пришлось именно на период развертывания глобализации.

Но еще более, чем количественные, важны качественные параметры развития ЕС, превратившие его не только в единую экономическую и финансовую зону, но и в полноценный политический союз.

Здесь также важно перечислить последовательные шаги, которые привели к этому:

- создание европейской валютной системы (1973 г.);
- создание Европейского парламента (1979 г.);

- создание единой пограничной и таможенной зоны — Шенген (1985 г.), сегодня в Шенгенскую зону входит 26 стран;
- принятие Единого европейского акта, определившего принципы экономического и политического сотрудничества (1986 г., вступил в силу в 1987 г.);
- введение евро как единой расчетной единицы (1992 г., в наличном обращении — с 2002 г.), зона евро включает 19 стран;
- формирование единого европейского рынка на основе принципа «четырёх свобод» — свобода передвижения товаров, услуг, финансов и людей (1992 г.);
- вступление в силу Маастрихтского договора о создании ЕС (1992 г.);
- подписание Лиссабонского договора, утвердившего правосубъектность ЕС и фактически создавшего основы конституционного порядка в нем (2007 г., вступил в силу в 2009 г.)³.

В результате ЕС превратился в полноценного субъекта политической жизни, международных отношений и, если угодно, глобального миропорядка. Его нельзя полностью описывать как единое государство, хотя ряд структур, присущих государству, в нем присутствует: Европарламент; Евросовет, фактически исполняющий функции верхней палаты парламента и ряд функций исполнительной власти; Еврокомиссия, осуществляющая решение текущих задач исполнительной власти; Председатель Еврокомиссии, осуществляющий функции премьер-министра; Суд Евросоюза. Таким образом, внутри ЕС полностью сформированы все основные ветви власти — законодательная, исполнительная и судебная. Вместе с тем отсутствует ряд структур, функций и прерогатив, таких как, например, силовые структуры и, соответственно, функция монополии на насилие, что и не дает возможности характеризовать ЕС полностью как модель государства. Но это не препятствует рассматривать Евросоюз в качестве полноценной политической системы.

Таким образом, с возникновением ЕС как политического субъекта впервые возникла модель региональной политической системы, выходящей за рамки традиционной Вестфальской (в дальнейшем развитии — Версальской, Версальско-Вашингтонской или, если угодно, Версальско-Вашингтонско-Потсдамской) системы меж-

³ Как работает Евросоюз. 12 пунктов о самом главном. URL: <https://www.kommersant.ru/projects/eu> (дата обращения: 04.09.2020).

дународных отношений. Можно с достаточным основанием утверждать, что именно модель ЕС послужила толчком к развитию этой новой формы регионализации, и по пути этой модели (региональных интеграционных сообществ) стала развиваться регионализация в различных частях мира (хотя ни одно другое региональное сообщество и не повторило полностью черты Евросоюза).

Наиболее полная картина развития региональных интеграционных сообществ наблюдается на Американском континенте. В Северной Америке это подписанное в 1992 г. и вступившее в силу в 1994-м Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА), которое включает три крупнейших североамериканских страны — США, Канаду и Мексику. В Южной и Центральной Америке это: 1) Меркосур — южноамериканский общий рынок, включающий Аргентину, Бразилию, Уругвай и Парагвай (создан в 1991 г., однако функционировать начал с 1995 г.); 2) Андское сообщество — одно из самых первых интеграционных объединений в регионе (создано в 1969 г., но активно функционировать начало с 1989–1990 гг.), включает Боливию, Колумбию, Эквадор и Перу, в 2003 г. Андское сообщество и Меркосур заключили меморандум о свободной торговле; 3) Боливарианский союз для народов нашей Америки — АЛБА (создан в 2004 г.), включает 10 стран — Боливию, Венесуэлу, Кубу, Никарагуа, Доминику, Антигуа и Барбуда, Сент-Винсент и Гренадины, Сент-Люсию, Гренаду, Сент-Китс и Невис (до 2018 г. — Эквадор); 4) Карибское сообщество (КАРИКОМ), по времени создания в 1973 г. является вторым после Андского сообщества, однако, учитывая предшествовавшую ему Карибскую ассоциацию свободной торговли, — старейшим интеграционным объединением на континенте. Включает 15 небольших островных государств Карибского бассейна.

Таким образом, Американский континент практически полностью охвачен интеграционными объединениями, не входящие в них страны представляют редкие исключения. И хотя большинство этих объединений находится, как правило, на ранних стадиях интеграционного развития, в основном носящих характер зон свободной торговли, имея порой лишь отдельные черты таможенных союзов, всеобщность этой тенденции подчеркивает доминирующий тренд регионального развития. Причем эту универсальность данная тенденция регионального развития приобрела с конца

80-х — начала 90-х годов XX в., а динамика развития значительно активизировалась после 2000 г.

Интеграционные региональные объединения на Африканском континенте также получили определенное развитие. Всего в Африке насчитывается около 10 подобных объединений, наиболее заметны из них: 1) Сообщество стран развития Южной Африки — САДК (создано в 1992 г.); 2) Восточноафриканское сообщество — ЕАС (основано в 1967 г., прекратило существование в 1977 г., возрождено в 2000 г.); 3) Экономическое сообщество стран Западной Африки — ЭКОВАС (основано в 1975 г., но активизировалась его деятельность с 2000 г.); 4) Экономическое сообщество стран Центральной Африки — ЭКОЦАЗ (создано в 1994 г.); 5) Союз арабского Магриба — САМ (создан в 1989 г.).

С формальной точки зрения в них входит подавляющее число стран Африки — 47 из общего количества 54⁴ стран континента. Другое дело, что фактически большинство этих объединений так и не смогло выйти на путь стабильного интеграционного развития, а одно из них — САМ — фактически не функционирует вовсе. Несмотря на объявленные практически во всех этих объединениях амбициозные задачи, ни одному из них не удалось до конца осуществить даже цели первого этапа экономической интеграции — создание зон свободной торговли. Причины этого кроются прежде всего в общих проблемах стран Африки — низком уровне экономического развития, преимущественной монокультурности производства, ориентации на производство сырья и экспорт в развитые страны.

Тем не менее общий тренд на развитие интеграционных региональных сообществ в Африке нельзя недооценивать, как нельзя отрицать и его дальнейшие перспективы. Причем следует отметить, что активизация этого тренда прилась на 1990-е годы — начало XXI в.

Наиболее крупными интеграционными объединениями на Африканском континенте являются ЭКОВАС (15 стран, включая крупнейшее по населению государство Нигерию, общее население — свыше 300 млн человек, совокупный ВВП на 2011 г. — свыше 700 млрд долл.) и САДК (16 стран, включая ЮАР, Анголу, Мозам-

---

⁴ GEO: Страны мира. Страны Африки. URL: https://geo.koltyrin.ru/country_list_africa.php (дата обращения: 04.09.2020).

бик, Демократическую Республику Конго (ДРК), Мадагаскар, Танзанию, общее население — свыше 250 млн человек, совокупный ВВП — свыше 450 млрд долл.).

Тенденции экономической интеграции не обошли Тихоокеанский регион. Здесь можно выделить, к примеру, Союз южно-тихоокеанского регионального торгово-экономического сотрудничества (создан в 1981 г.), в который входит 16 стран — помимо Австралии и Новой Зеландии, очевидно занимающих в нем доминирующее положение, практически все государства Полинезии и Микронезии.

Однако крупнейшим экономическим объединением в регионе стало Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС). Этот форум, созданный в 1989 г., объединяет сегодня 21 экономику (это понятие закрепилось, поскольку Тайвань как член АТЭС не признается рядом стран и прежде всего КНР в качестве отдельного государства, а также потому, что Гонконг, присоединившийся к АТЭС в качестве отдельного члена, будучи британской колонией, остается его отдельным членом, став теперь специальным административным районом КНР). Фактически он превратился в крупнейший центр мирового производства (54% глобального ВВП) и торговли (44% всемирного торгового оборота), являясь при этом крупнейшим по населению регионом мира (около 40%). Появление и развитие АТЭС, формирование количественной структуры которого пришлось на 1989—1999 гг., стало одним из крупнейших факторов реального изменения содержания понятия «регион», поскольку именно с ним в основном и ассоциируется сегодня понятие «Азиатско-Тихоокеанский регион» (АТР), включающий почти все значимые государства американского и азиатского побережья Тихого океана, а также Австралию и ряд островных государств. Стратегическая цель АТЭС — создание в АТР системы свободной торговли и либерального инвестиционного режима. Несмотря на все сложности и препятствия осуществления этой задачи, совершенно очевидно, что интеграционные стимулы уже привели к значимым результатам практически для всех государств региона, что видно даже на примере развития российского Дальнего Востока, хотя Россия была одной из последних стран, присоединившихся к АТЭС (1998 г.).

Одним из наиболее показательных примеров развития региональной интеграции в Азии является Ассоциация государств Юго-

Восточной Азии (АСЕАН). Созданная в 1967 г., скорее, как военно-политический блок для противостояния коммунистической опасности руководством пяти стран (Индонезии, Малайзии, Филиппин, Сингапура и Таиланда с последующим присоединением Брунея), она постепенно стала превращаться в региональную организацию с преобладанием экономического вектора в своем развитии. Но коренной перелом наступил в 1995 г., когда в состав АСЕАН был принят Вьетнам, а за ним — Лаос и Мьянма (1997 г.) и Камбоджа (1999 г.). Тем самым идеолого-политический вектор был исключен из факторов формирования и развития ассоциации, и АСЕАН превратилась в полноценную организацию экономического сотрудничества.

В отличие, например, от Евросоюза, АСЕАН вовсе не отличается гомогенностью с точки зрения характера политического строя и структуры политического устройства входящих в нее государств, что не дает возможности, к примеру, создавать в обозримом будущем сквозные наднациональные политические институты, однако, как оказалось, это не является непреодолимым препятствием для развития полноценной и тесной экономической интеграции.

В АСЕАН с 2002 г. развивается зона свободной торговли, осуществляется инвестиционное и промышленное сотрудничество, активнейшим образом развивается инфраструктура. АСЕАН с населением, превышающим 600 млн человек, совокупным ВВП свыше 2 трлн долл. и торговым оборотом более 3 трлн долл. является одной из крупнейших зон региональной интеграции не только Азии, но и всего мира.

Ряд интеграционных проектов в Азии, таких как Ассоциация регионального сотрудничества Южной Азии — СААРК (создана в 1985 г.), Совет сотрудничества тюркских государств — Тюркский совет (создан в 2009 г.), Центрально-Азиатский совет сотрудничества — ЦАС (создан в 2002 г.), на практике оказались нереализованными, а ЦАС и вовсе был ликвидирован в 2005 г. в связи со вступлением большинства его членов в ЕврАзЭС. Но и эти фактически неосуществленные проекты демонстрируют универсальность тенденции региональной интеграции в Азии.

Отдельного упоминания заслуживает Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), в который вошли Бахрейн, Катар, Кувейт, ОАЭ, Оман и Саудовская Аравия.

Созданный в 1981 г., он планировался прежде всего как экономический союз. Так, в его хартии провозглашалось, что основные цели организации — координация, сотрудничество и интеграция в области экономики, социальной сферы и культуры. Разрабатывались планы и программы экономической интеграции, была даже попытка создания единой финансовой системы с последующим введением единой валюты. Однако в дальнейшем наметилась тенденция развития ССАГПЗ с сторону, противоположную развитию АСЕАН, — в направлении военного союза. Этот аспект деятельности ССАГПЗ проявил себя, в частности, в ходе войны в Йемене и попытках создания антииранской коалиции.

Тенденции региональной интеграции достаточно ярко проявили себя и на постсоветском пространстве. Хотя в течение первого десятилетия после распада СССР в 1991 г. здесь преобладали дезинтеграционные процессы, тем не менее созданный практически сразу за роспуском СССР в декабре 1991 г. Союз Независимых Государств (СНГ) смог по крайней мере смягчить процесс распада. Но не только. В 2011 г. в рамках СНГ создана и продолжает функционировать до сих пор зона свободной торговли. Это, разумеется, низший уровень экономической кооперации, тем не менее в известной мере он явился отправной точкой для развития интеграционных проектов на постсоветском пространстве (хотя некоторые проекты объединения предшествовали по времени оформлению общей для СНГ зоны свободной торговли, однако они всегда были сопряжены с общей ситуацией на пространстве Содружества, учитывая сохранение элементов двух- и многосторонней кооперации, которые, несмотря на стагнацию в постсоветские годы, никогда окончательно не были утрачены).

Это следующие интеграционные проекты: 1) Союзное государство России и Белоруссии — СГРБ (создано в 1996 г.); 2) Организация за демократию и экономическое развитие — ГУУАМ (после выхода из организации Узбекистана — ГУАМ; создано в 1997 г.); 3) Евразийское экономическое сообщество — ЕврАзЭС (создано в 2000 г.), с 2015 г. — Евразийский экономический союз (ЕАЭС).

Деятельность в рамках СГРБ, несмотря на все сложности и противоречия в его развитии, тем не менее за два с лишним десятилетия привела к тому, что взаимодействие между Россией и Белоруссией стало самым тесным на всем постсоветском пространстве.

Обычно обращают внимание на то, что это объединение больше политическое, чем экономическое. Действительно созданы и функционируют Высший государственный совет, Совет Министров и Постоянный комитет Союзного государства. Функции парламента Союзного государства выполняет Парламентское Собрание Союза Белоруссии и России⁵. Происходит постоянная координация и на других административно-политических уровнях. Нередко создается впечатление, однако, что все это носит во многом декоративный характер. Но нельзя не отметить тот факт, что происходит последовательная унификация законодательства, в особенности относящегося к экономической сфере.

Не меньшее внимание следует обратить на происходящее на «нижних этажах» экономического сотрудничества. В региональное сотрудничество вовлечены 80 субъектов РФ и все регионы Белоруссии. Каждое второе белорусское предприятие имеет связи с российскими партнерами. В Белоруссии работает 2,5 тыс. российских компаний, и более тысячи белорусских фирм — в России⁶. Кроме того, следует отметить и функционирование внутри Союзного государства одной из четырех свобод — свободу перемещения людей: паспорта гражданина России и Белоруссии действуют на всем пространстве Союзного государства, граница между двумя странами носит административный характер, фактически между ними сформирован единый рынок труда.

ГУУАМ (ГУАМ), который объединял Грузию, Украину, Азербайджан, Молдавию и некоторое время Узбекистан, создавался как организация, альтернативная интеграционным проектам с участием России. Однако она оказалась нежизнеспособной. С выпадением из нее Узбекистана, утратой интереса к ней со стороны Молдавии и Азербайджана у ГУУАМ практически исчерпался объединительный ресурс.

Другая судьба ожидала третий интеграционный проект на Евразийском пространстве — ЕврАзЭС. Созданный в 2001 г. на основах зоны свободной торговли, он поставил во главу угла принцип не количественного расширения, а прежде всего качественного

---

⁵ Союзное государство: 20 лет совместного развития. URL: https://www.postkomsg.com/history/20years_of_union_state/page726227.html (дата обращения: 04.09.2020).

⁶ Там же.

совершенствования и к 2014 г. выполнил основные задачи, связанные с преобразованием в полноценный таможенный союз с единым экономическим пространством, и в связи с этим в 2015 г. был преобразован в Евразийский экономический союз (ЕАЭС)⁷, состоящий из пяти стран-членов (Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Россия) и одной страны-наблюдателя (Молдавия). Несмотря на то что создание ЕАЭС сопровождалось падением нефтяных цен и введением санкций против Российской Федерации, что повлекло в 2015 г. отрицательную динамику развития, уже последующий период показал эффективность объединения.

С евроазиатским пространством, но уже в более расширенном формате связано развитие еще одного регионального объединения — Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Она была создана в 2001 г. усилиями стран «шанхайской пятерки» — Китая, России, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, с последующим включением в организацию Узбекистана. Первоначально во главу угла ее приоритетов ставились задачи взаимодействия в области безопасности — борьба с терроризмом, экстремизмом, сепаратизмом и наркотрафиком, и лишь затем обозначались цели экономического, научно-технического и культурного сотрудничества. Однако по мере развития организации вопросы экономического сотрудничества стали занимать в ее деятельности все большее место. Этот вектор усилился благодаря включению в организацию Индии и Пакистана в 2015 г., а также в силу растущего сопряжения взаимодействия ШОС и ЕАЭС. Следует обратить внимание, что ШОС является крупнейшей зоной регионального сотрудничества в Евразии, охватывая 60% территории континента и 50% населения земного шара. А если учесть, что странами — наблюдателями в ШОС являются также Иран, Монголия и Белоруссия, странами — партнерами по диалогу — Азербайджан, Армения, Камбоджа, Непал, Турция и Шри-Ланка, а заявку на участие в деятельности организации в качестве наблюдателей подали еще 10 стран, становится очевидным, что в территориальном и демографическом отношении она превратилась в доминирующую зону сотрудничества на континенте.

---

⁷ Информационный портал Евразийского экономического союза. URL: <https://portal.eaeunion.org/ru-ru/public/main.aspx> (дата обращения: 04.09.2020).

Этот обзор развития процесса регионализации в течение последних десятилетий показывает следующее.

Регионализация превратилась в один из важнейших глобальных феноменов современности. И этот феномен носит системный характер. Различными формами регионализации охвачены все без исключения континенты.

Если в первые послевоенные десятилетия регионализация шла преимущественно по пути создания международных региональных политических организаций, то начиная с 80–90-х годов XX в. преобладающей формой ее развития становятся региональные объединения, основанные на различных типах экономической интеграции. Эта тенденция приобрела фактически универсальный характер в первое десятилетие XXI столетия.

Нельзя не заметить, что эта вторая тенденция не просто совпала с развитием процесса глобализации, но стала его органической частью. Иначе говоря, процесс глобализации, по крайней мере в значительной своей части, осуществлялся посредством создания и развития интегрирующихся региональных сообществ.

В свою очередь, структурно-функциональный характер регионализации стал оказывать возрастающее воздействие на ход и результаты процесса глобализации, структуру миропорядка, видоизменяя характер и направления ряда геополитических процессов и создавая новые глобальные феномены, такие как, например, БРИКС, в котором объединились пять геополитических лидеров региональной интеграции (Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка), представляющих основные континенты мира.

Наконец, нельзя не отметить еще одно явление: возникающие в ходе глобализации зоны растущего напряжения образуются там, где либо проваливается регионализация (Ближний Восток, Северная и Транссахарская Африка, ряд районов и стран Азии), либо образуются нерешаемые противоречия между интенсивно развивающимися интеграционными проектами (Украина, Молдавия и ряд других стран, находящихся между орбитами ЕС и ЕАЭС).

Глава 4

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И КОНФИГУРАЦИЯ МИРОПОРЯДКА

На первый взгляд может показаться, что моноцентрическое, однополярное мироустройство соответствует основному вектору и внутренней логике глобализации. Ломая страновые и региональные барьеры, создавая единую мировую систему коммуникации, рынка технологий, обмена и внедрения идей, обрекая всякую политическую, экономическую и духовную замкнутость на практически неминуемую стагнацию, она тем самым должна была закладывать основы нового, единого и вроде бы даже унифицированного миропорядка. К тому же процесс глобализации в последнем десятилетии XX в. сопровождался беспрецедентным и практически неконкурентным распространением либеральных ценностей и демократических форм политической организации, что создавало эффект почти повсеместной гомогенизации политических структур¹ как непосредственной предпосылки упомянутой унификации². При этом простейший логический ход мысли подсказывал достаточно линейный вывод, что такое мироустройство должно быть моноцентричным и именно такая конфигурация миропорядка окажется наиболее прочной, устойчивой и долговечной.

---

¹ Поразительная синхронность, с которой развивались перестройка в СССР и политический процесс в Китае, вплоть до жесткого подавления студенческого выступления на площади Тяньаньмэнь, создавала долго сохранявшееся впечатление, что демократизация в Китае, во многом аналогичная постсоветской, — всего лишь вопрос времени, причем не столь отдаленного. В этом случае такая унификация действительно имела бы в этот период подавляюще глобальный характер.

² Именно в этом смысле (в числе, разумеется, и других причин) Ф. Фукуяма говорил о «конце истории». См.: *Fukuyama F. The End of History and the Last Man*. N.Y.: Free Press, 1992.

Такой вывод, казалось бы, подтверждался и ходом политических событий. После крушения мировой социалистической системы, или, если угодно, мировой советской империи, включая и сам Советский Союз, Соединенные Штаты самым ходом истории были выдвинуты на роль «мирового управляющего», оказавшись в положении единственного глобального центра силы, обладающего беспрецедентной технологической, экономической, финансовой, военной и политической мощью. К тому же последняя включала и наличие в распоряжении США таких глобальных инструментов, как НАТО, основные ключи к управлению ООН, система двух- и многосторонних союзов практически на всех континентах и, наконец, первенствующая роль в управлении мировыми коммуникационными системами. Все эти инструменты остаются в распоряжении США и сегодня, и это означает, что проекция однополярного мира не утратила своего значения по сей день.

Вместе с тем, как показали события первого и второго десятилетий нынешнего века, картина не выглядит столь однозначной.

Следует отметить, что еще в истекшем столетии ряд теоретиков постиндустриального общества и современной глобалистики отчетливо видел наряду с упомянутой тенденцией к унификации, единообразию и моноцентризму антиномичную ей тенденцию дискретности глобальных и локальных процессов, формирования мозаичной, пуантилистской картины современного мира.

Одним из первых на эту тенденцию обратил внимание Г.М. Маклуэн, рассматривая феномен телевизионного новостного потока, мозаичного как по технологии подачи информации, так и по восприятию ее телезрителями, явно показывая, что и то и другое имманентно самой картине современной жизни³. Дискретность мирового процесса просматривается и в книге З. Бжезинского «Между двумя веками»⁴. С наибольшей настойчивостью эту сторону постиндустриального общества акцентировали теоретики постмодернизма, превратив ее в один из основных лейтмотивов своих построений. Отдельного упоминания заслуживает труд С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций»⁵. Будучи полемическим ответом

---

³ McLuhan G.M. *Understanding Media*. 1964.

⁴ Brzezinski Z. *Between Two Ages...*

⁵ Huntington S. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. N.Y.: Simon & Schuster, 1996.

на книгу Ф. Фукуямы, он реабилитировал роль противоречия как движителя истории — но противоречия не между идеологиями и связанными с ними мировыми политическими системами, а между цивилизациями — и тем самым также противопоставил множественность единообразию, плюрализм — моноцентричности.

Все эти, вольные или невольные, констатации дискретности мирового процесса и полицентричности самого политического мира представляются отнюдь не случайными: уже в ходе начального этапа развертывания глобализации две противоположные тенденции стали проявляться во всей своей взаимной противоречивости — сквозь фасад становящегося глобальным «*Rex Americana*» явственно просматривались и контуры многополярного мира⁶.

⁶ Тематике глобализации и структуры миропорядка посвящены три книги одного из крупнейших американских политологов и идеологов внешне-политического курса США З. Бжезинского (см.: *Бжезинский З. Великая шахматная доска. Американское превосходство и его геостратегические императивы*. М.: Международные отношения, 2010; *Он же. Выбор: Мировое господство или глобальное лидерство*. М.: Международные отношения, 2010; *Он же. Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы*. М.: Международные отношения, 2007). Интересно отметить, что если в первой книге, изданной впервые в 1998 г., концепция однополярного мира во главе с США проходит красной нитью через всю работу, то уже в более поздней, написанной в период правления Дж. Буша-младшего, — «Выбор: Мировое господство или глобальное лидерство» картина мира видится ведущему американскому идеологу уже не такой однозначной: «Однако эта беспрецедентная комбинация (глобализации и доминирующей роли США в мире. — *К. Т.*) включает два критически важных фактора, может быть, даже противоречия: во-первых, между динамикой процесса глобализации и заинтересованностью США в сохранении собственного суверенитета и, во-вторых, между демократическими традициями Америки и обязанностями власти. Америка провозглашает плодотворные и отвечающие интересам всего мирового сообщества блага глобализации, но сама соблюдает эти правила главным образом тогда, когда это ей выгодно. Она редко признает, что глобализация расширяет и укрепляет ее собственные национальные преимущества, даже несмотря на то, что эта глобализация порождает бурлящее и потенциально опасное недовольство в мире. Кроме того, американская глобальная мощь противоречит американской демократии, как внутренней, так и экспортированной. Внутренняя американская демократия затрудняет осуществление национальной мощи на международной арене и, наоборот, глобальная мощь Америки может создать угрозу демократии в США. Более того, Америка, считая себя историческим поборником демократии, подсознательно экспортирует демократические ценности по каналам глобализации. Но это порождает в мире ожидания, которые плохо согласуются с иерархическими требованиями гегемонистской державы. В результате действия этой двойственной диалектики Америки все еще необходимо определить собственную роль в мире, причем такую, которая выходила бы за пределы противоречивых факторов глоба-

Особенно наглядно эта взаимопротиворечивость, и даже взаимоконфронтационность, этих двух тенденций проявляла себя в конфликтных ситуациях, которые имели или приобретали глобальное измерение. В последние три десятилетия вплоть до событий «арабской весны» наиболее крупными из таких ситуаций были три: 1) балканский кризис; 2) события 11 сентября и последовавшая за ними афганская экспедиция; 3) оккупация Ирака.

Исход балканского кризиса выглядел как безусловная победа линии США, НАТО и Евросоюза, причем все три субъекта, за исключением отдельных нюансов, выглядели как практически единая, внутренне солидарная сила; четко просматривалась также и лидирующая роль Соединенных Штатов. Однако, если обратить внимание на то, что именно в результате такого исхода балканского кризиса Китай и Россия выпали из общей картины однополярного мира, притом что Китай именно в этот период стал превращаться по ряду параметров во второй по значению страновой центр, а Россия — быстро восстанавливать свое значение в качестве одного из мировых центров, картина не будет выглядеть столь однозначной. Нельзя не отметить и то, что после балканского кризиса (а точнее, уже на его исходе) произошло существенное укрепление Евросоюза как политической силы, явное отмежевание его интересов от интересов Соединенных Штатов и превращение его в самостоятельный мировой центр, гораздо менее зависимый от США и уж, во всяком случае, гораздо менее склонный в каждом случае послушно следовать в фарватере американской политики.

События 11 сентября вызвали широкую волну солидарности с Соединенными Штатами, в стороне от которой не осталась практически ни одна из значимых стран мира. Благодаря этой солидар-

---

лизации — демократии и доминирующей державы» (с. 162–163). Сквозь этот в целом апологетический по отношению к роли США в мире текст явно просматривается констатация факта, прослеживаемого и в других местах книги, — признание неоднозначности однополярной конфигурации мира с доминирующей ролью США и неприятное для американского идеолога видение того, как сквозь эту проекцию однополярного мира начинают проступать контуры многополярности. Этот лейтмотив еще более усиливается в третьей книге, о чем свидетельствует уже само ее название «Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы». И, наконец, в последней книге «Strategic Vision: America and the Crisis of Global Power» (N.Y.: Basic Books, 2008) он указывает на признаки упадка в США, которые были характерны для Советского Союза перед его крушением.

ности оказался столь успешным первый этап военной экспедиции в Афганистане, завершившийся разгромом талибов и созданием коалиционного правительства при поддержке международных вооруженных сил. Вряд ли стоит забывать при этом о ключевой роли, которую сыграли Россия и союзные с ней страны Центральной Азии, не только в тыловом обеспечении операции в Афганистане, но и в прямой помощи, оказанной ими Северному альянсу, без ведущего участия которого взятие Кабула и разгром талибов были бы невозможны. Менее акцентировалась мировыми СМИ тыловая поддержка, оказанная международным силам со стороны Китая, но тем не менее вряд ли стоит и ее обходить вниманием.

При этом и Россия, и Китай, и страны Центральной Азии исходили не только (а в китайском и центральноазиатском случаях, пожалуй, и не столько) из солидарности с США, но и из собственных национальных интересов, которым уже значительное время угрожал международный терроризм с главным очагом в Афганистане, руководимом талибами и Аль-Каидой.

Ирония первых трех лет третьего тысячелетия, ознаменовавшихся трагедией 11 сентября, разгромом талибов, изоляцией штаб-квартиры Аль-Каиды и относительно на тот период умиротворением Афганистана, заключается в следующем.

С одной стороны, формально лидерство США в однополярном мире еще более укрепилось, возросло почти до абсолюта, что как раз и подчеркивалось афганской операцией, планирование и осуществление которой осуществлялось под никем не оспариваемым руководством США и при гармоничном участии (прямом или косвенном) большинства значимых стран и регионов мира. Помимо стран НАТО, России, Китая, Центральной Азии, Пакистана, то или иное место в урегулировании в Афганистане и вокруг него нашлось и Японии, и Индии, и ряду арабских государств, и даже находящемуся с США, мягко говоря, в непростых отношениях Ирану.

С другой стороны (и это вполне можно расценивать как один из важных эффектов глобализации), события 11 сентября впервые после Перл-Харбора продемонстрировали уязвимость США, что само по себе подтачивало и подвергало сомнению абсолютность их мирового лидерства.

С учетом этого обстоятельства разделение ответственности в ходе афганской операции выглядит несколько иначе. Как говорилось

выше, наряду с солидарностью с США здесь имело место и совпадение интересов, стратегическое в отношении глобального терроризма, но лишь тактическое в своем конкретном выражении — поддержке американской политики. Иначе говоря, контуры многополярности здесь почти не проявились эксплицитно, но имплицитное их присутствие лишь усилилось.

Из этой ситуации были сделаны разные выводы.

Тогдашнее республиканское руководство США, явно переоценивая прочность и стратегическую глубину солидарности с Соединенными Штатами, решило использовать этот фактор для нанесения следующего (упреждающего, как оно полагало) удара по терроризму и закрепления своих лидирующих позиций в мире. Именно эти мотивы, а вовсе не утилитарно понимаемый «нефтяной фактор», надо полагать, были решающими при разработке и осуществлении операции в Ираке.

Но тут-то и обнаружилось глубокое расхождение интересов США и других мировых центров, которые, накопив значительный потенциал самодостаточности, не испытывали более потребности в абсолютном лидерстве США (в котором так нуждались, например, Западная Европа периода холодной войны или страны Восточной Европы во время становления посттоталитарной государственности), ни даже в относительном, как гармонизатора международных отношений. В этом смысле вряд ли будет большим преувеличением сказать, что мир вступил в иракскую войну, будучи однополярным, а вышел из нее, по крайней мере относительно, в многополярной конфигурации.

Многополярность современного постиндустриального мира нередко понимается довольно одномерно — как наличие стационарных полюсов в виде крупнейших страновых и региональных центров, вокруг которых формируется геополитическое пространство. Разумеется, этот компонент мировой геополитической конфигурации является очевидным элементом развивающегося миропорядка. Но дело этим не ограничивается. Наряду со стационарными полюсами складываются и полюса подвижные, дрейфующие, в виде региональных и надрегиональных союзов, носящих нередко ситуационный характер, причем границы таких полюсов могут наслаиваться, подобно геологическим платформам, «наезжать» друг на друга. Именно этот фактор придает, пожалуй, наибольшую

динамику многополярности, и во многом именно он создает эффект ее многомерности.

Проявление стационарных полюсов с середины первой декады XXI столетия уже существенным образом изменило характер картины современного мира. Примечательно, что их очертания в известной мере перекликаются с мировой панорамой, обрисованной в книге С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций»⁷, хотя и не полностью совпадают с ней. Действительно в современном мире можно выделить восемь основных полюсов, имеющих в конечном счете в том числе и цивилизационное измерение, — США, Евросоюз, Китай, Япония, Индия, Бразилия, Россия, а вплоть до последнего времени на эту роль претендовал также и исламский мир.

Что касается Китая, Японии, Индии, Бразилии и России, все они еще недавно расценивались, а порой и до сих пор расцениваются как региональные державы, иначе говоря, их вес представлялся достаточным для доминирования в соответствующих регионах, но явно недостаточным для того, чтобы претендовать на статус мировых держав, а в качестве единственной мировой державы выступали Соединенные Штаты. На сегодняшний день такая оценка в отношении упомянутых пяти государств представляется явно недостаточной. Суммарный потенциал каждой из них явно выходит за узкорегиональные рамки, а воздействие на мировую политику приобретает глобальное измерение.

Это достаточно очевидно в отношении Китая, который вышел на второе место в мире по уровню ВВП, третье — по военно-стратегическому потенциалу, превратившись в «мировую мастерскую», и занимает первое место в мире по золотовалютным запасам, а с 2012 г. — первое место и в мировой торговле⁸. Если этого кому-то представляется недостаточным для того, чтобы считать КНР мировой державой, следует обратить внимание на растущее присутствие Китая в АТР, на Африканском и в южной части Американского континента, на постсоветском пространстве, активную роль в решении европейских финансово-эконо-

---

⁷ *Huntington S. The Clash of Civilization...*

⁸ «Китай стал ведущим торговым партнером 127 стран, обогнав Америку, на которую приходится доля торговли 78 государств... Среди этих стран такие союзники США, как Южная Корея и Австралия». *Скосырев В. Китай обходит США в борьбе за рынки // Независимая газета. 2012. 4 декабря.*

мических проблем и, наконец, его позицию крупнейшего кредитора США⁹.

По сравнению с Китаем позиции Японии выглядят более скромными, особенно на фоне экономических и других неурядиц, постигших эту страну в течение последних двух десятилетий. Однако при этом Япония остается третьей экономической державой мира, а по уровню научно-технического и технологического прогресса находится на ведущих позициях, во многом определяя его наиболее перспективные направления. Это обстоятельство во многом обуславливает не только вес и роль Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но и ее инкорпорированность в экономическую и технологическую жизнь США и Западной Европы, технологическое присутствие практически на всех континентах. Помимо всего прочего, как уже показал опыт, уровень технологического развития дает Японии возможность в случае необходимости чрезвычайно быстро наращивать и военный потенциал на тех направлениях, которые по меньшей мере обеспечивают национальную безопасность.

Быстро растущий экономический и военный потенциал Индии уже со всей очевидностью вывел ее за рамки чисто региональной державы, а вхождение в постиндустриальный мир с таким продуктом, как программное обеспечение компьютеров, по экспорту которого она вышла на ведущие позиции, показывает, что страна занимает в современном мире важную нишу, обеспечивающую одно из заметных мест в процессе глобализации. Эти и другие составляющие индийского суммарного потенциала делают ее присутствие в глобальном театре политических отношений все более ощутимым.

Становится все более очевидным и то, что Бразилия, занимающая доминирующие позиции на юге Американского континента, выходит в своем экономическом, технологическом и военно-политическом отношении за его рамки, оказывая растущее влияние на общемировые процессы.

---

⁹ Позицию Китая в качестве по крайней мере экономической сверхдержавы и в этом смысле одного из мировых полюсов признал, в частности, в одной из своих последних работ З. Бжезинский: «Вступление Китая в ВТО способствует возвышению Китая и превращению его в ведущего глобального игрока и центр региональных торговых соглашений с политически напористыми и нетерпеливыми бедными странами» (*Бжезинский З.* Еще один шанс... С. 17).

Несмотря на падение своего потенциала по сравнению с СССР, Россия лишь на короткое в историческом измерении десятилетие опустила на противоестественное для нее место региональной державы. Противоестественное — хотя бы потому, что даже с географической точки зрения ее значение никак не может ограничиваться чисто региональными рамками. Являясь крупнейшей по площади страной мира, которая занимает значительные территории двух континентов и непосредственно граничит с третьим, выходит в акватории трех из четырех мировых океанов, она просто в силу обеспечения собственной национальной безопасности вынуждена выходить на уровень мировой политики.

При этом даже в том сложном политическом, экономическом и социальном положении, в котором она находилась в первое десятилетие постсоветского существования, в военно-стратегическом отношении Россия продолжала оставаться второй по своему потенциалу державой мира. Причем дело не только в количестве: военно-стратегический потенциал России был и остается таким, что обеспечивает ей ракетно-ядерный паритет с США, паритет взаимного гарантированного уничтожения, причем в последние годы происходит быстрое количественное и качественное наращивание российского стратегического потенциала, в результате чего не только практически устранен намечавшийся по ряду параметров в течение двух последних десятилетий диспаритет с США, но и серьезно обновлен ряд сегментов стратегических вооружений, которые уже сегодня вызывают растущую озабоченность США и НАТО.

Сейчас, когда экономический потенциал России относительно восстановлен, — по крайней мере до такой степени, что она вышла на одно из первых мест по золотовалютным резервам, по ряду позиций выходит на колею технологического обновления, а положение ресурсной сверхдержавы¹⁰ дает потенциальные возможности дальнейшего развития — возвращение ее в ранг мировой державы можно считать в достаточно определенной мере свершившимся фактом¹¹.

---

¹⁰ Этот статус России признают и ведущие американские аналитики: «Россия использует свои нефтяные и газовые ресурсы, чтобы занять прочные позиции энергетической сверхдержавы» (*Бжезинский 3*. Еще один шанс... С. 17).

¹¹ Эти черты России были отмечены, в частности, еще в 2001 г. в докладе «Между прошлым и будущим: Россия в трансатлантическом контексте», представленном рядом видных представителей российской академической

Особенность Евросоюза в том, что он представляет собой наднациональное, надстрановое объединение, в наиболее завершенном виде олицетворяющее принявшую глобальный характер тенденцию становления региональных объединений, поскольку он стал пока единственным, где интеграционный процесс принял не только торгово-экономический, но и политический характер. Сегодня, когда ЕС переживает один из наиболее критических периодов, особенно слышны голоса скептиков по поводу перспектив его развития и даже просто дальнейшего существования. Стоит, впрочем, напомнить, что это далеко не первый такой критический момент, а скептицизм неизменно сопровождал этот интеграционный проект со времени его зарождения в виде Объединения угля и стали и в дальнейшем, когда стали обрисовываться контуры Европейского экономического союза.

Сегодняшняя реальность, однако, такова, что ЕС представляет собой относительно гомогенное не только в экономическом, но и в политическом отношении наднациональное объединение с единой законодательной и обретающей все более отчетливые

науки — В.В. Журкиным, А.А. Кокошиным, Н.П. Шмелевым, В.М. Мильштейном, С.М. Роговым и др. (позже изданным в виде книги с аналогичным названием). «Во-первых, Россия была и остается вместе с Соединенными Штатами ядерной сверхдержавой. Их стратегический ракетно-ядерный потенциал многократно превосходит возможности всех других держав, обладающих ядерным оружием, вместе взятых. Несмотря на все экономические трудности, переживаемые Россией, это соотношение сохранится, как минимум, на ближайшее десятилетие. Во-вторых, в ходе развернувшейся антитеррористической кампании четко выявилось, насколько велика роль России в борьбе против международного терроризма. В-третьих, Россия была и остается на весьма дальнюю перспективу мощнейшим производителем всех основных видов энергоресурсов... По мере экономического подъема Россия будет набирать силу и как экспортер современной промышленной, прежде всего наукоемкой, продукции. В-четвертых, развитие рыночной экономики в России призвано расширить сферу современного мирового хозяйства и послужить позитивным вкладом в процессы его глобализации. Россия является растущим рынком для ведущих стран Запада — государств Европы и США, а также Китая, Японии, Индии и других крупных стран Востока... В-пятых, геополитическое значение России диктует необходимость как минимум считаться с ней» (*Журкин В.В. Между прошлым и будущим: Россия в трансатлантическом контексте.* URL: www.ieras.ru/pub/ZhurkinV_1.txt (дата обращения: 04.09.2020)). Следует отметить, что за истекшие годы эти характеристики не только не утратили своего значения, но некоторые из них существенно усилились, а другие, как, например, ядерный потенциал, сохранились не только в своем абсолютном, но и относительном значении.

очертания исполнительной властью, едиными границами, расширяющейся зоной единой паспортной системы и единой валюты. По суммарному экономическому и экспортному потенциалу он занимает второе место в мире, серьезно приблизившись к США. А введение евро создало новую ситуацию, когда впервые за послевоенный период появился реальный конкурент доллара в виде мировой резервной валюты. Все это, несомненно, придает Евросоюзу черты одного из важнейших мировых полюсов.

Что касается политической стороны вопроса, здесь все менее однозначно. В области политической стратегии ЕС в ряде решающих случаев продолжает выступать абсолютно солидарно с США в рамках общего евроатлантического курса. Так было, в частности, в период «арабской весны», что особенно ярко проявилось в ходе военной экспедиции НАТО в Ливию, где структуры Северо-Атлантического блока сыграли не только косвенную, но в отдельных эпизодах и прямую роль в операции по свержению М. Каддафи. Такая же солидарная роль и координация действий прослеживаются в отношении сирийского режима, а также в ходе украинского кризиса и санкционной войны с Россией.

Вместе с тем уже в течение первого десятилетия XXI в. наметилось и продолжает углубляться расхождение между США и Евросоюзом по ближневосточному конфликту, сердцевиной которого является израильско-палестинское противостояние. Яркой демонстрацией этого стало голосование по предоставлению Палестине статуса государства — наблюдателя в ООН, в ходе которого США солидарно с Израилем голосовали против, а Евросоюз (за единственным исключением Чехии) практически единодушно проголосовал за признание Палестины¹².

К концу второго десятилетия нынешнего века расхождение интересов США и ЕС значительно усилилось по целому ряду экономических и политических параметров. Это проявилось, в частности, в отношении Ирана¹³, в обострении противоречий вокруг

---

¹² Новости ООН. 2012. 22 ноября. URL: <https://news.un.org/ru/story/2012/11/1213771> (дата обращения: 04.09.2020).

¹³ Выход США из ядерной сделки с Ираном был единодушно осужден Германией, Францией и Великобританией, сохранившими свою приверженность договору с ИРИ. Общую негативную реакцию лидеров ЕС вызвала также ликвидация по приказу президента США одного из лидеров Корпуса стражей исламской революции Ирана Касема Сулеймани в январе 2019 г.

германо-российских газовых проектов¹⁴, кризиса в НАТО, который французский президент Э. Макрон охарактеризовал как «смерть мозга»¹⁵.

Когда исламский мир выделяли в качестве одного из мировых полюсов, это вызывало определенные, и нельзя сказать, что необоснованные, сомнения. Действительно, с одной стороны, это обширнейший регион, который простирается от Атлантического океана до южной части тихоокеанского побережья с населением более миллиарда человек, являющихся наследниками великой цивилизации и связанных в своем большинстве глубокой, иногда доходящей до фанатизма верой в свою религию и в свое историческое предназначение, однако с другой — это конгломерат чрезвычайно разных по любым меркам государств, терзаемых клубком внутренних, межстрановых, межрегиональных и межконфессиональных противоречий. Кроме того, вопрос стоит и о том, насколько эти страны не то чтобы уже вписались, а вообще в состоянии в обозримом времени вписаться в постиндустриальную эпоху. Причем речь не только о наиболее бедных и отсталых странах, таких как, например, Сомали, Мавритания или Йемен, которые по уровню душевого дохода и социально-экономического развития стоят практически в одном ряду только со странами Тропической Африки и наиболее бедными островными государствами Тихоокеанского и Карибского бассейнов. Даже в отношении богатых стран, таких как Саудовская Аравия, Кувейт, Катар, ОАЭ, или стран среднего уровня развития, таких как Египет, Тунис, Алжир, Марокко, Иордания, Пакистан, Бангладеш и др., актуален вопрос о том, в какой мере они могут стать субъектами, а не только объектами глобализации — хотя бы в состоянии ли они производить, а не только потреблять высокотехнологичные продукты.

И все же существовал ряд серьезных аргументов в пользу того, чтобы считать исламский мир одним из глобальных полюсов. В первую очередь, это характерная для каждого из мировых полюсов тенденция к расширению своего геополитического пространства. Причем

¹⁴ Германия назвала вмешательством санкции США против «Северного потока-2» // РБК. Политика. 2019. 21 декабря. URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/12/2019/5dfdc5589a794707fccbba2> (дата обращения: 04.09.2020).

¹⁵ «Смерть мозга». Макрон поставил НАТО диагноз и предостерег Россию от дружбы с Китаем. 2019. 8 ноября // ТАСС. URL: <https://tass.ru/opinions/7094512> (дата обращения: 04.09.2020).

экспансия исламского мира по своим масштабам была сравнима разве что с китайской, а в физическом, самом прямом геополитическом смысле, очевидно, и превосходила ее. Во-вторых, это расширение ареала исламского мира в сторону Тропической Африки, происходящее чрезвычайно быстрыми темпами и не имеющее четко очерченных пределов (в отличие, например, от Евросоюза, где пределы расширения начинают отчетливо проступать). В-третьих, это реисламизация значительной части постсоветского пространства — Центральной Азии, Азербайджана, Северного Кавказа и Поволжья (Татарстана, Башкирии), а также Балкан (Албании и Боснии). Наконец, в-четвертых, это постоянное расширение присутствия исламских иммигрантских масс в Западной Европе, внутри России и пока в меньшей степени — на Американском континенте¹⁶.

Наличие природных ресурсов (для исламского мира это прежде всего нефтегазовые богатства) само по себе еще не создает современного ресурсного потенциала, однако стоит приглядеться к тому, что происходило с их прямым производным — финансовым потенциалом исламского мира. Именно по этому параметру — не просто наличию финансов, а участию в мировых финансовых потоках — наиболее богатые страны исламского мира (прежде всего Саудовская Аравия, ОАЭ, Кувейт, Катар и Оман, но в известной мере также Индонезия и Малайзия) играют значительную, не всегда достаточно оцененную роль в глобальном торгово-финансовом обороте, исламские банки занимают значительное и растущее место не только в региональной, но и в мировой финансовой системе, присутствуя в большинстве ведущих стран планеты, а целый ряд представителей перечисленных стран стал органической частью мировой финансовой элиты.

Именно это обстоятельство и являлось одним из главных вкладов исламского мира в процесс глобализации и возможной предпосылкой его вхождения (по крайней мере, наиболее развитой своей частью, что для Малайзии, к примеру, уже стало реальностью, а для Турции — достаточно близкой перспективой) в постиндустри-

---

¹⁶ Более подробно проблема субъектности исламского мира рассматривается, в частности, в статье: *Наумкин В.В., Кузнецов В.А.* Исламский мир и исламские организации в современной мирополитической системе // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2013. № 4. С. 30–56.

альный мир. Однако результаты региональных конфликтов, охвативших значительную часть исламского мира, такие как раскол исламского дискурса, провалы интеграционных процессов, снижение глобального веса ядра исламского мира и расползание его частей по различным региональным и глобальным трендам, привели к тому, что на пороге третьего десятилетия XXI в. характеристика исламского мира в качестве одного из глобальных полюсов стала вызывать растущие сомнения.

Одной из очевидных характеристик многополярного мира выступает разнохарактерность описанных полюсов — до такой степени, что современная многополярность вряд ли поддается ранжированию, за исключением выделяющейся роли США, что и способствует сохранению наряду с многополярной проекции однополярного мира. Однако последняя имеет тенденцию к ослаблению, в то время как многополярная проекция усиливается.

Ряд аналитиков считает, что мультиполярный тренд не только снижает уровень предсказуемости развития мировых событий, но и таит в себе усиливающуюся конфликтогенность современного мира. Подобную точку зрения высказывал, в частности, директор Института США и Канады РАН С.М. Рогов¹⁷.

Совершенно очевидно, что такой подход не лишен логики и имеет исторические обоснования. В частности, тот же С.М. Рогов отмечал, что сегодняшняя ситуация напоминает ему ту, что складывалась в Европе в XIX в. после Венского конгресса 1815 г. и в итоге привела к мировому конфликту¹⁸.

Достаточно очевидно и то, что в последние десятилетия наметилась явная тенденция к усилению локальных конфликтов, причем таких, в которых, как правило, оказываются задействованы США и другие крупнейшие державы, что порождает возрастающую тревогу мировой общественности по поводу возможности глобального конфликта.

¹⁷ «Все мы, как известно, долго жили в двухполярном мире, — отмечал он, — сейчас он возвращается к многополярности. Но в этом многополярном мире полностью отсутствуют “правила игры”, нет системы коллективной безопасности, малоэффективна ООН... И поэтому многополярность, к которой мы возвращаемся, вполне можно охарактеризовать как “многополярный хаос”». См.: Ближний Восток меняет свое лицо. Круглый стол в Институте Африки РАН // Азия и Африка сегодня. 2007. № 2. С. 11.

¹⁸ Там же.

Вместе с тем в преддверии такого конфликта многополярность сменялась тенденцией к биполярности, что характерно для многих исторических периодов, не исключая и периодов в преддверии и самого течения обеих мировых войн XX в. Что касается устойчивости биполярной системы ялтинского мира, просуществовавшей с 1945 по 1991 г., вряд ли стоит забывать, что она базировалась на «равновесии страха» — на ядерном, а затем ракетно-ядерном паритете СССР и США, на концепции гарантированного взаимного уничтожения в случае глобального конфликта.

Это «равновесие страха» как фактор снижения вероятности глобального конфликта никуда не исчезло и в нынешнем многополярном мире. Однако снижение угрозы глобального конфликта основывается еще и на том, что многополярность в условиях глобализации носит многомерный характер, не ограничиваясь только наличием обозначенных выше стационарных полюсов.

В качестве глобальных полюсов, помимо этого, выступают различные международные объединения, выходящие за рамки региональных организаций либо охватывающие столь обширные регионы, что они приобретают глобальные измерения. Разумеется, в качестве примера подобной организации выступает НАТО, военно-политический блок, объединяющий страны Северной Америки, Западной и Центральной Европы, но распространяющий свое влияние и реальный театр действий далеко за пределы этих регионов. Как военно-политический блок, НАТО после ликвидации Варшавского договора не имеет аналогов в мире и этом смысле остается элементом (и инструментом) однополярного мира.

Вместе с тем влияние НАТО в определенной мере уравновешивается наличием целого ряда организаций внеблокового характера, которые так или иначе ограничивают сферу его действий, это и Совет «Россия — НАТО», и «восьмерка» (после 2014 г. вновь возвратившаяся к формату «семерки»), а с 1999 г. — и «двадцатка», где принимаются стратегические экономические и политические решения, носящие глобальный характер, и где влияние США не является столь доминирующим, как в «семерке» и НАТО. Это и АТЭС, охватывающее регион, в который уже переместился основной центр мирового производства и торговли и в котором, как показало второе десятилетие XXI в., влияние Китая усиливается при одновременном ослаблении влияния США, и ШОС, и, наконец, БРИКС.

Эта картина миропорядка, находящаяся в постоянной динамике, показывает, что процесс глобализации приводит и уже во многом привел к изменению существовавшей еще недавно мировой системы координат, к постоянному изменению акцентов мировой политики, оказывая воздействие на внутренние процессы, происходящие в различных обществах, и от этого воздействия не могут, как это не раз раньше было в истории, остаться в стороне ни одна страна и ни один регион. Вместе с тем эта многомерная картина свидетельствует о многосторонности воздействия мировых факторов на региональные и внутристрановые процессы, в силу чего было бы чрезмерным упрощением представлять, что эти процессы есть результат воздействия лишь одной, пусть и самой мощной державы или только небольшой группы западных стран.

Глава 5

СУБЪЕКТЫ И ОБЪЕКТЫ, СУБЪЕКТИВНЫЕ И ОБЪЕКТИВНЫЕ СТОРОНЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

До сих пор глобализация рассматривалась в этой работе как объективный процесс. Показать объективную сторону политического процесса глобализации представляется необходимым хотя бы потому, что как многие идеологи западной, прежде всего американской, политики акцентируют внимание больше на ее субъективных чертах, связанных с проведением определенного политического курса, так и немалое число их критиков расценивают чуть ли не все негативно воспринимаемые политические события как результат действий «мирового полицейского», «вашингтонского обкома» и прочие эпитеты, которыми наделяется политический курс, проводимый американской администрацией.

Между тем такое гиперболизированное представление о субъективной стороне глобализации, причем в основном с акцентированием исключительной роли в ней США, возводящее Соединенные Штаты чуть ли не на позициидемиурга глобального политического процесса (неважно, с положительным или отрицательным знаком), не только не способствует раскрытию глубинных механизмов этого процесса, но и становится препятствием для объективного анализа процессов и явлений мировой, региональной и локальной политики.

Разграничение объективных и субъективных сторон глобализации — далеко не легкое дело, поскольку речь идет о процессе, в ходе которого субъективные акты человеческой деятельности не только присутствуют на каждом его этапе, но и органически включены во все «тело» процесса, в его структуру и динамику, буквально пронизывая его на макро-, мезо- и микроуровнях.

Действительно, само становление и развитие глобальных коммуникационных систем являются плодом, во-первых, интеллектуальной деятельности людей «на входе» (т.е. на уровне изобретений, внедрения и совершенствования их технологии)¹ и, во-вторых, экономических, административных и политических решений «на выходе» (т.е. на уровне принятия решений об их использовании).

Тем не менее и сами коммуникационные системы, и процессы и явления, ими порожденные или испытывающие их воздействие, превращаются в объекты повседневной реальности, которые начинают действовать по своим законам, далеко не всегда поддающимся воле и желанию в том числе и тех, кто управляет или считает, что полностью управляет и контролирует их. Таким образом происходит постоянный процесс объективации структур, компонентов, тенденций, проявляющихся в ходе глобализации, а вместе с тем — и самого процесса глобализации.

В этом смысле американский президент Б. Клинтон был не совсем неправ, когда говорил: «Глобализация — это нечто, от чего нельзя оставаться в стороне, что невозможно остановить. Это экономический эквивалент силы природы, как ветер и вода»².

То есть остановить, конечно, можно, и такие примеры есть, хотя они крайне немногочисленны. Наиболее яркий — Северная Корея, где, пожалуй, единственным пользователем Интернета до недавнего времени являлся вождь страны. Но такое положение означает исключение и из мировых финансовых потоков, и из возможностей технологического развития, и из всего прочего, что дает участие страны в разноплановом мировом сотрудничестве для ее развития, повышения благосостояния ее граждан и качества их жизни. Выключенная из процесса глобализации страна оказывается обреченной на стагнацию.

Попытки выйти из процесса глобализации, когда та или иная страна в него уже включена, или по крайней мере перекрыть хотя бы один или несколько ее существенных компонентов, каковыми

---

¹ Уместно вспомнить в этой связи, что лежащая в научно-технологической основе современных коммуникационных систем кибернетика в свое время была запрещена в Советском Союзе как «буржуазная лженаука», поскольку не вписывалась в основанные на советской интерпретации марксизма представления о материальном и идеальном, объективном и субъективном.

² *Бжезинский* З. Еще один шанс... С. 74.

являются коммуникационные сети и идущие по ним информационные потоки, как правило, оказываются бесплодными и приносят обратный эффект для тех, кто пытается это сделать, что наглядно видно не только на примерах Египта и Ливии, власти которых безуспешно пытались отключить коммуникации через социальные сети Twitter и Facebook, но и на примере США, столь же безуспешно сражавшихся с сайтом WikiLeaks.

Но именно в этом контексте необходимо проследить взаимосвязь между субъектами и объектами глобализации и через эту взаимосвязь выявить корреляцию объективных и субъективных ее сторон.

Примечательно, что даже национальные культуры, которые были наименее восприимчивы к этому социокультурному воздействию, в известной мере развивались под влиянием этого идущего из США импульса. Так, индийское кино, десятилетиями занимающее доминирующие позиции в значительной части стран Азии и Ближнего Востока, является, в сущности, не чем иным, как инвариантом голливудской киноиндустрии, адаптированным к потребностям восточных обществ. В известной мере это же можно сказать и о современной арабской музыке: крупнейший модернизатор египетской и вообще арабской музыки композитор Мухаммед Абдель Ваххаб, популярнейшие певицы Умм Кальсум и Фейруз исполняли настолько адаптированные к восприятию арабского слушателя мелодии, что иностранный слушатель не сразу угадывал в них оригиналы популярной американской и западноевропейской музыки³. Здесь речь идет не о каких-то маргинальных примерах, а об основах современной музыкальной индустрии, продукты которой стали непременным атрибутом почти каждого арабского дома на всем пространстве от Атлантического океана до Персидского залива.

Не менее важно и напомнить о том, что развитие политических институтов в Западной Европе и Латинской Америке после Второй мировой войны шло под значительным воздействием американской политической культуры, а контркультурный, а затем и политический процесс в США и Западной Европе в 60–70-е годы XX в. развивался практически синхронно.

---

³ Arab Musicians of the 20th Century Who Had a Long-Lasting Impact on the World // Scoop Empire. 2019. March 23. URL: <https://scoopempire.com/arab-musicians-of-the-20th-century-who-had-a-long-lasting-impact-on-the-world/> (дата обращения: 04.09.2020).

И, наконец, крушение биполярного мира, выразившееся в развале одного из его полюсов, способствовало тому, что импульсы глобализации, исходящие из Соединенных Штатов, стали на определенный период доминирующими.

Означает ли это, что глобализация равнозначна глобальной американизации, иначе говоря, глобальному утверждению «Рах Америка»? Именно так, надо думать, сознательно или подсознательно, полагали (и отчасти до сих пор полагают) многие американские идеологи и политики, причем не только неоконсервативного, но и либерально-консервативного направления, во всяком случае об этом свидетельствуют многие внешнеполитические проекты и основанные на них политические решения и действия.

Между тем уже в последние десятилетия XX в. стало очевидным, что импульсы глобализации исходят не только от Соединенных Штатов. Одними из первых глобализационных шоков этого периода для населения США были известия о том, что японская компания Sony стала крупнейшим звукозаписывающим холдингом, приобретая в собственность CBS Inc., и она же купила одну из старейших голливудских кинокомпаний Columbia Pictures, а практически в это же время Toyota вышла на первое место по продаже автомобилей, обогнав General Motors.

Эти и другие признаки свидетельствовали, что глобализационные импульсы все в большей мере начали исходить также из Японии и Западной Европы, несколько позже — от четырех «азиатских тигров», затем — из Китая и Индии. Сегодня не только ширпотреб, автомобили, электроника, в том числе многочисленные изделия с известными западными брендами, в своем большинстве производятся в развивающихся странах, прежде всего в Китае и других государствах Восточной и Юго-Восточной Азии, но даже такая, казалось бы, изначально американская технология, как глобальная сеть индустрии фастфуда, давно уже перестала быть монополией «Макдоналдс» и «Кентакки Чиккен», а стала освоена сетями итальянской, японской, китайской и ближневосточной кухни.

Все это лишь частные признаки того, что глобализация в своем развитии приводит не к одностороннему движению от ее первичного центра в лице США в сторону периферии, являющейся лишь объектом глобализации, а к всестороннему усилению взаимопро-

никновения и взаимозависимости национальных экономик, общественных и политических структур, цивилизационных и культурных сторон жизни стран и регионов.

Уже в тот период, когда доминирование США в мире казалось практически абсолютным, были страны, которые хотя бы по одному из важнейших параметров превосходили их: Япония вышла на первое место в мире по золотовалютным запасам (позже ее в этой роли сменил Китай), а ФРГ — по месту в мировой торговле. С появлением Евросоюза, он, если рассматривать его как единый экономический организм, приблизился к США как мировой производитель, занимающий второе место на планете по уровню ВВП.

Сегодня Соединенные Штаты являются не только крупнейшим страновым производителем, но и крупнейшим мировым должником, причем их основными кредиторами выступают Китай, Япония, Евросоюз, нефтедобывающие арабские страны, а центр мирового производства и торговли перемещается в Азиатско-Тихоокеанский регион.

Суммируя все изложенные факты, можно с достаточной долей уверенности говорить о том, что в настоящий период не только США, но и практически все значимые страны и регионы мира являются не только объектами, но и субъектами глобализации. Исключительно к объектам глобализации можно отнести в основном лишь страны Африки южнее Сахары, но и там выделяется такой быстроразвивающийся центр, как Южно-Африканская Республика, становящаяся основным локомотивом развития других государств южной части Африканского континента, в ряде которых — Анголе, Ботсване, Намибии — также отмечается положительная динамика. Кроме того, к выключенным из процесса глобализации либо включенным в него только как объекты можно отнести лишь отдельные страны, наиболее отсталые, с неустойчивыми политическими режимами, такие как Йемен, Мавритания, Афганистан, а также изоляционистские репрессивные режимы, такие как Северная Корея и до самого последнего времени Мьянма, или несостоявшиеся государства, как Сомали.

Таким образом, объективно все развитые и практически все наиболее динамично развивающиеся страны участвуют в процессе глобализации в качестве ее субъектов и одновременно все они являются объектами глобализации.

Другая сторона этого вопроса заключается в том, каким образом конкретные стороны глобализации понимаются и осуществляются конкретными субъектами политики — политическими элитами и правящими кругами тех стран, которые являются наиболее активными проводниками политического курса глобализации. Здесь речь идет прежде всего о правящих кругах и политических элитах США и стран Евросоюза.

В этом отношении центральным является вопрос о взаимосвязи глобализации и развития демократии. Хотя очевидно, что на определенном этапе глобализация совпала с переходом к демократии целого ряда стран и регионов — Восточной Европы, Латинской Америки, ряда важных стран Азии, таких как Тайвань, Южная Корея, Малайзия, Индонезия и др., вопрос представляется не столь однозначным хотя бы потому, что часть не менее важных государств, таких как Китай и Вьетнам, успешно вписалась в процесс глобализации в условиях отсутствия представительной демократии, а в ряде других, таких как Южная Корея, Малайзия, Индонезия, Тайвань, Чили, экономико-технологический скачок, адекватный условиям глобализации и постиндустриального общества, был осуществлен в условиях авторитаризма, и лишь потом состоялся их переход к демократической системе.

Иначе говоря, взаимосвязь между глобализацией и демократизацией, несомненно, существует, однако она не столь линейна и однозначна, как это иногда представляется. Однозначные же представления о тождестве или практическом совпадении двух этих процессов невольно провоцирует на то, чтобы попытаться подтолкнуть процесс демократизации в тех или иных странах и регионах, тем более если один из первых опытов такого подталкивания увенчался успехом или по крайней мере показался относительно удачным.

Имеется в виду достаточно непростой переход к демократии балканских обществ, прежде всего стран, образовавшихся при расколе бывшей Югославии. Если рассматривать его линейно, в конце концов все эти страны без исключения перешли к демократическим формам правления. Однако вряд ли стоит забывать, что этот переход состоялся через целую череду межнациональных конфликтов, этнических чисток, использования внешних оккупационных сил, прежде всего стран НАТО, бомбардировок Белграда и различных объектов сербской экономической и информационной

инфраструктуры и других средств принуждения к миру. В результате, хотя вина за межнациональные столкновения и этнические чистки лежала практически на всех сторонах внутриюгославского конфликта, основная тяжесть испытаний легла на сербский народ, включая и международные акции, которые были предприняты в основном против Сербии. Это не могло не оставить у значительной части населения комплекса национальной ущемленности, что, очевидно, еще долгое время будет сказываться в том числе и на судьбе сербской демократии, придавая ей крайне неустойчивый характер, что наблюдается в течение всех последних лет.

Но если переход стран бывшей Югославии к демократии все же в основном можно считать состоявшимся (такой переход при активном вмешательстве внешних сил был первым опытом в период глобализации, поскольку демократический транзит других стран Восточной Европы и ряда государств на постсоветском пространстве происходил с абсолютным доминированием внутренних факторов), то опыт «цветных революций» в постсоветских странах вообще вряд ли можно считать удачным.

Хотя здесь также вряд ли стоит впадать в другую крайность и утверждать, как это делают некоторые российские аналитики, что «цветные революции» не имели внутренних причин и были исключительно результатом внешнего воздействия. На самом деле и крайне неоднозначный период правления президента Л. Кучмы на Украине, и стагнировавший авторитарно-коррупционный режим Э. Шеварднадзе в Грузии содержали в себе достаточный взрывной потенциал для выплеска народного недовольства. Были свои внутренние причины для волнений, приведших к «тюльпановой революции» в Киргизии.

Тем не менее активное вмешательство в ход событий различных иностранных сил — от посольств США и других западных стран до наличия спонсоров, включая представителей западного и российского капитала, и зарубежных инструкторов, проводивших тренинги будущих участников событий по методике американского профессора Дж. Шарпа, — неоспоримые и не раз подтвержденные факты.

Но результатом этого вмешательства ни в одном из случаев не стало утверждение устойчивой демократии. На Украине избранный в результате внешнего давления в беспрецедентном третьем

туре выборов В. Ющенко так и не смог стать успешным и популярным президентом и в результате на следующих выборах потерпел поражение от того же В. Януковича, у которого выиграл в предыдущий раз с сомнительным результатом. Правление последнего отмечалось усиливающимися элементами авторитаризма. Еще более пагубными оказались результаты так называемой революции достоинства в январе 2014 г., не без основания охарактеризованной в России как государственный переворот, осуществленный не без вмешательства зарубежных сил. Результатом ее стали гражданская война в Донбассе, стагнация экономики и обнищание населения, деиндустриализация и взрывной рост коррупции.

В Грузии результатом «революции роз» стало авторитарное правление М. Саакашвили, которое только после 2012 г., кажется, стало сменяться переходом к демократии.

В Киргизии «тюльпановая революция» увенчалась победой гораздо худшего, чем при А. Акаеве, авторитарно-коррупционного режима К. Бакиева, который, в свою очередь, был свергнут через короткий промежуток президентства чуть более пяти лет, после чего страна погрузилась в волну беспорядков и внутри- и межэтнических столкновений.

Проекты демократизации Ближнего Востока возникли на Западе после оккупации Ирака в 2003 г. В самом Ираке после разгрома диктаторского режима Саддама Хусейна появилась определенная надежда на установление демократических порядков, которую разделяли значительная часть местного населения, особенно из числа шиитов и курдов, подвергавшихся этническим и конфессиональным чисткам в период правления баасистов, а также либерально-демократическая и левая интеллигенция.

Хотя в Ираке принята одна из самых демократических в арабском мире конституций, неоднократно проводились парламентские выборы на альтернативной основе, правительство формируется коалициями партий, победивших на выборах, в отведенный срок парламент на конкурентной основе избирал президента, тем не менее об устойчивой демократии здесь говорить не приходится. Страна постоянно сотрясается от жесточайших террористических актов, межконфессиональных и межэтнических столкновений с многочисленными жертвами, она до сих пор не отошла от опасной грани распада.

Несмотря на этот, казалось бы, не очень позитивный опыт, именно в этот период проекты демократизации других стран Ближнего Востока стали не только обсуждаться в средствах массовой информации западных стран и на различных научных и политических форумах, но и выдвигаться в качестве настойчивых рекомендаций правительствам арабских стран со стороны их западных коллег.

Первый опыт проведения демократических выборов на территории палестинской автономии также принес не слишком обнадеживающие для дальнейших судеб палестинского народа результаты: на выборах в секторе Газа победила религиозно-политическая организация ХАМАС, в то время как на основной части территории — на Западном берегу реки Иордан — победил созданный Я. Арафатом ФАТХ. Вслед за выборами последовала вспышка гражданской войны, в результате чего территория еще не окончательно утвердившегося государства оказалась расколота.

На фоне всех этих событий проекты демократизации Ближнего Востока наталкивались на растущую волну критики в разных частях мира.

Говоря об этой критике американского (и западноевропейского) курса на демократизацию Ближнего Востока, стоит, пожалуй, привести одно из наиболее резких критических высказываний, звучавших когда-либо по этому поводу: «Демократия становится подрывным оружием, дестабилизирующим статус-кво, она ведет к вооруженной интервенции, которую в дальнейшем оправдывают тем, что демократический эксперимент провалился, и экстремизм, вызванный таким провалом, узаконивает применение грубой силы». Было бы соблазнительно приписать это высказывание, к примеру, российским критикам американского курса, но принадлежит оно отнюдь не им, а тому самому З. Бжезинскому⁴, которого нередко и не всегда безосновательно упрекают в том, что он был одним из первоначальных разработчиков этого курса, в особенности тех его аспектов, которые касаются стратегии глобализации. Причем приведенное высказывание, хотя оно содержалось в книге, написанной за полдесятилетия до событий 2011–2012 гг.⁵, и относилось к действиям администрации Дж. Буша в Ираке и ее проектам де-

---

⁴ *Бжезинский З.* Еще один шанс... С. 235–136.

⁵ Данная книга была издана в 2007 г.

мократизации Большого Ближнего Востока, выглядит вполне как пророчество Кассандры в отношении действий уже администрации Б. Обамы в Ливии и Сирии, с учетом состоявшихся и возможных дальнейших последствий этого курса.

Тем не менее, отмечая наличие проектов демократизации Ближнего Востока и действий, направленных на реализацию этих проектов, все равно остается вопрос о том, только ли эти действия выступили детонатором произошедших в регионе событий и явились ли они вообще главным фактором волнений, потрясших весь регион? Или все же были более глубинные причины, обусловившие начало, весь ход и последствия «арабской весны»?

Ответ на этот вопрос связан с более детальным изучением политических структур стран региона, их места и роли в структуре современного мира и объективном воздействии процесса глобализации на эти структуры. Но прежде чем рассматривать непосредственно эти структуры, поскольку речь идет практически исключительно об авторитарных режимах, необходимо рассмотреть вопрос о судьбах авторитаризма в эпоху глобализации.

Из всего содержания данной главы напрашивается следующий главный вывод.

Глобализация как объективный процесс не является ни абсолютным благом, как полагал, к примеру, бывший президент США Б. Клинтон, если судить по ряду его высказываний или по крайней мере выводов, которые можно из них сделать⁶, ни абсолютным злом, как полагают многие ее критики. Но на всех этапах своего развития она сопровождается кризисными явлениями, часть которых, являясь порождением прежних этапов исторического развития и других процессов и явлений, усиливается глобализацией и доводится ею до точки кульминации, а другая порождается самим процессом глобализации или связанными с ней тенденциями и явлениями, выступающими, как и она сама, порождением постиндустриального общества.

Эти кризисные явления, в частности, проявляются в критических состояниях, которые неминуемо возникают на всех уровнях политических структур: на макроуровне (миропорядок, региональные структуры), на мезоуровне (регионы мира) и на микроуровне (го-

---

⁶ Бжезинский З. Еще один шанс... С. 74–117.

Раздел I. Глобализация как политический процесс

сударства, политические системы и политические режимы различных стран, а также политические институты внутри различных государств).

Наиболее интересующий нас в данном исследовании объект — авторитарные режимы, и критическое воздействие процесса глобализации на них и является одним из важнейших предметов изучения в последующих главах.

Раздел II

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ДИЛЕММА АВТОРИТАРИЗМА — ДЕМОКРАТИИ

В конце XX и начале XXI в. — вплоть до 2010–2011 гг. — многим представителям общественности, причем далеко не только западной, и, пожалуй, большинству политических аналитиков в различных странах представлялось, что переход к демократии будет линейным и однозначным, в известной мере универсальным, что, казалось бы, практически полностью подтверждалось ходом событий, многие из которых описаны в предыдущих главах. Иначе говоря, мировой политический процесс вроде бы полностью укладывался в парадигму, описанную в книге Ф. Фукуямы «Конец истории»¹. Более того, сам процесс перехода к демократии в странах и регионах, где этого до той поры не произошло, вряд ли мыслился иначе, чем он был описан в книге С. Хантингтона «Третья волна»², хотя сам С. Хантингтон начал серьезно сомневаться в линейности процесса, что видно из его следующего труда «Столкновение цивилизаций»³, явившегося ответом на «Конец истории» Фукуямы.

Тем не менее аргументы в пользу обреченности авторитаризма (и другой иерархически организованной политической системы, тоталитарной) были достаточно весомы и в значительной мере обоснованы, и мы попытаемся их подробно показать.

Однако за границей этого дискурса оказались следующие моменты, которые в тот период либо не замечали, либо просто не обращали на них внимания.

1. Индустриальный прорыв и переход к постиндустриальной фазе в середине и второй половине XX в. происходил исключительно рамках демократических политических систем (США, ФРГ, Япония, Италия, затем Франция, Великобритания и др.). Однако феномен «четырёх тигров» (Южной Кореи, Тайвань, Сингапура и Гонконга) показал иную картину. Здесь этот прорыв осуществлялся в рамках

¹ См.: Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/6341> (дата обращения: 04.09.2020).

² Huntington S. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. University of Iklahoma Press, 1991.

³ Idem. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y.: Sinom & Schuster, 1996.

изначально жестких авторитарных систем (в первых трех странах) и колониального правления (в последней). Правда, затем в Южной Корее и Тайване произошел переход к демократии (в Сингапуре до сих пор — нет), но картина при этом оказалась противоположной той, что была канонической в XX в.: демократия как результат технологического прорыва, а не его условие.

2. Это показало, что авторитарные режимы при определенных условиях способны создавать институты («правила игры»), обеспечивающие поступательное развитие: создание равных условий экономической и иной деятельности, обеспечение конкурентности, жесткое ограничение вплоть до исключения коррупции и т.д.

3. Этот эффект еще более усилился, когда по этой парадигме стали развиваться не только Малайзия, но и Китай, а затем и Вьетнам.

4. Это показало, что иерархические системы современности, сохраняя жесткую вертикаль власти, могут в то же время вводить элементы гибкости, которые обеспечивают им необходимые параметры эволюционного развития.

5. В то же время демократические системы также вступили в критическую полосу развития (элементы этой критической полосы были частично показаны в предыдущих главах), что нередко приводит к усилению элементов авторитаризма в них, вследствие чего возникает эффект гибридности, конвергентности систем, а отсюда — размытости критериев современного авторитаризма.

Поэтому нам представляется важной тематика этой части, носящей в известной мере ретроспективный характер — как тематика авторитаризма выделась на границе 2010 г., но при этом многие аспекты ставшего уже традиционным авторитаризма сохраняли, а отчасти и сегодня продолжают сохранять черты, которые, в частности, привели к событиям 2011 г.

Глава 6

АВТОРИТАРИЗМ: ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ — ТИПОЛОГИЯ, СТРУКТУРА И СОВРЕМЕННАЯ СИТУАЦИЯ

Как уже отмечалось, кризис государства, связанный с фундаментальными тенденциями развития постиндустриального общества и усиленным процессом глобализации, с особой силой и интенсивностью проявился в критическом состоянии авторитарных государств. Помимо того что для авторитарных государств особенно характерны доминирование вертикальных связей, крайняя слабость горизонтальных и (особенно на этапе заката авторитаризма) практическое исчезновение адекватной обратной связи, есть и другие важнейшие черты авторитаризма, которые существенно влияют на углубление его общего кризиса на современном этапе развития авторитарных государств.

Все это заставляет снова вернуться к рассмотрению теоретических и исторических аспектов авторитаризма как формы политического режима и попытаться по-новому взглянуть на ряд основных положений теории авторитаризма, а в каких-то случаях и пересмотреть некоторые из них.

Авторитаризм принято рассматривать как режим личной власти, и этот формат адекватен семантике используемого термина, следовательно, ни сам термин, ни его упомянутое наиболее краткое толкование вряд ли имеет какой-либо смысл подвергать пересмотру.

Однако уместно подчеркнуть, в чем коренная разница между авторитаризмом и тоталитаризмом, которая почему-то в последнее время все более ускользает из поля зрения многих исследователей: тоталитаризм, в отличие от авторитаризма, режимом личной власти не является.

При рассмотрении типологии политических режимов (и в более широком аспекте — политических систем) наиболее распространенной является схема триады «тоталитаризм — авторитаризм — демократия», которая стала общим местом в методологических подходах к изучению политических режимов в современной, в том числе и российской, политологии¹.

При такой постановке вопроса все три типа политических режимов располагаются на одной плоской шкале, в рамках которой полюсами являются тоталитаризм и демократия, авторитаризм же занимает промежуточное положение. Основным критерием характеристики режима при этом выступают степени жесткости (проявляющейся в уровне и формах контроля государства над населением) и гибкости (проявляющейся в уровне и формах взаимодействия государства и общества). Эти критерии логически выводят на характеристики того или иного типа политических режимов².

Нельзя сказать, что подобный подход был вовсе непродуктивным. Он, несомненно, способствовал выявлению характеристик политических режимов, ряда их существенных черт и наметил некоторые возможности перехода от одного типа режимов к другому (например, от авторитаризма к демократии) либо показывал невозможность такого перехода (от тоталитаризма к демократии)³.

В то же время следует отметить, что эта методология представляла собой как бы стоп-кадр ситуации 60-х годов XX в., когда ведущей ее тенденцией была двусистемность мира с преобладанием на основных полюсах тоталитарных (социалистических) и демократических (капиталистических) государств, авторитарные же

---

¹ Эта методология характерна для работ Х. Арендт, Р. Даля, Дж. Сартори, З. Бжезинского и др. в той части, где они касались проблем типологии и характеристики политических режимов. См., например: *Даль Р.* О демократии. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 83—126; *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. М.: Центком, 1996; *Sartory G.* The Theory of Democracy Revisited. L.: Chatham House Publications, 1987. Что касается отечественной политологии, достаточно открыть практически любой российский учебник по дисциплине, а также подавляющее количество аналитических работ, посвященных политическим режимам, чтобы обнаружить следование этой методологической схеме.

² Эта методологическая схема характерна прежде всего для работ Х. Арендт. Другие упомянутые авторы также в той или иной степени придерживались подобной логики.

³ Это получило серьезное обоснование, к примеру, в: *Brzezinski Z.* Between Two Ages. America's Role in Technetronic Era. N.Y.: Viking Press, 1970.

режимы располагались «посередине», преимущественно в третьем мире. И уже последующее десятилетие показало ограниченность подобного подхода, когда, к примеру, режим Пиночета в Чили, несомненно авторитарный, проявил себя гораздо более жестким, чем большинство тоталитарных режимов Восточной Европы.

Недостаточность этого типологического подхода к характеристике политических режимов коренилась в том, что он описывал их по внешним признакам, что само по себе еще не позволяло проникнуть во внутренние механизмы организации и движения политической жизни⁴.

Методологический выход из этой ситуации был найден в рамках современной теории политических систем. Уже из работ первого современного теоретика политических систем Д. Истона со всей очевидностью вытекало, что политический режим не является универсальной категорией для описания политической жизни и тем более синонимом понятия политической системы, а выступает лишь ее частью и, если угодно, производной⁵.

Однако, если в работах Д. Истона политический режим выглядел как способ функционирования практически всей политической системы, в последующих работах Г. Алмонда и других его коллег из руководимой им теоретической школы, в которых была выявлена внутренняя структура политической системы и понятия политической системы и политического режима разведены еще дальше: последний является лишь частью функциональной подсистемы политической системы и описывает процесс функционирования политической власти⁶.

Для изучения содержания и сущности политических систем было явно недостаточно характеристики политического режима. Потребовалось также изучить характер, структуру и формы функционирования политических институтов (многие из которых устро-

⁴ Недостаточность выявления сущности предмета по внешним признакам хорошо известна еще со времен древнегреческой философии, что ярко характеризовалась примером из спора Сократа с софистом: когда последний дал определение человека как животного на двух ногах и без крыльев, Сократ вместо ответа принес ему ощипанного петуха.

⁵ См.: *Easton D. The Political System: An Inquiry into the State of Political Science.* N.Y.: Knopf, 1953; *Idem. A Systems Analysis of Political Life.* N.Y.: Wiley, 1965.

⁶ См., например: *Almond G., Powell G. Comparative Politics. System, Process and Politics.* Boston-Toronto, 1978.

ены и функционируют вовсе не так, как политический режим, в частности, ряд институтов либо вовсе лишен иерархичности, либо имеет плавующую иерархическую структуру, что коренным образом отличает и процесс их функционирования от функционирования иерархических структур). Кроме того, относительную самостоятельность и особое влияние на структуру и функции политической системы имеет совокупность политических норм, как формальных, так и неформальных. И, наконец, огромное, если в конечном счете не решающее воздействие на политическую систему оказывают характер и структура политической культуры общества.

В ряде российских учебников по политологии встречается довольно широко распространенное утверждение, что основанием для типологизации политических систем, как правило, служил характер политических режимов⁷. Представляется, что это верно лишь отчасти. Было бы точнее утверждать, что характер политического режима нередко служил только отправной точкой для такой типологизации, причем не единственной, а лишь одной из таких точек. Не меньшую, а в ряде существенных случаев и большую роль в решении этой задачи сыграло изучение характера и структуры политической культуры. По крайней мере это напрямую касается одной из наиболее интересных типологий политических систем, разработанной Г. Алмондом и его коллегами.

При этом Г. Алмонд, кажется, сознательно избегал в своей типологии названий политических систем по характеру политических режимов (за исключением тоталитаризма, конкретными исследованиями которого школа Г. Алмонда не занималась). Примечательно и то, что, характеризуя тип политической системы, подобной мексиканской (периода 1950-х — начала 1960-х годов), Г. Алмонд и Дж. Пауэлл используют понятие «доиндустриальный и частично индустриальный», хотя при этом совершенно очевидно, что описание механизмов господствовавшего тогда в Мексике политического режима соответствуют его трактовке как авторитарного⁸.

Понятие доиндустриального и частично индустриального типа политической системы и, соответственно, политического режима

---

⁷ См., например: *Мухаев Р.Т.* Политология. М.: Проспект, 2010. С. 153.

⁸ См.: *Almond G., Powell G.* Op. cit.

выводит нас на проблематику значения исторического времени при трактовке типов политических систем и политических режимов. Дело в том, что разработка проблематики доиндустриального, индустриального (и введение понятия постиндустриального общества) осуществлялась, а точнее сказать, актуализировалась практически параллельно с фундаментальными изысканиями школы Г. Алмонда в области политических систем и политической культуры. Представляется, что наиболее отчетливо эта проблематика была разработана в книге У. Ростоу «Стадии роста»⁹.

Введение стадиальности в проблематику политических систем повлекло существенные выводы, в том числе и для понимания типологии политических режимов. Помещенные в стадиальную среду, они уже никак не могут рассматриваться в одной временной плоскости. Более того, стадиальный подход к типологии политических систем и политических режимов неизбежно приводил к тому выводу, что авторитаризм был типом политической системы, характерной для доиндустриального общества¹⁰, в то время как для индустриальной эпохи становится характерной дихотомия «демократия — тоталитаризм», причем до такой степени, что во второй половине XX столетия она стала носить практически универсальный, всемирный характер, вплоть до того времени, когда произошло крушение мировой тоталитарной (социалистической) системы.

Исходя из логики примата политической культуры по отношению к политической системе, которая восходит к идее Т. Парсонса

⁹ *Rostow W.* The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto. L.: Cambridge University Press, 1960. Следует отметить, что понятия индустриальной и доиндустриальной стадий роста (эпох) были заимствованы У. Ростоу вполне осознанно у К. Маркса, о чем свидетельствует и подзаголовок упоминаемой книги: «A Non-Communist Manifesto». Идея постиндустриального общества также была впервые выдвинута в этом издании, хотя и она когда-то, пусть в самой абстрактной форме, тоже высказывалась К. Марксом. Разница, впрочем, заключалась в том, что в период, когда писал свою книгу У. Ростоу, уже вырисовывались конкретные черты постиндустриального общества, некоторые из них он смог зафиксировать в своем произведении, а прочие получили разработку в сочинениях других авторов.

¹⁰ Симптоматично, что определенные зачатки понимания этого возникли уже в эпоху, когда понятие политической системы вслед за И. Кантом стало впервые использоваться для характеристики политики политической жизни. К примеру, Н.М. Карамзин широко применял понятие «политическая система» при описании политической жизни в эпоху Ивана Грозного. См.: *Карамзин Н.М.* История государства Российского: в 12 т. М.: Фолио, 2011. Т. 8—9.

о том, что именно духовная подсистема, иначе говоря, социальная (и, соответственно, политическая) культура, отвечает за сохранение целостности всего социального (и политического) организма¹¹, она, следовательно, исполняет определенные организационные, регулирующие и контролирующие функции в отношении политической системы. Отсюда в рамках политико-культурной среды традиционный (классический) авторитаризм выступает в виде патриаршей власти, вырастающей над большой семьей, общиной, в конечном счете обществом (миром во всей многозначности этого слова). Но именно таким было представление о монаршей власти граждан абсолютных и самодержавных монархий.

Разрыв духовной связи, основывавшейся на таких представлениях и связанных с ними отношениях, фиксируемый, скажем, через работы Ж.-Ж. Руссо, как раз свидетельствовал о наступлении новой эпохи. Происходившие в эту новую, индустриальную эпоху разрыв традиционных связей, плюрализация общества и нарастание в нем социально-политических противоречий породили две тенденции в политическом развитии, которые и обрели в итоге форму двух политических систем — демократической и тоталитарной.

Традиционный авторитаризм в силу этого политического процесса постепенно перемещался вовсе не в центр, а на обочину мировой политической жизни. Другое дело, что целому ряду политических систем удалось эволюционировать в направлении современных политических моделей демократического типа.

---

¹¹ *Parsons T. The Social System. Routledge & Kegan Paul Ltd., 1951. P. 45–105.*

Глава 7

МЕСТО АВТОРИТАРИЗМА В ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ

Авторитаризм, как уже отмечалось, стал господствующим типом политических систем в доиндустриальную эпоху. Он существовал в двух формах — империй¹ и абсолютных монархий. Во второй своей форме, которая обрела наиболее осязаемые черты в ряде стран Западной Европы в позднее Средневековье и эпоху Возрождения, авторитаризм стал той политической системой, в рамках которой происходило становление национальных государств. При этом он выполнял две основные функции: национальной консолидации, которая стала главным условием становления и укрепления национального государства, и осуществления первичной модернизации, которая, впрочем, в итоге ставила абсолютистский строй перед дилеммой — либо подвергнуться существенным эволюционным изменениям, трансформирующим сам характер монархического строя, либо быть уничтоженным в результате революции. Исторический опыт показывает, что лишь скандинавским странам удалось в основном удержаться в рамках эволюционного развития, но даже Великобритания, представляющаяся сегодня классическим при-

---

¹ Тема империй, сама по себе чрезвычайно важная, выходит за рамки проблематики данной работы. Отметим лишь, что имперская форма авторитаризма, исторически предшествовавшая национально-государственной и, как правило, являвшаяся моделью наднациональной, выступала как система организации социально-политических отношений в мультинациональной, мультиэтнической и мультиконфессиональной среде. Национальные движения рано или поздно приводили к распаду империй и образованию на их развалинах национальных государств. Это общее правило касалось практически всех империй, включая колониальные, а также Австро-Венгерской и Российской, а в той части, в которой СССР унаследовал определенные черты Российской империи, — и распада Советского Союза. На наш взгляд, единственное исключение — Германская империя, которая, однако, являлась империей лишь в грубо формальном смысле, а фактически была абсолютистской формой объединения одного этноса, т.е. начальной формой становления германского национального государства.

мером эволюционного преобразования монархии, не избежала в XVII в. 70-летнего периода революционных катаклизмов.

Обе упомянутые функции являются имманентными авторитаризму, они всегда остаются присущими ему до тех пор, пока он не исчерпает своих потенциальных возможностей.

XX в. стал периодом повсеместного распространения национальных государств как основной формы государственного устройства. Эта тенденция получила развитие в Центральной и Восточной Европе в результате Первой мировой войны, значительно усилилась с распадом колониальной системы в 1940–1970-е годы и получила практическое завершение с распадом мировой социалистической системы. Сегодня лишь несколько более или менее крупных наций, например курдский и палестинский народы, лишены государственно-национального статуса, да и то в обоих случаях эта проблема отчетливо осознается мировым сообществом и рано или поздно получит окончательное разрешение.

В образовавшихся в XX в. национальных государствах преимущественное развитие получал республиканский строй: в XIX в., будучи еще редким исключением, в минувшем столетии он превратился в наиболее распространенную форму правления. Однако республиканский строй сам по себе не тождествен демократии, как это порой представляется. Так, в период между двумя мировыми войнами он не стал гарантией ни от тоталитаризма, приход которого произошел в результате победы национал-социалистической партии на парламентских выборах, ни от авторитарного перерождения парламентских демократий в ряде стран Центральной и Восточной Европы.

Впрочем, модель нового, нетрадиционного авторитаризма обозначилась ранее — с утверждением диктатуры Кромвеля в Британии, а затем и Наполеона во Франции. Именно эта модель, нередко обозначаемая как бонапартизм², в тех или иных модификациях

---

² С понятием бонапартизма существует некоторая забавная путаница, связанная с тем, что его обычно ассоциируют с личностью Наполеона Бонапарта и в то же время возводят это понятие к К. Марксу. Последний же в своей работе «18 брюмера Луи Бонапарта» имел в виду вовсе не первого Бонапарта, а его исторического наследника, пришедшего к власти на волне революции 1848 г. Данный случай он рассматривал как своего рода неудачный римейк, в некотором смысле карикатуру на правление Наполеона Бонапарта («История повторяется: один раз как трагедия, другой раз как фарс»). Впрочем, следует обратить внимание, что К. Маркс в этой работе фиксирует тот факт, что установление диктатуры во втором случае про-

получила достаточно широкое распространение на протяжении XX столетия.

Таким образом, две основные модели — традиционная или консервативная (т.е. направленная на сохранение существующего порядка с учетом возможности его постепенной эволюции), выступающая в данном случае в виде монархии, и радикальная, прогрессистская (т.е. направленная на его существенное и по возможности быстрое изменение) и выступающая в республиканской форме — не только имели место в истории, но и продолжают сохранять свою актуальность в современном мире, что особенно ярко проявляет себя в странах арабского региона.

Консервативная модель авторитаризма, впрочем, не ограничилась в XX в. только монархическими режимами, охватив и такие республиканские режимы, как, например, режим Стресснера в Парагвае, Сомосы в Никарагуа или провозгласившего себя императором Бокассы в Центрально-Африканской Республике.

В связи с тем что подавляющее большинство освободившихся стран столкнулось с необходимостью и неизбежностью модернизации, но социальный потенциал модернизации в разных обществах оказывался весьма различным, она приняла разнонаправленный характер. При этом наиболее распространенными стали две основные формы модернизации: 1) эволюционная, или консервативная, с опорой на традиционные слои и общественно-политические институты и 2) революционная, или прогрессистская, сопровождавшаяся ломкой традиционных институтов и опиравшаяся на обездоленные слои и контрэлиту. В связи с этим для стран третьего мира приобрела актуальность содержащаяся в классификации политических систем Ж. Блонделя³ дихотомия авторитарно-консервативных и популистских (прогрессистских) политических систем и, соответственно, политических режимов.

изошло иначе, чем в первом: Наполеон Бонапарт пришел к власти через верхушечный переворот в конце правления Директории, власть же Луи Бонапарта была утверждена в результате выборов. Именно подобный тип авторитарного перерождения имел место в Польше и странах Балтии (диктатуры Пилсудского, Ульманиса и проч.). Отметим, однако, что в рамках данной работы способ утверждения авторитарного правления — будь то через военный или иной переворот либо через перерождение в результате избирательного процесса — представляется несущественным с точки зрения предлагаемой здесь типологии авторитаризма.

³ *Blondel J. Comparing Political Systems. N.Y.: Praeger, 1972.*

На развитие авторитаризма оказала существенное воздействие двусистемность мира во второй половине XX в. Она проявлялась прежде всего в том, что господствующими после Второй мировой войны стали две разные формы модернизации — демократическая (западная, буржуазная) и тоталитарная (социалистическая, ориентированная прежде всего на советскую модель, или ее восточноевропейские модификации). Большинство радикальных авторитарных режимов стало активно использовать заимствованные у стран социалистического лагеря не только идеологические формы (нередко модифицируемые с учетом местной специфики в идеологические системы типа, например, африканского или арабского социализма), но и соответствующие политические институты, прежде всего однопартийность. Однако, если в условиях тоталитаризма единственная или господствующая партия была не инструментом, а главной организующей частью всей политической системы, в радикальном авторитаризме третьего мира она превращалась именно в удобный инструмент организации и функционирования личной власти харизматического лидера.

При этом как бы в тени оказалась еще одна модель авторитаризма — центристская. В отличие от консервативного и радикального авторитаризма, политические действия которых были направлены соответственно на подавление либо только левой, либо только правой частей общественно-политического спектра (причем не ограничиваясь наиболее крайней их частью), центристский авторитаризм отсекает и подавляет лишь наиболее крайние проявления обоих полюсов, стремясь по возможности не только не затрагивать общественно-политический центр, но и расширять поле его политического действия⁴. Именно такая модель авторитаризма, как показали и продолжают показывать многочисленные исторические прецеденты, оказывается наиболее продуктивной для постепенной, эволюционной трансформации в направлении демократии.

Выход на такую модель авторитаризма, в частности, обеспечил переход к демократии европейских монархий — Великобритании,

⁴ В принципе, именно описание подобной модели авторитаризма можно с известными допущениями увидеть в книге Т. Гоббса «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» (1651), где постоянно «войны всех против всех» противостоит сильная власть, выступающая в качестве верховного арбитра над противоборствующими сословиями и группами и стремящаяся направить их противоборство в мирное, неконфронтационное русло.

скандинавских стран, Бельгии, Нидерландов, Люксембурга. Последний наиболее близкий к нам исторический прецедент в Европе — демократический транзит в условиях восстановления монархии в Испании.

Центристский авторитаризм, однако, не ограничивается только его монархическими формами. Имеется накопленный в основном в XX в. достаточно большой опыт становления центристского авторитаризма в рамках республиканских режимов — как консервативных, так и леворадикальных.

Весьма показателен в этом отношении опыт Южной Кореи. Установившийся там с конца 1940-х — начала 1950-х годов чрезвычайно репрессивный режим Ли Сын Мана, возникший как реакция на попытку блитц-крига со стороны Северной Кореи, сменился не менее жестким режимом Пак Чжон Хи, однако обозначившим создание центристских по своему значению институтов⁵, а окончательный переход к центристской модели состоялся уже при четвертом авторитарном правителе Ро Дэ У. Именно в этот период произошел впечатляющий рывок в экономическом и технологическом развитии Южной Кореи, а с точки зрения политического развития именно конец правления Ро Дэ У ознаменовался переходом к демократии.

Путь политического развития Южной Кореи почти параллельно с нею повторили и другие три «азиатских тигра», названных так за удивившие мир темпы и итоги экономического и технологического развития, — Тайвань, Гонконг и Сингапур, а затем и Малайзия, причем во всех случаях переходу к демократии также предшествовал период мягкого, центристского авторитаризма. Сходный путь политического развития показал также и Таиланд, страна с королевским режимом.

Этот восточноазиатский транзит, привлекавший мировое внимание по крайней мере в течение двух последних декад минувшего века прежде всего, конечно, экономико-технологическими сторонами своего развития, в своем политическом содержании вовсе не оказался регионально уникальным.

---

⁵ Корейский Сталин. Он был жестоким диктатором, но сделал страну великой. Его считают и палачом и героем // Lenta. URL: https://lenta.ru/articles/2019/03/15/park_chung_hee_1/ (дата обращения: 04.09.2020); Пак Чжон Хи (Чонхи). Возрожденная Корея: модель развития. URL: <http://www.lib.ru/MEMUARY/SINGAPUR/koreareborn.txt> (дата обращения: 04.09.2020).

Опыт Латинской Америки, где сегодня представительная демократия утвердилась почти повсеместно, свидетельствует, что значительное число латиноамериканских стран прошло через этапы, порой довольно длительные, авторитарного правления. Характерен в этом отношении пример Мексики, где жесткий леворадикальный авторитаризм, который был присущ этому государству в период между двумя мировыми войнами, постепенно эволюционировал в направлении центристского авторитаризма, в свою очередь приведшего к демократическому транзиту.

Сравним с мексиканским в этой главной логике своего развития, в своих конкретных чертах достаточно своеобразный путь политического развития Аргентины.

Даже такая страна с устоявшейся, казалось бы, демократической традицией, как Бразилия, прошла, пусть довольно краткий, этап авторитарного правления в 1960-е годы, когда президент Ж. Гуларт был свергнут военной хунтой. Утвердившаяся там на краткий период центристская форма авторитаризма успокоила страхи политической элиты перед возможным слишком резким поворотом влево, но не подорвала основ демократических институтов, получивших в дальнейшем поступательное развитие.

Совершенно особый случай, казалось бы, представляло собой развитие политической ситуации в Чили. Когда в этой стране с ее вроде бы устойчивыми демократическими традициями к власти пришло левое правительство во главе с президентом С. Альенде и наметился фактически первый в истории переход к социализму не путем революции или политического переворота, а через мирный, эволюционный процесс, это правительство было свергнуто в результате военного переворота, приведшего к власти генерала А. Пиночета.

Чрезвычайно жесткий и репрессивный режим Пиночета, утвердивший свою власть путем многочисленных жертв, стал железной рукой проводить политику экономической либерализации. Однако курс либерализации экономики очень быстро потребовал необходимости изменения политического режима в сторону его смягчения, что и стало происходить. Хотя с позиций современников изменение режима происходило крайне медленно (оно заняло почти два десятилетия), по сравнению, скажем, с мексиканским транзитом, длившимся более полувека (не говоря о более отдаленных европейских прецедентах), чилийский транзит не выглядит уж столь

длительным. В развитии чилийского авторитаризма прослеживается та же логика, которую можно наблюдать и в других случаях: переход от крайней к центристской форме авторитаризма в конечном счете обеспечивает мирный, эволюционный переход к демократии.

Чилийский опыт, как, впрочем, и южнокорейский, тайваньский и многие другие, демонстрирует одну немаловажную закономерность, которую необходимо взять на заметку: проведение либерализации экономики неизбежно влечет за собой необходимость постепенной либерализации и политической жизни, социально-политические элементы которой при либеральном экономическом курсе и так уже начинают прорастать. Если этого не делать или делать слишком медленно, непоследовательно, с перекосами и отступлениями, что при либеральной экономической политике будет к тому же неизбежно усиливать коррумпированность авторитарного режима, то нетерпение в обществе будет усиленно нарастать и вести почти к неминуемому политическому взрыву. Тому также есть многочисленные примеры, начиная со свержения филиппинского диктатора Ф. Маркоса и кончая событиями в ряде арабских государств в 2011 г.

События «арабской весны» вновь привлекли особое внимание к истории политического транзита Турции, который в прошлом во многом предвосхитил становление арабского национализма и появившихся на его основе радикальных политических режимов.

Возникший в результате крушения Османской империи режим К. Ататюрка вначале по меркам своего времени был достаточно радикальным националистическим режимом, и именно в этом отношении он во многом и предвосхитил режим Гамалы Абдель Насера в Египте, баасистские режимы Сирии и Ирака и режим Хуари Бумедьена в Алжире. Однако в дальнейшем началась эволюция режима в направлении центристского авторитаризма, которая была продолжена и после смерти Ататюрка. Эксперименты по установлению демократии неоднократно прерывались военными переворотами с учетом того, что в соответствии с конституцией армия является гарантом государственного строя в стране и его светского, секулярного характера.

В советской публицистике установление военного режима в Турции характеризовалось как «центристская диктатура», что, если снять эмоциональную оценку, может быть понято как практически равнозначное понятию «центристский авторитаризм». При этом

имелось в виду, что такой режим является лишь ограниченно репрессивным, отсекая крайности право- и леворадикального толка, а также постепенно набиравшие силу в обществе тенденции исламского фундаментализма⁶.

Ситуация с последним была и остается до сих пор в Турции далеко не однозначной. Значительная часть политической элиты и гражданского общества в стране с большим подозрением относилась и относится до сих пор к позициям местных исламистов, и нельзя сказать, что ее фобии в этом отношении вовсе не обоснованы⁷. С одной стороны, воспитанная в секуляристском кемалистском духе и осознающая свою связь с европейскими ценностями часть турецкого общества всерьез опасается (по вполне понятным причинам) введения в стране законов шариата. Достаточно сказать о возможных последствиях этого хотя бы с точки зрения ограничения прав женщин. С другой стороны, ряд исламистских деятелей и идеологов, в том числе в Турции, потратили немало усилий, стремясь доказать коренную несовместимость ислама с демократией и неприемлемость для исламского общества западных, т.е. демократических, институтов, что еще более усиливает опасения секулярных кругов⁸.

И все же в условиях, когда все эти опасения не только существовали, но и нарастали, военный истеблишмент не пошел на новый переворот, хотя угроза его с приходом к власти исламистской

---

⁶ Туровская А.А. Роль армии в политическом развитии Турецкой Республики и Исламской Республики Пакистан после Второй мировой войны. Сравнительный анализ: дис. ... канд. ист. наук. М.: МГИМО (Университет), 2014. С. 31–42.

⁷ См., например: Желтов М. Конституционный референдум в Турции: восход Эрдогановского султаната. URL: <http://izbircom.com/2017/05/19/конституционный-референдум-в-турции/> (дата обращения: 04.09.2020).

⁸ Такого взгляда «придерживаются идейные лидеры мусульманских экстремистов. Претендуя на единственно правильное понимание ислама, они также настаивают на том, что исламские основы власти, политики и прав верующих не имеют ничего общего с западными демократическими институтами. Более того, те, кто исповедуют такую радикальную трактовку исламских традиций, отвергают само понятие демократии, делая акцент на том, что власть народа по своей природе чужда исламу, который в противовес данному началу выдвигает принцип верховенства исламского права (шариата)» (*Yilmaz I. Ijtihad and Tajdid by Conduct // Turkish Islam and the Secular State: The Gülen Movement / Yavuz M.H., Esposito J.L. (eds). Syracuse: Syracuse University Press, 2003. P. 208–237*). См. также: Сюкияйнен Л.Р. Религия, право и исламская мысль в современной Турции. URL: <http://fgulen.com/ru/about-fethullah-gulen-ru/scientists/religion-law-and-islamic-thought-in-modern-turkey> (дата обращения: 04.09.2020).

партии существовала. Это показывает, что все же большая часть политической элиты и гражданского общества в Турции пошла на не имеющий прецедента эксперимент с приходом к власти исламской партии в условиях демократии.

Очевидно, что при этом большинство турецкого общества, включая и его секулярные круги, было все же убеждено, что устои демократии и ее политические институты в стране уже настолько состоятельны, что вряд ли могут подвергнуться эрозии в том направлении, на которое их мог бы попытаться направить крайний исламизм. И по крайней мере пока эта уверенность, кажется, оправдывает себя. Во всяком случае правящая исламская партия не только проявляла умеренность и гибкость в проведении в жизнь исламских принципов, но и демонстрировала способность в большей мере придерживаться курса на укрепление и развитие демократии, чем ее секулярные предшественники на пути демократического транзита, по крайней мере так это виделось в период до 2013–2015 гг. Впрочем, и после этого, когда в Турции наметился фиксируемый рядом аналитиков определенный поворот к авторитаризму, заключающийся в значительном усилении президентской власти, ограничении оппозиционных СМИ, репрессиях по отношению к различным фракциям оппозиции, этот поворот нельзя рассматривать как абсолютный, поскольку сохраняются политический плюрализм, многопартийность, конкурентные выборы с возможностью победы на них оппозиции, что было ярко продемонстрировано в ходе выборов мэра Стамбула в 2019 г.

Турецкий опыт имеет особое значение еще и потому, что это первый, за исключением совершенно особой по своим условиям Малайзии, пример успешного транзита от авторитаризма к представительной демократии в условиях государства исламского мира⁹. Сегодня, правда, следует говорить и о том, что, несмотря на всю сложность политической обстановки, довольно успешно продвигается демократический транзит еще в одной исламской стране — Индонезии. Однако там начало ему было положено вовсе не в результате мирной эволюции, а через свержение диктатуры президента Сухарто, а это уже совершенно другая история.

---

⁹ Пакистанский транзит к демократии также можно было бы приводить в качестве примера, однако, на наш взгляд, его еще преждевременно считать закончившимся переходом к устойчивой (консолидированной) демократии.

Глава 8

КОНВЕРГЕНЦИЯ И ПРОБЛЕМА СМЕШАННЫХ РЕЖИМОВ

При рассмотрении вопросов, связанных с существом авторитаризма, его структурой и формами, нельзя не учитывать, что в ходе политического процесса происходит сближение, перетекание и взаимопроникновение политических институтов между различными политическими системами. В свое время эта проблема довольно широко рассматривалась в рамках хорошо забытой сегодня теории конвергенции¹. На макрополитическом уровне (в том, что касалось возможности сближения и в конечном счете слияния двух мировых социально-политических систем) она, как известно, не оправдала

---

¹ Термин «конвергенция» пришел в социологию и политическую науку из биологии, где он рассматривался как процесс схождения признаков между неблизкородственными группами организмов в ходе эволюции. Идея конвергенции применительно к политической жизни впервые была высказана П. Сорокиным в книге «Россия и США», изданной в 1944 г. Впоследствии он не раз возвращался к этой теме (см., например: *Sorokin P.A. Mutual Convergence of the United States and the USSR to the Mixed Sociocultural Type // International Journal of Comparative Sociology. 1960. No. 1 (2). P. 143–176*). В рамках этой концепции, которая разрабатывалась Дж. Гэлбрейтом, У. Ростом и рядом других ведущих американских политологов в 1960-е годы, проводилась основная идея о возможности и необходимости сближения экономических систем и политических институтов двух систем, прежде всего СССР и США, более того, показывалось, на каких направлениях это происходит. Отвергаемая в Советском Союзе эта концепция имела широкую популярность среди достаточно широких кругов западной, в том числе американской, научной и политической элиты до тех пор, пока З. Бжезинский не опубликовал свою программную книгу «Между двумя веками» (см.: *Brzezinski Z. Between Two Ages: America's Role in the Technetronic Era. N.Y.: Viking Press, 1970; Бжезинский З. Между двумя веками: роль Америки в эру технотроники / пер. с англ. И.М. Максимовой. М.: Прогресс, 1972*), в которой доказывал обреченность СССР, его близость к упадку и развалу и на этом основании утверждал, что миссия США должна заключаться вовсе не в конвергенции с ним, а в том, чтобы содействовать крушению Советского Союза и связанного с ним блока. После выхода этой работы популярность и известность теории конвергенции стала снижаться, а затем и вовсе сошла на нет.

себя, что, однако, вовсе не означает, что наблюдения адептов этой теории по поводу межсистемного взаимодействия и взаимосближения политических институтов, возможности и реальности их перетекания из одной системы в другую утратили свою актуальность.

Очевидным заблуждением оказалась идея о возможности мирного перехода от тоталитаризма к демократии. Весь мировой опыт показал отсутствие, по крайней мере до сих пор, прецедентов подобного перехода.

В этом смысле не должен вводить в заблуждение относительно мирный характер бархатных революций 1989 г. Тому, кто мог наблюдать картину прямых трансляций этих событий, было совершенно очевидно, под каким мощным общественно-политическим напором происходило крушение тоталитарных политических институтов. Тот же пример Чили 1973 г. показал невозможность мирного перехода от одной из этих систем к другой: когда демонтаж существовавших институтов появился в повестке дня, в ход событий вмешалась армия. Буквально на следующий год португальская революция поставила в повестку дня аналогичную проблему. Коммунисты, в чьих руках была военная сила, готовились к тому, чтобы установить в стране «диктатуру пролетариата», и лишь под сильнейшим давлением со стороны ЦК КПСС пошли на мирные парламентские выборы, которые проиграли. В результате страна пошла по пути демократического транзита.

Это, разумеется, не было случайным. Тоталитарная и демократическая системы по своей сущности несовместимы. Если демократия является продуктом прорастания в авторитарной среде институтов гражданского представительства и характеризует тенденцию развивающегося индустриального общества, которая связана с перерастанием общественного представительства в адекватные ему политические институты (парламент, многопартийность, разделение властей и проч.), тоталитаризм есть проект, порожденный общественными антагонизмами и призванный разрешить эти антагонизмы совершенно определенным образом: установить общественно-политическую систему, аналогичную системе управления на промышленном предприятии. И демократия (в том виде, в котором она сложилась в XVIII–XIX вв. и развивается до сих пор), и тоталитаризм — продукты индустриального общества, отражающие описанные выше две разные и несовместимые друг с другом тенденции.

Однако есть один немаловажный исторический пример, который, казалось бы, не вписывается в изложенную концепцию. Это пример франкистской Испании.

Принято считать, что франкистский режим в целом был аналогичен режимам нацистской Германии и фашистской Италии. Это так, но лишь отчасти. Не случайно в некоторых западных политологических работах он получил название не тоталитарного, а авторитарно-тоталитарного. Действительно он сочетал в себе элементы как тоталитаризма (близкую к фашистской идеологию, фаланги как аналог партийной организации к фашистской партии Италии), так и авторитаризма (личную власть с опорой на армию), причем элементы авторитаризма в испанском случае превалировали над элементами тоталитаризма: личная власть с опорой на армию превалировала над идеологическим и партийно-организационным компонентом, в то время как при тоталитаризме армия всегда находится под контролем партии и спецслужб, а личная власть является вершиной организационно-партийной структуры. Именно этот авторитарно-тоталитарный характер власти во многом предопределил дальнейшие, постфранкистские судьбы Испании: логичным продолжением авторитарного тренда стало восстановление монархии, а фалангисты, несмотря на то что пытались в период начального демократического транзита осуществить государственный переворот, оказались недостаточно сильны для этого.

Испанский пример отражает существенный аспект взаимосвязи между политическими режимами. Он продемонстрировал то, что потом было неоднократно подтверждено многочисленными примерами из дальнейшей истории авторитаризма: если между тоталитаризмом и демократией прямая конвергенция невозможна, то авторитаризм как раз может быть ковергентен как с тоталитаризмом, так и с демократией.

Это не случайно. Авторитаризм как политическая система, стадильно доиндустриальная, мог (и до сих пор может) нести в себе зачатки, элементы обеих политических систем индустриального типа, более того, те или иные элементы авторитаризма конвергировались с обеими политическими системами и содержались (и до их пор содержатся) в них. Прежде всего речь идет об авторитарном компоненте, который содержится и в тоталитарных, и в демократических системах власти. Наличие авторитарного компонента

в тоталитаризме откровенно признавалось в качестве необходимого еще В.И. Лениным², и действительно этот компонент почти всегда присутствует в тоталитарных системах (хотя и в СССР, и в Китае были достаточно длительные периоды коллективного руководства), и это давало некоторые (впрочем, довольно поверхностные) основания называть их авторитарными. Гораздо меньшее внимание уделялось исследователями политических режимов изучению авторитарного компонента в условиях демократии. И напрасно, поскольку этот компонент почти неизменно присутствует во всяких, в том числе и демократических, системах власти, более того, он является необходимым составляющим элементом демократии.

Принято говорить о единой концепции разделения властей. Однако по сути было три различных концепции разделения властей, на основе которых возникли и существуют до сих пор три различные формы правления: первая — концепция Т. Гоббса и Дж. Локка, на основе которой происходила эволюция британской монархии в ее современную форму; вторая — концепция Дж. Мэдисона, Т. Джефферсона и Дж. Вашингтона, на основе которой развивалась политическая система США; и третья — концепция Ш. Монтескье, которая, как это, казалось бы, ни парадоксально, подверглась серьезной коррекции на родине ее создателя. Нельзя не заметить, что первые две концепции (и развившиеся на их основе системы власти) содержат в себе сильный элемент авторитаризма, и лишь в третьей он отсутствует.

Действительно концепция, начало которой было положено в книге Т. Гоббса «Левиафан», основывалась на необходимости сохранения монархии как стержня, на котором держится вся политическая конструкция. И сегодня этот стержень продолжает присутствовать в британской политической жизни, сохраняя серьезные атрибуты верховной власти: гарантии политического строя, руководство вооруженными силами, назначение и отставку правительства. Другое дело, что все эти полномочия носят как бы ритуальный характер, но от этого они никуда не исчезли.

В американской концепции и в реальности основанной на ней президент наделен широчайшими полномочиями, включая статус главнокомандующего, возможность объявлять войну и чрез-

² См., например, статью В.И. Ленина «Государство и революция» (*Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 62*).

вычайное положение, назначать судей Верховного суда. Другое дело, что в обоих случаях этот авторитарный компонент власти обставлен серьезными ограничениями, которые получили в научной и политической литературе название «система сдержек и противовесов». Причем реальное применение этих двух моделей сегодня вовсе не ограничивается Великобританией и США, а распространяется на все европейские монархии и существующие в демократическом мире президентские республики.

Эти две модели показывают, что по крайней мере в указанных случаях современная демократия означает не отсутствие авторитаризма, а его ограничение.

Рассмотрим теперь случай, когда авторитарная составляющая в системе правления отсутствует либо очень слаба. Это модель парламентской республики по Ш. Монтескье, где высшей властью является парламент, формирующий правительство на основе итогов парламентских выборов.

Эта форма демократического устройства, которая представляется многим наиболее близкой к демократическому идеалу, имеет, однако, один существенный недостаток: она крайне неустойчива. Здесь уже приводились примеры Веймарской республики, а также авторитарного перерождения ряда стран Центральной и Восточной Европы в период между двумя мировыми войнами. Их можно дополнить примерами Французской и Итальянской республик в период уже после Второй мировой войны. Характерно, что существование французской Четвертой республики закончилось кризисом, весьма напоминавшим по содержанию кризис Веймарской республики и получившим разрешение через введение нового конституционного устройства — с президентской составляющей, имеющей весьма заметные авторитарные элементы, такие как верховенство президентской власти над парламентской, возможность для президента распускать парламент, причем без необходимости мотивировки, а также длинный срок одного президентского правления (7 лет) с возможностью его пролонгации на тот же период в случае повторной победы на следующих президентских выборах (за время президентства Ф. Миттерана, правившего все 14 лет, успели последовательно смениться два президента США).

Что касается итальянской парламентской демократии по меньшей мере 40 послевоенных лет, она показала себя почти такой же

неустойчивой, как и ее французский аналог времен Четвертой республики: не говоря уже о том, что правительственные кризисы и следовавшие за ними очередные парламентские выборы происходили со средней частотой примерно раз в полгода, эти кризисы иногда достигали такой остроты, что на повестку дня ставился вопрос в государственном перевороте либо о возможности введения в страну оккупационных войск США и других стран НАТО. Последнее замечание о рассматривавшемся варианте военной оккупации Италии в случае серьезной внутривластной дестабилизации в рассматриваемом контексте отнюдь не случайно.

Единственной парламентской демократией (кроме совершенно уникального по своим особым чертам опыта Швейцарской конфедерации), где политический процесс становления и развития политических институтов проходил достаточно стабильно, без серьезных сбоев и глубоких кризисов, была Федеративная Республика Германия, но при этом нельзя не видеть, что этот процесс происходил в условиях иностранной оккупации.

В качестве дополнительной гарантии стабильности парламентских демократий можно рассматривать также наличие, особенно в период их становления, доминирующих партий, каковыми были ХДС–ХСС в ФРГ и ХДП в Италии, однако и западногерманский, и итальянский примеры убедительно свидетельствуют, что именно внешний, а не внутренний компенсатор отсутствия в парламентской республике авторитарного компонента является решающим. Причем в итальянском случае оккупация не случайно рассматривалась лишь как самый крайний и очень нежелательный случай: ведь в принципе достаточно и самого членства в НАТО, поскольку его устав предусматривает возможность вмешательства в случае угрозы одному из членов альянса. Но, таким образом, НАТО выступает в качестве гаранта суверенитета данного государства, одновременно становясь и ограничителем этого суверенитета.

Это показывает, что парламентская республика, при отсутствии внутреннего авторитарного компонента являясь самой неустойчивой формой демократии, может компенсировать этот недостаток переходом к парламентской монархии (как в Испании) или к президентско-парламентской республике (как в голландской Франции) либо за счет внешних скреп, каковыми для европейских парламентских республик сегодня являются Евросоюз и НАТО, причем по-

следняя ситуация означает для них добровольное согласие на частичную утрату суверенитета.

Ситуация в Европе в настоящий момент является в этом отношении совершенно уникальной, поэтому подавляющее большинство республиканских демократий вне европейского континента, за, пожалуй, единственным исключением Индии, развивается в условиях президентских, а не парламентских республик.

Наличие авторитарного компонента как в тоталитарных, так и в демократических политических системах, что является главным моментом конвергенции каждой из них с сохраняющимся в качестве особой политической системы авторитаризмом, создает почву для возможности переходных или смешанных политических режимов, прежде всего авторитарно-тоталитарных и авторитарно-демократических. Тут следует заметить, что сам по себе авторитаризм, являясь политической системой, адекватной доиндустриальной эпохе, в условиях индустриальной стадии развития исторически становился переходным, транзитным. Модернизация как процесс транзита в индустриальную эпоху неизбежно приводила к внутренней трансформации авторитаризма, включению в него структурных элементов, адекватных индустриальной эпохе, причем эти элементы лишь частично диктовались внутренней логикой политического развития, частично же оказывались в той или иной степени заимствованы из других, находящихся на более развитой стадии индустриального развития и рассматриваемых в качестве эталонных политических систем. Соответственно, эти элементы могли либо приниматься, либо отвергаться местной политической культурой, либо, принимаясь формально, приобретали в местных условиях совершенно иное содержание.

Примеры этого, весьма многочисленные, можно было наблюдать в процессе модернизационного транзита в арабском мире, в Африке южнее Сахары и на постсоветском пространстве, что будет показано дальше в этой книге.

Глава 9

СОВРЕМЕННЫЙ АВТОРИТАРИЗМ: МЕСТО В СТРУКТУРЕ МИРОПОРЯДКА И СТРУКТУРНО- ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Современный авторитаризм занимает не столь значительное место в системе миропорядка, как это иногда представляется: вопреки достаточно распространенному мнению, авторитарные государства не составляют большинства из представленных в мире стран. Вот ориентировочные данные, которые характеризуют настоящую ситуацию.

Из 193 стран, представленных в ООН в 2011 г., т.е. на начало «арабской весны»¹, насчитывалось чуть больше 100 государств с устойчивым демократическим режимом², безусловно авторитар-

---

¹ 29 ноября 2012 г. Палестина была принята в ООН в качестве наблюдателя и таким образом получила статус государства, официально признанного мировым сообществом. Следует упомянуть, что, помимо государств — членов ООН, сегодня существует ряд государств, имеющих ограниченное признание (такие как Тайвань, Республика Северного Кипра, Косово, Абхазия, Южная Осетия) либо непризнанных (такие как Нагорный Карабах и Приднестровье). С учетом непризнанных и частично признанных государств общее число стран мира увеличивается до более 200, однако объективные и субъективные проблемы, существующие по поводу статуса этих стран и самой перспективы их дальнейшего существования, создают сложность точного определения числа стран мира, которое при нерешенности указанных вопросов всегда будет содержать элемент приблизительности. Википедия, в частности, приводит список из 260 стран мира, куда включены 193 страны — члены ООН, Ватикан, 12 стран с неопределенным статусом, включая Палестину, а также 54 других территорий, включенных по не очень понятным принципам (например, Гавайи, являющиеся, как известно, частью территории США).

² Отнесение той или иной страны к категории устойчивой демократии основывается на хорошо известных в политологии критериях. В частности, С. Хантингтон предлагал относить к категории консолидированной демо-

ных — около 30, тоталитарных — 5, стран со смешанными политическими режимами, в которых черты демократии сочетались с элементами авторитаризма (и большинство которых можно условно отнести к категории функционального авторитаризма) — немногим более 10, государств с неустойчивыми режимами, более половины которых являются неустойчивыми демократиями, а других — либо с неустойчивыми смешанными режимами, либо несостоявшимися и распадающимися государствами — более 20. Таким образом, даже если все государства со смешанными режимами отнести к категории авторитарных, соотношение между демократическими и авторитарными государствами составит 100:40 (см. приложение 1).

Разумеется, при этих расчетах в категорию демократических государств наряду с крупными странами Европейского, Американского и Азиатского континентов попадают и некоторые мелкие и мельчайшие страны, но и в категорию авторитарных вместе с крупными странами попадают такие, как, например, Джибути, Гвинея-Бисау, Бруней и Лесото, которые никак не отнесешь к большим государствам. Тем не менее это соотношение уже говорит о тенденции.

Во-первых, доля авторитарных стран в числе государств — членов ООН, т.е. полностью признанных государств, составляет примерно 15%, и, если учитывать при этом все частично признанные и непризнанные государства, она не сильно изменится.

Во-вторых, даже если приплюсовать к этой доле все смешанные режимы, она изменится до примерно 20%, притом что внутри этой категории присутствуют определенная амплитуда колебаний между авторитаризмом и демократией и в определенной мере — размытость критериев, что дает почву для вольного, конъюнктурного и политически ангажированного толкования политического режима в странах этой категории, чего не во всех случаях удастся избежать. В любом случае это дает основание утверждать, что почти при любом подходе в этой ситуации доля авторитарных государств не превысит 20%.

В-третьих, тенденция перехода стран к демократии, в отличие, скажем, от 1960-х годов, если и не стала необратимой, то близка

кратии страны, где смена власти путем конкурентных выборов происходила не менее двух раз (см.: *Huntington S. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. University of Oklahoma Press, 1991. P. 174–175*).

к этому: хотя процесс демократизации по сравнению с последней декадой XX в. приостановился (а, по мнению некоторых, застыл³), за этот же период не было или почти не было и прецедентов перехода от демократии к явному (системному, не имеющему конституционных и законодательных ограничений, а не скрытому, функциональному) авторитаризму. Это дает основание полагать, что и среди стран с неустойчивыми режимами, доля которых в общем числе признанных государств превышает 10%, потенциал демократии в их преобладающей части выше, чем потенциал авторитаризма.

Причем основной массив авторитарных государств сосредоточен в трех регионах мира — арабском мире, Тропической Африке и на постсоветском пространстве.

Основная особенность современного авторитаризма, в отличие от традиционного, который был политической системой, адекватной доиндустриальной эпохе, заключается в том, что в современный исторический период он принципиально транзитный, переходный. Однако в отличие от середины и последующих трех деkad XX в. исторического выбора в таком транзите практически не осталось. Хотя тоталитаризм и сегодня продолжает присутствовать на мировой арене в двух вариантах — реальном, китайском в своем основном глобальном выражении, и потенциальном, в виде проекта всемирного халифата, выдвигаемого Аль-Каидой, ИГИЛ и рядом других группировок салафитского толка, оба эти варианта имеют весьма сомнительную глобальную перспективу.

Китайский вариант, в отличие от канувшего в лету советского, жестко ограничен национальными рамками и не имеет глобальной проекции. Советская модель изначально строилась как интернациональная, а после Второй мировой войны экспонентно развивалась с многочисленными национальными вариантами, связанными, однако, в конечном счете единым идеологическим стержнем, создававшим мировую систему, причем достаточно привлекательную для многих стран третьего мира. В отличие от этого китайская

---

³ Так, Дж. Браунли, справедливо отмечая, что с 1996 по 2005 г. вновь появились лишь четыре электоральных демократии, утверждал, что более 50 стран совмещали демократические выборы с методами авторитарного давления. См.: *Brownlee J. Authoritarianism in an Age of Democratization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 16.

модель не имеет ни одного аналога, связанного с ней идеологически, политически и экономически. Другие модели сходного типа — вьетнамская, северокорейская, кубинская — также развиваются в строго национальных рамках, имея при этом в некоторых случаях доходящие до антагонизма (как Вьетнам) отношения с Китаем. Более того, целиком занятый своим развитием и имеющей лишь сугубо экономическое измерение мировой экспансией Китай, в отличие от своего же политического курса в середине XX в., и не претендует на создание политических режимов по своему образцу, а в последние годы к тому же в китайском политико-идеологическом истеблишменте наметилась тенденция заимствования ряда элементов из демократических систем: ротация лидеров различных уровней, ограничение срока их пребывания у власти и проч. (Правда, в отношении руководителя КНР Си Цзиньпина в последнее время отмечена обратная тенденция — отмена ограничения срока, но это пока касается только одного лидера, хотя и самого главного в стране.) Кроме того, в КНР сохраняется, пусть декоративная, многопартийность, а в последнее время — допущение в партию представителей крупного бизнеса.

Практически не наблюдается стремление лидеров, политических элит и более широких общественных кругов стран Азии, Африки и Южной Америки следовать китайскому образцу и выстраивать политическую систему по лекалам китайского типа. Существуют лишь отдельные политические группы, которые могут ратовать за такой подход, вроде российской КПРФ или маоистской компартии Непала, но они, как правило, имеют ограниченное влияние даже в национальных рамках⁴.

Что касается второго варианта, то здесь ситуация менее однозначна, но и менее определена, чем с китайским.

Во-первых, до определенного времени он оставался всего лишь проектом, не вышедшим в сколь-нибудь завершенном виде за рамки

---

⁴ Применительно к Непалу в данном случае речь идет не о Коммунистической партии Непала (марксистско-ленинской), являющейся правящей партией страны, но, несмотря на свое название, придерживающейся умеренных позиций и действующей в рамках демократической системы, а о маоистской компартии, находящейся с 2009 г. в оппозиции (см., например: *Bhattarai K.D.* Are the Maoists Rising Again in Nepal? // *The Diplomat*. URL: <https://thediplomat.com/2019/03/are-the-maoists-rising-again-in-nepal/> (дата обращения: 04.09.2020)).

виртуальности. Были и есть лишь фрагментарные эксперименты по частичному осуществлению этого проекта — в Афганистане в виде режима талибов, в Сомали в виде и вовсе провальных экспериментов с созданием фрагментов власти радикальных исламистов. Реальные черты этот проект стал приобретать лишь созданием «Исламского государства» (ИГИЛ, ДАИШ) на территории Сирии и Ирака, однако судьба этого квазигосударства оказалась недолгой.

Во-вторых, это сугубо исламский проект, иначе говоря, проект, осуществление которого принципиально возможно только в рамках исламского мира, поэтому о его универсализме говорить не приходится, хотя претензии на универсализм у его адептов просматриваются, однако это универсализм, который противопоставляет мусульман всем остальным иноверческим группам и поэтому неминуемо вызывает отторжение у всех немусульман, составляющих подавляющее большинство населения мира. Да и истинными мусульманами он объявляет отнюдь не всех, кто исповедует ислам, а лишь тех, кто разделяет позиции адептов этого проекта.

В-третьих, этот проект вызывает острое противоборство в самом мусульманском мире, поскольку претендует на монополию истинности веры, что абсолютно неприемлемо с точки зрения традиционно присутствующего в мусульманской умме плюрализма направлений и школ.

И, наконец, в-четвертых, он содержит в себе мощный заряд идиосинкразии по отношению к авторитарным режимам, прежде всего в самом исламском мире, что априори перекрывает всякие пути соприкосновения или плавного перехода от авторитаризма к политическому режиму, в основе которого может лежать подобный проект.

Отсюда становится очевидным, что исторический выбор современного авторитаризма ограничен сегодня весьма узким коридором дилеммы — либо эволюционно реформироваться в направлении демократии, либо замкнуться в рамках своей и без того жесткой структуры, которая, еще более окостеневая, делает в отношении него почти вещественно буквальной экстраполяцию цитаты из романа Г. Гессе «Степной волк» о трагедии человека, зажатого между двумя веками.

Глава 10

ПОСТИНДУСТРИАЛЬНАЯ СТАДИЯ РАЗВИТИЯ, ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И СУДЬБЫ АВТОРИТАРИЗМА

Переход к постиндустриальной стадии развития наметился в мире с конца 1960-х годов. Этот переход сопровождался структурно-функциональным кризисом всех существующих политических систем, причем начальный период этого перехода в наиболее острой форме затронул демократические системы. Однако последние за счет присущей им внутренней гибкости и способности самонастройки смогли выйти из этого кризиса, в том числе за счет аккумуляции в систему новых структур, поначалу проявлявших себя как внесистемные (массовых молодежных, экологических и правозащитных движений). В результате демократия как мировая система не только вышла из кризиса, но и расширила свой ареал¹, существенно изменив при этом свою структуру и внутреннее содержание.

Гораздо серьезнее отразился этот кризис на судьбах мировой тоталитарной (социалистической) системы, приняв не только структурно-функциональный, но и системный характер. Попытки переналадки, перестройки системы, придания ей большей гибкости и возможности самонастройки в результате лишь обнажили всю глубину этого кризиса и ускорили тотальный крах системы. В результате распалась не только мировая система, но и ее цитадель — Советский Союз, на развалинах которого из 15 союзных республик образовались независимые национальные государства.

---

¹ Этот процесс получил одно из наиболее убедительных отражений в книге С. Хантингтона «Третья волна» (см.: *Huntington S. The Third Wave. Democratization in the Late Twentieth Century. University of Oklahoma Press, 1991*).

Сегодня в мире осталось лишь пять тоталитарных государств — Китай, Вьетнам, Лаос, Северная Корея и Куба. Последние два, имеющие значимые элементы авторитаризма и на этом основании могущие называться тоталитарно-авторитарными, находятся в состоянии стагнации. Вопрос о том, к чему приведут нынешние попытки кубинского руководства вывести страну из этого положения, остается открытым. Китай и Вьетнам — пока уникальные два примера того, как до определенной степени удается приспособить тоталитарную систему к реалиям постиндустриальной эпохи, в том числе, как это особенно очевидно в Китае, за счет нахождения механизма периодической смены руководства путем внутренней ротации, чего раньше не удавалось в условиях тоталитаризма. Однако система политической социализации и политического рекрутирования остается закрытой, номенклатурной, и в этой фактически центральной структуре кровообращения системы наметились серьезные натяжения.

Не совсем ясно, удастся ли политической системе Китая эволюционно преодолеть эти критические натяжения. Ясно другое — эту систему никак нельзя характеризовать как авторитарную, а происходящие изменения, которые китайские идеологи и политические аналитики описывают как развитие демократии, не являются изменениями в направлении авторитаризма, т.е. системы личной власти.

Что касается авторитарных систем, то они гораздо позже оказались всерьез затронуты этими кризисными явлениями, причем до такой степени, что возникло впечатление, что они могут либо оказаться в полосе чрезвычайно длительного эволюционного перехода, либо на обозримо длительный период сохранить в том или ином виде свои малоизмененные системы. Более того, к числу авторитарных государств прибавился ряд стран постсоветского пространства.

Столь долгий период отсутствия явных признаков острого политического кризиса авторитаризма объясняется длительностью перехода развивающихся стран к индустриальной стадии развития, в условиях которого сохранялась необходимость в становлении государственности, функциях национальной консолидации, складывания единого поля национальной политической культуры и начальной модернизации, которые и обеспечивал авторитаризм.

Однако эти процессы, в том числе процесс модернизации, стали ускоряться по мере того, как постиндустриальная стадия породила процесс глобализации. Ускорение переноса индустриальных производств в развивающиеся страны, связанное с этим ускорение урбанизации, перевода сельскохозяйственного производства на промышленную основу и, наконец, быстрое распространение новых средств массовой коммуникации, включая Интернет и мобильную связь, — все это ускорило изменение социально-политической структуры общества и обнажило и обострило существующие в нем социально-политические противоречия.

Одновременно, быть может, внешне не столь заметно, происходило сужение ареала распространения авторитаризма. Чуть ранее отмечалось, что произошло определенное увеличение числа авторитарных государств за счет ряда республик бывшего СССР, однако эта прибавка не компенсировала общее снижение количества авторитарных стран в результате демократической трансформации государств Латинской Америки и Юго-Восточной Азии в 80–90-е годы XX в., а также Африки — в 1990-е.

Истоки кризиса современно авторитаризма связаны прежде всего с тем, что создание национальных государств, которое происходило в основном в индустриальный период и завершилось практически в начальной фазе постиндустриального периода, перестало являться одним из основных целеполагающих аспектов мирового политического процесса. В этот период такими основными аспектами стали складывание глобального рынка и связанного с этим переформатирование миропорядка, включая создание наднациональных региональных сообществ, в качестве наиболее выкристаллизовавшейся формы которых выступает сегодня Евросоюз.

В этих условиях национальная консолидация, как правило, уже достигнутая, в том числе в рамках авторитарных государств, перестает играть роль ведущего фактора в дальнейшем развитии политической системы. Первичная модернизация тоже, как правило, уже осуществлена. В такой ситуации позитивные аспекты авторитаризма обычно утрачивают свое историческое значение и на первый план выходят его негативные аспекты, порождающие и углубляющие противоречия развития и во многих отношениях сами по себе превращающиеся в препятствия для дальнейшего политического, экономического и социального развития.

Эти негативные аспекты авторитаризма, проявляющиеся в чрезмерной централизации власти, перерастании ее в личную и групповую власть узкого клана, закрытости общества, отсутствии политической конкуренции и реальной возможности для различных политических слоев и групп выражать свои интересы через политическое представительство, подавление вертикалью власти горизонтальных политических связей, сужение поля распространения информации вплоть до полного запрета альтернативной информации и определяют вступление авторитаризма в критическую фазу. Перечисленные аспекты, внешне сохраняющие остов сильной центральной власти, внутренне подрывают ее, лишая питательных основ в виде системных связей с обществом и внешним миром.

В последнем отношении наличие авторитаризма вступает в противоречие с глобализацией, поскольку расходится с ее фундаментальным принципом свободного обмена ресурсами, товарами и людьми. Но это же становится коренным препятствием для развития самих обществ в авторитарных странах. Поскольку отсутствие или крайняя слабость горизонтальных связей связывают свободные и прозрачные потоки товаров, ресурсов и людей, следствием этого становятся: 1) невозможность или крайняя слабость интеграционных процессов²; 2) непрозрачные формы финансовых потоков, регулируемых системной коррупцией; 3) препятствия на пути развития индустриального и научно-технологического прогресса.

² Эта фундаментальная проблема, общая для тоталитарных и авторитарных обществ, проявляется том, что даже, казалось бы, успешно идущие интеграционные процессы в конечном счете упираются в отсутствие принципиальной возможности горизонтальной интеграции. Так, при сравнении интеграционных процессов Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ) и предтечи Евросоюза в лице европейского Общего рынка обнаружилось, что вертикальная интеграция в СЭВ шла успешно и даже в какой-то момент опережала интеграционные процессы в западной части Европы, однако процесс интеграции в итоге уперся в слабость перемещения товаров, финансовых потоков, а главное — в отсутствие возможности свободного перемещения людей, что было связано прежде всего с политическими причинами, в первую очередь с фундаментальными особенностями структуры политической системы, налагавшими тотальный запрет на свободное перемещение. Авторитаризм не налагает такого тотального запрета, однако его структура существенно ограничивает свободное перемещение людей. Этим, в частности, объясняется фатальная неудача интеграционных процессов в арабском мире начиная с проекта создания Объединенной Арабской Республики. Относительно неплохо эта проблема решается в рамках АСЕАН, но это пока единственный пример за пределами ЕС, где удается, да и то весьма ограниченно, урегулировать эту проблему.

Но самым существенным моментом становится крайнее ослабление, вплоть до полной утраты, обратной связи с обществом, что порождает растущую изоляцию от него верховной власти. Эта утрата обратной связи в конечном счете приводит к тому, что реальная информация о происходящем на низовом общественно-политическом уровне либо вовсе не доходит до вершин авторитарной власти, либо доходит в крайне искаженном виде.

Кризис современного авторитаризма в его республиканской форме усугубляется также тем, что его структурно-функциональный характер лишен механизма преемственности власти. Поэтому такой авторитаризм оказывается связанным с личностью существующего лидера, срок пребывания у власти которого ограничен естественными причинами. К концу жизни лидера это автоматически приводит к политическому кризису. В этом отношении он оказывается слабее по сравнению с монархической формой авторитаризма, где подобный механизм передачи власти существует в виде института престолонаследия³.

События «арабской весны», в частности, довольно убедительно показали, что политический кризис, который в самой острой форме охватил почти все без исключения авторитарные арабские режимы, для монархий, как правило, все же ограничивался правительственными кризисами и уходом в отставку кабинета министров, в то время как целый ряд республиканских режимов рухнул под напором народных волнений.

Отсутствие механизма преемственности власти побуждает авторитарные (как и тоталитарно-авторитарные) режимы прибегать к квазимонархическому, бонапартистскому способу передачи власти. Впервые он (теперь уже дважды) был опробован в Северной Корее, затем — в Сирии и Азербайджане, попытки осуществить передачу власти подобным путем в Египте, Ливии и Йемене окончились неудачей.

Еще один важный аспект политического кризиса авторитаризма в условиях глобализации, связанный со слабостью обратной связи в авторитарных режимах, проявился в ходе «арабской весны» в том, какую роль в этих событиях сыграли новые СМИ, в частности

---

³ Подробнее об этом см.: *Труевцев К.М.* Политические системы арабских стран: между авторитаризмом и демократией // *Азия и Африка сегодня.* 2005. № 7. С. 15–21.

интернет-коммуникации через социальные сети, а также мобильная телефонная связь. Осуществляя монопольный контроль над ставшими традиционными средствами массовой информации, такими как телевидение, радио и периодическая печать, правящие режимы Туниса, Египта и Ливии полагали, что этого достаточно, чтобы держать политическую ситуацию в русле, сохраняющем существующий порядок. Однако использование контактов в социальных сетях и мобильной связи обеспечило радикально настроенной оппозиции решающее преимущество в мобилизации и опережении развития событий по сравнению с действиями властей, более того, оказало на последние парализующее воздействие⁴.

Кризис авторитаризма еще не означает немедленного автоматического исчезновения с мировой политической арены всех авторитарных режимов, точнее, он знаменует начало тенденции утраты авторитаризмом характера мирового системного фактора. Но вместе с тем в локальных региональных и страновых условиях необходимые условия для существования авторитаризма продолжают сохраняться.

Так, события 2011 г. в Йемене показали, что размах общественного движения, направленного на свержение диктатуры президента Али Абдаллы Салеха, сам по себе для достижения этой цели недостаточен, и успех стал возможен, только когда помимо ряда военных частей к нему примкнули некоторые шейхи племен, прежде всего руководство доминирующего племенного союза хашед.

Это показывает, что успех новой йеменской революции, как и свержение династии Хамидадинов и установление республиканского режима 26 сентября 1962 г., не решили проблем национальной консолидации йеменского общества. Оно продолжает оставаться расколотым по племенному, региональному и конфессиональному принципам, что означает преобладание местной политической культуры над не окончательно сложившейся общенациональной. Сможет ли переход к демократии решить эту задачу или для ее решения потребуются вновь вернуться к авторитарному правлению, покажет уже ближайшее будущее. Однако этот пример убедительно свидетельствует, что условия для существования авторитаризма в Йемене вовсе не устранены.

---

⁴ Более подробно этот процесс описан в: *Труевцев К.М.* Социальные сети: особый случай Сирии // *Азия и Африка сегодня.* 2019. № 12. С. 30–33.

Существуют они по-прежнему и в ряде стран Тропической Африки, где трайбализм, полиэтничность и поликонфессиональность несут в себе постоянную и нередко реализуемую угрозу раскола и распада государства.

Даже в тех арабских государствах, где движение против диктатуры начиналось и проходило под общедемократическими лозунгами, — Тунисе, Египте и особенно в Ливии — итоги восстаний и прошедших избирательных кампаний не внесли определенности в перспективы дальнейшего пути политического развития, поскольку в первых двух странах выявились чреватые внутринациональным расколом противоречия между традиционалистской (исламистской) и либерально-прогрессивной частями общества, а в Ливии распад государства превратился в политическую реальность.

В этом контексте особый интерес представляет проблематика авторитарных режимов на постсоветском пространстве, поскольку они образовались в частях в прошлом единой страны, которая прошла гораздо более длительный и во многом более эффективный путь модернизации по сравнению с большинством стран третьего мира.

Раздел III

РЕГИОНЫ ЛОКАЛИЗАЦИИ АВТОРИТАРИЗМА И ИХ СТРУКТУРНО- ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ В ПРЕДДВЕРИИ ВОЛН ГЛОБАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Глава 11

ОСОБЕННОСТИ ПОСТСОВЕТСКОГО АВТОРИТАРИЗМА И МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ НА ПЕРЕЛОМЕ МИЛЛЕНИУМА

Распад Советского Союза привел к образованию на месте бывших его союзных республик 15 национальных государств¹. Из них 4 — страны Балтии и Молдавия — являлись парламентскими², а остальные 11 — президентскими республиками.

Ситуация во всех парламентских республиках бывшего СССР с самого начала характеризовалась крайней неустойчивостью, которую в республиках Балтии удалось устранить только путем их вступления в НАТО и Евросоюз; последние, по сути, стали внешними гарантами политической стабильности в этих государствах, хотя элементы внутренней нестабильности продолжают оставаться в виде прежде всего сегрегации так называемых неграждан, что является отражением раскола общества по национально-этническому признаку. В Молдавии же внутреннее положение и сегодня,

---

¹ Кроме того, было образовано четыре так называемых непризнанных государства, вышедших из состава ряда бывших союзных республик, — Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье и Нагорный Карабах. Из них первые два получили после августовской войны 2008 г. ограниченное признание. Но, пожалуй, только Абхазию можно считать состоявшимся национальным государством, поскольку вряд ли кем-либо оспаривается факт, что население Южной Осетии является частью единого осетинского этноса, население Нагорного Карабаха — соответственно армянского, а судьба Приднестровья, несмотря на прошедший референдум, который подтвердил его отделение от Молдавии, остается неясной.

² Точнее, три — Латвия, Молдавия и Эстония — парламентско-президентские, поскольку президент в них избирается парламентом и обладает весьма ограниченными, в основном процедурными, полномочиями, а Литва — президентско-парламентская, так как президент избирается отдельным всенародным голосованием, но его полномочия также существенно ограничены.

спустя почти три десятилетия после обретения независимости, продолжает оставаться настолько нестабильным, что республика все время фактически находится на грани распада и утраты национальной государственности.

Все это — иллюстрация вышеописанной общей закономерности: в период национально-государственного становления страны нуждаются в сильной исполнительной власти, если, конечно, стремятся сохранить свой суверенитет. Очевидно, именно этим руководствовались политические круги большинства бывших советских республик, когда с самого начала выбирали президентскую форму правления³. Но, как уже отмечалось, она всегда несет в себе сильный элемент авторитаризма, и эта та цена, которую приходится платить за достижение политической стабильности, особенно необходимой в период становления и начального развития независимого национального государства.

Структурные предпосылки постсоветского авторитаризма на начальном этапе перехода от советской к постсоветской системе складывались следующим образом. Проводя курс политических реформ, советское руководство в 1990 г. впервые в истории СССР вынудило руководящих партийных секретарей всех уровней — начиная с секретаря райкома и кончая первыми секретарями республиканских компартий — пройти через альтернативные выборы. Этот механизм, продолжившийся в процессе разделения законо-

³ Не везде президентская форма правления утвердилась с самого начала как стабильная. Так, в Грузии краткий период правления президента З. Гамсахурдия сменился парламентской республикой. Однако обстановка нестабильности, царившая до возвращения в страну Э. Шеварднадзе, и продолжавшаяся нестабильность после его возвращения, когда он был в должности председателя парламента, заставили возвратиться к формату президентской республики. В Киргизии дважды — после свержения А. Акаева и после устранения от власти К. Бакиева — были попытки опробовать форму парламентской республики, и оба раза они сопровождались усилением политической дестабилизации. Лишь в последние годы Киргизия, кажется, выходит на путь относительной стабилизации по формуле президентско-парламентской республики с сильной президентской властью, но и правление четвертого президента А. Атамбаева (2011—2017 гг.) сопровождалось всплесками нестабильности, коррупционными скандалами, а по окончании его правления завершилось в 2020 г. уголовным судом и приговором к лишению свободы сроком на 11 лет. См.: 11 лет тюрьмы для экс-президента: как Атамбаев провалил операцию «Преемник» // DW. 25.06.2020. URL: <https://www.dw.com/ru/11-лет-тюрьмы-для-экс-президента-как-атамбаев-провалил-операцию-преемник/a-53941735> (дата обращения: 04.09.2020).

дательной и исполнительной властей в течение 1990–1991 гг., на республиканском уровне выразился во введении поста президента практически во всех республиках. Президентские выборы, как правило, проходили посредством отдельного всенародного голосования на альтернативной основе. Естественно, при этом руководящие партийные деятели в республиках имели серьезное преимущество в виде поддержки союзного центра и опоры на партийные организации КПСС и другие инструменты советской системы. Там, где первые секретари республиканских компартий победили на альтернативных выборах, они легализовали и легитимировали свою власть уже в качестве президентов.

Эта легитимация и выступала исходным пунктом для установления авторитарных режимов с той или иной степенью консервации политического порядка, сложившегося в последние годы перестройки. Переход к авторитарному правлению облегчался тем, что в республиках бывшего СССР, в отличие, скажем, от стран Восточной и Центральной Европы, практически отсутствовали противовесы авторитарному правлению в виде сложившихся политических партий, имевшегося между двумя мировыми войнами опыта парламентаризма и более или менее развитого гражданского общества.

Именно так складывалась обстановка в Казахстане, Туркмении, Узбекистане и на Украине, где пришли к власти фактически уже имевшие ее деятели советского периода. С той, однако, разницей, что на Украине существовали сильные оппозиционные структуры в виде различных политических партий, с которыми первый президент Украины Л. Кравчук не мог не считаться, а в перечисленных республиках Центральной Азии серьезная организованная оппозиция либо не существовала вовсе, либо была слишком слаба и фактически носила маргинальный характер⁴.

Иначе обстояло дело в республиках, где к власти, в том числе президентской, пришли деятели политической оппозиции, и таких республик было большинство: Россия, Армения, Азербайджан,

⁴ Неудачей закончилась попытка установления режима подобного типа в Таджикистане, где избранный президентом первый секретарь ЦК КПТ Р. Набиев просуществовал в этой должности всего год: в 1992 г. он был свергнут со своего поста объединенными силами национально-демократической и исламской оппозиции, после чего в стране началась пятилетняя гражданская война.

Грузия, Молдавия, Киргизия⁵. Казалось бы, здесь появилась реальная перспектива поступательного демократического развития. Однако на деле ситуация оказалась иной. Именно эти страны пережили наиболее острые критические периоды в своем развитии.

В Грузии установился деспотический режим З. Гамсахурдия, после свержения которого в стране воцарился хаос, сменившийся авторитарным правлением возвратившегося в страну Э. Шеварднадзе. В какой-то мере сходная ситуация возникла в Азербайджане, где правление Народного фронта закончилось дестабилизацией и военным переворотом, выход из которого произошел посредством возвращения на свой пост Г. Алиева и установления авторитарного режима. Относительно более стабильной была обстановка в России, Армении и Киргизии, но и они прошли через периоды острейших политических кризисов. Для Киргизии такой кризис закончился свержением президента А. Акаева и последующим периодом политической нестабильности, о завершении которого и сегодня, несмотря на относительную стабилизацию, говорить преждевременно. На Украине, где политический процесс в 1990-е годы развивался в направлении демократизации, политическая турбулентность тоже оказалась реальностью, начиная с периода «оранжевой революции» и сегодня общество продолжает существовать в ситуации глубокого национального раскола, выразившегося не только в отделении Крыма и донецких республик, но и сохранении в оставшейся части Украины противоречий, чреватых дальнейшей дезинтеграцией страны.

В период национально-государственного становления во многих постсоветских странах авторитарные режимы выступали условием внутренней стабилизации. Там же, где к власти приходили альтернативные силы, происходила дестабилизация, которая также нередко заканчивалась установлением авторитарных режимов.

Помимо упоминавшихся Грузии и Азербайджана, установление авторитаризма стало итогом гражданской войны в Таджикистане. В Белоруссии, где период государственно-национального становления структурно фактически начался позже, чем в других респуб-

---

⁵ Особый случай представляет Белоруссия, где поста президента не существовало до принятия конституции в 1994 г. и политический режим возглавлялся Председателем Верховного Совета С. Шушкевичем вплоть до президентских выборов 1994 г.

ликах, в 1994 г., этот период также ознаменовался установлением в результате референдума 1996 г. авторитарной власти А. Лукашенко.

Не явился исключением из этого правила и период так называемых цветных революций: мишенью этих революций стали отнюдь не самые жесткие авторитарные режимы. В силу описанных причин авторитарные тенденции, несомненно, были и в Киргизии в период правления президента А. Акаева, и на Украине в течение последнего президентского срока Л. Кучмы. Однако оба эти режима следует признать, скорее, смешанными, с переплетением демократических и авторитарных тенденций, но никак не полностью авторитарными. Более глубокие кризисные причины были для «революции роз» в Грузии, но и там режим Э. Шеварднадзе был одним из самых мягких авторитарных режимов на постсоветском пространстве.

Из 12 стран этой части постсоветского региона 6 являются системно авторитарными (Азербайджан, Белоруссия, Казахстан, Таджикистан, Туркмения и Узбекистан) и 5 с неустойчивыми политическими режимами (Армения, Грузия, Киргизия, Молдавия и Украина), причем 3 из них (Киргизия, Молдавия и Украина) находятся под угрозой национально-государственного распада.

При этом в Армении, Грузии, а отчасти и на Украине, в Киргизии и Молдавии долгое время существовали фактически смешанные режимы, воспроизводящие те или иные черты функционального авторитаризма, причем в ряде из них часть этих черт продолжает (каким бы парадоксом это на первый взгляд ни казалось) сохраняться до сих пор.

Разница между системным и функциональным авторитаризмом заключается в следующем.

1. Системный авторитаризм — такой тип режима, который получает системное и, соответственно, структурно-функциональное закрепление в первую очередь через нормативную подсистему, в частности через конституцию и другие законодательные акты, которые снимают ограничители авторитарного компонента и, следовательно, расширяют поле авторитарной власти вплоть до абсолютной.

2. Функциональный авторитаризм — тип смешанного (гибридного) режима, при котором сохраняется ряд важнейших демократических норм, в том числе системные ограничители авторитарного компонента, однако в ходе функционирования режима роль этих ограничителей существенно снижается, находятся способы их

обхода или неоднозначного толкования, и тем самым политическая жизнь и прежде всего властные структуры начинают функционировать в авторитарном режиме.

Это различие, имеющее, на наш взгляд, принципиальный характер, можно объяснить на примерах постсоветских режимов следующим образом.

Во всех авторитарных режимах, характеризуемых здесь как системные, снятие ограничений на авторитарный компонент власти получило то или иное нормативное, в том числе конституционное, закрепление, как, например, снятие ограничения на количество сроков правления одного и того же президента, отмена обязательной конкуренции на президентских выборах, замена их плебисцитом или референдумом об избрании (утверждении в должности) президента, объявление его пожизненным президентом и проч. Такое снятие ограничений на авторитарный компонент власти влечет ограничение межпартийной конкуренции на парламентских выборах, вплоть до ее полного исчезновения либо принятия ею фиктивного характера, превращение доминирующей партии в господствующую и фактически в инструмент единоличного правления лидера страны, ограничение свободы средств массовой информации, включая использование цензуры и введение государственной монополии на информацию, превращение всякой реальной оппозиции во внесистемную и подлежащую подавлению, системное ограничение других свобод и гражданских прав.

В отличие от этого, во всех смешанных режимах на постсоветском пространстве сохраняются системные, конституционные и другие законодательные ограничения авторитарного компонента власти. Из этого проистекают и другие последствия в различных аспектах политической жизни, которые на первый взгляд представляются если не идентичными, то весьма схожими: конкуренция на президентских и парламентских выборах хотя и ограничивается, но не исчезает и не носит фиктивного характера, хотя реальная оппозиция имеет тенденцию превращаться во внесистемную, но ее точки роста сохраняются, более того, при определенных условиях стираются грани между системной и внесистемной оппозицией, положение доминирующей партии имеет свои ограничители, монополия власти на информацию не носит абсолютного характера.

Все эти различия, которые на первый взгляд могут показаться несущественными, на самом деле имеют определенные последствия.

Между смешанным режимом в форме функционального авторитаризма и представительной демократией нет жесткого барьера, поэтому при определенных условиях перед ним открыт относительно простой путь эволюции в сторону дальнейшего развития демократических начал. Разумеется, такой путь все равно потребует мобилизации гражданского общества и усиления его давления на власть, что, в частности, показали события в Грузии, на Украине, в Молдавии и Армении.

В Грузии после «революции роз» в 2003 г., казалось, произошел демократический перелом. Однако соединение президентской власти с доминирующей партией «Единое национальное движение» (ЕНД) дало эффект функционального авторитаризма, которое М. Саакашвили попытался закрепить через изменение конституции за счет перевода своей власти из президентской в премьерскую. Однако проигрыш парламентских выборов ЕНД в 2012 г. сорвал эти планы, и демократический транзит в стране продолжился. В то же время при явном упрочении демократии за новой правящей партией «Грузинская мечта» стоит теневая фигура олигарха Б. Иванишвили, что сохраняет элементы неформального авторитарного управления страной.

Похоже события развивались в Армении в 2018 г., когда президент С. Саргсян путем изменения конституции решил сохранить свою власть в качестве премьера, но потерял ее ввиду массовых волнений. На их волне произошли досрочные выборы, и в результате демократического транзита к власти пришел Н. Пашинян. Однако соединение власти премьера с доминирующей партией снова создает тенденцию функционального авторитаризма.

На Украине начиная с «оранжевой революции», казалось бы, покончившей с авторитарным механизмом президентской власти, возникла постоянная ситуация «качелей» между президентской и парламентской республикой. Эта ситуация не изменилась с «революцией достоинства» в 2014 г.: в стране постоянно повторяется ситуация «президент + доминирующая партия (блок)», что воспроизводит ситуацию функционального авторитаризма. Демократический выборный процесс меняет конфигурацию власти, однако результаты и президентских, а затем и парламентских выборов 2019 г. вновь возвращают к формуле «президент + доминирующая партия». Победа на этих президентских выборах не просто альтернативного, но и внесистемного кандидата В. Зеленского породила

Раздел III. Регионы локализации авторитаризма...

в обществе надежды на новый демократический поворот, однако результаты парламентских выборов снова привели к той же комбинации «президент + доминирующая партия», несущей в себе потенциал авторитаризма. Существенным препятствием к реализации этого потенциала является отсутствие контроля президентской власти над силовым блоком, однако такая ситуация чревата не столько продолжением демократического транзита, сколько растущей дестабилизацией, особенно в условиях сохраняющегося военного противостояния на Донбассе.

В Молдавии до последнего времени за демократическим антуражем стояла доминирующая фигура олигарха В. Плахотнюка, который оставался теневым авторитарным лидером страны. И лишь в июне 2019 г. он был отстранен от управления государством новой политической коалицией, для чего, однако, потребовались совместные усилия России, ЕС и США.

Все эти примеры показывают, что тенденция демократического транзита на постсоветском пространстве в условиях функционального авторитаризма сохраняется, но и его формы вновь оказываются открытыми для воспроизводства. В то же время путь от системного авторитаризма к демократии оказывается гораздо более сложным, поскольку требует нормативных, в том числе конституционных, изменений, а это означает, что такие изменения далеко не обязательно будут носить эволюционный характер.

Вместе с тем смена власти в Узбекистане после смерти бессменного президента И. Каримова, а затем в Казахстане при добровольной отставке президента Н. Назарбаева показала, что в центральноазиатских республиках, где, казалось бы, системный авторитаризм стал приобретать застойную форму, наметились тенденции гибкого транзита, носящего эволюционный характер.

К важнейшим особенностям постсоветского авторитаризма следует также отнести то, что, осуществляя функцию национально-государственной консолидации, потребность в которой, как мы видим, продолжает сохраняться, он лишен функции первичной модернизации, которая уже была реализована в рамках СССР, в то время как ставшая мировой реальностью постиндустриальная фаза требует иных форм общественно-политических процессов, для осуществления которых авторитаризм является скорее препятствием, чем необходимой политической формой.

Глава 12

АФРИКА ЮЖНЕЕ САХАРЫ К НАЧАЛУ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»: МЕЖДУ АВТОРИТАРИЗМОМ И НЕУСТОЙЧИВОЙ ДЕМОКРАТИЕЙ

Вторым по значению, во всяком случае в количественном отношении, мировым ареалом авторитаризма на 2010–2011 гг., т.е. на момент начала «арабской весны», была Африка южнее Сахары (см. приложение 2). Там количественно авторитарных режимов в этот период было даже на один больше, чем в арабском мире, — 17. Правда, в общем соотношении с количеством стран (44 государства) они не представляли абсолютного большинства. Однако устойчивых, консолидированных демократий было всего 8, включая и такие страны, как, например, Кения, которая, несмотря на, казалось бы, сложившиеся и устоявшиеся демократические процедуры, не столь давно буквально сотрясалась от волнений, связанных с результатами президентских выборов. Вместе с неустойчивыми демократиями (9) и смешанными режимами (4) демократический тренд в условиях этого самого бедного и наименее экономически развитого региона мира (суммарное количество таких стран — 21, почти половина государств региона) очень сомнительно было бы назвать преобладающим, однако вряд ли это стоит делать, хотя бы потому, что грань между неустойчивыми демократиями и неустойчивыми режимами (таких не менее 5) — такими, где вряд ли уместно даже определять характер режима, — настолько зыбка, что и сама градация здесь, разумеется, весьма условна. Более того, очень тонкий рубеж отделяет неустойчивые режимы от распавшегося государства, и здесь вслед за сомалийским последовал совсем недавно (в 2003 г.) малийский пример.

С точки зрения одного из главных для данного исследования вопросов — характера и устойчивости политических режимов —

Африку южнее Сахары можно условно разделить на несколько субрегионов, границы и состав стран которых не совсем совпадают с принятым делением на Западную, Центральную, Восточную и Южную Африку, хотя и перекликаются с ним.

Наиболее стабильным не только в экономическом, но и в политическом отношении является Южноафриканский регион. В него входит 11 стран: Южно-Африканская Республика (ЮАР), Ангола, Замбия, Зимбабве, Мозамбик, Намибия, Ботсвана, Свазиленд, Лесото и Малави, а также стоящий несколько особняком Мадагаскар.

В количественном отношении здесь, казалось бы, преобладают авторитарные режимы: три страны — Зимбабве, Эсватини (до 2018 г. Свазиленд), Лесото — можно определенно отнести к авторитарным режимам; Анголу, Мозамбик и Намибию — к смешанным, где авторитарный компонент является скорее доминирующим, и лишь ЮАР, Замбию, Малави и Ботсвану можно рассматривать в качестве демократий с той или иной степенью консолидации, а Мадагаскар после государственного переворота 2009 г. — как страну с неустойчивым политическим режимом.

Однако если мы перейдем к качественным компонентам, начиная с характеристик каждой страны и заканчивая их региональным весом, векторами внутрорегионального притяжения и отталкивания, картина будет определенно иной.

Безусловно, доминирующим центром притяжения в регионе является ЮАР, страна с консолидированной демократией, которая не без основания претендует на роль региональной державы в силу своего политического, экономического, военно-стратегического потенциала и, что играет далеко не последнюю роль, численности населения¹. С ней соседствуют Замбия, прошедшая достаточно последовательную эволюцию от умеренного популистского авторитаризма первых лет независимости до консолидированной де-

---

¹ Численность населения ЮАР в 2010 г. составляла 51,22 млн человек. ВВП на тот же период — 375,3 млрд долл. США. URL: <https://knoema.ru/atlas/Южная-Африка/ВВП> (дата обращения: 04.09.2020). После ликвидации апартеида страна стала президентско-парламентской республикой с регулярно функционирующей электоральной системой, на основе которой осуществляется ротация президентской власти и парламента. См., например: URL: <https://www.gov.za/about-sa/history> (дата обращения: 04.09.2020).

мократии², и экономически успешная Ботсвана³, также уверенно идущая по демократическому пути. Среди других соседей — Ангола⁴, Мозамбик⁵ и Намибия⁶, страны со смешанными режимами, в которых после получения независимости утвердились популистские режимы, руководимые марксистскими партиями, которые, как правило, возглавлялись харизматическими лидерами и находились в советской орбите. Хотя авторитарный компонент в этих странах остается доминирующим, если смотреть на политическую ситуацию в динамике, идущая в них постепенная эволюция в направлении демократии имеет перспективу, особенно если учесть их постоянно растущие многосторонние связи с ЮАР, имеющие вектор создания регионального сообщества.

В этих условиях Зимбабве выглядит своего рода авторитарным анклавом в окружении более демократичных обществ. Начав свою политическую эволюцию с довольно типичного для третьего мира второй половины XX столетия популистского режима, он в итоге выродился в стагнирующее репрессивное государство — картина, хорошо знакомая нам на примере целого ряда республиканских режимов арабского мира. Однако региональный контекст ситуации в Зимбабве здесь совершенно иной. И хотя попытки ряда стран Запада вмешаться в ход внутренних событий в этой стране с целью решить их исход в сторону свержения существующего порядка оказались безуспешными, историческая участь существующего режима скорее всего предрешена.

Авторитарные режимы монархического типа также носят анклавный характер. Государства Лесото и Эсватини географически и геополитически в буквальном смысле являются анклавами ЮАР: первое со всех сторон окружено ее территорией, второе — почти со всех сторон, имея на востоке лишь относительно небольшой

---

² Замбия // Энциклопедия «Всемирная история». URL: https://w.histrf.ru/articles/article/show/zambiaia_zambia (дата обращения: 04.09.2020).

³ Ботсвана // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/geography/text/4125521> (дата обращения: 04.09.2020).

⁴ Ангола // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/geography/text/4013841> (дата обращения: 04.09.2020).

⁵ Мозамбик // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/geography/text/2222502> (дата обращения: 04.09.2020).

⁶ Намибия // Энциклопедия «Всемирная история». URL: <https://w.histrf.ru/articles/article/show/namibia> (дата обращения: 04.09.2020).

участок границы с Мозамбиком. Политическое устройство обеих монархий схоже с политическим устройством ряда монархических арабских режимов. Однако Лесото в этом отношении ближе к марокканско-иорданской модели: в стране существуют двухпалатный парламент, многопартийность, проводятся политические выборы и правительство формируется партией, победившей на них. Отличие от иордано-марокканской модели (впрочем, достаточно важное) заключается в роли, которую играет в авторитарной составляющей режима коллегия вождей племен: именно она контролирует деятельность монарха и может сместить его с трона.

Политическое устройство Эсватини близко к политическому устройству ряда государств Персидского залива: хотя в стране существует двухпалатный парламент и раз в пять лет проводятся парламентские выборы, он находится под прямым контролем королевской власти. Авторитарная власть монарха усиливается также тем, что он осуществляет исполнительную власть, назначает премьера из числа представителей королевской семьи, а председателями обеих палат парламента также являются представители монархии, назначаемые королем. Следует отметить, что турбулентность 2011 г. не миновала и эту страну: в апреле на ее территории прошли многочисленные митинги, на которых раздавались требования об отречении короля Мсвати III.

Ситуация на Мадагаскаре показала неустойчивость развивавшейся там представительной демократии с многопартийностью и конкурентными парламентскими выборами: поддержанный армией мэром столицы произвел государственный переворот против президента М. Раваламанану, и с того времени страна находилась в длительном политическом кризисе. В 2018 г. она была охарактеризована по индексу демократии как гибридный режим⁷.

Эта ситуация, впрочем, нетипична для региона. Более соответствующей региональным реалиям представляется эволюция политического режима в Малави — от авторитарного режима Хастингса Банги, который правил страной с 1964 г., времени получения независимости, до 1994 г. После отстранения его от власти в стране

---

⁷ Democracy Index 2018: Me Too? Political Participation, Protest and Democracy // The Economist Intelligence Unit (The EIU). URL: https://pages.eiu.com/rs/753-RIQ-438/images/Democracy_Index_2018.pdf (дата обращения: 04.09.2020).

развивается достаточно устойчивая демократия с периодическими президентскими и парламентскими выборами и реальной конкуренцией политических партий.

К северу от Южноафриканского региона расположены еще две территории, которые отличаются, хотя и меньшей, чем этот, но все же относительной политической стабильностью. Эти два экваториальных региона охватывают соответственно западную и восточную части расположенного вдоль и к югу от экватора африканского конуса.

Западный включает Демократическую Республику Конго (ДРК), Республику Конго (РК) и Габон. На доминирующую роль по объективным обстоятельствам (территория, население⁸, природные богатства, разносторонне развивающаяся экономика⁹) в регионе могла бы претендовать ДРК, однако этому препятствует недостаточная политическая стабильность, особенно на востоке страны.

После долгих лет авторитарного правления Мобуту Сесе Секу, свергнутого в 1997 г., страна начала поэтапный переход к демократии. В 2003 г. была принята переходная конституция, обусловившая основные параметры демократического транзита, а в 2006 г. — постоянная конституция, получившая название конституции третьей республики. В том же году впервые после времен диктатуры проведены парламентские и президентские выборы и сформирован двухпалатный парламент. Несмотря на продолжающуюся политическую нестабильность, носящую региональный характер, переход к демократии в стране можно считать состоявшимся. В ДРК существуют десятки политических партий, ведущих политическую борьбу на выборах на конкурентной основе¹⁰, около 70 из них представлены в парламенте¹¹.

---

⁸ Население ДРК в 2010 г. составляло 64,56 млн человек // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Демократическая_Республика_Конго (дата обращения: 04.09.2020).

⁹ ВВП ДРК в 2010 г. составлял 21,57 млрд долл. США // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Экономика_Демократической_Республики_Конго (дата обращения: 04.09.2020).

¹⁰ Демократическая Республика Конго // Энциклопедия «Всемирная история». URL: <https://w.histrf.ru/articles/article/show/kongo> (дата обращения: 04.09.2020).

¹¹ Демократическая Республика Конго. Представительство политических партий в Национальном Собрании по итогам выборов 28 ноября 2011 года. URL: <http://www.hyno.ru/tom4/447.html> (дата обращения: 04.09.2020).

Республика Конго, соседняя с ДРК, пережила за годы независимости, пожалуй, не менее драматическую историю. Первое постколониальное правительство, возглавлявшееся консервативным прозападным деятелем аббатом Юлу, просуществовало менее трех лет. В 1963 г. оно было свергнуто. В результате государственного переворота к власти пришли прогрессистски настроенные силы, взявшие курс на строительство социализма по советским лекалам. Фактически был установлен леворадикальный авторитарный режим популистского типа, опиравшийся прежде всего на офицерский корпус конголезской армии. Но ведущую роль в обществе играла авангардная партия, которая с 1969 г. получила название Конголезской партии труда (КПТ). Это, однако, не способствовало внутренней стабильности в стране. Основные противоречия разворачивались внутри правящей элиты, прежде всего в партийном и армейском руководстве. После ряда государственных переворотов, носивших кровавый характер, к власти в итоге в 1979 г. пришел полковник Дени Сассу-Нгессо, который правит на президентском посту до нынешнего времени.

Однако период политической стабильности в стране после его прихода к власти длился немногим более одного десятилетия. В 1990–1991 гг. прошедшая в РК демократизация политической жизни привела к потере КПТ власти на парламентских выборах и переходу ее в оппозицию. С 1992 г. в стране нарастала волна нестабильности, которая в 1997 г. привела к гражданской войне. Утвердиться у власти Д. Сассу-Нгессо помогло вмешательство в события ангольской армии.

В 2001 г. Д. Сассу-Нгессо вновь обозначил курс на проведение относительной политической демократизации, носящей, впрочем, довольно формальный характер. На выборах 2002 г. он был избран президентом на семилетний срок, а в 2009 г. вновь переизбран на формально конкурентных выборах, получив близкий к абсолютному процент голосов. Таким образом, политический режим в РК продолжает носить авторитарный характер, утратив при этом популистский характер, который он имел в 70–80-е годы XX в.¹² По своему типу он близок к модели, которую можно было наблюдать в Египте и Тунисе до «арабской весны»¹³.

---

¹² Республика Конго (Браззавиль) и бронетехника. URL: <https://paris1814.com/республика-конго> (дата обращения: 04.09.2020).

¹³ По индексу демократии РК находилась с 2006 по 2019 г. на 134-м месте в мире. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/democracy-index/info#congo> (дата обращения: 04.09.2020).

Габон, считающийся одним из государств с наиболее стабильными режимами в Африке, с самого начала независимости пошел по пути консервативной авторитарной консолидации. Но консервативный характер режима основывался не на монархическом устройстве, как в Малави или Свазиленде, а на трайбалистской основе. Президентские посты занимают представители одного из доминирующих племен теке: с 1967 г. — Альбер Бернар (после перехода из христианства в ислам Аль-Хадж Омар) Бонго, а с 2009 г. — его сын Али бен Бонго. Министерские посты занимают представители других крупных племен, и таким образом достигается межплеменной консенсус, который и является одной из основ стабильности режима. Хотя по конституции 1991 г. действовавший до этого однопартийный режим был сменен многопартийностью, последняя носит формальный характер, как и конкуренция на президентских выборах, которая имела место в 2009 г., когда конкурентом Али бен Бонго выступал министр внутренних дел. Таким образом, политический режим, несмотря на некоторые элементы либерализации, введенные в начале 1990-х годов, к 2010 г. не претерпел существенных изменений с момента провозглашения независимости¹⁴.

Здесь нельзя не обратить внимание на следующие региональные тенденции: по мере продвижения с юга Африки в сторону севера стремление к региональной консолидации понижается, разнохарактерность режимов усиливается, как усиливаются авторитарные тенденции и снижается устойчивость режимов. В данном регионе эти тенденции в дальнейшем можно было бы переломить в случае усиления роли ДРК и превращения ее в доминирующую силу региона.

На востоке от ДРК располагается еще один регион, включающий Кению, Танзанию и Уганду, а также Руанду и Бурунди, которые, впрочем, можно рассматривать как занимающие межрегиональное положение между Угандой и ДРК.

Кения и Танзания по африканским меркам являются странами с относительно устойчивыми политическими режимами, хотя нельзя сказать, что их политическое развитие за годы независимости про-

---

¹⁴ История Габона. URL: <http://historyline.ru/gabon/> (дата обращения: 04.09.2020). Позже в Габоне стали происходить демократические изменения, однако они выходят за рамки рассматриваемого периода.

текало абсолютно спокойно и безоблачно, без разного рода удачных и неудачных политических экспериментов и потрясений.

Танзания была в числе стран, получивших независимость практически сразу после периода «Года Африки», ознаменовавшего волну получения независимости значительной частью африканских стран: она стала свободным от колониальной зависимости государством в 1961 г. Правда, 9 декабря 1961 г. обрела независимость лишь материковая часть страны — Танганьика, а остров Занзибар получил ее только в 1963 г., причем через месяц после этого на острове разразилось восстание против правившего там султана, в апреле 1964 г. провозглашенная в результате этого восстания Народная Республика Занзибара и Пембы приняла решение об объединении с Танганьикой, в результате чего и была образована Объединенная Республика Танзания¹⁵.

Кения получила независимость спустя три года после Танганьики, в декабре 1963 г. Борьба за национальное освобождение здесь проходила в форме длительной партизанской войны, и предоставление независимости предварялось становлением политических партий и других демократических институтов, что, несомненно, оказало определенное воздействие на дальнейший ход политического процесса уже в период независимости.

Обе страны возглавлялись харизматичными лидерами — Джомо Кениятой и Джулиусом Ньерере, олицетворявшими популистский тип авторитаризма, столь характерный для освободившихся стран Азии, Африки и арабского мира в 60–70-е годы XX в. Стоит упомянуть, что обе эти модели обнаруживали сходство хотя бы в том, что по африканским меркам в обоих случаях это был относительно мягкий авторитаризм, лишенный крайних эксцессов различного порядка, которым отличалось правление в целом ряде африканских стран — от Бокассы в Центрально-Африканской Республике или Иди Амина в Уганде до Менгисту Хайле Мариама в Эфиопии и Роберта Мугабе в Зимбабве.

И все же определенная разница в содержании этих двух режимов была. В Кении во время подготовки перехода и в начальный период независимости обозначилась тенденция политического плюрализма, выражавшаяся, в частности, в наличии двух крупнейших партий —

---

¹⁵ История Танзании // Africana. URL: <https://africana.ru/lands/tanzania/history.htm> (дата обращения: 04.09.2020).

Национального союза африканцев Кении (КАНУ), который возглавлял Д. Кенията, и Демократического союза африканцев Кении (КАДУ). Разумеется, эти партии, как и во многих других африканских странах, носили трайбалистско-региональный оттенок, но их наличие способствовало становлению общенационального консенсуса и процессу урегулирования межплеменных и межрегиональных разногласий цивилизованным, демократическим путем. И хотя эта тенденция развития многопартийности со временем сошла на нет, данная традиция, очевидно, сыграла свою роль начиная с 1991 г., когда в стране обозначился постепенный процесс демократизации, и особенно с 2002 г., когда более чем 20-летнее авторитарное правление президента Дэниэла арап Мои сменилось в результате конкурентных общенациональных выборов становлением демократического строя¹⁶.

В Танзании практически сразу после независимости сложился однопартийный режим, возглавлявшийся национальным лидером Дж. Ньерере. Социалистический эксперимент, основанный на превращении сельской общины в коллективные хозяйства, был одним из самых длительных в современной африканской истории. В то же время следует обратить внимание на два довольно существенных момента: 1) внутрипартийные выборы и выборы в представительные органы власти в течение всего периода социалистического эксперимента проводились на альтернативной основе и 2) в 1985 г. Дж. Ньерере добровольно отказался от власти, что абсолютно беспрецедентно в современной африканской истории. Эти аспекты политического процесса в Танзании обеспечили в значительной мере достаточно безболезненный переход к демократии, который произошел в стране в 1995 г. И хотя Революционная партия Танзании, основанная Дж. Ньерере, остается доминирующей в политическом спектре страны, это свидетельствует не об отсутствии реальной альтернативы, а о сохраняющемся авторитете этой исторической танзанийской партии.

Сегодня Танзанию можно охарактеризовать как страну с одним из наиболее устойчивых на Африканском континенте политических режимов. Чего нельзя в такой же мере сказать о Кении, где политическое развитие не только в конце XX в. сопровождалось вол-

¹⁶ История Кении. URL: <http://historyline.ru/kenya/> (дата обращения: 04.09.2020).

нениями, серьезными межэтническими конфликтами и попытками государственного переворота, но и в 2007 г. результаты президентских выборов, оспоренные оппонентами формально победившего кандидата, привели к серьезнейшим столкновениям, имевшим как чисто политическую, так и трайбалистско-этническую подоплеку.

И все же, несмотря на указанные проблемы, Кения остается одной из наиболее устойчивых стран Африки с точки зрения потенциала сохранения и дальнейшего эволюционного развития существующего демократического режима. Вместе с Танзанией эти две страны составляют основной костяк стабильности в данном регионе Африки.

Современная история Уганды выглядит гораздо более драматичной. Получив независимость в 1962 г., страна до 1967 г. возглавлялась традиционным лидером — королем Уганды Мутесой II, который был назначен президентом государства. Однако с самого раннего периода независимости полнота исполнительной власти постепенно переходила к лидеру партии «Народный конгресс Уганды» Милтону Оботе, который уже в 1962 г. стал премьер-министром, а год спустя — также министром обороны и иностранных дел. В 1966 г. М. Оботе отстранил от власти Мутесу II, а в 1967 г. страна была провозглашена республикой. Начался социалистический эксперимент, весьма схожий с танзанийским, которому, однако, было суждено продлиться всего три года: в январе 1971 г. М. Оботе был свергнут в результате военного переворота. Главой государства стал генерал Иди Амин, восьмилетнее правление которого ознаменовалось установлением одного из самых одиозных и жестоких диктаторских режимов за всю историю независимой Африки. Развязанная им вооруженная агрессия против соседней Танзании в конце концов обернулась крахом его собственного режима. Военные действия переместились на территорию Уганды, что явилось стимулом для активизации оппозиционных режиму сил, создавших в марте 1979 г. Фронт национального освобождения Уганды (ФНОУ). И уже спустя месяц после создания ФНОУ, в апреле 1979 г., его отряды вместе с танзанийской армией заняли столицу страны Кампалу. ФНОУ сформировал временное правительство, войска И. Амина были разгромлены, а сам диктатор бежал в Ливию, а затем переселился в Саудовскую Аравию.

Устранение диктатуры И. Амина, однако, не привело к стабилизации обстановки в стране. Сразу после прихода к власти ФНОУ в его рядах развернулась острейшая борьба за власть, предвещавшая распространение междоусобицы на всю политическую инфраструктуру государства. Этого удалось избежать в тот момент путем установления военной диктатуры ФНОУ, что дало возможность стабилизировать обстановку и провести выборы в парламент в декабре 1980 г., на которых победила партия М. Оботе, и он вновь вернулся на пост президента.

Однако ненадолго. На западе страны развернулась партизанская война, развязанная Народной армией сопротивления во главе с Йовери Мусевени. Она переросла в гражданскую войну, охватившую значительную часть территории республики и продолжавшуюся в течение шести лет. За это время (в 1985 г.) успел произойти военный переворот против М. Оботе, однако и после него, несмотря на попытки военных властей, примирения не было достигнуто. В январе 1986 г. повстанцы захватили Кампалу, и Й. Мусевени стал президентом страны. В конце 1980-х годов развернулась вторая гражданская война, которая была жестоко подавлена силами правительственных войск¹⁷.

Помимо гражданских войн Уганда в конце XX — начале XXI в. участвовала в конфликтах с соседними странами, в частности с ДРК, Руандой и Суданом. Правда, все это время, как ни удивительно это звучит по неафриканским меркам, периодически продолжал осуществляться избирательный процесс. Так, Й. Мусевени баллотировался в президенты четырежды — в 1996, 2001, 2006 и в 2011 гг., причем каждый раз на альтернативной основе и выигрывал выборы вовсе не со 100%-м перевесом (так, если в 1996 г. он получил 75% голосов, то в 2001-м — 69, а в 2006 г. — 57%)¹⁸.

Однако этот факт вовсе не дает оснований говорить об утверждении консолидированной демократии в Уганде, поскольку выборные кампании почти постоянно перемежались с массовыми волнениями и вооруженным противостоянием с оппозицией. Наиболее крупные волнения в нынешнем столетии происходили в феврале 2006 г., сопровождаясь уличными боями между правитель-

¹⁷ История Уганды. URL: <http://historyline.ru/uganda/> (дата обращения: 04.09.2020).

¹⁸ Там же.

ственными силами и группами оппозиции. Нестабильной остается политическая обстановка и по сей день.

Две наименее крупные страны региона — Руанда и Бурунди — в этническом отношении связаны с западной частью Уганды и северо-востоком ДРК, поскольку в этих районах, как и в самих Руанде и Бурунди, проживают представители народностей тутси и хуту, составляющих основную часть населения обеих стран. Геноцид в Руанде в 1994 г. и последовавшая за ним гражданская война в обеих странах оставили неизгладимый след в политической обстановке обеих стран и на последующем ходе политического процесса. Последствия этих событий продолжают сказываться и по сей день¹⁹. И хотя в последние годы ситуация в этих странах относительно стабилизировалась, в целом ее все же трудно назвать устойчиво стабильной.

В 2011 г. к региону присоединился Южный Судан, имеющий, помимо Судана, общие границы с Эфиопией, Кенией, Угандой, ДРК и ЦАР. После двух раундов гражданской войны, продлившейся в общей сложности почти 40 лет, эта страна наконец отделилась от территории Судана, с которым ее разделяли глубокие этнические и конфессиональные различия, притом что политика президентов Судана Джафара Мухаммеда Нимейри и Омара аль-Башира, направленная на углубление исламизации, лишь усугубляла эти различия, превращая их в непримиримые противоречия. По своим этническим и конфессиональным корням население Южного Судана изначально было ближе к расположенным к югу от него Кении, Уганде и Танзании, чем к арабо-исламскому северу Судана. С получением независимости, признанной мировым сообществом, эта одна из наиболее бедных и слабо развитых стран Африки получила весьма важный шанс на стабильное развитие, заключающийся прежде всего в человеческом измерении. Оно заключается в том, что многолетняя борьба за независимость и почти тотальное участие населения в партизанской борьбе сделали его гораздо более консолидированным по сравнению с населением ряда соседних стран. В связи с этим есть основания полагать, что включение в регион Южного Судана является фактором укрепления стабильности в целом, хотя бы потому, что он как бы запирает регион

---

¹⁹ 25 лет геноциду в Руанде: как это было // Новости ООН. URL: <https://news.un.org/ru/story/2019/04/1352631> (дата обращения: 04.09.2020).

с севера от районов крайней нестабильности, притом что неутешительная перспектива дальнейшего развития в Африке заключается в том, что тенденция усиления нестабильности к северу, северо-западу и северо-востоку от анализируемого региона, скорее всего, будет только нарастать.

Таким образом, как это ни могло бы показаться парадоксальным на первый взгляд, определяя векторы политического развития в регионе, можно с определенной осторожностью и довольно большими допущениями говорить о том, что более вероятна возможность усиления тенденции в пользу региональной стабилизации, чем тенденция усиления турбулентности. Во всяком случае, этот вектор проявляет себя в текущем десятилетии. Локомотивом его выступают прежде всего Танзания и в определенной степени Кения, наиболее развитые страны региона и государства с той или иной степенью развитости тенденций политической демократии. В известной степени эта тенденция усиливается за счет присоединения к региону Южного Судана. Стабилизирующее воздействие на ситуацию в Уганде, Руанде и Бурунди, как это имело место и в прошлом, могут оказывать прежде всего Танзания, а теперь и постепенно усиливающееся влияние ДРК и в какой-то мере фактор Южного Судана. Однако стабильность региона в значительной степени будет зависеть от того, насколько сильно станет воздействовать на ситуацию обстановка в соседних регионах. Прежде всего речь идет об экспорте терроризма, прецеденты чего уже имели место в прошлом и в отношении Уганды, и в отношении Кении, да и других стран.

К северу от этого региона расположена обширная полоса из более 20 стран, протянувшихся от побережья Атлантического океана на западе до Красного и Аравийского морей на востоке. Ее можно охарактеризовать как одну из наиболее обширных и опасных зон нестабильности современного мира. По сути, она включает ряд традиционно рассматриваемых регионов Африки — Западную Африку, часть стран Центральной Африки, страны Сахеля и страны Африканского Рога. Причем первые три региона настолько переплетены между собой, что нередко одни и те же страны по разным признакам включают в тот или иной регион. Так, традиционно Мали и Нигер рассматриваются как страны Западной Африки, хотя по другим признакам они относятся и к странам Сахеля. Более того, Чад, который, по сути, является самой восточной страной Сахеля,

иногда также относят к категории стран Западной Африки. Камерун и ЦАР по определению рассматриваются как страны Центральной Африки, однако с нашего ракурса их целесообразно включить в рассматриваемую зону.

Следуя обозначенной логике, мы будем рассматривать указанную зону к югу от арабского мира и к северу от описанных ранее более стабильных регионов в качестве относительно единой территории, не избегая при этом отмечать и особенности ее частей, выступающих в данном случае в качестве субрегионов.

Частью этой зоны конфликта, таящей в себе наибольший потенциал чрезвычайно опасного и не до конца предсказуемого развития событий, является район Сахеля, включающий прежде всего три страны, находящиеся в самом эпицентре этой зоны, — Мали, Нигер и Чад.

Слабость и неустойчивость режимов во всех трех странах²⁰, удобное географическое положение с точки зрения возможности бесконтрольного перемещения не только малых, но и относительно больших террористических групп, непосредственная близость к основным центрам исламизма в Северной Африке, соседство с другими африканскими странами, где идет процесс исламской экспансии, имеющий как объективные, так и субъективные черты, — все это превращает названные три африканские республики в соблазнительную мишень для террористической активности. Расположенные к югу от Сахеля 16 стран континента — с запада на восток от побережья Атлантического океана: Сенегал, Гамбия, Гвинея-Бисау, Гвинея, Сьерра-Леоне, Либерия, Кот д'Ивуар, Буркина-Фасо, Гана, Того, Бенин, Нигерия, Экваториальная Гвинея, Камерун, Габон и ЦАР — представляют собой следующий эшелон воздействия реальных и потенциальных событий, разыгрывающихся в районе Сахеля.

Все это небольшие по территории страны, в основном малые и средние по численности населения, за исключением крупнейшего африканского гиганта — Нигерии, насчитывавшей в 2010 г. более

---

²⁰ Все три страны за годы независимости пережили целый ряд военных переворотов, волнений (в том числе Чад — длительную полосу гражданских войн, имевших племенной и этноконфессиональный оттенок), неудачных попыток осуществления демократических реформ, заканчивавшихся, как правило, очередным переворотом и переходом к авторитарному правлению, не приводившему, однако, к искомой в таких случаях устойчивости.

158 млн жителей²¹. Уже в силу этого обстоятельства — малочисленности населения и соответственно вооруженных сил — большинству указанных стран трудно противостоять вооруженной внешней экспансии, что косвенно показал пример Мали. Дело, однако, не только в этом.

Главная политическая проблема, на наш взгляд, заключается в крайней неустойчивости политических режимов, и это касается почти всех стран региона, не исключая и Нигерии. Оазисами политической стабильности в регионе выглядят разве что Сенегал, Гана, Габон и Камерун, являющиеся по африканским меркам странами устойчивой демократии. Однако и среди этих стран лишь в Габоне политическая стабильность наблюдается с конца 1960-х годов, в Камеруне в 1980-е произошла относительно безболезненная смена режима, и вся его современная история не сопровождалась сколько-нибудь заметными волнениями и столкновениями на племенной, этнической и конфессиональной почве. Относительно спокойным было и политическое развитие Сенегала в период правления и некоторое время после смерти ее первого национального лидера Леопольда Сенгора. Однако начиная с 1980-х годов заявила о себе вооруженная оппозиция в лице Движения демократических сил Казаманса, вставшего на путь вооруженной борьбы с существующим режимом. В Гане после отстранения от власти первого президента страны Кваме Нкрумы произошла череда военных переворотов, прежде чем была достигнута политическая стабилизация и установлен демократический режим с 1990 г.²²

Однако устойчивость политических режимов в этих странах, разделенных между собой целым рядом государств (из перечисленных стран только Камерун и Габон являются соседними), весьма относительна в общерегиональном контексте, поскольку они окружены целым морем нестабильности этой взрывоопасной зоны.

Действительно во многих странах региона наметилась определенная тенденция демократизации, которую на первый взгляд можно было воспринять как целую волну перехода к демократии

²¹ Нигерия // Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Demographics_of_Nigeria (дата обращения: 04.09.2020).

²² *Кеннехт Е.Н.* Становление гражданского правления и переход к демократии в Республике Гана // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Политология. 2013. № 4. С. 76–84.

в таких странах, как Либерия, Гвинея, Гвинея-Бисау, Сьерра-Леоне, Кот д'Ивуар, Бенин. Несмотря на то что эта волна демократизации произошла раньше, чем «арабская весна», положение во всех этих странах сохраняет крайнюю неустойчивость: у всех на памяти череда военных переворотов, гражданских войн, межплеменных, этнических и конфессиональных конфликтов, которые сотрясали их в минувшие десятилетия, и основы для возможного возобновления противостояния в целом ряде стран до сих пор не устранены. В Того до сих пор сохраняется жесткое авторитарное правление, которое, однако, вряд ли придает режиму устойчивость после жестко подавленных волнений 2005 г.

Если попытаться более подробно разобраться в том, что происходило и происходит в перечисленных странах, мы увидим, что четыре страны — Гвинея, Гвинея-Бисау, Буркина-Фасо и Бенин — в разное время прошли полосу социалистических экспериментов, Гвинея — раньше, остальные три — позже, но в более углубленном, практически марксистском варианте. Из всех этих стран разве что Бенин создал многообещающий прецедент последовательного эволюционного перехода от однопартийной системы к представительной плюралистической демократии, начавшийся в 1991 г. с формирования многопартийности и первых свободных, конкурентных выборов и получивший относительное завершение в 2006 г., когда популярный революционный лидер Матье Кереку после двух сроков президентского правления в условиях перехода к демократии избежал соблазна авторитарной перекройки конституции и передал власть следующему президенту, победившему на выборах. И только в отношении этой страны можно говорить о том, что период нестабильности для нее (в 1960–1970-е годы Бенин пережил четыре военных переворота) скорее всего остался в прошлом²³.

Что касается остальных трех стран, простое перечисление исторических фактов свидетельствует о том, что дело там обстояло и обстоит иначе:

- Гвинея — два военных переворота и волнения, которые периодически вспыхивают по сей день. После свержения Секу Туре в 1984 г. была установлена диктатура военного правителя Лансана Конте, длившаяся вплоть до его кончины в 2008 г., которая про-

---

²³ История Бенина. URL: <http://historyline.ru/benin/> (дата обращения: 04.09.2020).

изошла в условиях резко усилившейся политической нестабильности; 2007 г. — волнения, столкновения населения с полицией и войсками, сопровождавшиеся многочисленными жертвами; 2008 г. — военный переворот на следующий день после смерти Конте; 2009 г. — первые альтернативные выборы, резкое обострение обстановки в связи с непризнанием оппозицией и значительной частью населения их результатов²⁴;

- Гвинея-Бисау — три военных переворота, период нестабильности, начавшийся в 1990-е годы и продолжающийся до сих пор;
- Буркина-Фасо — пять военных переворотов с 1966 по 1987 г., с 1987 г. — авторитарное правление Блэза Компаоре, несмотря на принятие конституции 1991 г., юридическое закрепление авторитаризма в 1997 г., выражающееся в отмене ограничений на количество сроков избрания президента, что превратило Б. Компаоре в пожизненного правителя страны. Формальная многопартийность нивелируется доминирующей ролью пропрезидентской партии «Конгресс за демократию и прогресс», занимающей ключевые позиции в законодательной власти. Такая ситуация создает лишь внешний антураж стабильности, на деле она чревата грядущими политическими потрясениями, о чем красноречиво свидетельствует ситуация во многих соседних странах.

По-другому складывались исторические судьбы других четырех стран из этой группы государств, расположенных между Сенегалом на западе и Нигерией на востоке, — Либерии, Сьерра-Леоне, Кот д'Ивуара и Того. Они избежали социалистических экспериментов, будучи изначально и практически в течение всего периода независимого развития ориентированными на Запад. Казалось бы, такая ориентация обещала и устойчивость, и постепенное становление демократических институтов. На деле это оказалось не так.

В определенном смысле наилучшим образом это можно продемонстрировать на примере Либерии. Основанная потомками африканцев — переселенцев из Соединенных Штатов, она длительное время считалась одной из наиболее стабильных стран, своего рода витриной демократии в Африке. Так было до военного переворота Сэмюэля Доу в 1980 г., свергнувшего избранного на выборах пре-

²⁴ История Гвинеи. URL: <http://historyline.ru/guinea/> (дата обращения: 04.09.2020).

зидента Уильяма Толберта. В 1985 г. был формальный переход к гражданскому правлению, но фактически диктатура С. Доу продолжалась до 1990 г., когда он был убит. С 1989 г. в стране бушевала гражданская война, в ходе которой была установлена диктатура Чарльза Тейлора²⁵. В 1997 г. был подписан мирный договор и проведены президентские выборы, на которых победил Ч. Тейлор, после чего гражданская война разразилась с новой силой, закончившись в 2002 г. его изгнанием. В 2005 г. проведены первые после гражданских войн и диктаторского правления альтернативные президентские выборы, на которых одержала победу Элен Джонсон-Серлиф. Однако и после этого положение вряд ли стоит считать устойчивым, поскольку эта победа на выборах была оспорена рядом представителей оппозиции²⁶.

Еще более неустойчивой была ситуация в Сьерра-Леоне, где за годы независимости произошло шесть военных переворотов, более 10 лет длилась гражданская война, в 1999 и 2000 гг. повстанцы дважды штурмовали столицу страны Фритаун, для стабилизации положения вводились иностранные войска, и лишь к 2002 г. удалось относительно стабилизировать положение. С тех пор трижды проводились президентские выборы, последний раз — в 2012 г.²⁷

Вряд ли устойчивой можно назвать ситуацию и в Кот д'Ивуаре. После более 30-летнего пожизненного авторитарного правления президента Феликса Уфуэ-Буаньи (умер в 1993 г.) ситуация с каждым годом накалялась, пока в 1999 г. не произошел военный переворот, который, однако, не смог предотвратить гражданскую войну между Севером и Югом страны, разгоревшуюся в начале XXI в. Несмотря на перемирие, подписанное в 2003 г., военные столкновения продолжались, и относительно прочный мир был установлен лишь в 2007 г. Стабилизация политической ситуации позволила в 2010 г. провести президентские выборы, которые, впрочем, закончились

---

²⁵ Френкель М.Ю. История Либерии в новое и новейшее время. М.: Восточная литература, 1999.

²⁶ Либерия. Краткая справка // BBC NEWS. Русская служба. 2009. 18 сентября. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2009/09/090918_in_depth-liberia (дата обращения: 04.09.2020).

²⁷ Сьерра-Леоне: укрепление с трудом завоеванного мира // ООН. URL: <https://www.un.org/ru/events/tenstories/2006/story.asp?storyID=1400> (дата обращения: 04.09.2020).

новым политическим кризисом и отстранением избранного президента²⁸.

В Того первый военный переворот произошел в 1963 г., три года спустя после получения независимости, в ходе которого был убит президент, избранный на выборах и успевший пробыть на своем посту менее двух лет. В 1967 г. произошел второй военный переворот, в результате которого к власти пришел Гнассимбе Эяадема. Вначале он ввел запрет на деятельность всех политических партий, затем была установлена однопартийная система, просуществовавшая до 1991 г. Допущение многопартийности, однако, не изменило характер режима пожизненного президента. Он правил 38 лет — до своей кончины в 2005 г., после чего власть перешла к его сыну. Это спровоцировало волнения по всей стране, после чего был введен запрет на демонстрации и митинги²⁹.

Полноту картины венчает Центрально-Африканская Республика, государство, расположенное в соответствии с названием в самом сердце континента, но применительно к региону — в его юго-восточной оконечности, гранича с Чадом, Суданом, Камеруном и обоими конголезскими государствами. Эта страна за все 53 года своей независимости не знала ни демократии, ни сколько-нибудь заметной стабильности. Первый президент Давид Бако, установивший однопартийный режим и правивший в течение пяти лет, был свергнут в 1966 г. в результате военного переворота. К власти пришел Жан-Бедель Бокасса, возможно, самый зловещий диктатор современной Африки, увековечивший себя не столько тем, что в 1976 г., подражая Наполеону, провозгласил себя императором, сколько эксцессами изощренного каннибализма. После 13-летнего правления он был свергнут французским десантом³⁰. Через два года после этого, в 1981 г., произошел новый военный переворот, а в течение 1990-х последовала целая череда военных переворотов, завершившаяся гражданской войной 2001—2003 гг. Победивший в ней Франсуа Бозизе не принес стране стабильной власти. Продолжались столкновения, переросшие в партизанскую войну. В марте 2013 г.

²⁸ Кот д'Ивуар // Энциклопедия «Всемирная история». URL: https://w.histrf.ru/articles/article/show/kot_divuar (дата обращения: 04.09.2020).

²⁹ *Бабаян Г.* История Того в новое и новейшее время. М.: Экон-Информ, 2010.

³⁰ История Центрально-Африканской Республики. URL: <http://www.gecont.ru/articles/common/car.htm> (дата обращения: 04.09.2020).

повстанцы заняли столицу, их лидер Мишель Джотодия объявил себя президентом. В страну был введен международный контингент африканских войск, главную роль в котором играли боевые части ЮАР³¹.

Казалось бы, Нигерия с ее самым многочисленным в регионе и на континенте населением, природными богатствами и относительно развитой промышленностью могла бы, подобно ЮАР, претендовать на то, чтобы стать подлинно доминирующей державой и локомотивом политического развития в регионе. Однако этого не происходит, хотя, справедливости ради, надо отметить, что нигерийские войска неоднократно участвовали в миротворческих операциях в регионе. Однако роль Нигерии в стабилизации региональной ситуации вряд ли выше, чем, скажем, роль Гвинеи. Причиной является то, что саму Нигерию вряд ли можно считать стабильной страной. История ее независимости достаточно красноречиво свидетельствует об этом.

Само понятие «четвертая республика», используемое в лексиконе местных политиков применительно к характеристике современного политического строя, свидетельствует о том, что в стране было несколько военных переворотов. Одно из наиболее крупных потрясений — гражданская война 1967–1970 гг. Но и после нее был далеко не безоблачный период развития. Во второй половине 1970-х годов, после военного переворота 1975 г., правда, был период гражданского правления, ознаменовавшийся принятием конституции. Однако он оказался недолгим. В результате переворота 1983 г. страна вновь погрузилась в полосу военного правления, длившуюся более 15 лет и закончившуюся в 1998 г. после смерти военного диктатора Сани Абачи. Победивший на проведенных после этого выборах генерал Олусегун Обасанджо правил два президентских срока. Его попытка изменить конституцию для сохранения своего правления, однако, не увенчалась успехом, но в 2007 г. он привел к власти своего ставленника Умару Яр-Адуа, который в 2010 г. по решению Верховного суда был заменен вице-президентом Гудлакой Джонатаном в связи с длительной болезнью и невозможностью исполнять обязанности президента. Г. Джонатан затем победил на очередных выборах в 2011 г. Таким образом,

---

³¹ История межконфессионального конфликта в ЦАР // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20190206/1550395539.html> (дата обращения: 04.09.2020).

в течение 15 лет в стране формально осуществлялся демократический эксперимент, причем у власти находился уже третий президент, избранный на конкурентных выборах. Однако по сути мы наблюдаем в Нигерии не представительную демократию, а по крайней мере смешанный режим, где за демократической оболочкой кроется одна из форм функционального авторитаризма³² (с правлением определенного политического клана, опирающегося на военную силу и доминирующую пропрезидентскую Народную демократическую партию, которая контролирует основные рычаги власти, имея 73 из 109 мест в Сенате и 213 из 360 в Палате представителей). Нестабильность в стране сохраняется прежде всего из-за фактического разделения ее по этноконфессиональному принципу и постоянных конфликтов на этой почве, что обуславливает крайнюю напряженность и неустойчивость политического режима (последние крупные столкновения между христианами и мусульманами в описываемый период, в ходе которых погибло более 500 человек, имели место в штате Плато в 2010 г.)³³.

С точки зрения региональной устойчивости регион Африканского Рога в целом представляется несколько более стабильным, чем описанная выше основная часть зоны региональных конфликтов. В значительной мере это происходит за счет ключевой роли в регионе Эфиопии. Это было неоднократно продемонстрировано действиями эфиопской армии в событиях в Сомали, последний раз в 2006 г., когда вооруженные силы Эфиопии сумели достаточно эффективно подавить вооруженные формирования террористов из Союза исламских судов (СИС) и оказать решающую поддержку переходному правительству, которое утвердило свою власть в столице, опираясь на эфиопские оккупационные силы. И хотя это не смогло окончательно стабилизировать положение в стране, где до сих пор продолжают царить безвластие, противостояние различных исламистских группировок и фактическая раздробленность, дамклов меч эфиопской армии для Сомали остается чуть ли не единственным фактором, который может способствовать

³² Григорьев В. Потерянное сорокалетие Нигерии. URL: <https://carnegie.ru/2017/03/27/ru-pub-68402> (дата обращения: 04.09.2020).

³³ Сафронов Б., Лосев Ю. История новейшего времени. Азия и Африка. М.: Юрайт, 2020. С. 330–331.

в перспективе установлению там стабильного политического порядка.

Доминирующей силой является Эфиопия и по отношению к другим государствам региона — Эритрее и Джибути. Отделившаяся от Эфиопии в 1993 г. Эритрея находится под авторитарным правлением бессменного президента и лидера единственной легальной партии «Народный фронт за демократию и справедливость» Исаяса Афеворки. Одни из отличительных черт подобного типа авторитаризма — предъявление территориальных претензий и агрессивное поведение в отношении соседних государств. В разное время эритрейское руководство начинало пограничные войны с Йеменом и Эфиопией и оба раза терпело в этих конфликтах поражения. Война с Эфиопией, длившаяся два года (с 1998 по 2000 г.) носила особенно разрушительный и кровопролитный характер. Победа Эфиопии в этой войне лишней раз продемонстрировала безальтернативность военно-политического превосходства Эфиопии над всеми остальными странами региона. Доминирование Эфиопии обеспечивается также и демографическим фактором — это вторая по численности населения страна Африки (в 2010 г. — более 87 млн человек³⁴).

Относительная политическая стабильность Эфиопии, очевидно, связана с тем, что после свержения в 1991 г. одного из наиболее одиозных на континенте режима Менгисту Хайле Мариамы, сопровождавшегося гражданской войной с многочисленными жертвами, имевшей, кроме всего прочего, межэтнический и межконфессиональный оттенок, стране постепенно удалось войти в рамки относительно нормального политического процесса. Установившийся к 2010 г. политический режим в Эфиопии можно в целом охарактеризовать как смешанный — с элементами как демократических процедур, так и авторитарных методов управления. Однако на фоне авторитарных режимов в Эритрее и Джибути и экстремистского разгула в Сомали этот режим выглядел в региональном контексте наиболее демократичным.

Таким образом, обстановка в регионе в значительной и до определенной степени решающей мере зависела от развития внут-

---

³⁴ Население Эфиопии в 2010 г. — 87,64 млн человек // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Эфиопии (дата обращения: 04.09.2020).

ренной ситуации в Эфиопии, но все же она далека от устойчивой стабильности. Межэтнические и межконфессиональные отношения продолжают оставаться напряженными, корни этих противоречий далеко не устранены. Происходят спорадические волнения на социальной и политической основе. Все это может стать питательной почвой для воздействия регионального исламистского фона, определенным эпицентром которого являются Сомали и который связан с поддержкой и подпиткой СИС со стороны Эритреи, исламистскими импульсами, исходящими из соседнего Судана, на внутреннюю обстановку в Эфиопии, свыше 30% населения которой — мусульмане. Именно при таких обстоятельствах полоса нестабильности, протянувшаяся с побережья Атлантического океана через район Сахеля и лежащие к югу от него страны, может замкнуться через суданскую территорию на район Африканского Рога.

Таким образом, применительно к части Африканского континента, расположенной к югу от арабской Северной Африки, мы можем констатировать довольно определенное разделение на четыре зоны, из которых три относительно устойчивы и стабильны, а одна отличается крайней нестабильностью. Причем уровень стабильности уменьшается по мере продвижения с юга материка на север, в сторону арабского мира. В значительной мере уровень региональной стабильности связан с наличием региональной страны-лидера, отличающейся определенным уровнем развития демократии, устойчивости демократических институтов и способной оказывать стабилизирующее воздействие на весь регион. В самой южной части континента таким лидером является ЮАР. В силу этого данный регион является, по сути, единственным в Африке, где имели перспективу и реально продвигались интеграционные процессы, в то время как в других частях Африки различные интеграционные проекты и эксперименты в этом направлении практически неизменно терпели крах.

Расположенные к северу от южноафриканского региона, в основном на территории африканского конуса, два региона, хотя и отличаются меньшей стабильностью, но все же вектор региональной стабилизации здесь имеет определенные перспективы. В западной, преимущественно франкофонной части этой зоны региональной доминантой, несомненно, выступает ДРК, наиболее крупное ре-

гиональное государство с относительно молодым, не окончательно устоявшимся, но все же развивающимся демократическим строем. Одним из признаков региональной стабилизации стало то, что ДРК частично собственными силами, частично совместно со своими восточными соседями удалось локализовать последствия негативного развития событий в Руанде и Бурунди, перекинувшихся в том числе и на территорию ДРК, и добиться относительной стабилизации ситуации.

В восточной части этой зоны несомненными лидерами являются Танзания и отчасти Кения, страны с большей или меньшей развитостью демократических институтов. Их региональный вес при относительно доминирующей роли Танзании сыграл безусловно значимую роль и в урегулировании наиболее острых фаз затяжного критического состояния в Уганде и острейших кризисов в Руанде и Бурунди. Этот регион, разумеется, гораздо менее стабилен по сравнению с южноафриканским, однако на сегодняшний день можно говорить о наличии здесь достаточно определенного вектора стабилизации, дополнительным фактором которого может стать присоединение к нему Южного Судана, ограждающего территорию от бушующих к северо-западу от нее ветров политической турбулентности. Правда, мощным фактором дестабилизации остается непосредственно граничащее с Кенией Сомали, проецирующее террористическую активность не только на Кению, но и на другие соседствующие с ней страны, прежде всего Уганду.

Этот обзор ситуации в странах Африки южнее Сахары и в транс-сахарских государствах континента показывает, что главной проблемой здесь является не столько наличие авторитарных режимов, сколько крайняя неустойчивость политических систем. Это связано с преобладанием местнической (племенной, клановой, этнической и субэтнической) политической культуры, на основе которой и формируются политические институты, в том числе партии. Политическая нестабильность усиливается по мере продвижения с юга на север континента.

Самая нестабильная часть Африки — полоса стран, расположенных к северу от Кении, Уганды и обоих конголезских государств. Многие из них пережили периоды длительных гражданских войн, свержения диктаторских режимов и появления новых. Наряду

Глава 12. Африка южнее Сахары к началу «арабской весны»...

с турбулентностью, затронувшей арабский мир начиная с 2011 г., расположенные к югу от него страны Тропической Африки переживают период длительной дестабилизации, причем длящейся гораздо дольше, чем нестабильность, вызванная «арабской весной». Именно в этом регионе наблюдается самая большая на континенте концентрация авторитарных режимов, режимов с неустойчивой демократией, нестабильностью, грозящей государственным распадом по примеру Сомали.

Глава 13

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ В АРАБСКОМ РЕГИОНЕ НАКАНУНЕ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

Арабский мир является регионом, где был сосредоточен основной массив авторитарных государств — по разным методикам расчета, от немногим менее половины до более 50%. Во всяком случае в любом другом ареале распространения авторитаризма — в Африке южнее Сахары, на постсоветском пространстве — число институционально и нормативно закрепленных авторитарных режимов существенно меньше.

В то же время на постсоветском пространстве, в странах Тропической Африки именно смешанные режимы и неустойчивые (неконсолидированные, по С. Хантингтону) демократии составляют значительную часть регионального политического спектра, не говоря уже о Латинской Америке, где всего 2–3 режима (прежде всего венесуэльский и боливийский) лишь по некоторым параметрам — отсутствию ограничений на количество сроков правления президента, авторитарному характеру действий исполнительной президентской власти — относили к авторитарным, хотя конкурентный характер выборов, наличие сильной оппозиции и контроля за действиями власти со стороны структур гражданского общества и СМИ говорят о сильной демократической составляющей, обязывающей относить их по крайней мере к режимам смешанного типа.

Арабский мир — единственный регион мира, где абсолютно преобладали страны с институционально оформленными авторитарными режимами: из 22 стран — членов Лиги арабских государств (ЛАГ) лишь 3 — Ирак, Ливан и Палестину — на конец декабря 2010 г. можно характеризовать как неустойчивые (неконсолидированные) демократии; 1 (Коморские острова) — как неустойчивый режим смешанного типа; 1 (Сомали) — как распавшееся государ-

ство; остальные 17 стран были государствами с авторитарными режимами (см. приложение 3).

Арабский регион начиная с получения его государствами независимости является, на наш взгляд, довольно наглядной иллюстрацией к той части типологии политических систем Ж. Блонделя, которая касается развивающихся стран: разделение их на два типа — консервативные и популистские (прогрессистские). Этим двум типам соответствуют последовательно монархические и республиканские арабские режимы: во-первых, консервативный тип модернизации, а во-вторых, радикальный, как правило, связанный в 60–70-е годы XX в. с разного рода социалистическими экспериментами¹.

При этом следует отметить, что период борьбы за национальное освобождение происходил либо через антимонархические революции, как в Египте и Ираке, либо посредством длительной и часто кровопролитной борьбы за национальное освобождение, как в Алжире, Тунисе, Южном Йемене и др. Идеальным стержнем этой борьбы, как правило, выступала идеология арабского национализма (панарабизма), которая уже в колониальный период стала важнейшим консолидирующим фактором всех национальных сил, а после получения независимости, постоянно радикализируясь от левоцентристской, национально-демократической идеологии в Египте в период правления президента Г.А. Насера, в Тунисе в первый период правления (1960-е годы) президента Х. Бургиба и еще более радикальной идеологии арабского социализма баасистов в конце 60-х до второй половины 70-х годов XX в., до перехода на марксистские позиции Йеменской социалистической партии в Южном Йемене, стала играть роль инструмента радикальной политической и социально-экономической модернизации.

В то же время, говоря об арабских монархиях как о странах с консервативной моделью модернизации, нельзя не отметить ряд

¹ Типология арабских режимов, большее приближение монархических режимов к демократическим формам выборов и механизму формирования исполнительной власти по сравнению с республиканскими рассмотрены в нашей работе 2005 г., где в качестве центральных моделей арабского авторитаризма описывались монархическая (иордано-марокканская) и республиканская (египетско-тунисская). См.: *Труевцев К.М.* Политические системы арабских стран: между авторитаризмом и демократией // *Азия и Африка сегодня*. 2005. № 7. С. 15–21.

их специфических черт, которые способствовали утверждению этих стран на позициях, которые они занимают сегодня в арабском мире.

Во-первых, это молодые государства, в том смысле что их становление в том виде и в тех формах, которые они имели или имеют сейчас, произошло в XX в. Причем становление самых ранних из этих монархий — Иордании и Саудовской Аравии — происходило на волне национального освобождения от Османской империи, Марокко — в борьбе против французского и испанского колониализма. Основатель иорданской хашимитской династии король Абдалла был потомком шерифов Мекки и одним из первых столпов панарабизма, поскольку с его именем связывались надежды арабских националистов начала XX в. на создание единого арабского государства. Основатель королевской династии Марокко Мухаммед V, будучи султаном из династии Алауитов, существовавшей с XVI в., стоял во главе национально-освободительной борьбы марокканцев.

Во-вторых, целый ряд арабских монархов, за исключением разве что правителей Саудовской Аравии и получивших независимость позднее княжеств Персидского залива, таких как Бахрейн, Катар и Оман, в 60-е годы XX в. отдали дань идеям не только панарабизма, но и арабского социализма, причем не только на словах. В Марокко был период, когда правительство формировалось при участии левых националистов, в Иордании до 1970 г. король Хусейн активно поддерживал Организацию освобождения Палестины (ООП), включая существовавшие в ней левые группировки, до тех пор, пока не пришел к выводу, что от них исходит угроза его трону. Эмиры Кувейта тоже говорили о социализме, и это находило отражение в их социальной политике, в частности создании системы бесплатного здравоохранения и образования и других актах поддержки и повышения качества жизни населения, характерных для социального государства. Первый президент ОАЭ Заид бен Султан ан-Нахайян до освобождения страны состоял в рядах Движения арабских националистов, самой левой из общеарабских националистических организаций, где в период его членства обозначился переход на марксистские позиции. Определенные идеологические мотивы, почерпнутые из этого периода, сказались на социальной политике руководства ОАЭ, которое, используя предшествующий кувейтский опыт, после получения независимости в 1971 г. также проводило активную социальную политику.

На основе всего сказанного подчеркнем, что, несмотря на различный характер республиканских и королевских режимов арабского мира в 1960–1970-е годы, значительную разницу между двумя типами модернизации и существовавшие противоречия, порой доводившие до прямых столкновений (как это было между Египтом и Саудовской Аравией в период гражданской войны в Йемене), между ними все же не было непреодолимого водораздела, и эта разница на уровне истеблишмента, политических элит и части обычных граждан не выглядела столь существенной.

В последующие два десятилетия — особенно в период советской перестройки, а затем крушения мировой социалистической системы — в арабских странах стал намечаться определенный тренд в сторону демократии, который так или иначе коснулся большинства из них, за исключением разве что Саудовской Аравии. Почти повсюду была либо введена либо получила дальнейшее развитие многопартийная система, высшая законодательная и исполнительная власть стала формироваться на основе всеобщих выборов.

Именно в этот период достаточно отчетливо обозначились две модели авторитаризма, одну из них можно условно назвать египетско-тунисской, а другую — иордано-марокканской (см. приложение 5). Обе модели в последние десятилетия XX в. и первую декаду нынешнего столетия имели, казалось бы, немало общего. И там и там декларировался и развивался политический плюрализм, существовали многопартийность и относительная свобода средств массовой информации.

Во всех четырех упоминаемых странах политический процесс в 70–80-х годах XX столетия имел немало общих черт: во всех в начале 1970-х обозначился правый поворот, который в каждой из них отличался, разумеется, большим своеобразием, но все же имел общий вектор.

В Иордании он произошел в сентябре 1970 г., когда королевский режим, усматривавший угрозу своему существованию в структурах ООП, подверг их серьезному разгрому, а остальную часть вытеснил со своей территории на территорию соседнего Ливана.

В Марокко несколько ранее, в 1969 г., правящая династия, считая главной угрозой левонационалистические силы в лице пользовавшегося популярностью среди значительной части населения Национального союза народных сил во главе с Аль-Махди Бен

Баркой, отстранил этого политического деятеля от участия в политической жизни, после чего он был вынужден эмигрировать во Францию, где был убит, а левые силы были практически выключены из реального политического процесса.

В Египте правый поворот наметился после смерти президента Г.А. Насера и прихода к власти представителя правой части насеристов Анвара Садата. Этот поворот характеризовался отходом от сотрудничества с СССР и другими странами социалистического лагеря и политикой открытых дверей в отношении Запада, а во внутренней политике основным документом стала конституция 1971 г., фактически сохранявшая свою роль вплоть до отстранения от власти следующего президента Хосни Мубарака.

В Тунисе после десятилетия социалистических реформ министра Ахмеда Бен Салаха последний был отстранен от власти, сформирован новый кабинет министров, который стал проводить политику либерализации экономики и развития отношений преимущественно с западноевропейскими странами.

В 1980-е годы все четыре страны стали каждая по-своему приближаться к центристской модели авторитаризма с элементами политического плюрализма, т.е. к той самой модели, с которой «азиатские тигры», а затем и ряд других азиатских стран, включая Турцию, стартовали в новую технологическую эпоху, что сопровождалось в том числе и постепенным переходом к демократии.

Однако, если в странах с монархическими режимами, такими как Иордания, Марокко, развивалась реальная избирательная конкуренция, а правительства формировались представителями победивших на выборах партий или коалиций, в арабских республиках — Египте и Тунисе — многопартийность и всеобщие выборы в парламент носили в основном имитационный характер, в них продолжали существовать доминирующие партии, состоявшие из представителей бюрократии и полностью подчинявшиеся президентской власти.

Президентские выборы либо проводились на безальтернативной основе, когда голосование происходило за единственного кандидата, либо конкуренция носила фиктивный характер, когда конкурирующий кандидат выставлялся по предварительной закулисной договоренности и фактически ни своей программой, ни личными качествами, ни политическим ресурсом заведомо не был и близко сопоставим с действующим президентом.

Попытка же более глубокой демократизации в Алжире в начале 1980-х годов привела к фактической победе на выборах исламистской оппозиции и длительной гражданской войне.

В этой связи необходимо задаться вопросом: почему королевские режимы (прежде всего Иордания и Марокко, но не только они), которые за два десятилетия до того многие в арабском мире и за его пределами считали ретроградными и потому бесперспективными, с 1980-х годов оказались более близки к наиболее продуктивной центристской модели авторитаризма, в то время как в прогрессивистских, совершивших модернизационный рывок в 1960-е годы Египте и Тунисе спустя два десятилетия стали заметны явные черты застойности, сказывавшиеся в пробуксовке их дальнейшего развития.

Ответ на этот вопрос, по нашему мнению, заключается в следующем. На стадии национальной консолидации и первичной модернизации жесткие политические структуры, характерные для авторитаризма, оправданы тем, что они являются инструментами мобилизации большинства населения и его наиболее динамичных слоев вокруг целей национального развития и прежде всего осуществления начального модернизационного рывка. Затем наступает фаза стабилизации, где стоит двойная задача: отсечение крайностей и одновременно постепенное смягчение механизмов давления в отношении социальных и экономических сил, которые создают основу для дальнейшего развития, т.е. либерализация.

Отличие монархической (иордано-марокканской) и республиканской (египетско-тунисской) моделей арабского авторитаризма на этом этапе состоит в том, что, хотя обе относительно успешно справились с первой задачей, но в осуществлении либерализации королевские режимы оказались более состоятельными. Причем речь идет не об экономической либерализации, которая довольно успешно продвигалась во всех четырех случаях, а о либерализации политической.

Причины этого в конечном счете кроются в разнице политических механизмов режима, а точнее, в природе власти и соотношении между ней и ее механизмами. В условиях королевского режима власть трона сакральна и потому приподнята над инструментами власти, каковыми являются в первую очередь силовые структуры. Эта сакральность в Марокко и Иордании связана и с тем, что члены королевской семьи ведут свою родословную от пророка Мухаммеда

и основатели нынешних династий в глазах традиционного общества связаны с борьбой против иностранного господства², а в Иордании они к тому же являются потомками шерифов Мекки. Все это дает возможность трону выступать в качестве верховного арбитра и находиться над политической схваткой. При этом силовые структуры, непосредственно подчиненные трону, находятся как бы за кулисами повседневной политической жизни, выходя из-за них лишь в тех случаях, когда в этом наступает необходимость, и основываясь на монаршей воле, но не являясь непосредственными перманентными участниками политического процесса (см. приложение 5). В этих условиях другие инструменты власти — парламент, политические партии, правительство — могут находиться и реально находиться в поле политической конкуренции, не посягая при этом на монаршую власть. Эта ситуация становится особенно актуальной в условиях активизации исламистских сил, которые участвуют в борьбе за политическую власть, требуя в том числе изменения конституции или отставки правительств, но не выдвигая при этом лозунгов свержения монархии.

В отличие от этого лишенные элемента сакральности республиканские режимы опирались непосредственно на инструменты власти, каковыми являлись прежде всего доминирующая партия и силовые структуры. В силу этого и силовые структуры, и доминирующая партия становились опорными линиями президентской власти, встроенными непосредственно в политический процесс (см. приложение 5).

В этом отношении наблюдалась определенная историческая разница между Тунисом и Египтом. В Тунисе существовала историческая партия «Новый Дустур», созданная еще до независимости и возглавлявшаяся первым, а затем и вторым президентом. Силовые структуры изначально носили подчиненный характер, и из-за этого иерархия власти, говоря упрощенно, выглядела примерно следующим образом: президент (он же лидер правящей партии) — партия — силовые структуры — правительство (и подконтрольный президенту через доминирующую партию парламент).

В Египте, чтобы прийти к подобной, хотя и не совсем идентичной конфигурации, понадобилось более двух десятилетий. Начиная

---

² Применительно к Иордании — против турецкого господства в начале XX в.

с революции 1952 г. в качестве руководящей силы выступила армия, а точнее, Организация свободных офицеров во главе с Г.А. Насером, которая была политической группировкой внутри армии и за которой пошла большая часть среднего и низшего офицерства. Позднее, с начала 1960-х годов, Г.А. Насер, уже будучи президентом в течение более половины десятилетия, пришел к убеждению о необходимости создания в стране руководящей политической организации — Арабского социалистического союза (АСС), своего рода прототипа авангардной правящей партии.

После смерти Г.А. Насера следующий президент Египта А. Садат провозгласил курс на политическую либерализацию, в рамках которой стала развиваться многопартийность, главным образом через формирование политических платформ в рамках АСС, которые впоследствии стали оформляться в самостоятельные политические партии. Однако, несмотря на то что А. Садат, по крайней мере по утверждению одного из наиболее приближенных к нему лиц, бывшего госминистра по иностранным делам Египта Бутроса Гали, искренне стремился к созданию подлинной многопартийности³, никакой настоящей многопартийности в стране не получилось, а появилась партийная система с доминантной партией, ставшей инструментом в руках президентской власти. Формирование многопартийности было невозможно в условиях, когда президентская власть в соответствии с конституцией 1971 г. была наделена исключительными полномочиями. «По форме правления Египет — монархическая республика, при которой основные прерогативы власти сосредоточены в руках президента», — подчеркивалось в академическом издании «Арабская Республика Египет»⁴. В соответствии с конституцией президент избирался на референдуме на безальтернативной основе. Он был главой государства и одновременно лицом, возглавлявшим исполнительную власть, наделаясь прерогативой контроля «взаимоотношения властей», иначе говоря, получал контроль не только над исполнительной, но над законодательной и судебной властью, назначал вице-президента, премьер-

³ Гали Б.Б. *Путь Египта в Иерусалим: Рассказ дипломата о борьбе за мир на Ближнем Востоке* / пер. с англ. К.М. Труевцева. М.: Классика плюс, 1999.

⁴ *Арабская Республика Египет: справочник*. М.: Наука, 1990. С. 227.

министра и членов совета министров, гражданских и военных должностных лиц⁵.

Естественно, что в этих условиях исключительных полномочий, которыми была наделена президентская власть, несмотря на декларируемую в конституции конкурентность партий в ходе парламентских выборов, заведомую фору на выборах приобретала партия, которая была связана с президентской властью, поскольку она могла опираться на весь массив властного и административного ресурса, а значит, прямо или косвенно, — и на ее остальные ресурсы, включая финансовый и информационно-пропагандистский. Такой доминантной стала Национально-демократическая партия, созданная на основе одной из бывших платформ АСС и продолжавшая сохранять эту позицию в течение всего срока правления третьего и четвертого президентов Египта.

А. Садату не удалось достичь политической стабилизации. Усматривая главную опасность в левых насеристах, он пытался найти точки соприкосновения с исламистами, в связи с чем усилил исламские мотивы в официальной идеологии и снял запрет на деятельность «Братьев-мусульман»⁶. Однако для исламистов был неприемлем его политический курс, особенно в вопросах, связанных с урегулированием отношений с Израилем. В итоге А. Садат был убит группой офицеров, принадлежащих к одной из радикальных исламистских организаций⁷.

Относительной политической стабилизации удалось достичь его преемнику вице-президенту Х. Мубарак, который и стал четвертым президентом Египта. Будучи, как и его предшественники, выходцем из военной верхушки, исторически связанной с революцией 1952 г. и последующими, в том числе военными, событиями (он был удостоен звания Героя Египта за участие в войне с Израи-

---

⁵ Арабская Республика Египет... С. 227–228.

⁶ Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

⁷ Эти события происходили на фоне общей дестабилизации внутривосточной обстановки, которая обострилась в стране с 1976 г. и продолжала оставаться крайне нестабильной вплоть до убийства А. Садата (см.: Арабская Республика Египет. С. 91–93, 97–102). А. Садат был убит 6 октября 1981 г. старшим лейтенантом Халедом Исламбули и еще тремя людьми из его группы, открывшими огонь по правительственной трибуне во время военного парада. Все они принадлежали к радикальной исламистской группировке «Аль-Джихад аль-гедид».

лем 1973 г.), Х. Мубарак преуспел в превращении доминирующей партии и армии в эффективные инструменты государственного управления, взаимосвязанные в первую очередь посредством президентской власти.

Именно в этот период египетский и тунисский режимы стали приобретать настолько схожие черты, что могут описываться в рамках единой модели, после того как в 1987 г. в Тунисе стал вначале премьер-министром, затем генеральным секретарем правящей партии, а спустя несколько месяцев совершил бескровный государственный переворот и стал президентом Зин аль-Абедин Бен Али — также выходец из числа силовиков (правда, из спецслужб и полицейских кругов)⁸.

В обоих случаях деятельность режимов Египта и Туниса в экономической области была довольно успешной. Углубление политики либерализации и поддержка национального частного бизнеса давали свои плоды в течение последующих двух десятилетий. В Тунисе они способствовали беспрецедентному росту экономики и вывели страну, не имеющую богатых природных ресурсов, на одно из первых мест на Африканском континенте по уровню жизни⁹.

Однако в долгосрочном плане серьезной политической стабилизации ни в Тунисе, ни в Египте не произошло. Постепенно нарастающая политическая напряженность в обоих случаях была связана не столько с экономическими, сколько с политическими причинами. Жесткие структуры режимов, которые подавляли всякие серьезные выражения недовольства, усиливали позиции исламистов, заявлявших о нелегитимности этих режимов с позиций ислама. Замкнутость политической структуры порождала некон-

⁸ З. Бен Али сначала (в апреле 1986 г.) был назначен министром внутренних дел Туниса в связи с обострившейся внутривластной обстановкой, в том числе в результате активных действий исламистских сил, и надеждой правящих кругов страны на то, что он сможет справиться с ситуацией. Его действия по пресечению деятельности исламистских сил были стремительными и эффективными. В октябре 1987 г. он был назначен премьер-министром и избран на пост генерального секретаря Дустуровской партии. Меньше чем через месяц, 7 ноября 1987 г., он совершил государственный переворот.

⁹ ВВП Туниса на душу населения в 2010 г., по данным Всемирного банка, составлял 4141,98 долл. США (см.: Википедия. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Экономика_Туниса). Экономика страны за период с 1990 по 2010 г. росла в среднем на 5% в год, средний класс к 2010 г. составлял 60% населения. (см.: URL: <http://edrf.ru/article/05-09-2018> (дата обращения: 04.09.2020)).

тролируемую коррупцию, а разомкнуть ее правящие круги опасались, не желая дальнейшего усиления исламистов, учитывая, среди прочего, и негативный опыт попытки демократизации в Алжире, и неудачу эксперимента «контролируемой демократии» в Египте в период правления А. Садата в 1970-е годы. Получался замкнутый круг: государство ужесточало режим, пытаясь подавить исламистскую опасность, но это ужесточение расширяло поле недовольства, которое все больше начинало охватывать общество, в том числе и за пределами исламистских кругов и поддерживавших их низших слоев населения. Это недовольство сдетонировало, когда на политическую арену вышла молодежь, объединенная действием социальных сетей, которые как средство политической коммуникации оказались опережающими по темпам и превосходящими по эффективности коммуникационные возможности режимов, опиравшихся в своих действиях преимущественно на традиционные инструменты и методы политической коммуникации.

Египетско-тунисскую модель республиканских политических режимов арабского мира мы здесь выдвигаем в качестве центральной в силу не только исторических, но и чисто политологических причин: несмотря на существенные различия конкретики социальных и политических структур других республиканских режимов, механизм политической власти в своих сущностных характеристиках был практически идентичен, и поэтому не случайно почти все они были затронуты событиями «арабской весны», за исключением Ирака, где только что произошла смена на режим крайне неустойчивой (на грани распада государства, от которой оно до сих пор не отошло), начальной, страдающей множественными изъянами демократии, а также Ливана, представляющего собой уникальный для региона образец межконфессиональной демократии, тоже крайне неустойчивой, сопровождающейся периодическими всполохами гражданской войны, и Палестинского государства, которое собственно в таком качестве еще не полностью состоялось, однако уже на этапе становления оказалось пораженным язвами вооруженного гражданского противостояния.

Причем все остальные республиканские режимы, носившие авторитарный характер, отличались от египетско-тунисской модели лишь в сторону ужесточения и еще большей негибкости опорных политических структур, что, впрочем, вопреки мнению некоторых

аналитиков, полагающих, что причиной крушения египетского и тунисского режимов была их излишняя мягкость, также не уберегло их от краха.

В Ираке в период правления С. Хусейна и Ливийской Джамахирии в силу особенностей их политического устройства подобные эксперименты с многопартийностью и выборами не только не проводились, но и представлялись немислимыми из-за их несопоставимости с природой и характером власти. Политическую систему, установившуюся в Ираке начиная с 1975–1976 гг., можно охарактеризовать как авторитарно-тоталитарную, используя термин, который в западной публицистике и реже в политологии применялся для характеристики политической системы франкистской Испании.

С одной стороны, этот режим возник в результате острой межличностной борьбы за власть, которая велась внутри правящей Партии арабского социалистического возрождения (аль-Баас) между различными региональными кланами, затронув изнутри и правящий клан ат-Тикрити, из которого происходил сам будущий диктатор С. Хусейн. С другой стороны, эта борьба была одновременно борьбой между партийно-бюрократической и военно-бюрократической группировками внутри баасистской партии, причем именно военная группировка и осуществила в 1958 г. переворот, приведший баасистов к власти. Борьба закончилась победой партийно-бюрократической группировки.

В результате личная диктатура С. Хусейна опиралась на партийный аппарат и приобретавшие все больший вес, но подчиненные партии органы государственной безопасности, причем партийные ячейки и структуры безопасности постепенно пронизали все общество, включая армию. Партийная организация строилась на строжайшей дисциплине и жесткой иерархии, все стратегические решения замыкались в итоге на личность вождя и находились под его неусыпным контролем. Осуществление тотального контроля над обществом, как это всегда бывает в тоталитарных системах, имело своей целью определенную социальную инженерию, направленную на достижение полной гомогенности общества, причем на националистических основах. Поэтому всякая оппозиция вычищалась под ноль¹⁰, а партийные структуры обрастали «приводными рем-

¹⁰ Это остро прочувствовали на себе, к примеру, коммунисты, когда с 1977 г. вчерашние союзники по Национальному фронту начали безжалостно

ниями» в виде профсоюзных, молодежных, женских и других общественных организаций, находившихся под полным партийным контролем.

В центре, в Багдаде, и на север от него вплоть до Киркука и на юг до Вавилона (Хиллы) и даже дальше, примерно до Кута, режиму удалось достичь почти полной гомогенности общества в смысле абсолютной подконтрольности вождю и правящей партии, но в более отдаленных районах продолжала существовать курдская и шиитская вольница. Поэтому руководство страны осуществляло целенаправленную политику постепенного выдавливания соответственно курдов все дальше на север, а шиитов — все дальше на юг. Так, район Киркука и территории к северу от него заселялись арабами¹¹, причем не только суннитами, но и шиитами, переселяемыми с юга, а район Вавилона, где раньше было преимущественно шиитское население, превратился в суннитский.

Эта политика осуществлялась довольно успешно в 1970-е годы, когда благодаря нефтяным кризисам 1973 и 1979 гг. финансовые ресурсы позволяли не только реализовывать социально-экономи-

---

репрессировать и физически уничтожать их, причем это происходило без всякого видимого повода. Впрочем, репрессии затронули и рядовых граждан, которые выражали недовольство или сомнения даже по поводу второстепенных деталей проводимой политики.

¹¹ «Эти меры включали уничтожение курдов в местах их проживания, полное уничтожение курдских населенных пунктов в сельской местности (уничтожено около 4000 из 4655 деревень; даже 20 лет спустя, пролетая над курдскими районами, поражаешься их опустошенности), депортацию части курдского населения в пустынные районы Ирака, где оно оказывалось в условиях, полностью непригодных для проживания и было обречено на смерть, или непосредственно становилось жертвами массовых убийств. Обнаружено большое число массовых захоронений курдов по всему Ираку. Практиковалось изгнание курдов с занимаемых ими территорий, особенно с экономически очень важных территорий в провинции Киркук, и последующее заселение этих территорий специально мобилизуемыми для этого правительством арабскими переселенцами из южных или центральных частей Ирака» (*Макаренко В.* Осудить геноцид в прошлом — значит предотвратить его в будущем // *Kurdistan.ru*. 2013. URL: https://kurdistan.ru/2013/03/26/articles-18538_Osudit_genocid_v_pro.html (дата обращения: 04.09.2020)). В отношении курдов эта политика дополнялась попытками стравливания курдов с другими национальными группами, прежде всего с туркоманами, а также игрой на противоречиях между курдскими партиями — Демократической партией Курдистана, возглавляемой Мустафой Барзани (а после его смерти — его сыном Масудом Барзани), и Патриотическим союзом Курдистана во главе с Джалялем Талабани, которые поочередно привечались в Багдаде.

ческие программы, повышающие уровень жизни населения, но и активно подавлять оппозицию во всех ее разновидностях, однако после начала ирано-иракской войны ресурсы стали истощаться. Особенно усугубилось положение в связи с последствиями иракской агрессии против Кувейта в 1990 г. и последовавшей за ней операцией «Буря в пустыне» в 1991 г., когда силы коалиции под руководством США выбили иракские войска с территории Кувейта.

Вслед за этим разразилось масштабное восстание в Курдистане и шиитских районах Ирака. Несмотря на это, баасистскому режиму удалось подавить восстание путем жестокого террора¹².

Тем не менее уже спустя несколько месяцев, осенью 1991 г., в результате операции НАТО «Восстановление комфорта» иракские войска и администрация были выведены из районов Дохука, Эрбиля и Сулеймании. С тех пор, вплоть до разгрома баасистского режима в 2003 г., эти районы Курдистана оказались вне его зоны контроля. Фактически Курдистан стал независимым от иракского режима не только в политическом (контроль в этих районах полностью перешел к курдской администрации под защитой военно-воздушных сил НАТО, контролировавших границу между Курдистаном и остальной частью Ирака), но и в экономическом отношении, вплоть до того, что в качестве местной валюты вместо иракского динара стал использоваться американский доллар.

Начиная с 1991 г. Ирак в усеченном виде, в котором он оказался после фактического отторжения Курдистана, превратился в государство-изгой, причем в гораздо более прямом смысле, чем другие страны (Иран, Северная Корея, Сирия), в отношении которых администрация США стала применять этот термин в 2000-е годы. Ирак попал под жесткие санкции ООН, не только запрещавшие ему продажу оружия, но и налагавшие эмбарго на экспорт иракской нефти, за исключением ее поставок в рамках определенной квоты по формуле: «нефть в обмен на продовольствие». Другое дело, что фактически это эмбарго нарушалось не без участия соседей Ирака и других сторон, включая и американские нефтяные компании. Но все равно эмбарго серьезнейшим образом отразилось на материальном положении населения, и без того подорванном войной.

---

¹² Это подавление расценивается курдами и шиитами как акт геноцида.

Помимо этого, территория Ирака подвергалась регулярным налетам и бомбардировкам со стороны ВВС США, направленным против возрождавшейся военной инфраструктуры, однако наиболее пострадавшей стороной оказывалось в основном мирное население.

Что касается режима, он продолжал выдерживать испытания на прочность. Объясняется это тем, что всякая оппозиция была удалена с политической сцены, а система жесткого партийно-государственного контроля над населением при активном участии тайной полиции продолжала сохранять свою действенность. Еще одно объяснение заключается в том, что ни одна из ведущих мировых и региональных держав, за исключением разве что Ирана, не спешила оказывать содействие иракской оппозиции, руководящие структуры которой находились за пределами страны.

Однако прочность иракского режима на поверку оказалась весьма относительной. В 2003 г. он был в течение двух недель полностью сокрушен во время военного вторжения США, причем многие военные части Ирака, за исключением элитных соединений, либо сдавались, либо переходили на сторону оккупационных войск, а пленение С. Хусейна, хотя оно непосредственно было осуществлено американцами, вряд ли обошлось без содействия иракских граждан.

Таким образом, иракская модификация республиканской модели арабского авторитаризма, ставшая теперь уже достоянием истории, несмотря на ее прочность, оказалась в конечном итоге тупиковой, поскольку эта модель держалась в значительной мере на внутреннем терроре и попытках внешней экспансии, которые закончились провалом, и ее тупиковость проявилась фактически еще до американской оккупации, поскольку кувейтская авантюра С. Хусейна имела одним из своих последствий фактический распад государства, имея в виду выпадение территории иракского Курдистана из зоны государственного управления багдадского режима.

Смена режима в Ираке, хотя и происходила в условиях иностранной оккупации, все же имела определенное знаковое влияние на характер и общий климат существования политических структур в регионе. Впервые за длительный исторический период на месте одного из самых одиозных авторитарных режимов начался эксперимент перехода к демократическому правлению. Была принята демократическая конституция 2005 г., дважды состоялись конку-

рентные выборы в парламент, правительство формировалось победившей на выборах коалицией, президент страны дважды избирался парламентом на конкурентной основе и пребывает на этом посту последний конституционный срок.

Вместе с тем иракский урок заключается и в том, что это демократическое устройство крайне неустойчиво, оно зиждется на зыбкой основе межконфессионального и межэтнического компромисса при доминирующей роли арабов-шиитов, продолжающейся фактической полунезависимости Курдистана, которую от полной независимости де-юре отделяло лишь не осуществленное до конца желание курдов установить полное господство над нефтеносными районами Киркука. Эта ситуация осложнялась еще и спорадическими межконфессиональными и межэтническими столкновениями, кровавыми, сопровождавшимися многочисленными жертвами террористическими актами со стороны исламистских суннитских группировок и остатков баасистских вооруженных структур, в ответ на которые шииты и курды продолжали методично выдавливать арабо-суннитское население соответственно из южных (с растущим шиитским доминированием) и северных (с преобладанием курдского населения) районов страны в мало пригодные для жизни пустынные центральную и западную части. Шиитская экспансия захватила и столицу страны.

Эта печальная картина демократического транзита Ирака заставляет задаться вопросом: а не ожидает ли подобная участь даже не ливанизации (как иногда характеризуют обстановку в Ираке), а африканизации и другие страны арабского мира после событий 2011 г., имея в виду, что качели между авторитаризмом и демократией, на которые почти не обращает внимание внешний мир, продолжают сотрясать значительную часть Африканского континента южнее Сахары не один год, как было в период «арабской весны», а на протяжении уже целого десятилетия.

Подобный вопрос вполне уместен в этом контексте, поскольку именно демократический транзит Ирака послужил отправной точкой проектов демократизации Большого Ближнего Востока, которые непосредственно предшествовали «арабской весне».

Другие арабские республиканские режимы, если рассматривать их по шкале «умеренность — радикализм», трактуя в данном случае радикализм как уровень репрессивности режима, располагались

все же между тунисским и египетским, с одной стороны, и иракским в период правления баасистов, с другой. Прежде всего речь идет о сирийском и алжирском режимах. Есть некоторые черты сходства двух режимов с точки зрения определенного момента генезиса их современной структуры. В первую очередь отметим момент стабилизации, который наступил в Алжире в 1965 г., после военного переворота, осуществленного Хуари Бумедьеном, и прихода к власти военных, а в Сирии — в 1970 г., после военного переворота, осуществленного Хафезом Асадом.

Несомненно, этому предшествовали разная история и разные социополитические реалии. Сирия была одной из первых стран региона, добившихся национальной независимости в сентябре 1941 г. Хотя после этого французские оккупационные войска еще пять лет оставались в стране, надо помнить, что это был период Второй мировой войны, и после ее окончания, в 1946 г., они были эвакуированы из Сирии. Первое десятилетие независимости страна просуществовала в условиях неустойчивой демократии, периодически сменявшейся военными переворотами. Был также и краткосрочный эксперимент с представительной демократией, оформленной в виде парламентской республики, который явил еще один пример того, что парламентская республика, особенно в период своего начального становления, является самой неустойчивой формой демократии. Затем была волна панарабской эйфории, своеобразным апогеем которой стала уния с Египтом в Объединенной Арабской Республике (1958—1961 гг.).

Развал федерации с Египтом в 1961 г. повлек новую волну политической неустойчивости, когда в течение пяти лет произошло пять переворотов, пока на политический олимп не взойшла одна из исторических партий Сирии — Партия арабского социалистического возрождения (Аль-Баас)¹³, правление которой продолжа-

---

¹³ Партия арабского социалистического возрождения (Аль-Баас) была создана в Дамаске в 1947 г. Мишелем Афляком и Салах ад-Дином Битаром и называлась вначале просто Партией арабского возрождения. После объединения с Арабской социалистической партией Акрама Хаурани она приобрела название, которое сохраняется до сих пор. Баасисты, считающие себя общеарабской партией, пришли к власти в 60-е годы XX в. в Сирии и Ираке и долгое время пользовались значительным влиянием в целом ряде арабских стран, в первую очередь в Ливане и Йемене. В последних двух странах их политическое присутствие продолжается до сих пор.

лось почти полвека. Но с приходом к власти в Сирии баасистов есть один нюанс, который вряд ли стоит игнорировать.

Начиная с 1963 г. у власти находилось левое крыло баасистов во главе с Амином аль-Хафезом, которое было близко к переходу на марксистские позиции (это позднее и произошло с целым рядом видных деятелей этого крыла, но уже в условиях подполья, тюремного заключения или эмиграции). Но при этом у них было острое противоборство с сильной в тот период сирийской компартией, что было довольно характерной картиной соперничества между компартиями и левыми националистами в арабском мире в 1960-е и самом начале 1970-х годов.

В это резкое соперничество, которое было одной из главных причин неустойчивости режима, и вмешалось «исправительное движение», как официально именовался военный переворот, в лице военного крыла партии Аль-Баас во главе с его лидером Х. Асадом. Таким образом, стабилизация означала определенный поворот вправо, но это был не правоцентристский поворот, как в Египте и Тунисе в следующем десятилетии, а поворот с леворадикальных на левоцентристские позиции и фиксация политической ситуации на этих позициях. Об этом свидетельствует тот факт, что репрессии коснулись в основном лишь руководящих деятелей левого крыла самой правящей партии, а затем последовали шаги по консолидации в основном левого спектра политических сил, включая коммунистов, вокруг правящей партии путем создания Национально-патриотического фронта, в который и были включены все эти политические силы.

Алжир, в отличие от Сирии, тоже будучи в прошлом французской колонией, получил независимость только в 1962 г. в результате длительной, кровопролитной войны, а французские войска были окончательно эвакуированы из Алжира в 1964 г., спустя почти два десятилетия после того, как это произошло в Сирии.

Первое постколониальное руководство Алжира возглавил Ахмед Бен Белла, лидер Фронта национального освобождения (ФНО) Алжира, принадлежавший к леворадикальному крылу арабских националистов, довольно близко стоявший к сильному марксистскому течению в стране. На основе политического крыла ФНО планировалось создать авангардную партию, и вообще планы алжирского руководства были направлены на осуществление ради-

кальных реформ, сблизивших эту страну с приобретавшей уже в тот период огромную популярность в третьем мире Кубой.

Однако через три года после освобождения в стране произошел возглавленный министром обороны страны Хуари Бумедьеном военный переворот, который в тот период характеризовался некоторыми политическими аналитиками непосредственно по следам произошедших событий как правый. На деле это оказался поворот, вполне сходный с сирийским: он в конечном итоге фиксировал ситуацию в стране не на право-, а на левоцентристских позициях. Спустя небольшой промежуток времени руководство возвратилось к планам создания политической партии на основе ФНО, и политическая система стала приобретать черты, сходные с египетской в период правления Г.А. Насера: сильная президентская власть, опирающаяся на связанную с революционной национально-освободительной борьбой военную организацию, которой, правда, изначально предшествовала политическая организация ФНО, из которой при наличии в нем теперь и военного компонента формировалась авангардная партия.

В последующие десятилетия политические судьбы двух стран, развитие политического процесса, изменение политических структур в них, и до этого далеко не идентичных, начинают все больше расходиться, хотя и здесь можно усмотреть нечто общее, и это общее заключается в противостоянии режимов исламистской опасности.

В Сирии, как и во всем арабском мире, во всяком случае в республиканской его части, после десятилетий преобладания светской идеологии арабского национализма в 1970-е годы стали усиливаться исламистские тенденции, основными политическими носителями которых в Сирийской Арабской Республике (САР), как и в ряде других арабских государств, в то время выступали «Братья-мусульмане». Исламистская опасность в САР усиливалась тем фактором, что влияние «Братьев-мусульман» стало довольно быстро расти среди суннитского большинства населения, в то время как у власти находились доминирующие среди военной элиты представители алавитов, одной из ветвей шиитского направления в исламе, распространенной в основном в Сирии. К алавитам относится и правящий клан Асадов. Но дело было, разумеется, не только в этом, но и в том, что для баасистов как для светской партии был идеоло-

гически неприемлем исламизм «Братьев-мусульман», исторический противник светских течений в арабском национализме¹⁴.

Правящему режиму удалось противопоставить растущему влиянию исламизма консолидацию сложной общественной мозаики из числа самих баасистов, в том числе и суннитов, видные представители которых (в том числе министр обороны Мустафа Тлас, занимавший эту должность с 1972 г. в течение 30 лет) играли важную роль в элитной иерархии, а также других светских партий, прежде всего коммунистов, представителей курдов и прочих национальных меньшинств, христианского конфессионального меньшинства. Все эти силы, их представители были так или иначе включены в механизм Национально-патриотического фронта.

Осуществив эту консолидацию большинства национальных сил вокруг режима, президент Х. Асад нанес в 1982 г. жестокий удар по цитадели исламизма — городу Хама, который был подвергнут бомбардировке и массированному артиллерийскому обстрелу и почти полностью уничтожен. В ходе этой акции, по разным данным, погибли от 17 тыс. до 40 тыс. человек, включая женщин, стариков и детей. В результате исламистское движение было деморализовано и режим стабилизировался на многие годы. Во всяком случае до начала американской экспедиции в Ираке в 2003 г., после которой началась новая эскалация политического исламизма, в Сирии практически не было активных и массовых выступлений исламистов.

После вторичной стабилизации режима в 1982 г. его основная конфигурация продолжала сохраняться вплоть до последнего времени в виде достаточно жесткого авторитарного механизма

¹⁴ Учитывая растущее влияние исламизма в арабском мире, основатель баасизма Мишель Афляк, будучи христианином по происхождению, в своих письменных работах, а также в ряде выступлений в Багдаде в 1970-е годы усилил акцент на исламские мотивы. Однако эти акценты в основном сводились к исторической и цивилизационной роли ислама. Избрание же им Багдада в качестве трибуны своих «исламистских» выступлений объяснялось не только его сближением именно с иракской ветвью баасизма, но также и тем, что правящие круги Ирака, представлявшие суннитское меньшинство в этой стране, в этот период, характеризовавшийся усилением противоречий с Ираном, делали акцент на суннитскую сторону истории ислама, например, ассоциируя С. Хусейна с историческим героем мусульманского борца с крестоносцами Салах ад-Дина аль-Айюби (кстати, курда по происхождению, о чем иракская пропаганда умалчивала, представляя его как арабского героя).

во главе с президентом, опирающимся на партию Аль-Баас, вокруг которой в качестве «приводных ремней» формировались структуры Национально-патриотического фронта, а также общественные организации, профсоюзы, женские и молодежные организации, творческие союзы. Второй главной опорой режима была армия, структуры которой тесно переплетались с правящей партией, а военная верхушка входила в узкий круг верхней части политической элиты. Вверху этой пирамиды сразу за президентом располагался семейный клан Асадов, в котором главную роль после Х. Асада долгое время играл его младший брат Рифат, непосредственно руководивший подавлением исламистского мятежа в Хаме в 1982 г., причем основную роль в этом играли непосредственно подчиненные ему элитные подразделения — «оборонные бригады», которые создавались с 1970 г. и набор в которые шел отдельно от обычного армейского.

Рифат Асад, который считался одной из самых коррумпированных фигур режима, обладая значительным состоянием в виде недвижимости в центре столицы и в Латакии, а также рядом предприятий, начиная со времени назначения на второй по значимости пост в стране фактически стал главной опасностью, подстерегавшей режим изнутри. В 1983 г. он попытался организовать военный переворот, а подчиненные ему части некоторое время контролировали центр столицы. В 1984 г. Х. Асад, который до этого времени был поражен длительной болезнью, после своего выздоровления принял решение о высылке брата за границу, по возвращении из которой Р. Асад был назначен вице-президентом, однако в 1986 г. вновь отправлен по официальной версии в «бессрочную командировку», в которой оставался вплоть до 1992 г. В 1998 г. он был лишен поста вице-президента.

В 2000 г. президент Х. Асад скончался. После его смерти клан Асадов, узкий круг высшей партийной и армейской элиты, принял решение о передаче власти его сыну Башару Асаду. Формально для избрания его президентом был назначен референдум, на котором он получил обычный для авторитарных режимов «восточный» вотум — более 90% голосов. Фактически такой нетипичный для республиканских режимов наследственный механизм передачи власти стал одним из симптомов критического состояния режима. Он свидетельствовал о том, что политическое устройство не имеет

механизмов легитимизации преемственности власти и фактически исчерпало исторические возможности дальнейшего поступательного развития.

Прецеденты использования этого квазимонархического механизма передачи власти в современную эпоху крайне редки. Напомним: это Гаити времен Дювалье, Северная Корея, где, кстати, этот механизм уже опробован дважды, что в наше время может быть возможным только для крайне изоляционистского режима, затем следуют Сирия и Азербайджан.

В сирийском случае это оттенялось еще и тем, что Б. Асад, врач по профессии, был вначале весьма далек от мысли строить политическую карьеру. Х. Асад, испытывавший в течение почти двух десятилетий проблемы со здоровьем, планировал передать власть старшему сыну, Басилю Асаду, однако тот погиб в автомобильной катастрофе.

Характерно, что сирийский опыт квазимонархической передачи власти стал единственным в арабском мире, однако попытки повторить его предпринимались в Египте и Йемене уже в преддверии событий «арабской весны», и во обоих случаях они закончились неудачей, став одним из дополнительных аргументом движения, направленного против власти в пользу свержения соответствующих режимов.

Недостаточная подготовленность Б. Асада к принятию власти привела к тому, что он стал заложником семейного и более широкого армейско-партийного политического клана, который фактически и стал главным действующим лицом режима. Тем не менее режим продолжал демонстрировать видимую устойчивость. В 2007 г., по истечении первого президентского срока Б. Асад был повторно избран на президентский пост на референдуме и опять с «полным единодушием» — за него проголосовало 97,62% избирателей страны.

Однако усталость граждан от режима и кризис доверия к нему продолжали накапливаться, охватывая все более широкие слои населения, включая не только исламистов, влияние которых в последние два десятилетия вновь начало неуклонно расти, но и другие широкие общественные круги, в том числе жителей больших и малых городов, деревень, а также бедуинов. Все большее нетерпение стали проявлять молодежь, демократические и либеральные круги. Все это копилось, пока в 2011 г. не произошел взрыв.

В отличие от Сирии, где исламистская оппозиция формировалась целиком на волне реакции ряда общественно-политических слоев на тот тип модернизации и тот тип режима, который был господствующим в течение всего периода правления баасистов, в Алжире появление исламистов как влиятельной политической силы стало в какой-то мере результатом политики самого режима, помноженным на постколониальный синдром, охвативший значительную часть общества.

Дело в том, что перед достижением независимости Алжир был, пожалуй, самым глубоко колонизированным из всех обществ Северной Африки. Французы занимали ведущие позиции в экономике, целиком завязанной на Францию, французский был единственным официальным языком, а улица, по крайней мере в столице и крупнейших городах, говорила на смеси французского, арабского и берберского.

Долгая, кровопролитная борьба за освобождение не могла не породить и в обществе, и среди правящих кругов изначально популистского режима желание искоренить наследие французского культурного колониализма. Общим веянием в развивающихся странах в 1960–1970-е годы был социализм, поэтому и президент Алжира, несомненно, по внутреннему убеждению, говорил о социализме с алжирской спецификой, что означало в том числе арабский, исламский социализм как некий антипод французскому и европейскому¹⁵.

В этом контексте с середины 1960-х годов начала проводиться политика арабизации и исламизации, поддержанная достаточно широкими общественными кругами. Естественно, что эта политика затронула в первую очередь область образования и культуры. Поэтому именно в сфере образования, а это, кроме всего прочего, сфера основного воздействия на молодежь, быстро возрастало влияние исламизма. Правящий режим долгое время, судя по всему,

---

¹⁵ Х. Бумедьен, что было во время его молодости крайне редко для алжирцев, закончил каирский религиозный университет «Аль-Азхар» и до включения в вооруженную борьбу за освобождение работал учителем арабского языка. Это, несомненно, сыграло определенную роль в его личной мотивации к проведению политики арабизации и исламизации страны. См.: *Зинин Ю. Хуари Бумедьен* // РСМД. 2016. URL: [https://russiancouncil.ru/common/upload/Титаны%20БВ%20-%20Буамедьен%20\(Алжир\).pdf](https://russiancouncil.ru/common/upload/Титаны%20БВ%20-%20Буамедьен%20(Алжир).pdf) (дата обращения: 04.09.2020).

не придавал особого значения этому фактору, по крайней мере до тех пор, пока не возникли и стали быстро развиваться протестные движения, в условиях идеологически окрашенного авторитарного режима неизбежно приобретающие религиозно-политическую окраску. Следует отметить, что после советского вторжения в Афганистан алжирцы составляли немалое число наемников среди афганских муджахедов, что также сыграло роль в усилении радикального характера исламистского движения в Алжире: возвращаясь с афганских полей сражения, алжирские исламисты, ставшие уже профессионалами ведения вооруженной борьбы под исламистскими лозунгами, переносили этот опыт и этот жизненный стиль на алжирскую почву.

Ухудшение экономического положения страны в начале 1980-х годов заставило алжирское руководство обратиться за финансовой помощью к монархическим режимам, что способствовало расширению финансовой подпитки исламистских сил и наращиванию каналов их внутренней и внешней мобильности, но не смогло существенно улучшить экономической ситуации. Середина и вторая половина десятилетия сопровождались массовыми волнениями на экономической почве.

То, что именно в этих условиях алжирское руководство пошло на эксперимент с демократизацией, расценивалось многими политическими аналитиками как стратегический просчет и было использовано позднее правящими режимами других арабских стран, прежде всего Египта и Туниса, в качестве негативного примера подобного рода экспериментов в арабских условиях.

Действительно стремительно набиравший популярность Исламский фронт спасения (ИФС) в первом туре одержал победу на первых за всю историю независимости страны парламентских выборах, состоявшихся в декабре 1991 г. Чтобы не допустить прихода исламистов к власти, правящая партия «Фронт национального освобождения» (ФНО) отменила второй тур выборов, что привело к вооруженным столкновениям, организованным исламистской оппозицией. Началась гражданская война¹⁶.

Ответом армии на начало гражданской войны стал военный переворот. В январе 1992 г. Шадли Бенджедид был смещен со своего

---

¹⁶ *Миринова Е.И.* Алжир: смена приоритетов развития. М.: ИИИиБВ, 2004. С. 32.

поста, к власти пришел Верховный государственный совет (ВГС), возглавить который военные в феврале 1992 г. предложили вернувшемуся из изгнания в Марокко (в котором он находился с 1965 г.) одному из исторических руководителей правого крыла ФНО Мухаммеду Будиафу. ИФС был к этому времени запрещен, а тысячи его сторонников подвергнуты арестам. Наиболее радикальные группы исламистов — Исламское вооруженное движение (ИВД) и Вооруженные исламские группы (ВИГ) — ответили развертыванием партизанской войны и террористическими актами на большей части территории страны.

Попытки М. Будиафа сочетать борьбу с терроризмом с осуществлением реформ и борьбой с коррупцией внутри правящей военной и гражданской бюрократии не имели успеха: он был убит собственным телохранителем в июне 1992 г., не пробыв и полугодом на своем посту¹⁷. С 1992 по 1994 г. председателем ВГС был кадровый дипломат Али Хусейн Кафи, предпринимавший жесткие меры по борьбе с исламистами. Он ввел новые законы по противодействию терроризму, расширил полномочия полиции.

В 1994 г. председателем ВГС и президентом страны стал генерал Ламин Зеруаль: в 1995 г. впервые после начала гражданской войны в стране прошли президентские выборы, на которых он одержал победу практически без борьбы, поскольку выборы в условиях продолжавшегося кровопролития бойкотировались рядом политических партий.

Гражданская война способствовала ужесточению авторитарного режима. Военные правили в условиях жестких репрессий, которые затрагивали не только исламистов, но и другие оппозиционные силы. Во время правления Л. Зеруаля треть парламента стала назначаться президентом. Вместе с тем элементы многопартийности в стране продолжали развиваться¹⁸.

Несмотря на негативное отношение к военному режиму со стороны значительной части населения, в войне постепенно стал намечаться перелом в пользу власти. Он произошел во многом потому, что исламисты, которые вначале пользовались достаточно широкой поддержкой, в ходе гражданской войны в значительной

---

¹⁷ *Миринова Е.И.* Алжир: смена приоритетов развития. С. 38.

¹⁸ Там же. С. 41–43.

части дискредитировали себя не только в глазах жителей крупных городов, но даже и в сельской местности: террористические акты против мирного населения, уничтожение домов, семей и целых деревень — все это стало подталкивать часть граждан на организацию сопротивления, в том числе вооруженного, действиям террористов. Крайне негативно относились к исламистам кабилы — часть берберского населения Алжира, усматривавшее в исламистском движении угрозу насильственной арабизации. Учитывая эти тенденции, от вооруженных действий отказалась крупнейшая исламистская организация — ИФС, которая с 1994 г. пошла на переговоры с правительством. Это привело к расколу в рядах исламистов: радикальные группы ИВД и ВИГ объявили войну ИФС.

В 1997 г., несмотря на продолжавшийся разгул терроризма, военные власти пошли на проведение парламентских выборов. Этот момент, очевидно, был выбран верно военным руководством режима, поскольку в предвыборный период усилились брожение и раскол внутри радикальных исламистских групп, прежде всего ВИГ, среди членов которой выявились несогласные с тактикой террора. На выборах одержала победу новая политическая партия — «Национальное демократическое объединение» (НДО), созданная при фактической поддержке армии и части деятелей ФНО¹⁹.

В 1999 г. прошли новые президентские выборы, на которых одержал победу кандидат, выдвинутый режимом, — Абдель Азиз Бутефлика, хорошо известный в Алжире политический деятель, бывший министром иностранных дел в правительствах А. Бен Беллы и Х. Бумедьена с 1963 по 1978 г.

С тех пор президентские выборы проходили дважды — в 2004 и 2009 гг. На обоих неизменно побеждал президент А.А. Бутефлика. При этом в 2008 г. была принята поправка к конституции, в соответствии с которой число сроков выдвижения одного и того же кандидата (т.е. фактически действующего президента) на должность президента не ограничивается.

После 1999 г. в избирательную политику вновь вернулся ФНО, который также неизменно стал одерживать победу на парламентских выборах. На выборах в парламент, которые прошли в 2012 г.,

¹⁹ Миронова Е.И. Алжир: смена приоритетов развития. С. 41–43.

т.е. спустя год после волнений «арабской весны», ФНО получил 220 мест из общего числа 462 в нижней палате. Здесь нас не должен обманывать тот факт, что формально он имел меньше половины мест в парламенте. Вместе с НДО, также пропрезидентской партией, получившим 68 мест, он уже приобретал абсолютное большинство, а если к этому прибавить голоса тоже ориентирующихся на президента умеренных исламистов, объединенных в рамках партии «Зеленый альянс Алжира» и получивших 48 мест, из этого складывалось уже конституционное большинство, объединенное даже формально в «Президентский альянс».

Таким образом, до определенного времени в Алжире мы обнаруживали ту же знакомую картину, которая наблюдалась в Египте и Тунисе до событий «арабской весны»: тот же треугольник власти «президент — армия — доминирующая партия», лишь слегка подернутый флером относительной конкурентности парламентских выборов, впрочем, с заранее предсказуемым результатом.

Ливийская модель политической системы в период правления М. Каддафи представляла собой достаточно уникальное явление: во всяком случае в современном мире вряд ли можно найти другой аналог подобного политического устройства или даже что-то близкое к нему.

Пятнадцать лет тому назад, оценивая ливийскую модель, мы высказали следующее суждение: «Ливийская модель представляет... значительный интерес не только в силу своей уникальности, но и в силу особой устойчивости, а также наличия реальных интегративных свойств: во всяком случае, ливийскому режиму на сегодняшний день удалось добиться такой степени общественной консолидации, которая достижима не для всех арабских обществ»²⁰.

События 2011 г. показали, что в определенной мере это так и было: ливийский режим в условиях начавшейся турбулентности продержался гораздо дольше тунисского и египетского и окончательно рухнул, в отличие от них, не без серьезного вмешательства внешних сил, причем таких, как ряд ведущих держав блока НАТО, включая и США, весовые категории военной силы которых просто несравнимы с теми, которые были в распоряжении режима М. Каддафи. И все же он начал трещать по швам еще до всякого иностран-

---

²⁰ *Труевцев К.М.* Политические системы арабских стран: между авторитаризмом и демократией // *Азия и Африка сегодня.* 2005. № 7. С. 19.

ного вмешательства, причем началось это с той самой мятежной Киренаики и ее столицы Бенгази, с которой начинал свое восхождение теперь уже покойный лидер ливийской революции 1969 г. Это заставляет несколько иначе подойти к изучению структурно-функциональных особенностей разгромленного ливийского режима, и это рассмотрение важно теперь не только с исторических позиций, но и с точки зрения остающейся актуальной проблематики современного авторитаризма.

Республиканский режим в Ливии возник как своего рода завершающий аккорд волны арабского национализма, которая развивалась достаточно успешно начиная с 1950-х годов, несмотря на тяжкое поражение в борьбе с Израилем в 1967 г. и неудачу проекта Объединенной Арабской Республики. Группа офицеров, захватившая власть в 1969 г. и свергнувшая королевский режим, называлась, как и в Египте, Организацией свободных офицеров, и с приходом к власти ставила одной из задач объединение с соседними арабскими странами. Такие попытки предпринимались ливийским руководством неоднократно. Страна была провозглашена Ливийской Арабской Республикой, что уже в самом названии содержало элементы панарабизма. Первой попыткой объединения с соседними арабскими странами стало провозглашение в 1971 г. по инициативе М. Каддафи Федерации арабских республик в составе Египта, Ливии и Судана, а в 1973 г. президент Египта А. Садат и М. Каддафи заявили об объединении Египта и Ливии²¹.

Идеология панарабизма (арабского национализма), в соответствии с которой предпринимались перечисленные и другие юнионистские попытки, поддержка борьбы арабского народа Палестины против Израиля, участие в нефтяной блокаде Запада арабскими странами в 1973 г. и прочие акты имели определенное функциональное значение и во внутренней политике, поскольку панарабизм в ливийском варианте, пожалуй, больше, чем во многих других арабских странах, был средством национальной консолидации внутри страны.

Справедливости ради надо сказать, что первичная национальная консолидация началась еще при королевском режиме сенуситов,

²¹ Федерация Арабских Республик // Советская историческая энциклопедия. URL: https://gufo.me/dict/history_encyclopedia/ФЕДЕРАЦИЯ_АРАБСКИХ_РЕСПУБЛИК (дата обращения: 04.09.2020).

которым удалось объединить в одно государство три разные в историческом и культурном отношении области — Триполитанию, Киренаику и Феццан. Однако интеграция общества затруднялась тем, что сенуситский тарикат как религиозно-политическое объединение прежде всего арабов, исторически созданное вне пределов Ливии, доминировавшее в Ливии с XIX в. и базировавшееся в Киренаике, стремился главенствовать на территории всей страны, что негативно воспринималось как городским населением Триполитании, так и арабскими и берберскими племенами Триполитании и Феццана, что, таким образом, становилось препятствием на пути укрепления национальной консолидации²².

Республиканское руководство, состоявшее из группы офицеров — выходцев из различных частей страны, уже этим фактом показывало стремление к национальному единству, а то, что основные импульсы панарабизма исходили от их лидера М. Каддафи, выходца из племени каддафа, еще больше усиливало эффект тенденции к национальной консолидации через процесс ликвидации межрегиональных, межэтнических и межплеменных различий.

Однако к середине 1970-х годов потенциал панарабизма оказался близок к исчерпанию. Это проявляло себя и в хронической неудаче всех юнионистских проектов, и в том, что внутри панарабских движений и партий происходило усиливавшееся политическое и идеологическое размежевание. В то же время наблюдался подъем исторического противника арабского национализма — панисламистских течений. Вскоре эта тенденция со всей яркостью проявила себя в иранской революции.

Лидер ливийской революции 1969 г. стал, как и многие другие арабские лидеры, усиливать исламские мотивы в своей идеологической платформе, которые, впрочем, с самого начала присутствовали в ливийском варианте арабского национализма.

---

²² Воронин С.А. Тарикат сенуситов: религиозная доктрина и основные направления деятельности (середина XIX — начало XX в.) // Вестник Университета дружбы народов. Сер. Всеобщая история. 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tarikat-senusitov-religioznaya-doktrina-i-osnovnye-napravleniya-deyatelnosti-seredina-hih-nachalo-hh-v> (дата обращения: 04.09.2020); Видясова М.Ф. Исторические предпосылки современного ливийского кризиса // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2016. № 2. С. 21.

В 1977 г. в Ливии обозначился крутой поворот к созданию идеократического государства: была провозглашена (вместо Ливийской Арабской Республики) Социалистическая Народная Ливийская Арабская Джамахирия. В создаваемую новую политическую систему были включены элементы ислама, однако ислама модернизированного и приспособляемого к современным реалиям. В данном случае речь шла не только об использовании исламской терминологии, но о довольно последовательной попытке встраивания некоторых элементов первичного исламского общества в современную политическую систему. При этом, по мысли создателей Джамахирии, прежде всего М. Каддафи, при организации исламской общины (уммы), а затем и исламского государства для них была характерна прямая демократия, выражавшаяся в свободных собраниях и прямом, неформальном общении между пророком и членами общины. Этот характер отношений создатели Джамахирии стремились проецировать на современное ливийское общество, и эта идея проходит красной нитью через основной документ Джамахирии «Зеленую книгу», написанную лично М. Каддафи и фактически заменившую конституцию, т.е. ставшую основным документом этой новой формы государства.

Зеленый цвет, цвет ислама, стал основой символики, легшей в основу государства и проводимой им политики. Эта доходящая до видимой курьезности навязчивость зеленого (центральная площадь столицы, включая мостовую, была перекрашена в зеленый цвет в противовес Красной площади Москвы, воспринимаемой ливийским лидером Джамахирии как символ мирового коммунизма) была не случайной. Она являлась основным лейтмотивом «третьей мировой теории» как пути развития, отличного и от капитализма, и от коммунизма, т.е. от того, что именовалось в СССР реальным социализмом.

Основу государственности составляли народные собрания, именовавшиеся официально народными конгрессами²³, которые стали основой законодательной власти. В качестве исполнительной власти выступали создаваемые повсеместно народные комитеты.

---

²³ Так они официально назывались в русском переводе «Зеленой книги» (см.: *Каддафи М.* Зеленая книга. М.: Международные отношения, 1989). На арабском же употреблялся термин «аль-муатамарат аш-шаабия», что в переводе на русский может означать и «народные съезды».

Было бы, однако, неверно считать, что идея Джамахирии как народовластия, как образца прямой демократии (именно так, как «прямая демократия», она трактовалась в «Зеленой книге»²⁴) была лишь чисто ливийской экзотикой, выросшей на местной волне исламского реформаторства. И отнюдь не случайными были претензии ливийского лидера на провозглашение «третьей мировой теории». Идеи прямой демократии, которую пытались воплотить в жизнь в Ливии, не просто совпадали с аналогичными идеями «новых левых», ставшими их политическим кредо начиная с молодежного бунта в мае 1968 г. в Париже, калифорнийских бунтов, вдохновляемых Г. Маркузе, и массового молодежного движения во главе с Руди Дучке в Германии. Так же как не случайно и то, что в стенах Парижского университета проводились регулярные форумы солидарности с Ливией и пропаганды ее политического эксперимента. Совершенно очевидно, что «новые левые» стран Запада приложили руку к формулированию «третьей мировой теории», рассматривая ее как своего рода полигон для осуществления идей «прямой демократии»²⁵. В этом смысле это был не просто локальный, но международный проект, рассчитанный на широкомасштабную перспективу.

Ливия стала основным связующим звеном между молодым на тот момент поколением революционеров стран Запада с самыми разными революционаристскими движениями и группами Востока (и не только Востока, но отчасти и Латинской Америки, и даже США, имея в виду, например, организацию «Черные пантеры» и группы воинствующих американских индейцев) в тот период, когда отчасти утратила эту роль Куба из-за чрезмерной, по мнению «новых левых», привязки к СССР и Организация освобождения Палестины после разгрома в Иордании.

В Триполи периодически собирались всемирные форумы по борьбе с империализмом, сионизмом и реакцией, на которых можно было встретить и «красного адмирала» Алва Роза Коутинью из Португалии, и представителей тупамарос из Латинской Америки,

²⁴ *Каддафи М.* Зеленая книга.

²⁵ В 1985 г. автору данной книги довелось принимать участие в конференции в Париже, посвященной опыту Ливийской Джамахирии. Этот форум был целиком организован французскими «новыми левыми», а большинство докладов на нем свидетельствовало о том, что адепты «новых левых» воспринимали ливийский опыт как воплощение их идей прямой демократии.

и американских индейцев, провозглашавших открытие фронта борьбы за освобождение Северной Америки от англо-саксонского империализма, и делегатов от низших индийских каст, объяснявших, что все зло в мире идет от ариев, подразумевая индийскую политическую элиту и прежде всего политический клан Неру—Ганди.

Поддержка этих организаций не ограничивалось словами. На оказание им материальной помощи затрачивались огромные ресурсы. Кроме того, значительные средства тратились на поддержку откровенно террористических организаций и групп, таких как Ирландская республиканская армия или палестинская группа Абу Нидаля.

Эксперименты с прямой демократией и попытка придать им всемирную проекцию, когда они были в новинку, стали дополнительным подспорьем в деле национальной консолидации и достаточно успешным способом политической модернизации, поскольку находили положительный отклик в наиболее динамичных слоях общества, особенно в молодой его части, активно задействованной во всех этих начинаниях, являвшихся, кроме всего прочего, социальными лифтами для многих ее представителей. Этому же способствовали и сильные горизонтальные связи, выстраиваемые через народные конгрессы и народные комитеты.

Иерархия народных конгрессов во многом напоминала иерархию советов — от низшего, местного звена до Всеобщего (т.е. общеливийского) народного конгресса. Аналогичным образом складывалась и иерархия народных комитетов. Однако вертикальная связь оказывалась довольно неустойчивой из-за отсутствия скрепляющей ее политической организации типа политической партии: продолжали, как и в период своего становления, оставаться также довольно рыхлыми структуры исполнительной власти. Кроме того, создавались революционные комитеты, которые были призваны наиболее последовательно воплощать политику лидера ливийской революции, именно ревкомы постепенно стали претендовать на то, чтобы стать одновременно и суррогатом политического авангарда, и специфической формой народного контроля²⁶.

Вождь ливийской революции был вынесен за рамки этой структуры народовластия, оставаясь над нею. В этих условиях реальными скрепами общества, осуществлявшими вертикаль власти, являлись

²⁶ *Егорин А.З.* История Ливии. XX век. М.: Ин-т востоковедения РАН, 1999. С. 279–280.

армия²⁷ и другие силовые структуры, подчинявшиеся непосредственно лидеру и жестко подавлявшие любые проявления недовольства и инакомыслия. Таким образом, за фасадом народовластия проступали знакомые контуры авторитаризма, характерные и для других авторитарных режимов арабского мира.

Эта политика и этот тип власти могли быть довольно успешными в условиях биполярного мира, когда Джамахирия и ее лидер, несмотря на все свои идеологические и политические расхождения с СССР, могли рассчитывать на его поддержку в противостоянии с США и Западом вообще и особенно на поставку вооружений. Однако по мере становления однополярного мира ситуация стала коренным образом меняться.

М. Каддафи отказался от ядерных амбиций и поддержки терроризма, тем более что исламский терроризм Аль-Каиды коренным образом отличался от левого терроризма, с которым ранее сотрудничал ливийский режим, представлял собой отнюдь не союзника, а угрозу его существованию, так как рассматривал его в качестве одного из безбожных режимов, с которыми надо вести борьбу на уничтожение. Как показали дальнейшие события, в Ливии, несмотря на изоляцию и жесткое подавление всяких исламистских течений, все же появились ячейки Аль-Каиды, которые сыграли определенную роль в борьбе за свержение режима.

Примирение с Западом и развитие сотрудничества со всеми ведущими странами мира, казалось бы, дали второе дыхание ливийскому режиму в конце XX и начале XXI столетия. Однако мотивация поддержки режима со стороны общества стала постепенно утрачиваться, обнажая тем самым его слабые стороны и противоречия между демократическим фасадом и автократической сутью. Вместе с этим вышли наружу и далеко не устраненные межрегиональные, межплеменные и идейно-политические противоречия, которые вели к фрагментации ливийского общества²⁸.

---

²⁷ В 1988 г. армия официально была распущена и заменена, в соответствии с концепцией «вооруженного народа», отрядами народного ополчения (*Егорин А.З.* Указ. соч. С. 290). Однако костяк реальных органов политического, военного и другого управления продолжал формироваться из тех выходцев из военной среды, которые после просеивания на предмет верности революции и ее лидеру, собственно, и продолжали сохранять одну из главных опор власти.

²⁸ *Видясова М.Ф.* Указ. соч. С. 42–43.

Зачатки современной политической системы Йемена стали складываться в начале XX в. Йемен — одна из первых независимых стран арабского мира освободилась от владычества Османской империи в 1918 г., когда представители турецкой военной администрации передали власть духовному лидеру йеменских зейдитов имаму Яхье Хамид-ад-Дину, избранному на этот пост в 1904 г. и ведшему все это время войну за освобождение Йемена от турецкого владычества.

Образовавшееся государство стало монархией, управлявшейся семьей Хамид-ад-Динов вплоть до свержения последнего имама 26 сентября 1962 г. в результате революционного переворота, совершенного вооруженными отрядами военного гарнизона столицы страны Саны. Структура власти королевского Йемена, согласно характеристике российских историков²⁹, представляла собой достаточно сложную пирамиду, во главе которой стояла правящая династия, далее располагались связанные с ней духовно-бюрократические круги традиционной йеменской аристократии, затем следовали зейдитские племенные союзы, составлявшие военно-политическую опору режима и доминировавшие над шафиитскими племенами, населявшими местности к югу от центра Северного Йемена³⁰. Вся остальная часть общества находилась под господством этой пирамиды власти. При этом наиболее крупные племена и племенные союзы сохраняли свою автономию от власти, несмотря на все попытки монархов подчинить их своему господству. Всю историю королевства сопровождали кровавые междоусобицы племен и периодические столкновения их с военными структурами королевской власти. В результате одного из таких столкновений были захвачены и казнены члены руководящего клана племенного союза хашид из семьи аль-Ахмаров, после чего эта семья превратилась в кровного врага монархии.

Революция 1962 г. смела монархию, однако не устранила профессионально-племенную структуру общества. Длившаяся вплоть до 1970 г. гражданская война между республиканцами и монархистами имела своим результатом закрепление доминирующего положения племенных союзов в обществе, включая и структуры

²⁹ Новейшая история Йемена. 1917–1982 гг. М.: Наука, 1984. С. 5–7.

³⁰ Там же. С. 11–18.

власти. Причем если при королевском режиме это доминирующее положение делилось между двумя племенными союзами — хашид и бакиль, после революции племенной союз хашид занял преимущественные позиции в этом племенном дуумвирате в связи с тем, что его руководящая семья аль-Ахмаров изначально и относительно последовательно поддерживала республиканский режим, в то время как племенной союз бакиль вместе с другими племенами северных областей в ходе гражданской войны занимал двойственные позиции.

За время, прошедшее после революции, в стране постепенно образовались не только традиционные, но и современные общественные структуры, включая предпринимателей, городских и сельских рабочих, офицеров национальной армии, лиц свободных профессий. Все эти слои, потенциально представляющие собой страты гражданского общества, крайне болезненно воспринимали архаические черты общества своей страны и периодически участвовали в народных волнениях, которые, однако, подавлялись властью и племенными ополчениями.

Положение в Северном Йемене стало испытывать на себе растущее давление после получения независимости Южным Йеменом в 1967 г., после 130 лет британского колониального господства. Следует отметить, что в колониальный период Аден был превращен в современный город с развитой промышленностью, портовым хозяйством и сферой обслуживания, включая мелкую и среднюю торговлю, а в последние годы колониального владычества англичане предпринимали усилия к тому, чтобы модернизировать и сельские провинции юга Йемена в рамках осуществления плана по созданию Федерации Южной Аравии.

Начавшееся в 1964 г. движение за освобождение Южного Йемена сопровождалось, помимо противостояния с колониальными войсками, еще и борьбой против феодально-племенной верхушки, которая была либо физически уничтожена, либо вытеснена в Северный Йемен или эмигрировала. После освобождения к власти в Южном Йемене пришли левые силы, которые в ходе своего развития преобразовались в левую партию марксистского толка. Под руководством этой организации, получившей название Йеменской социалистической партии, осуществлялась далеко идущая модернизация общества, образцом которой служили СССР и другие страны социалистического лагеря.

В программных документах южнойеменских революционеров значительное место занимал лозунг объединения страны. Однако, несмотря на то, что в обеих частях Йемена стремились к объединению, понималось оно по-разному. Это не раз приводило к столкновениями между вооруженными силами двух стран, пока план объединения не был наконец воплощен в жизнь в 1990 г. Руководители Южного Йемена вошли в объединенное руководство страны, включая пост вице-президента и вице-премьера правительства, Йеменская социалистическая партия сохранила свою легальность, распространив ее и на ряд районов Северного Йемена.

Однако мирное сосуществование представителей разных по своей сути политических моделей длилось недолго. В 1994 г. со всей неизбежностью вспыхнула гражданская война между Севером и Югом, которая закончилась жестоким поражением южан.

Основы республиканского авторитарного режима, были, разумеется, заложены не А. Салехом, а задолго до него — еще при первом йеменском президенте А. Саляле. Однако тогда они объяснялись стремлением руководства объединить и модернизировать страну, покончить со всевластием шейхов племенных союзов, а также существованием условий для возникновения гражданской войны. Но спустя почти 40 лет, прошедших со времени революции и после объединения страны, включая Юг Йемена, а также с учетом изменившейся международной ситуации, в том числе и положения в арабском мире, сохранение этого порядка вещей, в частности запрет на деятельность политических партий, стало превращаться в исторический анахронизм.

Действительно, сразу после объединения в 1990 г. был принят ряд мер, направленных на демократизацию. Легализована деятельность политических партий. В соответствии с принятой в 1991 г. конституцией политическая система страны объявлялась основанной «на политическом и партийном плюрализме»³¹. На первое место в конституции была поставлена законодательная власть в виде палаты представителей, избираемой на четыре года на основе

---

³¹ Конституция Йеменской Арабской Республики 1991 года с конституционными поправками 1994 и 1999 годов. Ст. 6. URL: worldconstitutions.ru (дата обращения: 04.09.2020).

прямых и тайных выборов³². В качестве законодательной власти по конституции выступают президент и кабинет министров. Формирование кабинета министров происходит по следующей формуле: президент предлагает кандидатуру премьера, тот выступает в парламенте с программной речью, а палата представителей голосует после этого за вотум доверия кабинету³³.

На основании этих, а также ряда других положений конституции можно, казалось бы, сделать вывод о том, что были совершены существенные шаги в направлении демократии. И это, кажется, подтверждалось такими явлениями, как оживление политической жизни, активизация политических партий (на начало нынешнего столетия их было зарегистрировано около 50, что для йеменских условий является просто огромной цифрой), проведение первых в истории конкурентных парламентских выборов, которые с этого времени поводились четыре раза (последний раз в 2005 г.).

В ряде изданий (Википедии, энциклопедии «Кругосвет» и др.) можно встретить суждение о том, что в Йемене существует двухпалатный парламент, причем верхней палатой является Консультативный совет (Маджлис аш-Шура). Однако это не совсем так. Конституция говорит как о законодательной власти только о палате представителей, а о Консультативном совете там не упоминается вовсе. Консультативный совет в соответствии с конституцией утверждается не на ее основе, а декретом президента и является в определенной мере данью исламской традиции. При принятии решения о его создании была выдвинута мотивировка, что это делается с целью расширения представительства³⁴. Члены его не избирались, а назначались президентом. Поэтому применительно к Консультативному совету можно сказать, что он в каком-то смысле обладал лишь одной парламентской функцией — представительной, но не обладал законодательной. В этом смысле его функциональная роль аналогична Государственному совету Российской империи после того, как уже была образована путем выборов Государственная дума. Можно усмотреть определенные аналогии и с нынешним российским Госсоветом в том отношении, что

---

³² Конституция Йеменской Арабской Республики... Часть третья. Глава 1. Законодательная власть. Ст. 61–103.

³³ Там же. Глава 2. Исполнительная власть. Ст. 104–142.

³⁴ Там же. Ст. 125.

Консультативный совет фактически являлся местом достижения согласия между президентом и политической элитой, которая в условиях Йемена представлена прежде всего шейхами племен и традиционной мусульманской знатью (улемами, кады и проч.). Об этом необходимо упомянуть, потому что этот неподконтрольный конституции орган, через который проходила связь между формальной и неформальной сторонами йеменской политики, стал одним из важнейших инструментов укрепления авторитарной власти начиная с ознаменовавшегося упомянутыми шагами в сторону демократизации периода начального становления объединенного йеменского государства.

Тенденция к новому усилению авторитарных компонентов в руководстве Йемена началась практически уже после принятия конституции. Так, в феврале 2001 г. А. Салех вынес на референдум ряд конституционных поправок, в соответствии с которыми срок пребывания президента у власти продлился с пяти до семи лет и существенно расширились его полномочия. Однако до этого времени полной реализации этой тенденции препятствовал Президентский совет, в котором важную роль играл вице-президент, Генеральный секретарь Йеменской социалистической партии (ЙСП) Али Салем аль-Бейд и через который происходила координация президентской власти с правительством, где также ряд важных постов занимали выходцы с Юга.

Гражданская война между Севером и Югом в 1994 г. стала поворотным пунктом в окончательном переходе к авторитарному правлению. Был ликвидирован Президентский совет, внесен еще ряд поправок в конституцию, продолжавших линию на усиление полномочий президента, представители ЙСП выведены из руководства страны. ЙСП была запрещена, для ее членов — введен запрет на службу в армии и работу в государственных учреждениях, многие из них подверглись репрессиям. Полномочия президента пополнились правом на роспуск парламента. Впрочем, особых причин для роспуска парламента теперь особенно не требовалось, поскольку доминирующие позиции в нем стала занимать президентская партия «Всеобщий народный конгресс» (ВНК), которая в палате представителей созыва 2003 г. имела 238 мандатов из общего числа мест 301.

Следует отметить, что А. Салех с 1999 г. дважды избирался президентом на семилетний срок, а палата представителей в 2003 г.

была избрана уже не на четыре, а на шесть лет, но и этот срок был продлен, поскольку в 2009 г. выборы были отменены.

Таким образом, после 1994 г. йеменский режим формально стал приближаться по своей конфигурации к египетско-тунисской модели времени правления Х. Мубарака и З. Бен Али. Президент обладал практически неограниченными полномочиями, его выборы превращались в простую формальность. В своем правлении он опирался на армию, будучи к тому же, как и Х. Мубарак, выходцем из армейской среды. Инструментами власти служили Консультативный совет и послушный парламент, функциональная инструментальность которого обеспечивалась наличием доминантной партии, подчиненной президенту.

Однако не стоит забывать о социально-политических особенностях Йемена, заключающихся в решающих позициях в политике доминирующих племенных союзов и прежде всего племенного союза хашид.

Казалось бы, и здесь позиции А. Салеха были достаточно прочны. В отличие от своих предшественников, таких как, например, А. Саляль или А. аль-Арьяни, он был не просто связан непосредственно с племенными союзами, но и сам происходил из племенного союза хашид, причем находился в близких родственных отношениях с семьей аль-Ахмаров. Однако клан аль-Ахмаров, не раз проявивший себя в новейшей истории в качестве ниспровергателей президентов, и здесь старался занять самостоятельные доминирующие позиции у кормила власти. Не случайно глава клана Абдалла Бен Хусейн аль-Ахмар имел в парламенте вторую по значению партию — «Йеменское объединение реформ» (Аль-Ислах), обладавшую в парламенте последнего перед событиями 2011 г. созыва 46 местами (остальные три партии, включая вышедшую из подполья ЙСП, имели в совокупности 17 мандатов), и сам неоднократно занимал посты премьер-министра и председателя парламента.

В последние годы перед «арабской весной» отношения между А. Салехом и семейством аль-Ахмаров постепенно накалялись. Нередко при этом указывают на экономическую подоплеку, поскольку интересы семьи президента и клана аль-Ахмаров пересекались вокруг вопросов о собственности на телекоммуникационные сети³⁵. Однако

---

³⁵ *Исаев Л.М., Шишкина А.Р.* Сирия и Йемен: неоконченные революции. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. С. 48.

не меньшее значение имели и политические мотивы — семейство аль-Ахмаров усматривало в чрезмерном усилении позиций президента потенциальную угрозу своему доминирующему положению за кулисами формальной политики.

Поэтому, когда начались волнения, один из видных представителей рода — командующий первой бронетанковой дивизией и Северным военным округом Али Мохсен аль-Ахмар — перешел на сторону восставших, и это сыграло одну из важнейших ролей в последующем окончательном решении А. Салеха уйти в отставку.

Судан — одна из самых бедных стран арабского мира, уступающая первенство в этом отношении лишь Йемену и Мавритании. Также, как и Мавритания, он находится на пограничье между арабской и черной Африкой и также характеризуется полиэтничностью и поликонфессиональностью. Однако с точки зрения характера политических структур и политического процесса Судан во многих отношениях, по крайней мере формально, ближе к наиболее развитым странам арабского мира, таким как Египет, Сирия, Ирак. С последним есть удивительные совпадения в политической истории 60–70-х годов XX в.

Как и Ирак, Судан уже в середине XX в. имел довольно развитую партийную систему, в стране была крупнейшая в арабском регионе (после иракской) коммунистическая партия, имевшая, как и иракская, сильные позиции в армии. Революция 1958 г. в Ираке не без основания расценивалась многими в арабском мире как коммунистический переворот: коммунисты занимали важные посты в руководстве армии и правительстве. Произошедший спустя 11 лет военный переворот во главе с Дж. Нимейри по сходным основаниям также расценивался как прокоммунистический. Стоит отметить и определенную синхронизацию политического процесса в Судане и Ливии в 1969 г.: суданский переворот произошел всего за три месяца до ливийского, и в обоих случаях они были совершены организациями, называвшими себя по египетскому образцу «свободными офицерами». Однако, в отличие от Ливии, в Судане эта группа офицеров достаточно тесно контактировала с руководством компартии, и сразу после переворота ряд ее видных представителей был включен в политическое руководство страны.

Суданский переворот, таким образом, был одним из завершающих аккордов левонационалистической волны в арабском мире,

пик которой со всей очевидностью пришелся именно на 1969 г. (в июне произошел также знаменательный поворот в Южном Йемене, приведший к власти левое крыло Национального фронта, все более отчетливо переходившего на марксистские позиции и в дальнейшем завершившего свою эволюцию в форме становления на его базе, при объединении с другими левыми силами, единственной в арабском мире правящей марксистской партии).

Однако последующее десятилетие, как уже отмечалось, знаменовалось правым поворотом в целом ряде стран арабского мира, и на этой фазе качания политического маятника правящие режимы пытались достичь политической стабилизации, иначе говоря, как бы наощупь старались прийти к стабилизирующей центристской форме авторитаризма.

Не избежал правого поворота и Судан, однако этот поворот во многом носил реактивный характер в том смысле, что он был реакцией на неудавшуюся попытку руководства коммунистической партии совершить переворот против Дж. Нимейри. Однако начавшийся с казни руководителей компартии правый поворот обозначил слишком резкий крен в противоположную от прежнего революционаризма сторону, который привел к установлению жесткой военной диктатуры, но отнюдь не принес общественно-политической стабилизации³⁶. Ужесточение режима в дальнейшем — уже в 1980-е годы — сопровождалось и попытками исламизации сверху: в 1983 г. Судан был провозглашен исламской республикой, издан декрет о введении законов шариата, представители «Братьев-мусульман» введены в правительство. Все эти шаги, однако, не только не стабилизировали общественно-политическую ситуацию, но и не смогли способствовать устойчивости самого режима³⁷. В 1985 г. Дж. Нимейри был отстранен от власти своими политическими противниками, которых возглавил министр обороны Абдуррахман ад-Дагаб, сменивший в результате военного переворота Дж. Нимейри на посту президента.

Переходное военное правление длилось в течение года. В 1986 г. были предприняты шаги к демократизации режима. Возобновилась легальная деятельность политических партий, были проведены

---

³⁶ История Судана. М.: Наука, 1992. С. 154–167.

³⁷ Там же. С. 173–184.

выборы в парламент, в результате которых к власти пришли представители религиозно-политической партии «Умма» во главе с Садеком аль-Махди, представителем исторического клана руководителей этой партии. После выборов А. ад-Дагаб ушел в отставку³⁸.

В июне 1989 г. в Судане произошел очередной военный переворот, в результате которого к власти пришел президент Омар аль-Башир. Он не имел харизмы, которой обладал Дж. Нимейри в начальный период своего правления, не было в его арсенале и прогрессистской идеологии, которая в начале правления Дж. Нимейри породила в ряде общественных слоев надежду на то, что она может стать основой объединения сложного по своему этноконфессиональному составу суданское общество, включая арабо-мусульманский Север и христианско-анимистский Юг.

Основная ставка, которая была сделана О. аль-Баширом, заключалась в продолжении курса, характерного для последнего периода правления Дж. Нимейри, — на исламизацию страны. Однако он пошел дальше, не ограничившись только верхушечной исламизацией. По сути, Судан стал первой страной не только арабского, но и всего исламского мира, где еще более чем за пять лет до прихода к власти в Афганистане движения Талибан³⁹ исламисты стали господствующей общественно-политической силой. Один из наиболее известных в арабском мире интеллектуалов-теоретиков исламизма Хасан ат-Тураби почти сразу после переворота оказался одной из главных, если не самой главной фигурой, которая оказывала решающее воздействие на характер и структуру политической власти в стране. С 1993 по 1999 г. он был спикером парламента и вторым после президента политическим лидером в стране⁴⁰. Таким образом, впервые в арабской стране, задолго до своего прихода к власти в Египте и Тунисе организация «Братья-мусульмане», возглавляемая харизматическим лидером с неординарными идейно-теоретическими и организационными способностями, помноженными на капиталы своего близкого соратника У. бен Ладена, кото-

³⁸ История Судана. С. 185–200.

³⁹ Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

⁴⁰ См.: *Труевцев К.М.* Политические системы арабских стран: между авторитаризмом и демократией // *Азия и Африка сегодня.* 2005. № 7. С. 19.

рый в тот же период (вплоть до 1996 г.) находился в Судане, оказалась не в оппозиции, а в самом эпицентре власти.

Но ставка на исламизм в условиях многосоставного суданского общества оказалась провальной. Конечно, высылку из страны У. бен Ладена можно расценивать как результат давления США, однако дело этим не ограничилось. Х. ат-Тураби перешел в оппозицию режиму и в 2011 г. был репрессирован (ранее, начиная с 2001 г., он неоднократно поворачивался домашнему аресту), правда, в заключении он находился недолго.

Но главное в том, что установление исламского правления в условиях Судана практически неизбежно вело к распаду страны. После многолетней гражданской войны между Севером и Югом в 2005 г. была установлена автономия Южного Судана сроком на шесть лет. По окончании этого периода в 2011 г. в Южном Судане был проведен референдум, на котором подавляющее большинство граждан Юга высказались за независимость, и Южный Судан стал самостоятельным государством.

Однако процесс распада страны на этом не закончился. Политика исламизации привела к восстаниям против центральной власти и в других важных районах страны — Дарфуре, Кордофана, Бедже. Наиболее активное противостояние между местным населением и центральной властью развернулось в Дарфуре. Действия суданской власти в этом районе вызвали осуждение мирового сообщества и были охарактеризованы как акты геноцида. По этому обвинению Международным судом в Гааге был выдан ордер на арест О. аль-Башира.

Таким образом, мы видим, что практически все республиканские режимы арабского мира в преддверии «арабской весны», несмотря на всю специфику целого ряда из них, носили в конечном счете более или менее однотипный характер, в том смысле, что они утратили динамику политического развития и стали обнаруживать свою тупиковость. Попытки выйти на продуктивную модель центристского авторитаризма повсюду оказались бесплодными. Опора исключительно на силовые структуры и доминантные политические партии, монополия на средства массовой коммуникации, попытки применения имитационных форм демократизации — все эти инструменты к концу первой декады текущего столетия начали давать сбой и в итоге лишь усиливали эффект утери этими режимами

политической легитимности. В поисках выхода из начинавшей ощущаться и самими властными элитами тупиковой ситуации правящие режимы попытались использовать два относительно новых инструмента: 1) квазимонархический способ передачи власти, который имел относительный успех лишь в Сирии (намерение повторить сирийский опыт в Египте и Йемене провалилось и на деле сыграло роль катализатора краха правящих режимов); 2) попытка проводить курс на исламизацию сверху, которая, учитывая рост популярности исламистских движений в арабском мире, в той или иной мере использовалась многими режимами на протяжении последних двух десятилетий, но наиболее последовательный характер приобрела в Судане. Этот курс также оказался непродуктивным, а в суданском случае явился одним из факторов распада государства — в этом смысле Судан, возможно, в какой-то мере предвосхитил события, которые стали происходить в Египте после прихода к власти «Братьев-мусульман».

Таким образом, можно с достаточным основанием утверждать, что все без исключения республиканские политические режимы арабского мира⁴¹ вступили в полосу системного кризиса, которая и стала основной причиной происходивших в них событий.

Тот факт, что почти все королевские режимы, за исключением разве что Бахрейна, несмотря на то, что и в них были существенные волнения в период «арабской весны», в гораздо более мягкой форме пережили эти события, показывает, что монархическая форма авторитаризма в арабских условиях оказалась значительно устойчивее, чем республиканская. За исключением Саудовской Аравии, где условия для более глубоких потрясений еще попросту не созрели в силу замороженности общественно-политических процессов в рамках едва ли не единственной в сегодняшнем мире абсолютной монархии, во всех других монархических режимах региона это объясняется другими факторами.

---

⁴¹ В этом материале не рассматривались политические режимы Мавритании и Джибути, однако исходя из того, что они также достаточно глубоко были затронуты событиями «арабской весны», не будет преувеличением сказать, что упоминаемые кризисные явления заделали также и их. Мавританский случай достаточно подробно рассмотрен, в частности, в статье Н.В. Сухова, где убедительно показана вся глубина политического кризиса в этой стране. См.: *Сухов Н.В. «Запоздавшая весна» в Мавритании // Арабский мир после Арабской весны. М.: URSS, 2013.*

Ранее здесь уже рассматривалась иордано-марокканская модель монархического авторитаризма, поэтому вряд ли имеет смысл вновь останавливаться на ней подробно. Отметим лишь, что монархии, подобные Иордании и Марокко, обычно в политологии считаются дуалистическими. За этим определением скрывается некая переходная форма от абсолютизма к парламентским монархиям, и отличие от последних усматривается в том, что при существующих конституционных ограничениях эти государства продолжают сохранять некоторые присущие позднему абсолютизму черты, такие как контроль над парламентом, правами на назначение и смещение кабинета министров, контроль над силовыми структурами и проч. Вектор движения формы правления от абсолютной монархии к конституционной в этом случае совпадает с вектором движения от авторитаризма в его монархической форме к демократии. При этом Марокко и Иордания прошли в этом движении важную фазу, которая в европейских монархиях, как правило, предшествовала парламентаризму, — фазу отделения исполнительной власти (правительства) от монаршей. При соединении этой фазы с развитием парламентаризма и избирательного процесса ответственность за все пертурбации, связанные с политической конъюнктурой, ложится на исполнительную власть, но не затрагивает непосредственно интересов трона. Такая конфигурация власти приближает эти две арабские монархии к модели центристского авторитаризма в большей степени, чем это происходило и продолжает происходить в арабских республиках.

Если попытаться построить линейный график авторитаризма (совпадающий с движением формы правления) в арабских монархиях, взяв за точку отсчета приближенность к центристской модели, крайне левые позиции (наиболее приближенные к центристской модели) в нем будут занимать последовательно Марокко, затем в близкой позиции к нему — Иордания, далее с определенным люфтом следуют Кувейт, затем Бахрейн, ОАЭ, Катар, Оман и, наконец, в крайне правой позиции будет находиться Саудовская Аравия.

Кувейт не только первым из княжеств Персидского залива добился независимости, но и обладает наиболее глубокими и длительными традициями парламентаризма. Парламент в этой стране —

Законодательный совет нации — был создан в 1938 г.⁴², в то время как в других княжествах Персидского залива он появился лишь в годы независимости. Еще до независимости был принят и первый фактический вариант конституции, получивший название «Основного закона»⁴³. Кувейт первым из княжеств Персидского залива добился независимости в 1961 г., и опыт его государственного устройства был так или иначе использован во всех остальных государствах этого региона, хотя каждая из этих стран отличается значительным своеобразием конкретики социально-политической структуры.

К примеру, Бахрейн с точки зрения партийного строительства, опыта профсоюзной борьбы, развития оппозиционных движений и их роли в парламенте не только не уступал Кувейту, но во многих отношениях превосходил его; ОАЭ представляют собой уникальную, почти нигде более не встречающуюся федерацию монархий, в рамках которой удалось создать механизм функционирования политического режима с весьма любопытным переплетением элементов автократии и представительной демократии, достаточно успешно действующий уже в течение нескольких десятилетий.

Тем не менее именно кувейтская модель, на наш взгляд, является базовой как с исторической точки зрения, так как именно на кувейтский опыт в значительной степени опирались все другие княжества Персидского залива по мере получения независимости, так и в структурном отношении, поскольку все другие страновые политические структуры этого региона можно рассматривать как ее вариации.

Несомненно, сильная черта этой модели — соединение фактической многопартийности⁴⁴ с парламентаризмом, что дает возможность реализации политического плюрализма на уровне представительной власти, и было немало примеров, когда парламент

⁴² Здесь и далее касательно политических и исторических реалий Кувейта см.: *Мелкумян Е.С.* Протестные выступления в Кувейте // Арабский мир после арабской весны. М.: URSS, 2013. С. 169 и далее по тексту.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Официально политические партии в Кувейте запрещены, однако конституция провозглашает гарантию свободы «формирования ассоциаций и союзов на национальной основе» (Конституция Государства Кувейт, ст. 43. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=91> (дата обращения: 04.09.2020)), что в действительности означает возможность формирования избирательных блоков, это и практикуется в стране уже в течение многих десятилетий.

подвергал серьезной корректировке те или иные элементы политического курса исполнительной власти.

Вместе с тем есть определенные черты, которые отличают эту модель от модели дуалистической монархии, которая сложилась в Иордании и Марокко. Прежде всего это относится к механизму формирования исполнительной власти, в первую очередь правительства страны. В Марокко и Иордании, как уже отмечалось, правительство формируется партией или коалицией, приходящей к власти в результате парламентских выборов. Это тот момент, который сближает марокканско-иорданскую модель с конституционными монархиями Европы и обозначает вектор эволюции в данном направлении.

В отличие от этого, в рамках кувейтской модели исполнительная власть формируется непосредственно монархической семьей⁴⁵, и возглавляет правительство один из членов этой семьи, как правило, наследный принц. Это означает, что в ходе своей эволюции Кувейт, а вслед за ним и другие монархии Персидского залива не прошли этап, который в Европе обычно предшествовал возникновению парламентаризма, — этап отделения исполнительной власти от монаршей. Сохранение исполнительной власти за монаршим двором усиливает авторитарный элемент исполнительной власти и существенно снижает возможности законодательной власти влиять на исполнительную. Этот механизм сближает монархии Персидского залива с политическим устройством Саудовской Аравии, где правительство также возглавляется членами королевской семьи.

Но Саудовская Аравия — абсолютная монархия, где нет ни парламента, ни института выборов (первая апробация которого лишь началась с выборных кампаний органов местной власти). В условиях же парламентской монархии этот механизм формирования исполнительной власти, который по идее должен усиливать ее авторитетом монархии, превращается в элемент уязвимости не только ее самой, но и монархии как таковой.

Еще одним моментом потенциальной уязвимости монархий Аравийского полуострова и Персидского залива является фактор

---

⁴⁵ Конституция не уточняет, кто конкретно должен быть назначен на пост премьер-министра, а лишь определяет, что эмир назначает и увольняет премьер-министра (ст. 56), однако в реальной политической традиции не было прецедента, чтобы премьер назначался не из членов монаршей семьи.

наличия в них значительного количества иностранных рабочих, численность которых, конечно, варьируется от страны к стране, но если для Саудовской Аравии их процент к местному населению вряд ли следует считать критичным⁴⁶, относительно невысокая доля их присутствует на Бахрейне⁴⁷ и в Омане⁴⁸, то в Кувейте⁴⁹, ОАЭ⁵⁰ и Катаре⁵¹ их количество либо приближается к численности коренного населения, либо превышает его.

Однако в критических ситуациях этот фактор способен сыграть свою роль в эскалации событий. Косвенным подтверждением этого было развитие событий в Кувейте в период иракской оккупации. Если среди коренных жителей Кувейта не было отмечено ни одного факта коллаборационизма в отношении оккупационных властей, то некоторые гастарбайтеры (прежде всего из числа палестинцев) оказывали содействие оккупантам в репрессиях против коренного населения. В волнениях, происходивших в Кувейте в ходе «арабской весны», гастарбайтеры непосредственно не участвовали, однако тот факт, что впервые в современной кувейтской истории одним из элементов антиправительственных выступлений стало движение кувейтских бедуинов, не имеющих гражданства, с требованием немедленного предоставления его им, фактически создал прецедент актуализации тематики гражданства как мотива протестного движения.

⁴⁶ В Саудовской Аравии по переписи населения число граждан королевства составляло 18 707 576, число лиц, не являвшихся гражданами, — 8 429 401. URL: <http://ru.knowledgr.com/00018109/ДемографияСаудовскойАравии> (дата обращения: 04.09.2020).

⁴⁷ На Бахрейне в 2010 г. число бахрейнцев составляло 46% населения, небахрейнцев — 54%. URL: <https://mostinfo.su/434-demografiya-bahreyna.html> (дата обращения: 04.09.2020).

⁴⁸ Согласно переписи населения, в 2010 г. граждане Омана составляли 70,5% населения, лица, не являвшиеся гражданами, — 29,5%. См.: Большая Российская Энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/geography/text/2688387> (дата обращения: 04.09.2020).

⁴⁹ В 2010 г. население Кувейта составляло 2 692 526 человек, из них не являлись гражданами страны 1 291 354.

⁵⁰ В ОАЭ по прогнозу ООН на 2010 г. на основании переписи 2005 г. население составляло 7,2 млн человек, из них граждан страны — менее 1,1 млн. URL: <http://jj-tours.ru/articles/UAE/uae-population-citizens.html> (дата обращения: 04.09.2020).

⁵¹ В Катаре, по данным Всемирного банка, мигранты в 2010 г. составляли 74% населения. URL: <https://iq.hse.ru/news/177666856.html> (дата обращения: 04.09.2020).

Раздел III. Регионы локализации авторитаризма...

Хотя в Саудовской Аравии и Омане, как уже отмечалось, фактор наличия гастарбайтеров не имеет столь существенного значения, как в других монархиях региона, момент внутренней уязвимости здесь с лихвой компенсируется конфессиональным — шиитским — фактором, имеющим к тому же сильнейший региональный полюс притяжения в лице теократического Ирана и усилившимся в последние годы за счет доминирования шиитов в постсаудамовском Ираке. Именно этим объясняется, в частности, не только военная экспедиция саудовцев для подавления волнений на Бахрейне, но и саудовско-катарские усилия по стимулированию суннитского исламистского движения во всем арабском мире, особенно в ходе конфликта в Сирии, с целью создания и укрепления суннитской оси перед лицом потенциальной угрозы внутри самой Саудовской Аравии, где шиитское население преобладает в наиболее богатых нефтью районах северо-восточной части страны и размах волнений среди шиитов, происходивших в ходе «арабской весны», вряд ли стоит недооценивать.

Глава 14

ФАКТОР АЛЬ-КАИДЫ И ИСЛАМИСТСКИЙ ДИСКУРС КАК ВЫЗОВ СВЕТСКИМ АВТОРИТАРНЫМ СИСТЕМАМ

Вступление правящих режимов арабского мира в полосу стагнации и кризиса, наметившееся на рубеже двух веков и углублявшееся в течение первого десятилетия миллениума, так или иначе ассоциировалось и с кризисом идей панарабизма (арабского национализма). Поэтому уже начиная с границы 70-х и 80-х годов XX в. исламский дискурс в арабском мире стал возвращаться в центр идейной и политической жизни, существующие исламистские организации как бы обрели второе дыхание и появились новые радикальные исламистские течения, преследовавшие цель переустройства арабского и всего исламского мира на основе так или иначе трактуемого возврата к традиционным исламским ценностям.

В этот период произошли два события, оказавшие существенное воздействие на политический процесс во всем исламском мире, — афганская война и иранская революция. Общее между ними, произошедшими практически одновременно, — резкая активизация исламского дискурса на политическом пространстве всего мусульманского мира. Этот фактор, в свое время существенно недооцененный как в Советском Союзе, так и в большинстве республиканских режимов арабского мира (за исключением разве что Ливии, где политический ислам был составной частью господствовавшей там «третьей мировой теории», а также Судана), фактически ознаменовал собой начало смены исторических парадигм: светские режимы и доминирующие политические течения, основывавшиеся на националистических принципах, нередко с примесью национально-социалистических или либеральных идей, вступали в полосу

нисходящего развития, и, сменяя их на политической арене, все более активно занимали место тенденции, связанные с идеями исламского возрождения.

Сама по себе активизация политического ислама, разумеется, не прошла мимо внимания исследователей и политиков. Однако универсальное, если угодно, глобальное измерение этого явления далеко не просматривалось.

Вместе с тем в политическом исламе начиная с 1979 г. явно обозначились две линии: 1) условно революционная, связанная с иранской революцией (сразу поддержанной Ливией и отчасти левыми силами, например, в Палестине)¹ и направленная как против Запада во главе с США, так и против восточного лагеря во главе с СССР, и 2) консервативная, направленная против СССР и всех левых в исламском мире, но настроенная на союз с Западом.

Вторую линию возглавила Саудовская Аравия, что проявилось, в частности, в ее идейно-организационном и финансовом участии в афганской войне на стороне противников поддержанного Советским Союзом левого режима в Кабуле. Промежуточную позицию между этими двумя линиями набирало исторически существовавшее, но неуклонно набиравшее силу движение «Братья-мусульмане» в Египте, Алжире, Тунисе, Сирии, Иордании, Йемене и ряде других стран.

Несмотря на различие этих линий, все они занимали общие позиции по ряду аспектов. Прежде всего это касалось поддержки исламистских сил в Афганистане, боровшихся против режима в Кабуле и советских войск. Эта общность позиций способствовала тому, что Саудовская Аравия укрепляла свои ведущие позиции в исламском мире, опираясь на другие государства — члены ССАГПЗ, но одновременно усиливая свое влияние на большинство мусульманских стран — от Марокко и Египта на западе до Пакистана, Малайзии и Индонезии на востоке, а также на значительную часть рядовых мусульман.

---

¹ Руководство иранской революции во главе с М. Хомейни изначально позиционировало себя не как шиитскую, а как общеисламскую революционную силу. При этом, несмотря на обозначенную им не только антиамериканскую, но и антисоветскую направленность, часть радикальных сил, вначале поддержанных рядом религиозных лидеров, таких как, например, «моджахеддин-и-хальк», позиционировала себя как «исламомарксисты». Поэтому их поддерживал ряд арабских левых.

В результате к концу XX в. стала проступать проекция, пусть весьма относительная, некоего единства исламского мира с ведущей ролью в нем Саудовской Аравии.

По одному важному параметру именно Саудовская Аравия и другие страны — члены ССАГПЗ вошли в число важных компонентов глобализации. Речь идет о банковско-финансовом секторе. Избыточный капитал, активно наращивавшийся в этих странах в результате нефтяных кризисов 1973 и 1979 гг., к концу XX в. позволил их финансовому капиталу стать одной из важнейших частей мировой финансовой системы. При этом система исламских банков начала быструю экспансию не только в рамках исламского мира, но и в большинство стран Африки, Европы и Америки.

Следует отметить при этом, что финансовая экспансия сопровождалась и религиозно-культурной экспансией, что нашло свое выражение в Африке в расширении ареала ислама к югу от Сахары (и включении ряда африканских стран в ОИК), в Европе и Америке — в создании исламских центров, строительстве мечетей в ряде столиц и крупных городах². В европейско-американском ареале это способствовало обращению в ислам определенной, однако, не столь существенной доли местного населения. Но наибольший эффект это имело на усиление религиозности среди диаспор из мусульманских стран, приобретавших растущую долю в населении прежде всего государств Западной Европы.

Продвижение исламского дискурса в целом лежало в общем русле глобализации, поскольку товарная, финансовая и культурная экспансия, а также миграция значительного числа людей стали происходить уже не только и не столько в направлении Запад — Восток, как это было в эпоху индустриализации начиная с периода Великих географических открытий, но с увеличивающейся интенсивностью в обратном направлении — с Востока на Запад.

Однако, если экспансия из Азиатско-Тихоокеанского региона приобрела в основном товарный (с растущей долей в нем все более наукоемкой продукции) и научно-технический характер, товарная часть экспансии из исламского мира продолжала носить преиму-

---

² См., например: Четверикова О. Ислам в современной Европе: стратегия «добровольного гетто» против политики интеграции // Россия XXI. 2005. № 1. С. 80–87; Ислам в Европе. URL: <https://medinaschool.org/library/obshestvo/istoriya-islama/islam-v-evrope> (дата обращения: 04.09.2020).

шественно сырьевой характер (с основной долей в ней углеводородной составляющей).

Противоречие между интенсивным продвижением исламского дискурса и превращением его в глобальный фактор, с одной стороны, и отсутствием его наполнения современным, постиндустриальным содержанием, в том числе в основных центрах исламского мира, с другой, имело существенные последствия. В сознании значительной части элит и, более широко, представителей «исламской улицы» складывался растущий когнитивный диссонанс, который порождал, с одной стороны, потребность во внутренних изменениях исламских обществ, а с другой — растущее противопоставление себя как представителей исламского мира неисламскому, прежде всего западному. Это укладывалось в существующую в исламской традиции формулу разделения универсума на «дар аль-ислам» («обитель ислама») и «дар аль-харб» («обитель войны»), которое в радикальной интерпретации настраивало на противостояние исламского мира с Западом (и ареалами других религиозных конфессий вообще).

В результате в исламском мире стали набирать силу радикальные исламистские течения, такие как Аль-Каида³ (а впоследствии и ИГИЛ), произошла радикализация и значительной части «Братьев-мусульман». Это оказало существенное воздействие на сам исламский мир и прежде всего на его ядро в виде Ближнего Востока и Северной Африки.

Особое место, которое заняла Аль-Каида в исламском дискурсе, генетически связано с последствиями афганской войны. Организация была создана выходцем из богатейшей саудовской семьи йеменского происхождения У. бен Ладеном в 1989 г. в Афганистане из числа бывших моджахедов, происходивших из мусульманских стран. У. бен Ладен, который в ходе афганской войны играл одну из ведущих ролей в организации и финансировании операций против левого афганского правительства и советских войск, подготовке отрядов рекрутов со всего исламского мира в г. Пешаваре (Пакистан), и после вывода из Афганистана советских войск продолжал оставаться в том же регионе.

---

³ Возникновению и становлению Аль-Каиды посвящена, в частности, статья: *Труевцев К. М.* Усама бен Ладен и генезис «Аль-Каиды» // *Азия и Африка сегодня.* 2006. № 2. С. 12–20.

Окончание афганской войны поставило десятки тысяч вооруженных добровольцев, продолжавших оставаться в зоне пуштунских племен, трансграничной между Афганистаном и Пакистаном, перед проблемой не просто дальнейшего выбора пути, но и самого жизненного существования. Идеологически мотивированные на борьбу против иноверцев и «вероотступников» эти люди не умели ничего иного, кроме борьбы с оружием в руках. С другой стороны, наличие этого большого вооруженного массива, вооружения и значительной финансовой базы логически подсказывало наиболее возможный и удобный путь использования ресурсов.

Собственно все это и подтолкнуло У. бен Ладена на создание организации под названием «Аль-Каида», что буквально по-арабски означает «база».

В трактовке этого понятия заключена определенная ирония истории, которая и сама по себе привела к серьезным историческим последствиям. Дело в том, что понятие «база», особенно в арабском контексте, может иметь разные значения. С одной стороны — это база в прямом, к примеру военном, смысле, с другой — это «базовая организация», что в арабских странах, как правило, относится к характеристике партийных первичек.

Во всяком случае из всей логики развития Аль-Каиды следует, что она создавалась изначально именно как базовая организация для нового, мощного исламистского движения, т.е. своего рода «матрицы», на котором оно основывалось. Это стало весьма продуктивным путем развития и воспроизводства Аль-Каиды как сетевой организации, обретшей в конечном итоге глобальный масштаб.

Вместе с тем в представлении американских «мозговых трестов» («think tanks»), оказавших существенное воздействие на деятельность американских администраций начиная с администрации Дж. Буша-младшего, получила распространение именно первая трактовка понятия «Аль-Каида» в качестве материальной привязки к определенной геополитической локализации⁴. Она, конечно, имела свою логику в связи с исходной действительной локализацией организа-

---

⁴ Именно такая трактовка проходила, в частности, красной нитью в большинстве аналитических материалов по данному вопросу, опубликованных в начале 2000-х годов фондом «Джеймстаун» (URL: <http://www.jamestown.org>), президентом которого являлся вице-президент США Дик Чейни.

ции на границе Афганистана и Пакистана и дальнейшим распространением оттуда прежде всего на страны арабского мира. Это повлияло существенным образом на весь алгоритм действий тогдашней и последующих американских администраций в отношении арабского мира: рассматривая Аль-Каиду в качестве материальной военной базы, они считали, что ее существование и развитие связаны с ее смычкой с авторитарными арабскими режимами, имеющими преимущественно антиамериканскую направленность, т.е. с республиканскими автократиями. Отсюда, во-первых, нацеленность на ослабление и в конечном счете устранение этих режимов и, во-вторых, поиск умеренных исламистских сил, способных противостоять радикальному исламизму, прежде всего в лице Аль-Каиды.

Именно этими мотивами руководствовалась администрация Дж. Буша-младшего, принимая решение о вторжении в Ирак в 2003 г. Администрации Б. Обамы действовала согласно главным образом второй части этого алгоритма — попытки сделать ставку на умеренные исламистские силы. В качестве таковых представлялись монархические арабские режимы, прежде всего государства Персидского залива, а также движение «Братья-мусульмане».

Аль-Каида действительно представляла нарастающую опасность как в глобальном контексте, так и в контексте арабского мира. О первом свидетельствуют события 11 сентября 2001 г. в США и последовавшие за тем теракты в Европе, деятельность Аль-Каиды, ее филиалов и связанных с ней организаций и групп на Северном Кавказе и в Центральной Азии, о втором — действия Аль-Каиды в Ираке уже в период американской оккупации, прямое участие ее членов в гражданской войне в Алжире, организация террористических актов в ряде других арабских стран⁵. Причем следует отметить, что после 2000 г. одним из главных объектов ее террористической деятельности стала территория Саудовской Аравии.

В этом контексте попытка сделать ставку на умеренный и традиционный ислам была не лишена логики и практиковалась не только Западом, но и рядом других стран, не исключая Россию.

Но в отношении арабского мира были две проблемы. Во-первых, хотя сами монархические режимы, в том числе Саудовская Аравия, являлись объектами террористической активности Аль-Каиды

---

⁵ Подробнее об этом см.: *Труевцев К.М.* Усама бен Ладен и генезис «Аль-Каиды». С. 15–17.

и потому выступали ее явными противниками (У. бен Ладен был лишен саудовского гражданства, а действовавшая на территории королевства «Аль-Каида на Аравийском полуострове» (АКАП) была объявлена террористической организацией, и с ней велась решительная борьба), однако в арабских монархиях Персидского залива, в том числе и в самой Саудовской Аравии, в рамках истеблишмента имелся внушительный слой богословов, не просто сочувствовавших этой террористической структуре, но и осуществлявших ее финансирование через систему исламских фондов.

Вторая проблема касалась «Братьев-мусульман»: за организацией тянулся многолетний шлейф не просто исламского радикализма, но и террористической активности. Однако на рубеже веков наметилась тенденция поворота «Братьев-мусульман» в сторону легальной политической деятельности. Они не отказались от лозунгов исламского государства и введения в арабских странах законодательства, основанного на шариате, но заявляли о стремлении добиваться этих целей посредством участия в выборах. При этом их популярность среди населения явно росла⁶.

Так, по предварительным опросам, проводившимся перед выборами в Народную ассамблею в Египте в 2010 г., братья-мусульмане могли оказаться в парламенте крупнейшей оппозиционной силой. Однако организация по-прежнему находилась под запретом. Тем не менее по итогам выборов из общего числа мест (508) при подавляющем голосовании за правящую Национально-демократическую партию (419 мест) оппозиционные кандидаты набрали 15, а независимые — 70 мест⁷. Подавляющее число из них относилось к запрещенным «Братьям-мусульманам». Как отмечали независимые аналитики, если бы выборы проводились честно, представители организации определенно получили бы гораздо большее число мест.

⁶ На выборах 2005 г. «Братья-мусульмане» завоевали 88 мест в парламенте. По мнению «Нью-Йорк Таймс», этот результат был отчетливым посланием американской администрации, в то время возглавляемой Дж. Бушем: «Если вы действительно хотите демократии, исламисты победят». См.: New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2010/12/01/world/africa/01egypt.html> (дата обращения: 04.09.2020).

⁷ Правящая в Египте Национально-демократическая партия получила по итогам парламентских выборов более 80% мандатов // Прайм: Агентство экономической информации. 07.12.2010. URL: https://1prime.ru/politics_economy/20101207/758574506.html (дата обращения: 04.09.2020).

Раздел III. Регионы локализации авторитаризма...

Следует отметить, что нараставшее повсеместно недовольство существующими политическими порядками в арабском мире не было уделом только происламистских сил. Значительную и также возрастающую роль в протестном движении играли представители либеральных и левых сил, возникших или усиливших свое влияние в результате, пусть весьма относительных, либеральных реформ конца XX — начала XXI в. Несмотря на все противоречия, с исламистскими силами их объединяло общее недовольство существовавшими порядками.

Это предопределило возможность формирования временных политических альянсов между исламистскими и оппозиционными либерально-демократическими силами во многих арабских странах в преддверии либо уже в ходе «арабской весны».

Раздел IV

ВОЛНЫ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Турбулентность (от лат. *turbulentus* — бурный, беспорядочный) — это физическое явление, при котором в потоке жидкости или газа самопроизвольно возникают фрактальные и линейные волны различных размеров. Таково классическое определение турбулентности, понятия, вошедшего в широкий обиход благодаря авиации. Ее проявление, которое характеризовалось в просторечии словом «болтанка», все, кто попадал в такую ситуацию, могли ощутить на себе, когда самолет начинало трясти и болтать в разные стороны, вызывая далеко не самые приятные переживания у пассажиров.

Между тем в последние годы понятие турбулентности стало все более широко входить в политический лексикон для характеристики процессов и явлений, приобретающих на коротком историко-политическом отрезке разнонаправленный, как правило, нелинейный и далеко не всегда предсказуемый характер. Ее относительно адекватным эквивалентом в данном случае будет слово «встряска», а оно уже вызывает ассоциации с такими явлениями, как ураган, шторм, землетрясение или цунами.

Эти пояснения представляются необходимыми для характеристики явлений, которые происходили в мире на протяжении второго десятилетия нынешнего века и которые, несмотря на многие их локальные и региональные проявления, носили в конечном счете глобальный характер. Несомненно, сами по себе отдельно взятые проявления были обусловлены внутренними причинами в тех или иных странах и регионах, однако синхронность этих проявлений, их взаимовлияние, взаимосвязь и взаимодействие не могут не обратить внимание на их глобальное измерение, более того, на их соотношение с процессом глобализации.

Выразимся еще конкретнее: синхронность, взаимовлияние и взаимосвязь происходящих политических процессов показывают, что они в итоге порождены не только внутренними причинами, но и процессом глобализации. Те натяжения, диспропорции, демонстративный медиаэффект, массовый когнитивный диссонанс, глобальное и локальное переплетение политических, экономических, социальных и культурно-цивилизационных процессов, про-

Раздел IV. Волны турбулентности

исходивших в ходе глобализации, а в значительной степени и благодаря ей, и привели в стадии их накопления к волнам турбулентности, которые последовали одна за другой: первая — в 2011 г., вторая — в 2012–2018 гг.

При этом если первая волна была четко очерчена по времени одним годом, вторая, лишь частично являясь производной от первой, только в 2018 г. обнаружила тенденцию к затуханию, но ее локальные продолжения, афтершоки и всплески продолжают и, очевидно, еще будут продолжать оказывать воздействие, причем не только на страны и регионы, но и на глобальный политический ландшафт. При этом арабский регион стал одним из главных эпицентров не только первой, но и второй волны турбулентности, что не может не оказаться одним из решающих факторов воздействия на его дальнейшие судьбы.

Глава 15

ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ СОБЫТИЙ 2011 г. И ФЕНОМЕН «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

Если кто-либо и предполагал, что «арабская весна» была лишь феноменом локального, регионального уровня, то сейчас уже совершенно очевидна несостоятельность подобных мнений. Столь же очевидна несостоятельность упований, что любая сколько-нибудь значимая страна останется «тихой гаванью» в бурлящем потоке, охватившем весь мир.

В отличие от арабского мира, волнения, охватившие Запад, как правило, были напрямую связаны с кризисом. Прежде всего это относится к волне, начавшейся с Соединенных Штатов под лозунгом «Захвати Уолл-стрит» и прокатившейся по более чем 80 странам, а также к выступлениям в Греции, Италии, Испании и Португалии, где они были направлены против экономической политики правительства и нередко возглавлялись профсоюзами при активном участии левых и крайне левых сил.

Из этого общего ряда выбивались события в Англии, которые, если говорить по-простому, выглядели как банальное мародерство, но охват этих волнений, а также то, что они вовсе не сводились к ограблениям магазинов, а включали в себя также и поджоги, и столкновения с полицией, выглядели все же скорее как бунт против потребительского общества, как бунт отчаяния неприкаянной молодежи, не вписавшейся в устои современного ей общества.

Массовые акции протеста в Индии¹ и происходившее в Китае² тоже не вписывались в картину реакции на экономический кризис,

¹ *Лунев С.И.* Социальные протесты в Индии // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 4 (43). С. 198–207.

² *Корсун К.А.* Социальный протест с «китайской спецификой»: смена вектора. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-protest-s-kitayskoy-spetsifikoy-smena-vektora/viewer> (дата обращения: 04.09.2020).

потому что, во-первых, эти страны кризис сам по себе практически не затронул, во-вторых, в Индии они были направлены против коррупции, охватившей систему власти, и заставили законодательную власть принять антикоррупционное законодательство, а в Китае — на то, чтобы побудить власть к реформам политической системы в направлении демократии, особенно если обратить внимание на эпизоды самовыдвижения рядовых граждан в органы местной власти.

Таким образом, в ходе принявших глобальный масштаб волнений вырисовывается целый калейдоскоп различных мотиваций, который никак не сводится к реакции на кризис. И все же в этом калейдоскопе можно увидеть кое-что общее.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что повсюду инициатором выступлений была молодежь, организованная через социальные сети, и, таким образом, все эти выступления можно по аналогии с «арабской весной» назвать «твиттерными революциями».

Аналогии, впрочем, на этом не заканчиваются. Повсюду это выступления против существующих порядков, против власти — там, где эта власть не прислушивается к голосу граждан, их чаяниям и потребностям. «Захвати Уолл-стрит» — это и против власти финансовой олигархии, но и против власти политической, которая в разгар кризиса спасала банки, но либо вовсе не спасала граждан, либо делала крайне недостаточно для их спасения. «Нас 99%» — лозунг, звучавший во время акций на Уолл-стрите, — был напоминанием о том, что в сложной экономической ситуации пострадали рядовые граждане, в то время как финансовые «жирные коты» продолжали получать бонусы, размер которых нередко имел шестизначные размеры, а избранная народом законодательная и исполнительная власть стояла на их стороне, но не на стороне избравших ее граждан. Это в определенной степени кульминация падения доверия к власти, существующим политическим партиям, которая фиксировалась социологами на протяжении последних трех десятилетий.

Когда происходит подобный прерыв постепенности политического развития, всегда возникают новые массовые движения, приводящие в действие методы прямой демократии. Особенность развертывания событий в 2011 г. в том, что социальные сети дали бес-

прецедентные возможности быстрой, до спонтанности динамичной организации массовых движений, принявшей глобальные масштабы. Однако эти массовые движения не взялись вдруг ниоткуда. Подобно тому как в 60-е годы XX в. первоначально довольно узкое, элитарное движение битников заложило основы массовой контркультуры хиппи, которое обрело широкий политический смысл в еще более массовом антивоенном движении, переросшем в движение протеста, проявившееся в виде молодежных бунтов в США, массовых выступлений по всей Европе и студенческом восстании в Париже, выступления 2011 г. имели предшественника в виде движения антиглобалистов. Но если последнее носило скорее контркультурный и в этом смысле несколько карнавальнй характер, это движение протеста уже приняло отчетливую политическую направленность. При этом относительный спад накала политических страстей, наметившийся в последние два месяца 2011 г., носил в известном смысле лишь временный характер, поскольку очаги протеста по-прежнему сохранились, а причины, его вызвавшие, не были устранены.

Но как бы ни развивались события в дальнейшем, произошедший всплеск глобального протестного движения привел как к непосредственным, так и отложенным институциональным последствиям. Подобно тому как протестные движения 1960-х годов обусловили появление крупных правозащитных и экологических организаций, часть из которых, такие как Amnesty International, Human Rights Watch, Greenpeace, приобрела международные масштабы, движение 2011 г. имело даже большие шансы подобной институционализации, учитывая сетевые возможности Интернета.

Первые волнения в арабском мире начались в Тунисе 17 декабря 2010 г. в провинциальном городке Сиди Бу-Зид. В течение недели они охватили практически всю территорию республики и достигли апогея после 8–10 января, когда полиция открыла огонь по выступавшей оппозиции, но это только усилило волнения, и президент Зин аль-Абеддин Бен Али 14 января бежал из страны³. Президентом, согласно конституции, был провозглашен спикер парламента Фуад Мебаза, сформировано по существу временное правительство национального единства, однако устойчивого правительства не удалось создать вплоть до выборов в Национальное учредительное

³ Кузнецов В.А. Тунис (2010–2011) // Ближний Восток. Арабское пробуждение и Россия: что дальше? М.: Ин-т востоковедения РАН, 2012. С. 145.

собрание (НУС)⁴. Уже состоявшимся итогом произошедших событий стало не только свержение правившего режима, но и изменение конституционного строя, поскольку задачей НУС являлась выработка новой конституции.

Следует отметить, что эти первые выборы были еще отнюдь не парламентской кампанией, так как НУС лишь отчасти исполняло функции парламента, но основной его задачей была разработка новой конституции, исходя из которой и были впоследствии сформированы новые структуры и органы власти. До этого момента, т.е. до принятия конституции, структуры власти носили временный, переходный характер.

Выборы в НУС прошли 23 октября 2011 г., через девять месяцев после свержения З. Бен Али. Они дали следующие результаты. Партия «ан-Нахда» получила 37% голосов избирателей, обеспечив себе 89 из 217 мест в этом предпарламенте. Второе место заняла светская партия центристского направления «Конгресс за республику», набравшая 8,7% голосов и получившая 29 мест. Левоцентристский список «Народная петиция за свободу, справедливость и развитие» («аль-Арида») — на третьем месте (6,74% и 26 мест); социал-демократическая партия «ат-Такаттуль» — на четвертом (3,94% и 20 мест); Прогрессивная демократическая партия (либерального направления) — на пятом (3,19% и 16 мест)⁵.

Таким образом, исламистская «ан-Нахда» в результате выборов выдвинулась на безусловные ведущие позиции, намного опередив ближайших конкурентов. Однако этого было явно недостаточно не только для того, чтобы считаться доминирующей партией, но и для решающего положения в парламенте. Суммарная же доля светских партий в парламенте значительно превысила 50%. Это означало, что при формировании руководства парламента и утверждении структур исполнительной власти необходимо было договариваться и достигать компромисса со светскими партиями.

Что и произошло. На должность премьер-министра был утвержден генеральный секретарь партии «ан-Нахда» Хамади Жебали, спикером парламента избран лидер «ат-Такаттуль» Мустафа Бен Джафар, на должность президента республики выдвинут из-

---

⁴ Кузнецов В.А. Тунис (2010–2011) // Ближний Восток. Арабское пробуждение и Россия... С. 146–167.

⁵ Там же. С. 167.

вестный правозащитник и борец с прежним режимом Монсеф Марзуки, представлявший Конгресс за республику, который и был избран на эту должность на заседании Ассамблеи 12 декабря 2011 г., а 14 декабря он в соответствии с достигнутой ранее межпартийной договоренностью утвердил Хамади Джебали на должность премьера.

Волнения в Тунисе вызвали «эффект домино». В Египте волнения, аналогичные тунисским, происходили с 25 января по 11 февраля 2011 г. и закончились не менее драматично — отставкой правительства, а затем и президента Х. Мубарака с последующим преданием его суду, на котором ему были предъявлены обвинения, грозящие смертным приговором. Власть перешла к Высшему совету Вооруженных сил во главе с генералом ат-Тантави. Так же, как и в Тунисе, была распущена правящая Национально-демократическая партия, выборы в парламент должны были проходить в два тура — в декабре 2011 и феврале 2012 г. Уже первый этап выборов обозначил уверенную победу исламистов: созданная движением «Братья-мусульмане» Партия свободы и справедливости набирала порядка 44% голосов⁶. Но сюрпризом стало то, что салафистское движение «Ан-Нур» вырвалось на второе место с 22% голосов⁷. Второй тур выборов в целом подтвердил итоги первого. Окончательные их итоги таковы: Партия свободы и справедливости получила 218 депутатских мандатов из общего числа 498, «Ан-Нур» — 108; старейшая либеральная партия Египта «Аль-Вафд» — 42 места и демократический блок «Аль-Кутля» — 41⁸. Таким образом, исламистские силы впервые в египетской истории стали доминирующими в парламенте страны.

В мае—июне 2012 г. тоже в два тура состоялись президентские выборы. На них победу одержал представитель «Братьев-мусульман» Мухаммед Мурси, который с 21 июня 2012 г. стал пятым в египетской истории и первым гражданским президентом страны.

В Алжире беспорядки начались, как и в Тунисе, в декабре 2010 г. и продолжались в феврале—марте 2011 г. Они охватили 20 из 48 провинций страны. В них приняли участие как исламисты, так и оп-

⁶ Васильев А.М. Египет после выборов // РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/egipet-posle-vyborov/> (дата обращения: 04.09.2020).

⁷ Там же.

⁸ Egypt: 2011/12 People's Assembly Elections Results // African Democracy Encyclopaedia Project. 2013. January. URL: <https://www.eisa.org.za/wep/egy2012results1.htm/> (дата обращения: 04.09.2020).

позиционные берберские партии, однако одной из главных движущих сил было оппозиционное Национальное объединение за культуру и демократию, проводшее 12 февраля демонстрацию с требованием смены правящего режима⁹. 24 февраля А. Бутефлика издал указ об отмене закона о чрезвычайном положении, который действовал в стране почти 20 лет. Тем не менее полиция и дальше продолжала жестко подавлять выступления оппозиции.

В Иордании первые выступления прошли в середине января 2011 г. Почти сразу манифестанты стали заявлять о политических требованиях, включая отставку премьера Самира ар-Рифаи. 1 февраля король Абдалла II отправил в отставку правительство и предложил посты в новом правительстве представителям оппозиции, однако те отказались. 25 февраля оппозиция потребовала проведения досрочных выборов и внесения изменений в конституцию, включая положения, ограничивающие власть короля. Направление предложенных изменений — превращение страны в конституционную монархию¹⁰. 24 марта оппозиция разбила палаточный лагерь в центре Аммана, потребовала отставки нового премьера Маарифа аль-Бахита, прекращения репрессий и проведения политических реформ. Произошли столкновения демонстрантов с полицией. На следующий день палаточный лагерь был ликвидирован, однако волнения продолжались и в апреле¹¹.

Волнения в Йемене начались в январе. 26 февраля о переходе на сторону оппозиции заявили шейхи доминантных на севере страны племенных союзов хашид и бакиль¹². Эпицентром волнений была столица Сана, хотя их размах вовсе не ограничивался ею,

⁹ Долгов Б.В. Алжир // Ближний Восток. Арабское пробуждение и Россия... С. 200.

¹⁰ «Оппозиция потребовала изменить конституцию таким образом, чтобы повысить ответственность правительства перед парламентом, а также ввести норму, согласно которой кабинет министров формируется не королем, а парламентскими партиями. В результате иорданская монархия, по мнению оппозиции, лишь формально считающаяся конституционной, должна стать таковой на самом деле». Демченко А.В. Иордания // Ближний Восток. Арабское пробуждение и Россия... С. 328.

¹¹ Там же. С. 328–329.

¹² Даже родное племя Али Абдалла Салеха — синхан, входящее в племенной союз хашид, раскололось пополам на сторонников и противников власти, в то время как большинство племен этого союза перешли в оппозицию. Серебров С.Н. Йемен // Ближний Восток. Арабское пробуждение и Россия... С. 281.

а охватывал многие части страны, включая традиционно оппозиционный Юг.

Уже в марте события достигли одной из кульминационных точек, когда после расстрела манифестантов в Сане восставшие захватили ряд правительственных зданий. На сторону восставших перешел один из лидеров племенного союза хашид Али Мохсен аль-Ахмар, командующий бронетанковой дивизией и сводный брат президента¹³. 26 марта президент А.А. Салех впервые заявил о своей отставке и передаче власти вице-президенту Абд Раббо Мансуру Хади. Для урегулирования внутренней ситуации в Йеменской Республике была создана комиссия ССАГПЗ, выработавшая план, который стал своего рода ультиматумом А.А. Салеху: уход в обмен на гарантии от судебного преследования в отношении него и членов его семьи. Йеменский президент сначала этот план отверг, но уже 11 апреля его канцелярия заявила о согласии¹⁴.

Тем не менее президент не ушел, а кровавые столкновения продолжались. Еще одной их кульминационной точкой стал период конца мая — начала июня. В ходе одного из столкновений 3 июня президент получил ранение и выехал на лечение в Саудовскую Аравию. Несколько раз он заявлял о готовности уйти в отставку и провести досрочные выборы. Тем не менее противостояние продолжалось вплоть до конца ноября 2011 г. 23 ноября А.А. Салех наконец подписал в Эр-Рияде план ССАГПЗ, в соответствии с которым он ушел в отставку, передав власть вице-президенту¹⁵ на переходный период в 90 дней, в течение которых должны пройти президентские выборы.

В Саудовской Аравии началом событий послужило «Заявление 23 февраля», в котором группа интеллектуалов призывала к созданию парламента и превращению страны в конституционную монархию¹⁶. Первые протестные акции в королевстве прошли 29 января в г. Джидде, а затем продолжились после ареста учредителей новой политической организации «Партия исламской уммы»,

¹³ *Серебров С.Н.* Йемен // Ближний Восток. Арабское пробуждение и Россия... С. 286.

¹⁴ Там же. С. 287.

¹⁵ Там же. С. 296.

¹⁶ *Косач Г.Н.* Саудовская Аравия и «арабская весна». URL: http://www.intelros.ru/pdf/svobodnay_misl/2012_5_6/9.pdf (дата обращения: 04.09.2020).

причем в протестном движении приняли участие шииты Восточной провинции. Король Саудовской Аравии молниеносно отреагировал на начало протестного движения, выделив многомиллиардные субсидии на социальную поддержку населения и одновременно продемонстрировав решимость жестко пресекать любые действия оппозиции. На 11 марта в королевстве был назначен «День гнева», одну из ведущих ролей в подготовке которого сыграло Объединение свободной молодежи, призывавшее выйти на улицы саудовских городов и «совершить джихад на пути Господа, сказав слово правды правителю»¹⁷. Однако попытки его провести были в зародыше подавлены властями. Но протестное движение шиитов в Восточной провинции обрело определенный размах и даже усилилось после введения саудовских войск на Бахрейн.

Волнения на Бахрейне начались 14 февраля 2011 г. Во время демонстрации оппозиции при столкновениях с силами правопорядка погиб человек. На следующий день во время похорон произошла гибель еще одного демонстранта. 16 февраля на Жемчужной площади столицы собрались тысячи бахрейнцев. Они разбили палаточный городок и переименовали площадь по аналогии с каирской в площадь ат-Тахрир (площадь Освобождения). Волнения продолжались до 16 марта. В ходе них стали выдвигаться требования политических реформ и отставки премьер-министра, а затем и свержения королевской власти и провозглашения республики.

Этот разворот событий всерьез напугал королевскую власть, и она обратилась за помощью к партнерам по ССАГПЗ. В ответ на просьбу короля островной монархии 14 марта 1000 военнослужащих из Саудовской Аравии и 500 полицейских из ОАЭ прибыли на Бахрейн. 15 марта было введено чрезвычайное положение сроком на три месяца. 16 марта на главную площадь столицы введены войска, при разгоне демонстрации погибло несколько человек, сотни получили ранения. 17 марта руководителей оппозиции арестовали¹⁸.

Протестное движение в Судане, может быть, не столь интенсивное, как в ряде других арабских стран, началось 30 января 2011 г.

---

¹⁷ Косач Г.Н. Саудовская Аравия и «арабская весна»...

¹⁸ Мелкумян Е.С. Малые государства Персидского залива // Ближний Восток. Арабское пробуждение и Россия... С. 245–246.

в Хартуме и Эль-Обейде. Среди требований выступавших были призывы к отставке президента Омара аль-Башира. В Хартуме произошли столкновения демонстрантов с полицией, десятки протестующих были арестованы. В Эль-Обейде демонстрация была разогнана с применением слезоточивого газа. 1 февраля студенты у здания Хартумского университета пытались устроить митинг, который был разогнан полицией. Дальнейшие протестные акции, намеченные на март, были пресечены в зародыше. В ноябре протестное движение развернулось в г. Касале на востоке страны, а в декабре — в Порт-Судане. В последнем после ареста ряда студенческих активистов из Дарфура оставшиеся на свободе студенческие лидеры стали призывать к революции и поддержке Суданского революционного фронта, сражающегося против правительственных войск на юге страны. Возобновились студенческие выступления и в Хартуме. С новой силой протестное движение возобновилось в июне—июле 2012 г., среди требований протестующих вновь слышались призывы к смене власти¹⁹.

18 февраля массовые беспорядки начались в Джибути²⁰. Произошли ожесточенные столкновения. Демонстранты требовали досрочной отставки президента, клан которого правил в стране с момента получения независимости. Демонстрации и столкновения продолжались вплоть до 3 марта, сопровождалась арестами руководителей оппозиции²¹. 8 апреля в стране прошли президентские выборы, на которых победу с результатом 80% голосов одержал прежний президент Исмаил Омар Гелех.

В Ливии столкновения начались 15 февраля 2011 г. в г. Бенгази на востоке страны. 17 февраля «День гнева» прошел в ряде крупнейших городов, 18 февраля в ходе столкновений с полицией в Бенгази были первые убитые, а 20 февраля против демонстрантов

¹⁹ Why Sudan's Arab Spring is a Fantasy // The Africa Report. 2012. September 26. URL: <https://www.theafricareport.com/6614/why-sudans-arab-spring-is-a-fantasy/> (дата обращения: 04.09.2020).

²⁰ *Abdourahim A.* Protest Hit Djibouti as Opposition Leaders Held // Reuters. 2011. February 19. URL: <https://www.reuters.com/article/us-djibouti-protests/protests-hit-djibouti-as-opposition-leaders-held-idUSTRE7111BQ20110219> (дата обращения: 04.09.2020).

²¹ *Davison W.* Djibouti Forces Arrest Opposition Leaders, Scuppering Protests // Bloomberg. 2011. March 11. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2011-03-11/djibouti-forces-arrest-opposition-leaders-scuppering-protests> (дата обращения: 04.09.2020).

применили вертолеты и крупнокалиберное оружие. Несмотря на ввод туда элитных войск, город вскоре перешел в руки восставших, после чего уже в марте по всей стране развернулась полномасштабная гражданская война²².

Перелому в войне в пользу восставших способствовало принятие Советом Безопасности ООН 18 марта резолюции об объявлении бесполетной зоны над Ливией, что было использовано силами НАТО не только для подавления авиации и сил ПВО М. Каддафи, но и для масштабного военного вмешательства на стороне оппозиции²³. Силы оппозиции (по некоторым данным, не без участия спецназа ряда стран НАТО) захватили столицу страны Триполи 21–22 августа. Власть в стране перешла в руки оппозиции. 20 октября М. Каддафи был схвачен и убит²⁴.

В Мавритании начало беспорядкам, как и в Тунисе, положило самоожжение человека, на этот раз пожилого бизнесмена Якуба Ульд Дауда, перед президентским дворцом в столице страны Нуакшоте 17 января 2011 г. (позже он скончался в больнице)²⁵. 20 января в столице начались крупномасштабные волнения. Протестующие собрались на центральной площади города, требуя от правительства осуществления права на свободу собраний. 25 февраля протестующие выдвинули список реформ в государстве из 28 пунктов. Движение, которое с этого времени получило название Движения 25 февраля, быстро распространилось из столицы на основные районы страны.

25 апреля протестующие потребовали отставки премьер-министра Маулае Ульд Мухаммеда Лагдафа.

Волнения вновь возобновились в сентябре 2011 г. На этот раз острие выступлений было направлено против дискриминации черного населения со стороны арабской элиты. Несколько протестующих были убиты полицией. Затем последовали выступления в конце ноября, также жестоко подавленные силами безопасности, несколько десятков протестующих подверглись арестам. В декабре

---

²² Егорин А.З. Ливия // Ближний Восток. Арабское пробуждение и Россия... С. 227.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 227–228.

²⁵ Сухов Н.В. «Запоздалая весна» в Мавритании будет исламской. 23.01.2013. URL: <http://www.iimes.ru/?p=16598> (дата обращения: 04.09.2020).

произошли студенческие волнения. Волнения и беспорядки продолжались в стране, спорадически вспыхивая и на протяжении 2012 г.²⁶

В Марокко народные волнения начались в крупнейшем городе страны Касабланке 20 февраля. Они носили в основном мирный характер, выявив поляризацию в обществе по поводу проекта новой конституции. Противники проекта считали, что перемены, предлагаемые в нем, носят косметический характер, и требовали более радикальных реформ структуры власти. Сторонники же полагали, что проект новой конституции достаточно расширяет права и полномочия парламента и премьер-министра²⁷. 1 июля 2011 г. новая конституция была принята на референдуме 99% голосовавших при явке 73% избирателей.

Февраль 2011 г. стал началом волнений и в Кувейте. Вначале они возникли среди лиц без гражданства («бидун») на северо-западе страны, выступивших с требованием о предоставлении гражданства, доступа к работе в госсекторе, а затем перекинулись на пригород эль-Кувейта ас-Салибию, где к ним уже присоединились и граждане Кувейта с политическими требованиями²⁸. Хотя эмиру в марте удалось частично умиротворить выступления беспрецедентными денежными вливаниями в виде «эмирского гранта», предоставляемого каждому гражданину, в середине месяца волнения возобновились с требованием политических реформ, включая отставку премьера. 31 марта правительство Кувейта подало в отставку. Протесты с политическими требованиями, утихнув весной, возобновились осенью 2011 г.²⁹

В Омане 26–27 февраля беспорядки начались в западной провинции Дофар, а затем перекинулись на морской порт и промышленный центр Сохар, а также на оазис аль-Бурейми. Беспорядки продолжались до середины апреля, в ходе них были убитые и раненые³⁰.

²⁶ Сухов *Н.В.* «Запоздалая весна» в Мавритании будет исламской. 23.01.2013. URL: <http://www.iimes.ru/?p=16598> (дата обращения: 04.09.2020).

²⁷ Saler *J.N.* Morocco's «Arab» Spring // Middle East Institute. URL: <https://www.mei.edu/publications/moroccos-arab-spring> (дата обращения: 04.09.2020).

²⁸ Мелкумян *Е.С.* Малые государства Персидского залива // Ближний Восток. Арабское пробуждение и Россия... С. 248.

²⁹ Там же. С. 249–252.

³⁰ Там же. С. 252–254.

В Катаре не было уличных беспорядков, тем не менее в Интернете в феврале распространялись обвинения в адрес правящей династии и исполнительной власти и призывы к проведению демонстраций протеста. 3 марта появилось сообщение о предотвращении государственного переворота³¹.

Не стала исключением из общей картины и Сирия. Волнения там начались в феврале. Но кульминация наступила позже — 18 марта в г. Дераа на границе с Иорданией. Уже 19–20 марта начались вооруженные столкновения, перекинувшиеся на Дамаск, Алеппо, Хомс, Латакию и другие основные города, а также ряд провинций.

В Сирии действовал закон о чрезвычайном положении, на основании которого подавляются любые протестные выступления. С 20 марта манифестанты стали требовать его отмены и суда над теми, кто виновен в расстреле демонстрантов. Нарастающие политические требования стали включать необходимость радикальных политических реформ, отставку правительства и президента Б. Асада. Кровавые столкновения продолжались в столице и других частях страны в течение всех последующих месяцев 2011 г. и привели к многочисленным жертвам. Фактически они поставили страну на грань гражданской войны³².

Приведенный обзор событий мы старались сделать как можно более сухим и отстраненным, дабы максимально убрать из него привходящие оценочные, идеологические моменты, которые либо содержались в самом исходном тексте, либо были внесены в него вольно или невольно из новостных источников, и оставить лишь изложение (по возможности хронологическое) событий и фактов.

Какие выводы можно сделать из него?

Во-первых, впечатляет размах процесса, охватившего практически все не объятые до того гражданскими войнами и процессами государственного распада арабские страны, за исключением ОАЭ и Катара. Не случайно поэтому некоторые наблюдатели идентифицируют этот процесс как «панарабскую революцию».

---

³¹ Материалы, касающиеся Катара, а также часть материалов по Сирии, Йемену, Саудовской Аравии, Алжиру и Иордании почерпнуты также из: URL: www.golden-ship.ru/knigi/10/pts/polittsunami.AocIDCZxb4HQ8cad=rjt.

³² *Труевцев К.М.* Ближний Восток: морфология конфликта и постконфликтный дизайн // Контуры глобальных трансформаций. 2017. Т. 10. № 2. С. 146.

Во-вторых, не менее впечатляет и хронология, обнаруживающая беспрецедентную историческую синхронность событий в разных арабских странах: их общерегиональный характер дополняется тем обстоятельством, что их пик почти повсеместно приходится на февраль—март 2011 г., а еще точнее, на середину февраля — начало марта, т.е. укладывается в рамки 3–4 недель. Исторические аналогии просматриваются, пожалуй, лишь в четырех случаях, таких как: 1) «весна народов» в Европе 1848 г.; 2) революционный процесс в России и Европе 1917–1921 гг.; 3) освобождение африканских колоний в 1960 г., названном на этом основании Годом Африки; 4) революции 1989 г. в Восточной Европе. Однако первые три исторических прецедента все же уступают панарабскому процессу в масштабах свертывания исторического времени-пространства в одну кульминационную точку, и лишь последний схож по времени, но все же уступает по масштабам пространства.

Такая перманентность революционного процесса всегда завораживает и очень часто толкает на путь простейших объяснений, что и происходит в отношении событий в арабском мире.

В-третьих, обращает на себя внимание «неклассичность» развертывания процесса. Мы настолько привыкли рассматривать революционные события по схеме «экономический кризис — социальное недовольство — политический взрыв», что отсутствие первого, экономического, компонента заставляет усомниться в возможности неэволюционных политических перемен глубинного свойства.

О том, что глобальный экономический кризис в гораздо меньшей мере затронул арабский мир, чем большинство других крупных регионов, причем это относится не только к богатым нефтедобывающим странам, таким как Ливия и Алжир, не говоря уже о монархиях Персидского залива, но и к странам среднего достатка типа Сирии или Египта, нам уже приходилось писать за три года до «арабской весны»³³, и это было еще раз подтверждено в ее ходе, когда накал экономических неурядиц снизился, причем опять же для арабского региона в большей степени, чем для Запада, учитывая благоприятную нефтяную конъюнктуру.

³³ Труевцев К.М. Мировой экономический кризис и арабский мир: сценарии и реальность // Политика. 2009. № 3. С. 157–169.

Повод для экономического недовольства всегда найдется, и экономические мотивы звучали среди прочих в Тунисе, Египте и даже в Ливии. Примерно так же обстояло дело с социальными мотивами, например с недовольством считающих себя обделенными национальных, конфессиональных или социальных групп, таких как шииты на Бахрейне, «бидун» в Кувейте, кабилы в Алжире или копты в Египте. При всем их значении не эти мотивы были решающими в ходе выступлений и не они были в числе основных и главных требований выступавших³⁴.

Главным требованием, которое абсолютно доминировало во всех или почти всех выступлениях, было требование изменения существующих политических институтов, с той лишь разницей, что в одних случаях оно сводилось и в конечном счете свелось к требованию существенного реформирования структур власти, прежде всего исполнительной, а в других приводило и в ряде случаев привело к свержению этой, опять же прежде всего исполнительной, власти.

В-четвертых, совершенно новым для арабского мира и не ожидавшимся, даже не предполагавшимся большинством экспертов и аналитиков еще за два года и даже за год до начала выступлений был состав участников выступлений, в первую очередь тех общественно-политических сил среди них, которые оказались если не их авангардом, то по крайней мере главными или одними из главных зачинщиков, равно как такой же непредсказуемой оказалась и сама технология организации выступлений.

В самом деле, кто мог себе представить заранее, что в Тунисе, например, одними из видных участников и организаторов выступлений станут местные рэпперы, сохранившие особую популярность и по сей день, что не только там, но и в Египте, на Бахрейне и даже

---

³⁴ Шиитский фактор на Бахрейне превратился в главный довод подавления восстания только потому, что шииты представляют большинство населения страны, поэтому и процентная доля в среде выступавших была наибольшей, и тут, естественно, произошло переплетение интересов правящего на Бахрейне суннитского клана и правящих групп Саудовской Аравии, ОАЭ и других монархий Персидского залива, где шиитский фактор играет важную политическую роль, а, учитывая непосредственную близость Бахрейна к шиитскому Ирану, даже потенциальная опасность прошиитского переворота на этом стратегически важном острове могла повлечь цепную реакцию во всех этих странах, тем самым существенно изменив геополитическое соотношение сил в регионе в пользу Ирана.

в сохранившей средневековый колорит Санае среди них будет столь много женщин, что в Египте мусульмане будут протестовать в одних рядах с коптами, что на Бахрейне наряду с шиитами будет достаточно широко представлена и суннитская община, что в Кувейте вместе с негражданами выступят и представители коренного населения, включая членов парламента?

Из примерно 30 зарегистрированных политических партий Египта восстание поддержала одна десятая часть. Правившая Национально-демократическая партия была его главным противником, салафистская партия «Нур» не поддержала его, подавляющее же большинство зарегистрированных партий оказалось практически вне поля народных выступлений. Главными организаторами и участниками выступлений стали недавно появившиеся на политической арене движения. Среди них выделяются возникшее несколько лет назад «Движение 4 апреля», сформировавшееся на базе забастовочного движения в Хелуане и других индустриальных центрах, а также молодежное движение «Кифая» («Хватит»), аналог украинской «Поры», возникшей перед «оранжевой революцией», и грузинского «Кмары», появившегося в преддверии «революции роз» (последний в переводе с грузинского тоже звучит как «хватит»). Массовости выступлениям добавило участие в них членов до тех пор не разрешенной официально партии «Братья-мусульмане» и ее филиалов. Вместе с тем очевидно, что изначально мусульманского братства не было среди главных организаторов и участников волнений, оно присоединилось к ним, ощущая, что политическая инициатива в рядах оппозиции, почти безраздельно принадлежавшая ему в прежние годы, начала переходить к другим силам.

Уже после начала волнений начали создаваться новые политические партии. Всего с весны по октябрь 2011 г. их образовалось около десятка. Среди них выделялась Социал-демократическая партия, а также ряд партий левого, либерального и консервативного направлений. В своем большинстве они заявляли о себе как об оппозиции — теперь уже военному — режиму, осуществляющему контроль в стране³⁵.

Переформатирование политического спектра и появление на его арене новых политических сил, ряд которых изначально оформлялся

³⁵ Данные взяты из: List of Political Parties in Egypt. URL: en.wikipedia.org/wiki/List_of_political_parties_in_Egypt (дата обращения: 04.09.2020).

не как партии, а как массовые общественно-политические движения, стали довольно характерной картиной не только для Египта, но и для ряда других арабских стран, охваченных волнениями. Столь же характерным с приближением выборов становилось объединение этих движений, а также вновь образовавшихся партий в избирательные блоки. В этом отношении политический процесс 2011 г. в арабских странах напоминает положение в Восточной Европе с осени 1989 г., позднеперестроечный Советский Союз, где в ряде республик создавались народные фронты, а в Российской Федерации — рамочное движение «Демократическая Россия». Схожие аналогии просматриваются и с «цветными революциями» на Украине, в Грузии и Киргизии.

Следует отметить и фактор неожиданности, который сыграл и практически всегда играет закономерную роль во всяких политических переворотах: в данном случае речь идет о том, что характер и размах волнений стали неожиданностью не только для аналитиков, но и, что более важно, для властей соответствующих стран, и на какой-то момент парализовали их способность к адекватному реагированию. В результате мы видим либо паралич власти, как это было в Тунисе и Египте, либо чрезмерное применение силы, которое не дает должного эффекта.

Важно, однако, выяснить, что именно дало выступающим это преимущество внезапности. Речь идет о технологическом факторе.

Если в индустриальную эпоху ключевым являлся захват доминантных стратегических инфраструктурных объектов (достаточно вспомнить фразу В.И. Ленина о телеграфе, телефоне, почтамте и мостах), то в информационную первостепенное значение приобретает медийная инфраструктура. В Польше 1970 г. «ксероксная революция» позволила движению «Солидарность» обеспечить информационное опережение до такой степени, что введение чрезвычайного положения уже не смогло остановить приобретший общенациональный размах деятельность оппозиции. В странах Восточной Европы в 1989 г. эту роль сыграл подрыв партийно-государственной монополии на СМИ, прежде всего телевидения.

В арабских странах, где телевидение, как правило, находится под жестким государственным контролем, роль сыграли так называемые новые медиа, в роли которых в данном случае выступили социальные сети. Прежде всего это относится к Египту и Тунису,

волнения в которых с подачи блогеров стали называть «твиттерными революциями», однако и в Сирии, и в Ливии, и даже в Йемене социальные сети имели решающее значение в первичной мобилизации прежде всего радикальных молодежных групп, которые практически повсюду выступили в качестве главных застрельщиков и первичных организаторов выступлений. Остальное доделала улица. Эта технология и первичный, а также последующий за ней ход выступлений характерен не только для перечисленных стран, но и практически для всех остальных государств арабского мира.

Эффект неожиданности, обусловленный размахом арабских революций и волнений, вызвал не отличающуюся адекватностью реакцию не только у местных правящих кругов, но и в других частях мира. На Западе это была если не совсем неоправданная, то по крайней мере весьма преждевременная эйфория по поводу состоявшейся демократизации (недаром в Израиле арабские события встретили скорее с беспокойством и скептицизмом, чем с воодушевлением). В России же превалировала волна публикаций конспирологического характера, общий смысл которых, как правило, сводился к тому, что эти события были не только инспирированы, но и целиком подготовлены Западом, прежде всего Соединенными Штатами.

Нельзя сказать, что и то и другое не имело под собой никакой подоплеки. Еще за несколько лет до «арабской весны», в период правления предыдущего американского президента, администрация Дж. Буша выступила не просто с концепцией, но фактически с доктриной демократизации на Ближнем Востоке. «Сегодня Америка вместе с нашими друзьями и союзниками взяла на себя миссию долгосрочного преобразования другой части планеты, Ближнего Востока, — заявляла, будучи советником президента США по национальной безопасности, Кондолиза Райс в 2003 г. — Его развитие сдерживается тем, что ведущие арабские интеллектуалы именуют “дефицитом политической и экономической свободы”. Мы будем действовать, поскольку мы хотим для людей этого региона большей свободы и более широких возможностей, а также большей безопасности для людей в Америке и по всему миру»³⁶. Несмотря на скептическое отношение к этой доктрине во многих странах, включая

---

³⁶ Райс К. Преобразование Ближнего Востока // The Washington Post. 07.08.2003. URL: <https://inosmi.ru/world/20030807/189705.html> (дата обращения: 04.09.2020).

и ряд союзников США, вашингтонское руководство, прежде всего госдепартамент, упорно продвигало ее на практике.

Первой ласточкой этой политики стали свободные выборы на палестинской территории. Как известно, они привели к победе на ее части, в секторе Газа, движения ХАМАС и последовавшему за этим фактическому расколу автономии. Соединенные Штаты, а вслед за ними и другие страны Запада отказались признавать движение ХАМАС в качестве партнера по любым переговорам и даже контактировать с ним, рассматривая его как террористическую организацию. Сегодня единственной стороной международного ближневосточного квартета, официально поддерживающей контакты с движением ХАМАС, является Россия.

Этот пример уже, кажется, достаточно ясно показал, что внутренние перемены в странах Ближнего Востока, как бы их ни рассматривать с ценностных позиций, не давали оснований ни для излишнего оптимизма по поводу их результатов на Западе, ни для сокрушений по поводу утраты своих интересов в России.

Разумеется, доктрина демократизации Ближнего Востока не ограничивалась словесными планами. Во-первых, проведение ее в жизнь было связано с оказанием давления на руководство стран, которые были ее объектами, прежде всего на Египет и Тунис, с целью побудить их к смягчению режима через либерализацию избирательного законодательства и больший допуск в систему законодательной власти представителей оппозиции³⁷. Во-вторых, США, а вслед за ними и страны Евросоюза стали устанавливать прямые контакты с представителями арабской интеллигенции, молодежи и другими секторами того, что воспринималось в качестве гражданского общества, с целью не только идейно-политического воздействия на них, но и подготовки к политической деятельности по методике ненасильственных действий, разработанной американским профессором Джином Шарпом и неоднократно опробованной уже в начале текущего столетия в Сербии, на Украине, в Грузии, Киргизии и ряде других стран³⁸. Этот комплекс действий

³⁷ *Spetalnic M., Stewart P.* Obama Presses Mubarak for Transition to Democracy // Reuters. 2011. January 31. URL: <https://www.reuters.com/article/idINIndia-54518120110131> (дата обращения: 04.09.2020).

³⁸ Имеются в виду прежде всего книги Дж. Шарпа «The Politics of Nonviolence Action» (1973) и «A Post-Military Weapons System» (1990), переведенные на арабский язык и активно использовавшиеся при подготовке арабских

понимался американской администрацией как «мягкая власть» («soft power»).

Однако обращает на себя внимание тот факт, что эта деятельность рассматривалась и проводилась вовсе не в рамках осуществления политики свержения существующих режимов, а в рамках борьбы с международным терроризмом («глобальным джихадизмом», по американской терминологии).

Действительно, трудно представить, что, проводя курс на демократизацию Ближнего Востока, Соединенные Штаты прямо преследовали цель свержения наиболее лояльных к ним режимов, таких как египетский режим Х. Мубарака, а тем более тунисский режим З. Бен Али, который до прихода к власти проходил подготовку в спецслужбах Франции и США и всегда проводил согласованную с их руководством политику. Зато в логику их действий вполне укладывается мотивация, связанная с тем, что смягчение этих режимов параллельно с подготовкой базы демократизации за счет усиления влияния либеральных и умеренно консервативных кругов могло бы потенциально ослабить влияние в арабских странах радикального исламизма и сузить его социальную базу.

Еще в большей степени это относится к арабским монархиям, которые также оказались почти повсеместно охвачены волнениями, и вряд ли кто-либо заранее мог предсказать, чем эти волнения в том или ином случае закончатся.

Единственный арабский режим, мотивы для свержения которого, очевидно, могли иметься у стран Запада, — это режим Б. Асада в Сирии. Однако события в этой стране начались существенно позже, чем в большинстве других арабских государств, и Сирия явно выпадает в этом отношении из цепи спонтанности, перманентности общеарабского политического процесса.

Совершенно особый случай представляет собой Ливия, где практически не было контактов, а тем более интенсивной подготовки оппозиции М. Каддафи, а начало восстания в Бенгази для Запада оказалось такой же неожиданностью, как и для соседних с ней стран.

выступлений. Об этом свидетельствует и ряд публикаций по этому поводу в самих арабских странах, где приводятся высказывания в Твиттере активистов и участников египетских волнений. См., например: Egypt: Gene Sharp Taught Us How to Revolt // English Global Voices. URL: globalvoicesonline.org/2011/04/15/Egypt_gene_sharp_taught_us_how_to_revolt (дата обращения: 04.09.2020).

Все это, на наш взгляд, вполне убедительно свидетельствует о том, что конспирологические концепции, при всей их внешней соблазнительности, по крайней мере недостаточны, чтобы объяснить ход и содержание панарабского политического процесса, а тем более предсказать его возможные последствия³⁹.

Подобные одномерные конспирологические подходы не разделяются и многими арабскими аналитиками, журналистами, политологами и социологами. Вот только несколько таких свидетельств: «Это пропаганда, что американцы спонсировали революцию. Даже если они спонсировали? Они это делают уже двадцать лет, но никаких революций не было. Да, молодые революционеры ездили в Сербию и проходили подготовку в сербском “Отпоре”. Ну и что плохого в “Отпоре”? Если бы людей не достали 30-летнее правление Мубарака и коррупция, никакой бы “Отпор” не смог сделать здесь революцию» (Из интервью корреспонденту «Комсомольской правды» египетского журналиста Халеда Давуда)⁴⁰; «Я не люблю упрощений, когда люди говорят: революцию в Египте сделала ЦРУ или ФБР. Все не так однозначно», — уверял обозреватель египетского еженедельника «Аль-Ахрам» Эрик Вальберг⁴¹.

Еще более разнятся с одномерными, часто весьма упрощенными интерпретациями результатов этого процесса его итоги, тенденции которых просматривались уже к концу 2011 г., и они рисовали гораздо более сложную картину, чем это кажется на первый взгляд.

Среди этих итогов представляется целесообразным выделить следующие.

Первые свободные выборы, прошедшие после волнений в трех странах Северной Африки — Тунисе, Марокко и Египте⁴², — за-

---

³⁹ Нельзя сказать, что в западных, прежде всего американских, аналитических центрах вовсе не рассматривались варианты непредвиденного, в том числе негативного для них, развития событий, косвенным свидетельством чего является хотя бы концепция «контролируемого хаоса» Стивена Манна. См.: *Манн С.* Теория хаоса и стратегическое мышление // Синергетика. URL: <http://skurdumov.narod.ru/mann.htm> (дата обращения: 04.09.2020).

⁴⁰ *Асламова Д.* Революции ласкают молодых и рьяных. А власть приносят... бородачам // Комсомольская правда. 2012. № 20. С. 22.

⁴¹ Там же. С. 22–23.

⁴² На парламентских выборах в Марокко наибольшее число голосов и, соответственно, мест в парламенте (107 из 395) получила исламистская партия «Справедливость и развитие»; на выборах в учредительное собрание Туниса 37% голосов и 98 из 217 мест в этом предпарламенте получила исламистская

вершились во всех трех случаях победой исламских сил. Учитывая ситуацию в Алжире и Ливии, где исламисты либо являлись доминирующей силой оппозиции, как в первом случае в начале 1990-х годов, либо имели существенное присутствие в новых властных структурах, как во втором случае, очевидным результатом политического процесса в этом регионе явилось превращение исламских партий и движений из оппозиционной в ведущую или одну из ведущих политических сил, в том числе на уровне власти.

Второй связанный с этим результат — превращение консервативных арабских режимов, прежде всего монархических и в первую очередь Саудовской Аравии и Катара, в ведущую политическую силу региона, по крайней мере на очень короткий срок, поскольку политический ислам в этих странах уже был представлен на властном уровне⁴³.

Конечно, внушительная победа исламистских сил на выборах в Египте подтвердила скепсис тех аналитиков, которые полагали, что оптимизм по поводу возможностей гражданского общества в этой стране не очень оправдан, поскольку не только село, но и городские низы в силу особенностей социальной структуры и социально-психологического климата ориентировались вовсе не на либеральные, а на традиционные ценности, связанные в значительной мере именно с исламской традицией⁴⁴.

В то же время нельзя не обратить внимания на следующий нюанс. И в Тунисе, и в Марокко в результате выборов исламисты превратились в ведущую силу, но, в отличие от Египта, не в доминирующую. Это означает, что при формировании правительств они были вынуждены идти на коалицию с другими, в частности либеральными, политическими силами, что, в свою очередь, не могло не сказаться на характере проводимой ими в будущем политики и ее конкретном идеологическом контексте. Такая тенденция нашла

«ан-Нахда»; в Египте в первом туре парламентских выборов 40% голосов получила партия «Свобода и справедливость», являющаяся ответвлением движения «Братья-мусульмане», еще 6% — отколовшаяся от них партия и еще 20% — радикальное исламистское (салафитское) движение «ан-Нур».

⁴³ В связи с этим обратило на себя внимание довольно амбициозное заявление эмира Катара о том, что Запад должен смириться с развитием событий в арабском мире и проводить свою политику там в соответствии с изменившимися реалиями.

⁴⁴ Подробнее об этом см.: *Труевцев К.М.* Ислам и глобализация: проблемы адаптации // *Полития.* 2007. № 4 (47). С. 55–75.

отражение в заявлениях лидеров тунисского движения «ан-Нахда», включая заверения о стремлении сохранить светский характер государства, не вводить запретов на современную одежду женщин, их участие в политике, и ряде других моментов, свидетельствующих о том, что в случае их прихода к власти они скорее будут ориентироваться на турецкий вариант политического ислама, чем на его более консервативные модели.

Еще один элемент политического процесса — усиление присутствия в политическом спектре многих арабских стран, включая тот же Египет, Тунис, Йемен, левых сил. Это усиление, возможно, не столь заметно, как продвижение исламистов, но оно является признаком растущей поляризации общества. В свою очередь, поляризация общества не могла не затрагивать ситуации в сфере его политических исламистских структур. В частности, в Египте после выборов уже в начале 2012 г. «Братья-мусульмане» оказались перед дилеммой — либо вступать в коалицию с салафитами из движения «ан-Нур», либо ориентироваться на коалицию с также проходящими в парламент либеральными силами.

Еще один вывод, который можно сделать из событий в арабском мире 2011 г.: хотя волнения, как это было показано в данной главе, затронули практически все арабские страны, но затронули по-разному и привели к разным результатам. Если в арабских монархиях они носили преимущественно реформистский характер и не касались монаршей власти, в республиках они, как правило, либо приводили к свержению существующих режимов, либо вплотную подводили к этой грани.

Этот факт выводит нас на проблематику, связанную с характером политических режимов, не только охватывающую регион в целом, но и выходящую за его пределы.

Обзор политических событий 2011 г. позволяет сделать следующие выводы.

Современный мир, переживавший период относительной политической стабилизации после террористических атак 11 сентября 2001 г. и последовавших за этим военных экспедиций в Афганистане и Ираке, в 2011 г. вступил в полосу политической турбулентности, носящей глобальный характер и имеющей глобальные последствия.

Несомненно, главным политическим событием года стали волнения в арабских странах, беспрецедентные по уровню спонтанности

и широте охвата. Они происходили почти во всех, за крайне редкими исключениями, странах региона и привели к существенным изменениям в содержании и характере практически всех режимов. Однако, если в монархических режимах последовавшие за волнениями изменения носили эволюционный характер, в ряде республиканских государств эти волнения либо привели к свержению правящих режимов, либо поставили эти государства на грань гражданской войны.

События в арабском мире стали частью волнений, которые прокатились по всему миру. Они затронули большинство значимых стран мира, включая наиболее важные державы Запада, Индию, Китай, а также ряд государств СНГ, в том числе Россию.

Судя по всему, мы имели дело вовсе не с окончанием, а лишь с началом глобального процесса, поскольку причины, породившие волнения, не были устранены, а экономический кризис, который углублялся в ряде ведущих экономик Запада, мог служить катализатором дальнейшего разрастания волнений. Возобновление протестного движения в ряде арабских стран в последние месяцы 2011 г. и вовлечение стран СНГ в эту протестную волну обозначили вектор дальнейшего развития событий.

Этот политический процесс повлек институциональные изменения во внутристрановых, региональных и глобальном измерениях.

Если в демократических странах эти изменения касались эволюции характера демократических институтов и появления новых, аналогично тому, как это происходило ранее, например в конце 1960-х годов, то в авторитарных государствах они приводили к кардинальной трансформации правящих режимов, в том числе к свержению целого их ряда.

Протестное движение и его результаты продемонстрировали глубокий кризис системного авторитаризма. Тренд этих изменений обозначился достаточно отчетливо. Вместе с тем этот вывод относится только к странам системного авторитаризма, но даже и в этом случае он не означал автоматического разрушения всех режимов подобного типа.

Впрочем, в дальнейшем «арабская весна» во многих случаях привела вовсе не к тем результатам, которых многие от нее ожидали. А в целом турбулентность 2011 г. стала предвестником совершенно нового поворота в глобальном развитии событий, которые и во временном, и в пространственном отношении намного превзошли эту дестабилизационную волну.

Глава 16

ВТОРАЯ ВОЛНА ГЛОБАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ И ПАРАД ЗОН РЕГИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

Вторая волна турбулентности прямо соприкасалась в своих истоках с первой, но лишь в отдельных региональных аспектах вытекала из нее. В то же время она кардинально отличалась от предыдущей не только по длительности, но и по характеру и глубине потрясений, многоаспектности и ряду других существенных параметров.

Если волна 2011 г. имела вид глобальной цепочки серьезных, но в целом все же невысоких по амплитуде колебаний с резким всплеском, имевшим радикальные последствия лишь в одном, арабском, регионе, последующая волна имела совершенно иную структуру. Она состояла из очагов, возникавших уже в разрывах по времени в различных районах мира, часть из которых носила вид связанных, пунктирно пограничных между собой, в то время как другая часть располагалась в весьма отдаленных от них регионах мира. Тем не менее по мере разворачивания процесса происходило и усиление взаимосвязи между этими очагами и, что особенно впечатляет, усиливалась синхронизация между ними по времени, достигнув пика в точке кульминации в 2015 г.

Речь идет о том, что в мире между 2012 и 2015 гг. образовалось пять крупных конфликтных очагов, носящих региональный характер. Их мы обозначаем как зоны региональных конфликтов, а их кульминацию в 2015 г. можно определить как парад зон региональных конфликтов по аналогии, например, с «парадом планет» или, что представляет несколько более близкую аналогию, с парадом суверенитетов в СССР в 1990 г.

Само по себе явление региональной нестабильности вряд ли чем-то ново. Зоны политической нестабильности являлись частью

политического процесса на протяжении практически всей человеческой истории.

В преддверии Первой мировой войны наиболее ярким проявлением политической нестабильности в Европе было положение на Балканском полуострове — до такой степени, что слово «Балканы» стало нарицательным. Вероятно, это, в частности, побудило З. Бжезинского, выявившего в свое время «дугу нестабильности», простирающуюся от западной части полуострова Индостан до юго-восточной оконечности Европы, в последних своих четырех книгах называть эту зону «Мировыми Балканами».

Казалось бы, и в этом отношении вряд ли можно было выявить что-то принципиально новое. Однако события 2012–2013 гг. внесли совершенно новые аспекты в ситуацию в политически нестабильных регионах, более того, они не только расширили ареал политической нестабильности, но и грозили превратить не один, а целый ряд регионов мира в эпицентры перманентных конфликтов.

На исходе 2011 г. в основном представлялось, что «арабская весна» достигла более-менее окончательных результатов и они в целом довольно определены. Однако скоро стало выясняться — что-то идет не так. Это в первую очередь проявилось в Ливии, где противостояние приняло прямо-таки зверский характер, причем со стороны не только режима, но и его противников. Ливийские исламистские и племенные группировки, противоборствовавшие с режимом М. Каддафи, оказались весьма далеки от идеалов просвещенного, умеренного исламизма. Началось с чудовищных убийств бывшего лидера страны и ряда его соратников и членов семьи, а закончилось убийством американского посла, фактическим распадом страны и распространением терроризма на территории сопредельных государств.

Не так пошло и в Сирии, где один из секторов оппозиции, в основном ее левая и курдская части, готов был пойти на переговоры с режимом, а часть либерально-демократической оппозиции оказалась заложником радикальных исламистских сил и таких режимов, как Саудовская Аравия и Катар, которые никак не укладываются в понятие представительной демократии.

Но все же надежды на демократическое развитие связывались прежде всего с Египтом и Тунисом, где исламисты, в первую очередь «Братья-мусульмане», определенное время позиционировали себя в качестве умеренных, просвещенных сил, выступающих с позиций

демократического развития. И здесь пример Турции казался эталонным в свете несомненных успехов демократизации, который связывался с правящей партией умеренных исламистов во главе с Р. Эрдоганом, к тому же добившейся за период своего правления и впечатляющих успехов в экономическом и социальном развитии страны. Появились казавшиеся весьма реалистичными надежды на то, что со временем эта модель умеренного исламизма может эволюционировать в системную консервативную силу, некий аналог христианской демократии итальянского или немецкого образца.

Однако дальнейшее развитие событий породило по крайней мере весьма серьезные сомнения в реальности подобной перспективы. Даже в этой умеренной модели исламизма выявились такие мотивы интерпретации политического ислама, которые направляли к нетерпимости в отношении иноконфессиональных и секулярных секторов общества, гендерной сегрегации и дискриминации. Эти тенденции никак не могли вести к консолидации общества, формированию единого поля политической культуры.

Уже оформившимся результатом этих тенденций стал наметившийся вектор раскола общества. Ирония истории здесь метафорически выразилась в названии площадей: тахрир превратился в таксим¹.

Первые признаки раскола общества появились еще зимой 2013 г. в Тунисе, когда исламисты убили одного из лидеров левого движения, однако весьма важным и на определенный момент кульминационным пунктом стали события в Турции, которые, как в недавнем прошлом и события «арабской весны», стали неожиданными и по своему размаху, и по своим последствиям: они обнаружили глубокую линию раскола общества на секулярную и исламистскую части, иначе говоря, на исламистов и кемалистов, сторонников ценностей, установленных во время правления Кемаля Ататюрка. Эта главная линия раскола обнаружила и другие — национальную (на турок и другие народности страны, прежде всего курдов) и профессиональную (вскрылся не очень замечавшийся ранее факт

---

¹ В Каире главная площадь носит название «Майдан ат-Тахрир», что значит «Площадь освобождения». Со времени каирского восстания в 2011 г. слово «тахрир» стало одним из символов «арабской весны». В Стамбуле народные волнения в 2013 г. начались на площади Таксим. Но «таксим» по-арабски значит «раскол», и это стало не менее символично в отношении региональных событий, причем далеко не только в арабском мире.

наличия 10-миллионной алевитской общины, что сыграло роль особого фактора в свете противоборства с Сирией, в котором Турция играет далеко не последнюю роль²).

Впрочем, настоящей кульминацией раскола стал каирский Тахрир лета 2013 г., когда раскол между египетскими секулярными силами и исламистами достиг точки невозврата и армия встала на сторону секулярных сил, осуществив военный переворот в пользу последних³. Следует лишь отметить, что военный переворот, который, как показало дальнейшее развитие событий, носил во многом превентивный характер, не сразу отвел египетское общество от грани гражданской войны, и ее всполохи еще какое-то время бушевали в разных частях страны, принося человеческие жертвы и угрожая принять тотальный характер. Раскол уже вышел за национальные рамки отдельных стран и принял отчетливый региональный характер, грозя преодолеть теперь уже и рамки Ближневосточного региона.

Эпицентром регионального раскола стала, разумеется, Сирия. Видимым парадоксом сирийского конфликта стало то, что его регионализация и в известном смысле интернационализация привели к повороту в пользу существующего режима, который, как оказалось впоследствии, носил стратегический характер.

Поначалу недовольство режимом здесь носило черты, едва ли сильно уступающие по своей глубине и размаху тем, которые ранее отмечались в других странах, захваченных процессом «арабской весны». Однако зверства исламистов, их насилие по отношению

² Жигульская Д.В. Алевиты в Турции. М.: ПРОБЕЛ-2000: Ин-т востоковедения РАН, 2016. С. 100–103; Алевиты провели демонстрацию в Стамбуле с требованием предоставить им больше свободы // МК. 2015. 9 февраля. URL: <https://mk-turkey.ru/life/2015/02/09/alevity-proveli-v-stambule-demonstraciyu-s-trebovaniem-predostavit-im-bolshe-svobody.html> (дата обращения: 04.09.2020). Многочисленные источники указывают на связь турецкой разведки с исламистскими группировками в Сирии, в первую очередь с «Джабхат ан-Нусра» и другими подразделениями Аль-Каиды. «Без помощи Турции это (деятельность указанных групп. — К.Т.) было бы невозможно... Турция превратилась в канал снабжения и базу отдыха для сирийских джихадистов», — пишет, в частности, Д. Минин, ссылаясь на хорошо информированного английского журналиста Роберта Финни из The Independent. См.: Минин Д. Вину за экспансию «Аль-Каиды» Вашингтон возлагает на Турцию // Военное обозрение. 2013. 21 октября. URL: topwar.ru/34852-vlnu-2A-ekspansiyu-al-kaidy-vashington-vozlagaet-na-turciyu.html (дата обращения: 04.09.2020).

³ Хроника переворота в Египте // РИА Новости. 2013. 15 августа. URL: <https://ria.ru/20130815/956498419.html> (дата обращения: 04.09.2020).

к мирным жителям привели к тому, что значительная часть населения, причем не только алавитского и христианского, но и суннитского, постепенно стала воспринимать их как чуждую, инонациональную силу. Тем более что командирами группировок, наиболее активно применявших насильственные действия, зачастую оказывались не сирийцы, а выходцы из других стран, в том числе неарабских.

Этот факт стал все в большей мере осознаваться как в арабском мире, так и на Западе, на уровне как правительств, так и средств массовой информации. Именно это, на наш взгляд, оказалось главным фактором, обозначившим поворот во внутрисирийской борьбе, потому что привело к постепенному росту авторитета армии и ее поддержки со стороны значительной части населения.

Другим фактором, способствовавшим перелому стратегической ситуации, стало то, что на вмешательство арабских и международных террористических сил, все больше носившее отчетливо конфессиональный, суннитский характер, последовал шиитский ответ, который тоже стал принимать все более международный характер. Прежде всего было замечено участие в сирийском противостоянии ливанской Хизбаллы, затем последовало направление Ираном 4-тысячного отряда Корпуса стражей исламской революции (КСИР), т.е. элитного гвардейского отряда иранских вооруженных сил⁴.

Менее известно об участии Ирака в сирийском конфликте. Обычно в этой связи упоминается подразделение аль-Каиды в Ираке, выступавшее на стороне антиправительственных сил. Но внутрииракский конфликт, выплеснувшийся затем и на сирийскую арену, имел вовсе не одну только эту суннитскую сторону. Более того, вовсе не сунниты, несмотря на террористическую активность их наиболее экстремистски устремленных группировок, стали бенефициарами внутрииракского конфликта. Ответом на их террористические действия стало неуклонно шедшее их выдавливание из стратегически важных районов, включая и столицу страны.

---

⁴ Иран в сирийском конфликте. Противостояние с Саудовской Аравией и интересы шиитов // Военное обозрение. Аналитика. 2015. 15 октября. URL: <https://topwar.ru/84409-iran-v-siriyskom-konflikte-protivostoyanie-s-saudovskoy-araviy-i-interesy-shiitov.html> (дата обращения: 04.09.2020).

Было бы по меньшей мере странным, если бы в этой обстановке, учитывая растущее шиитское доминирование внутри Ирака, включая и политические позиции в правительстве и парламенте, иракские шииты остались в стороне от сирийского конфликта. Они и не остались. Периодически поступавшие сообщения свидетельствовали об их все более активном участии в боевых действиях в этой стране. Так, в 2013 г. полевой командир группировки иракских шиитов «Асаиб Ахли аль-Хак» Абу Саджад сообщал в интервью корреспонденту «Вашингтон пост» об участии иракских шиитов в боевых операциях на стороне правительственных сил Сирии⁵.

Иракское участие в сирийском конфликте на стороне правительственных сил не ограничивалось участием вооруженных отрядов шиитов, занимавших особые позиции, далеко не всегда совпадавшие с курсом тогдашнего премьер-министра Нури аль-Малики. Вместе с тем очевидно, что участие Ирана, включая поставки оружия и направление своих ударных отрядов, вряд ли было бы возможным без согласования с Ираком, через территорию которого только и возможно и то, и другое.

Таким образом, вполне уместно стало говорить о реальном формировании шиитской оси Сирия — Ирак — Иран — Хизбалла, которая являлась ответом на складывание суннитской оси Саудовская Аравия — Катар — Турция — радикальный исламистский интернационал.

Из формирующегося суннитского альянса выпал Египет почти сразу же после того, как египетский президент Абдель Фаттах ас-Сиси предпринял решительные шаги по пересмотру внешней политики своего исламистского предшественника М. Мурси. Прежняя политика египетских «Братьев-мусульман» в отношении Сирии в 2012 г. и первой половине 2013-го заключалась в активизации своего участия в сирийском конфликте, выразившейся, в частности, в разрыве официальных отношений с сирийским режимом⁶, что открывало путь не только для легального участия в боевых действиях египетских боевиков, и так уже задействованных в конфликте,

⁵ К защите режима Асада подключились иракские шииты // Лента новостей. 2013. 27 мая. URL: <https://lenta.ru/news/2013/05/27/iraqis/> (дата обращения: 04.09.2020).

⁶ Египет разорвал отношения с Сирией // Вести.ру. 2013. 16 июня. URL: <https://www.vesti.ru/article/1897463> (дата обращения: 04.09.2020).

но и для организации дополнительного пути снабжения сирийских исламистов через египетскую территорию. Это не значит, конечно, что после военного переворота 2013 г. египетские террористы прекратили участие в действиях в Сирии, но основные их силы стали задействованы на египетской территории, признаки чего проявились уже сразу после него в столкновениях исламистов с египетской армией на Синайском полуострове.

В весьма двойственном положении оказывалась Турция, где значительная часть населения, причем не только алевиты, откровенно сочувствующие сирийскому режиму, но и значительная часть представителей основной конфессии не разделила политику поддержки правящим режимом сирийской вооруженной оппозиции⁷.

Особое значение в этих условиях приобрел курдский фактор. У курдов теперь появились широкие возможности для реализации планов по объединению разьединенных страновыми границами курдских территорий. Практически три государства — Ирак, Турция и Сирия — в условиях происходившего противостояния полностью или почти полностью утратили возможность контроля над границами сопредельных курдских районов. Сирия, еще с начала 2011 г. предприняв ряд шагов в отношении предоставления сирийским курдам свободы действий в районах их обитания, практически отдала контроль над значительной частью пограничных с Турцией районов отрядам курдской самообороны. Это не преминуло сказаться на ходе военных действий, поскольку курды, организованные местной администрацией, в которой ведущую роль играет крупнейшая курдская политическая организация «Демократический союз», стали препятствовать просачиванию исламистских боевиков с территории Турции и их деятельности в районах, находящихся под их контролем. Это привело к многочисленным боестолкновениям боевиков с курдскими отрядами, а также повлекло зверства боевиков по отношению к мирному курдскому населению. Ответ курдов был достаточно жестким, и в результате к концу лета 2013 г. боевики были выбиты из ряда курдских районов.

---

⁷ Турецкая оппозиция назвала войну с Сирией капканом для страны // Известия. 2020. 1 марта. URL: <https://iz.ru/981793/2020-03-01/tureckaia-oppozitciiia-nazvala-voinu-s-siriei-kapkanom-dlia-strany> (дата обращения: 04.09.2020).

Укрепление автономной власти в курдских районах открыло путь к активизации процесса создания курдской автономии. 12 ноября 2013 г. Демократический союз объявил о начале процесса создания курдской администрации на территории курдских областей Сирии⁸. А учитывая, что восточная граница сирийского Курдистана практически открыта для перемещения иракских и турецких курдов, иракский же Курдистан уже давно живет самостоятельной политической и экономической жизнью, лишь номинально входя в иракскую федерацию, линия контроля со стороны Турции над турецким Курдистаном оказывается легко преодолимой через пограничные с Сирией территории. Расползание конфликта затрагивало не только все упомянутые страны, но также Иорданию, Израиль, Палестинскую автономию и прямо или косвенно почти все страны Аравийского полуострова и Персидского залива, за исключением на данном этапе разве что Омана.

Это превратило регион Ближнего Востока вновь, как это уже было не раз, в самый опасный регион мира, с той, однако, разницей, что еще никогда в современной истории внутренний конфликт в регионе не был столь многомерен и труднопредсказуем по своим возможным последствиям.

При этом, говоря о многомерности данного конфликта, исследователи, как правило, упускают из виду еще одно немаловажное обстоятельство. Помимо государств, прямо или косвенно завязанных в этом уже обретшем четкие контуры региональном конфликте, самостоятельным и никому до конца неподконтрольным актором стали и сами непосредственно участвующие в нем террористические группы, обладающие собственными каналами коммуникации, рекрутирования боевиков и, что весьма немаловажно, собственными финансовыми ресурсами. Эти ресурсы складываются из следующих источников:

1) освоенный еще У. бен Ладеном канал, базирующийся на традиционном исламском институте аль-хавала. Суть его в том, что отчисляемый правоверными мусульманами процент дохода на благотворительность, носящий с позиций религии обязательный характер, осуществляется, как правило, анонимно. Суммы таких отчислений в общеисламском масштабе исчисляются миллиардами

---

⁸ Мазур О.А. Курдский вопрос в политическом конфликте в Сирии. М.: Ин-т Ближнего Востока, 2019. С. 62.

долларов. Во время своего пребывания в Афганистане в период борьбы против прокоммунистического режима и присутствия советских войск У. бен Ладену удалось направить значительную часть этого финансового потока на нужды джихада. Впоследствии этот канал продолжал использоваться Аль-Каидой и используется ее структурами до сих пор;

2) средства, предоставляемые различными исламскими фондами, прямо или косвенно связанными с террористической деятельностью;

3) доходы, поступающие от реализации наркотиков из Афганистана и некоторых других мусульманских стран;

4) деньги, получаемые путем рэкета — вооруженного вымогательства у представителей бизнеса и коррумпированного чиновничества, а также от другой криминальной и теневой деятельности⁹.

В совокупности эти финансовые каналы предоставляют достаточный ресурс для организации террористической деятельности не только в местном, региональном, но и в глобальном масштабе.

В связи с этим финансовые средства и материальные ресурсы, прежде всего в виде различных видов вооружения, получаемые террористическими группами от правительств определенных государств, в первую очередь Саудовской Аравии и других стран Аравийского полуострова и Персидского залива, а также от Турции, разумеется, не являлись лишними и играли свою роль, однако их отсутствие или ограничение не было для этих групп критическим. Несмотря на эмбарго на открытую поставку вооружений, этот барьер был достаточно легко преодолен путем выхода на нелегальный рынок поставки оружия, основным эпицентром которого в арабском мире является Ливан. Кроме того, самостоятельным источником бесконтрольной поставки оружия стала территория Ливии, после того как значительные арсеналы оружия, находившиеся в распоряжении режима М. Каддафи, были разграблены террористическими группами и бедуинскими племенами.

Отсюда следует немаловажный вывод: разумеется, ряд государств региона, прежде всего упомянутые аравийские монархии и Турция,

---

⁹ Как финансируются исламистские группировки?// BBC NEWS. Русская служба. 2014. 12 декабря. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2014/12/141212_finances_of_jihadists (дата обращения: 04.09.2020).

пытались использовать террористические группы в Сирии и Ираке в своих интересах, однако их влияние на эти террористические группы, а тем более контроль над ними вряд ли стоит переоценивать. А это, в свою очередь, может означать, что названные государства не только и не столько использовали террористические группы для свержения неугодных им режимов, сколько пытались направлять их энергию в русло, которое отвлекало бы террористов от действий на собственной территории.

Это отнюдь не предположение. Именно так действовали многие арабские режимы в недалеком прошлом, к примеру в период операции «Буря в пустыне» и в более поздний период в отношении территории Ирака, что позволило и Саудовской Аравии, и Иордании, и сирийскому режиму в период правления Асада-старшего существенно снизить накал деятельности террористов на своей территории, прямо или косвенно вовлекая эти группы в террористическую войну в Ираке. Такая ситуация позволяла поставить вопрос и о возможно более широком расползании конфликта, поскольку она порождала порочный круг зависимости безопасности государств от отвлечения террористической деятельности от своей территории, перенаправляя ее на других, что, в свою очередь, способствует превращению террористической активности в постоянный фактор присутствия в регионе.

Проблема, однако, заключалась в том, что этот конфликт с начальным эпицентром в Сирии, оказался не единственным, преодолевшим национальные рамки и приобретшим отчетливое региональное измерение.

Второй зоной опасности, после 2012 г. все более превращавшейся в реальную, стал регион Северной Африки, включающий арабские страны этого континента от Египта и Судана на востоке до Марокко, Западной Сахары и Мавритании на западе. Практически все эти страны в той или иной мере были охвачены «арабской весной». Некоторое время казалось, что регион начал вступать в полосу относительной стабилизации. Единственным исключением была Ливия, где обстановка распада государства создавала питательную среду для расползания терроризма и бесконтрольного распространения разных видов вооружения на сопредельные страны, о чем красноречиво свидетельствовал инцидент с захватом террористами значительной части территории Мали и распростра-

нением террористической опасности на территорию Алжира. Кажется, подобная опасность может быть успешно локализована, а затем и устранена, что вроде бы было подтверждено успехом французской экспедиции и действий силовых структур Алжира, ситуация в Мали была относительно стабилизирована после возвращения на родину основной части французского контингента уже совместными силами национальной армии Мали при участии контингента вооруженных сил Африканского Союза.

Вместе с тем это не предотвратило распространения терроризма к югу от Ливии, вплоть до Нигерии и Центрально-Африканской Республики.

Третья зона конфликта — центральноевропейская. Эпицентром ее является Украина с разразившейся начиная с 2014 г. войной в Донбассе. Принято рассматривать события на Украине как внутриукраинский конфликт, если, конечно, не считать попыток ряда украинских кругов, поддержанных в этом определенными силами Запада, трактовать события на Донбассе как войну между Украиной и Россией.

Вместе с тем нельзя не видеть следующего.

1. События на Украине 2013–2014 гг. явились следствием внутриукраинской ситуации (разорванностью этнонационального пространства, нерешенностью политико-структурных проблем¹⁰, противоборством между олигархическими группами, пагубной политикой В. Януковича, приведшей к нарастанию недовольства со стороны многих секторов населения, и проч.), но не меньшую роль сыграла растущая конкуренция между двумя интеграционными зонами — ЕС и ЕАЭС, попытка мучительного выбора между которыми стала буквально растаскивать политический класс Украины, а вместе с ним и всю страну на куски. Конфликт между Россией и ЕС в конце 2013 г. вокруг Украины сыграл роль одного из главных детонаторов взрыва на Майдане, в который затем уже вмешались и США.

2. События на Украине происходили на фоне замороженного конфликта в Приднестровье и развивавшихся процессов дальнейшей диффузии в политической структуре Молдавии, чреватой расползанием Севера и Юга страны.

---

¹⁰ Подробнее эти причины рассмотрены в: *Труевцев К.М.* Украина: метастазы распада // *Полития.* 2006. № 2. С. 117–128.

3. Произошло усиление межэтнического конфликта в Латвии, спровоцированное позиционированием латгальцев в качестве отдельного этноса, что меняло хрупкий межэтнический баланс в стране¹¹.

4. Тенденцию к возгоранию проявлял тлеющий конфликт на Балканах после самопровозглашения Косова самостоятельным государством и признания его в качестве такового странами Запада.

5. Все это накладывалось на обострившиеся противоречия внутри ЕС:

- по линии Европа государств или Европа регионов, что привело к межэтническим или межсубэтническим расколам (Бельгия, Испания, Британия, Италия);
- по финансово-экономической линии (Ирландия, Исландия, Испания, Португалия, Греция с угрозой «Грекзита», Британия с последующим «Брекзитом»);
- по линии кризиса мультикультурализма (Франция, Нидерланды и проч.), на что впоследствии наложился миграционный кризис;
- диффузия политического центра в партийных системах (Национальный фронт во Франции, «Альтернатива для Германии», Партия свободы в Австрии, «Йобик» в Венгрии и др.).

Нельзя не обратить внимания, что все эти процессы происходили в одном временном континууме, и поэтому события на Украине превращались в потенциальный детонатор для всего Европейского континента. Другое дело, что эти события еще обрастали многочисленными аналитическими и прочими фантазиями, в основном с демонизацией России, однако перечисленного достаточно для характеристики зоны конфликта как именно центральноевропейской. При этом в 2013–2015 гг. резкое нарастала взаимосвязь этой конфликтной зоны с ближневосточной и североафриканской за счет экспонентного увеличения миграции и террористических актов.

Четвертой зоной конфликта явился Афгано-Пакистанский регион с эпицентром в районе Вазиристана, расположенном по обе стороны линии Дюранда, которая обозначает официально установленную, но практически никем, кроме воинственных пуштунских племен, напрямую связанных с Талибаном и аль-Каидой, некон-

---

¹¹ *Стенушова Л.* Пойдет ли Латгалия по пути Каталонии? // Pravda.ru. 2016. 4 февраля. URL: <https://www.pravda.ru/world/1291065-latgalia/> (дата обращения: 04.09.2016).

тролируемую границу. Несмотря на многолетние усилия оккупационных войск стран НАТО совместно с правительственными войсками Афганистана, им удалось лишь на время приглушить, но отнюдь не подавить этот очаг конфликта, который стал постепенно разгораться с новой силой после вывода коалиционных сил из Афганистана в 2014 г.

Перспектива развития этой ситуации была совершенно четко отмечена на совещании Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) весной 2013 г. Причем очевидно, что одной из главных тенденций развития данного конфликта стала угроза его распространения на страны Центральной Азии, что также затронет интересы сопредельных стран — России, Китая, Ирана, а также Южного Кавказа. Оказались также затронуты интересы Индии в связи с общим возрастанием террористической опасности в регионе, о чем свидетельствовали теракт в Мумбаи еще в 2008 г. и усиление террористической активности в Кашмире уже после 2011 г.

Наконец, пятой зоной конфликта стал Тихоокеанский регион, где обострились пограничные столкновения, связанные главным образом с районами спорных островов между Китаем и практически всеми его соседями, расположенными вдоль побережья Тихого океана, — Японией, Южной Кореей, Филиппинами и Вьетнамом. Эта вторая после центральноевропейской конфликтная зона, не связанная напрямую ни с исламским миром, ни с последствиями «арабской весны», которые были вызваны усилением фактора политического ислама и возникновением благоприятной обстановки для активизации террористической деятельности радикальных исламистских группировок. Вместе с тем и здесь можно выявить определенную связь, которая заключается в том, что, учитывая завязанность мировых держав, прежде всего США и союзных с ними стран НАТО, в исламском регионе, Китай, очевидно, попытался использовать изменившееся в этом контексте соотношение сил для решения своих региональных проблем с использованием фактора угрозы военной силы.

Кроме того, постоянным конфликтогенным очагом здесь продолжает оставаться Корейский полуостров, последними подтверждениями чего стали ракетные запуски КНДР в 2013 г. и обострение пограничной обстановки между двумя корейскими государствами летом того же года.

Справедливости ради, однако, отметим, что в осенние месяцы 2013 г. наметилась тенденция снижения уровня напряженности в регионе, что выразилось, в частности, в разблокировании КНДР своей части демилитаризованной зоны и возобновлении работы совместных предприятий с использованием северокорейских рабочих на территории Республики Корея, а также в китайско-вьетнамских переговорах на уровне премьер-министров в октябре 2013 г., на которых была достигнута договоренность о намерении сторон решать территориальные вопросы путем переговоров. Однако конфликтный потенциал здесь не только продолжал оставаться достаточно высоким, но и обнаружил дальнейшую тенденцию к нарастанию в 2014 г.

За исключением этого особого случая регионального конфликта все остальные конфликтные зоны прямо соприкасались друг с другом, поэтому дальнейшее расползание конфликтов в них грозило превратить все обширное пространство от западных границ Индии до Атлантического океана практически в единый конфликтный узел. Такая угроза уже приобретала глобальный характер, чреватый самыми серьезными последствиями для судеб всего человечества.

Следует отметить также, что в этот же период возникла перспектива появления еще и шестой конфликтной зоны — в Центральной Америке. В эту зону грозил превратиться ареал Боливарианского союза (АЛБА), центральными акторами которого являются Венесуэла, Куба, Боливия и Никарагуа. Эпицентром конфликта в эти годы являлась Никарагуа в связи с проектом строительства второго межокеанского канала при участии Китая и России, что вызвало резкое неприятие США. Все это происходило на фоне напряженных отношений между Венесуэлой и Колумбией и ряда других точек напряжения. Впрочем, эскалация конфликта не состоялась, и это предотвратило ситуацию, когда конфликтные зоны могли бы опоясать часть глобального пространства к северу от экватора.

Остановимся более подробно на двух конфликтных зонах — ближневосточной и североафриканской, не только потому, что они расположены в арабском мире, но и потому, что они оказались не только потенциально, но и реально наиболее опасными для судеб мира.

Глава 17

СЕВЕРОАФРИКАНСКАЯ ЗОНА РЕГИОНАЛЬНОГО КОНФЛИКТА: ЕГО ДИНАМИКА И ЗНАЧЕНИЕ

Политический процесс в Ливии, приведший к полному распаду государства и превращению его в перманентную зону конфликта в бывших национальных рамках и эпицентр конфликта, который приобрел региональный характер, берет свое начало практически сразу после свержения и убийства М. Каддафи, т.е. с октября 2011 г. И в этом смысле развитие перманентного конфликта здесь началось раньше, чем в Сирии, став прямым продолжением «арабской весны». И все же говорить о полной хаотизации внутреннего положения в результате действий разрозненных внутренних сил и внешнего вторжения представляется некоторым упрощением.

Параллельно с гражданской войной шло формирование органов власти, причем в этом процессе прослеживалась определенная преемственность между этими новыми органами и теми властными структурами, которые были созданы в эпоху Джамахирии.

Так, уже 27 февраля 2011 г. в Бенгази на чрезвычайном заседании местных народных комитетов¹ было объявлено о создании Переходного народного совета (ПНС), ставшего временным органом законодательной власти. С переезда ПНС в Триполи 10 сентября и начинается отсчет формального установления новой власти в Ливии, получившей к концу сентября признание 93 стран мира. 3 августа была провозглашена Временная конституционная декларация, в июле 2012 г. прошли выборы во Всеобщий национальный конгресс (ВНС), а 8 августа произошла передача власти от ПНС к ВНС.

Таким образом, на политической поверхности событий происходили, с одной стороны, сохранение преемственности между

---

¹ Гражданская война в Ливии // РИА Новости. 2016. 15 февраля. URL: <https://ria.ru/20160215/1372910230.html> (дата обращения: 04.09.2020).

элементами джамахирийского устройства (народные комитеты, затем ВНС), а с другой — легализация и легитимизация этих органов через конституционный процесс и всеобщие выборы, превратившие ВНС в реальный парламент (причем такие выборы состоялись впервые за 40 лет). Более того, в рамках парламентаризма, казалось бы, складывалась, пусть в первичном состоянии, но какая-никакая партийная (или протопартийная) система: в ВНС прошли партии и партийные коалиции — Альянс национальных сил (АНС), Национально-центристская партия (НЦП), Национальный фронт (НФ), Партия справедливости и развития (ПСР) и проч. Первые три представляли собой либерально-демократические и в основном формально светские силы (за исключением НЦП, позиционировавшей себя как партию умеренного ислама) и составляли костяк правящей коалиции, ПСР — оппозицию, представляющую движение «Братья-мусульмане».

Это было формально весьма похоже на конфигурацию законодательной власти в Тунисе и, казалось бы, давало надежду на продолжение легального демократического процесса. Правда, вызывало подозрение, что ВНС никак не удавалось сформировать устойчивую исполнительную власть, но ситуация оставалась примерно такой до 2014 г., пока не произошел взрыв. Однако для его объяснения необходимо попытаться понять, что происходило под описываемой политической поверхностью.

Следует еще раз напомнить, что джамахирийский эксперимент М. Каддафи, достаточно хорошо описанный в мировой, в том числе советской, литературе, представлял довольно последовательную попытку установления прямой демократии через систему народных съездов (конгрессов). Собственно, по мнению М. Каддафи, эта система была уже создана и работала. Но, во-первых, в чем-то схожая с системой советов на их первоначальном этапе, она осуществляла функции лишь законодательной, а не исполнительной власти. В связи с этим создавалась система народных комитетов, в которой просматривалась проекция исполнительной власти, а затем революционных комитетов — политического авангарда, которые исполняли функции частично органов народного контроля, частично — чрезвычайной комиссии. В силу недостаточной выстроенности, а также многообразия функций эта система, однако, была достаточно неустойчивой. Во-вторых, архаичное племенное

устройство ливийского общества никуда не исчезло, а лишь ушло в тень, хотя и подвергалось диффузии как в силу самого социально-политического эксперимента, так и из-за быстро идущей урбанизации.

Вследствие этих обстоятельств система прямой демократии сама по себе нуждалась в консолидирующей силе, в качестве которой выступали сам вождь, выведенный за скобки системы, и армия, из недр которой он сам вышел, а также созданный на этой основе репрессивный аппарат, отчасти сливавшийся с набиравшими силу революционными комитетами. Последний период Джамахирии, сопровождавшийся либерализацией в экономике, неизбежно породил процессы социального расслоения, а вместе с ними — и ростки политической оппозиции, которую устройство системы абсолютно исключало.

Когда все это устройство взорвалось в 2011 г., оно не исчезло, а перевернулось, как в камере-обскуре, — почти по Платону, у которого демократия (т.е. власть народа) превращается в охлократию (т.е. власть толпы). В ливийском случае это власть разрозненных и разнородных вооруженных групп внизу с неизбежно слабой центральной властью наверху. В сельской местности и небольших городах это означало возрождение власти племен, в крупных городских центрах — сосредоточение власти в руках вооруженных ополчений. На все это не могли не наслоиться исламистский фактор, а также факторы полиэтничности (амазиги — на западе, туареги — на юго-западе, тубу — на юго-востоке и т.д.). Все эти факторы не могли не оказывать постоянного давления на наспех созданные институты легальной политической власти в Триполи, тем более что действовавшие законодательные (ВНК) и исполнительные (правительство) органы власти носили лишь временный характер и действовали на основе временной конституции.

Лишь в феврале 2014 г. прошли выборы в Конституционную ассамблею, а в августе ВНК был сменен претендующим на постоянный характер парламентом — Палатой представителей Ливии (ППЛ), избранной в ходе всеобщих выборов 25 июля.

Однако парламент не провел ни одного заседания в столице. Дело в том, что потерпевшие поражение на выборах исламисты начали операцию по захвату Триполи под названием «Ливийский рассвет» и 23 августа завладели городом после 40 дней боев за него.

Парламент и сформированное им правительство переехали в г. Тобрук на крайнем северо-востоке Ливии, а в Триполи было объявлено о восстановлении ВНК и непризнании ППЛ, а на базе ВНК — создано параллельное правительство.

После этого Ливия превратилась в полном смысле в распавшееся государство, внутренняя фрагментация которого необычайно и многомерна даже по современным ближневосточным и африканским меркам. Мало того что распалось единство между ее историческими областями Триполитанией, Киренаикой и Феццаном, но и эти территории оказались расчлененными на более мелкие фрагменты, многие из которых не имеют ни устойчивой власти, ни определенного политического устройства. В качестве политических полюсов долгое время выступали, с одной стороны, располагающийся в столице ВНК, сформированный на основе выборов, и созданное им Правительство национального спасения, а с другой — находящееся в Тобруке на северо-востоке страны правительство, сформированное на базе переехавшего сюда в 2014 г. из Триполи парламента. После появления в Триполи в начале 2016 г. созданного под эгидой ООН Правительства национального согласия (ПНС) и формального ухода в отставку руководства ВНК и сформированного им правительства обстановка в целом мало изменилась. Поскольку власть ПНС в Триполи оставалась призрачной, а правительство в Тобруке продолжало действовать автономно от него, территориально-политическая двухполюсность власти по-прежнему сохранялась. Глубокие противоречия между двумя центрами власти связаны характером доминирующих в них политических сил. Политические течения, представленные в ВНК в Триполи, включали в себя представителей и бывшего офицерства джамахирийской армии, принявших участие в направленной против ППЛ операции «Ливийский рассвет», и различных ополчений, и разномастных племенных сил. Однако решающую роль в нем играли исламисты, прежде всего Партия справедливости и развития, являющаяся политическим филиалом движения «Братья-мусульмане». Законодательная деятельность ВНК основывалась на попытках сочетания законов шариата с элементами формальной и во многом условной демократии. Реальная же система управления строилась на основе неформальных договоренностей с командирами местных ополчений, ряд которых имеет радикально исламистскую

направленность, а другие представляют собой сообщества криминального характера, причем разница между теми и другими часто оказывается размытой.

При этом, если до 2013 г. не только ряд зарубежных аналитиков, но и представители местных политических сил были склонны рассматривать ливийских «Братьев-мусульман» по аналогии с египетскими в качестве представителей умеренных исламистских сил, то после массового восстания их противников, поддержанного армией, в Египте картина стала быстро меняться. После появления в Триполи ПНС и в этом отношении мало что изменилось, кроме большей внешнеполитической легитимности нынешней власти, опирающейся на международное признание. Однако фактически ПНС вынуждено было в значительной мере опираться на те же политические силы, что и ВНК, который долгое время продолжал сохранять здесь позиции теневой власти. Что касается влияния исламистского фактора в политической власти в Триполи, то дело здесь не только в радикализации ливийских «Братьев-мусульман», произошедшей уже в первые годы посткадафиевской Ливии, но и в том, что в это время начали резко набирать силу организация «Ансар аш-Шариа», а также представляющая собой ливийский филиал Аль-Каиды «Ливийская исламская боевая группа», активно участвовавшая в боевых действиях в стране начиная с 2011 г.² Это при том, что границы между ней и «Братями-мусульманами» стали стираться: где-то шла речь просто о смене вывески, где-то — о сотрудничестве, а где-то — о перетекании одного в другое.

В силу этого не случайно, что в 2014 г. после возобладания про-исламистских сил в Триполи политические силы, позиционирующие себя в качестве противников терроризма, приняли решение создать отдельный центр власти в Тобруке, переведя туда законно избранный и получивший международное признание парламент (ППЛ)³. Парламент в Тобруке и созданное на его основе правительство в аль-Бейде стремились привлечь на свою сторону часть модернизированного населения городов, представителей крупного

---

² Куделев В.В. «Аль-Каида в странах исламского Магриба» и др. в Северной Африке: хроника событий. М.: Ин-т Ближнего Востока, 2014. С. 89–218.

³ ЕС приветствует первое заседание Палаты представителей Ливии. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/0805/c31520-8765117.html> (дата обращения: 04.09.2020).

и среднего бизнеса, армии, племенных элит⁴. Сильным человеком тобрукского режима стал генерал Халифа Хафтар. Будучи участником ливийской революции 1969 г., а затем назначенный М. Каддафи начальником генштаба, он командовал ливийскими войсками в ходе войны в Чаде в 1987 г. Ливийский лидер возложил на него ответственность за поражение. После освобождения от ареста Х. Хафтар покинул страну и жил в эмиграции в США, а в 2011 г. примкнул к восстанию в Бенгази.

Стоит упомянуть и о том, что в феврале 2014 г. Х. Хафтар попытался организовать государственный переворот в Триполи, объявив о роспуске парламента и формировании «президентского совета», после чего стал создавать армию под своим началом, а затем начал в мае военную операцию под названием «Достоинство Ливии», но уже в Бенгази⁵. Таким образом, параллельно с политическим процессом и готовившимися выборами в постынный парламент в 2014 г. шли военные операции Х. Хафтара, которые при всей их объявленной антитеррористической направленности вряд ли можно назвать легальными, поскольку они носили явный путчистский оттенок. После этого военная операция Х. Хафтара была распространена на Триполи, поэтому выборы в палату представителей проходили в обстановке, которую многие, прежде всего исламисты, расценивали как оккупацию. В свою очередь, операцию «Рассвет Ливии», в ходе которой ими был захвачен Триполи, отстранена от власти ППЛ и восстановлена власть ВНК, они рассматривали как легитимный ответ на действия Х. Хафтара.

⁴ Вместе с тем в ряде источников отмечалось, что тобрукские власти и Ливийская национальная армия, выступая против «Братьев-мусульман», Ансар аш-Шариа, Аль-Каиды и «Исламского государства», опирались в числе прочих и на салафитов, ориентированных на Саудовскую Аравию, и оказывали им покровительство. Иранская газета «Рисалат» отмечала: «Салафитское движение в Ливии пока не является отдельным субъектом политической жизни, однако оно, примкнув к силам, подконтрольным Халифа Хафтару, сразу после появления последнего и начала его деятельности в Бенгази, тем не менее принимают участие в боевых операциях, под названием “операции благодетения”, поскольку они считают Хафтара своим “законным” лидером и боевым командиром» (см.: «Игры» Саудовской Аравии и ОАЭ в Ливии // ИноСМИ.ru. 2018. 22 января. URL: <https://inosmi.ru/politic/20180122/241239202.html> (дата обращения: 04.09.2020).

⁵ Хафтар, Халифа // ТАСС. URL: <https://tass.ru/encyclopedia/person/haftar-halifa> (дата обращения: 04.09.2020).

Однако одна из центральных проблем заключалась в том, что оба правительства контролировали лишь незначительные части территории страны, в основном в ее прибрежной зоне. Тобрукское правительство, овладев в 2014 г. большей частью Киренаики, осуществляло относительный контроль над столицей этой восточной провинции г. Бенгази, и его власть простиралась на западе вплоть до крупнейшего нефтеналивного порта Рас Лануф. Но и на этой территории его армии приходилось вступать в постоянные столкновения с отрядами исламистов. А реальная власть правительства в Триполи в основном ограничивалась столицей и ее ближайшими пригородами, поскольку и на западе от нее — в районе Собраты и далее вдоль границы с Тунисом, и на востоке — начиная с Мисураты простирается зона влияния неподконтрольных ему радикальных исламистов и местных ополчений. До 2014 г. доминирующее положение в этих районах (так же, как и в ряде районов Киренаики, включая Бенгази) принадлежало «Ансар аш-Шариа» и связанным с ней группировкам, но с конца 2014 г. и особенно в 2015 г. растущее влияние в Ливии стало приобретать «Исламское государство» (ИГ).

Между двумя группировками развернулось ожесточенное вооруженное противостояние, которое спорадически продолжалось до конца 2016 г. В этом противостоянии ИГ удалось одержать важную промежуточную победу, которая выразилась в том, что под его контролем оказалась часть прибрежной полосы протяженностью примерно в 120 км к западу и востоку от г. Сирта, причем с восточной стороны эта полоса вплотную подходит к г. Рас Лануф. ИГ удалось даже на короткое время овладеть этим важнейшим нефтяным портом. Однако здесь уже развернулись бои с армией Х. Хафтара, которая смогла отбить порт у исламистов. Отряды ИГ продолжали также действовать в пригородах Бенгази, а время от времени — терроризировать и саму эту историческую столицу Киренаики. Следует отметить, что если отряды «Ансар аш-Шариа» состоят в основном из ливийцев, хотя здесь присутствуют также исламисты из стран Магриба (в первую очередь Туниса), а также из Египта, то состав ИГ существенно отличался в национально-этническом отношении. Военным руководителем организации был иракец, верховным председателем шариатского суда — йеменец, ряд полевых командиров — граждане Саудовской Аравии и Туниса,

значительное число рекрутов — туниисцы, а также выходцы из центральных районов Африки, которых вербовали из числа мигрантов, направляющихся в Европу, предлагая им внушительное по африканским меркам жалование в 1 тыс. долл. Количество бойцов ИГ оценивалось экспертами в 2–3 тыс. человек, однако некоторые оценки дают гораздо большую цифру — вплоть до 6 тыс.⁶ Причем это расхождение в цифрах, судя по всему, связано с тем, что число боевиков существенно возросло в период с конца 2015 по февраль-март 2016 г. Укрепление позиций ИГ в Ливии привело к тому, что его центральное ближневосточное руководство стало рассматривать эту страну в качестве второго по значению геополитического плацдарма после сирийско-иракского ареала. Появлялись сообщения о том, что руководитель ИГ Абу Бакр аль-Багдади, которому был присвоен титул халифа, рассматривал возможность своего переезда в Ливию в случае поражения в Сирии и Ираке.

Дополнительную сложность во внутривосточную ситуацию в Ливии вносят процессы, связанные с ее этноплеменным компонентом. Значительную роль сыграли и продолжают играть арабские и берберские кочевые и полукочевые племена, а также этнические группы, наиболее важными из которых являются берберы, туареги и негроидные племена тубу. В ходе гражданской войны арабские кочевые племена в центре, на востоке и юге страны выступили разнонаправленно — часть из них поддерживала М. Каддафи, другие выступили на стороне вооруженной оппозиции.

Берберы, которые составляют до 10% населения страны, в основной своей части компактно проживающие к западу от Триполи вдоль границы с Тунисом и Алжиром, стали одной из ударных сил оппозиции. Более того, область аль-Джебель аль-Гарби с преиму-

---

⁶ Ряд экспертов, ссылаясь на данные ООН от ноября 2015 г., указывает на цифры боевиков ИГ в Ливии в количестве 2–3 тыс. человек (см., например: *Егоров О.* «Халифат» в Африке: почему «Исламское государство» в Ливии — это надолго // Meduza Project. 2016. 7 апреля. URL: <http://medusa.io/feature/2016/04/07/halifat-africa> (дата обращения: 04.09.2020)). Там же со ссылкой на материал CNN, основанный на данных американской разведки, но уже за февраль 2016 г., приводится цифра в 6,5 тыс. человек. Аналогичные сведения лишь с небольшим расхождением в последней цифре «около 6 тыс. человек» приводятся в статье газеты «Коммерсантъ». См.: ООН заметила активизацию «Исламского государства» в Ливии // Коммерсантъ. 2016. 11 марта. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2934131> (дата обращения: 04.09.2020).

щественно берберским населением стала одним из главных направлений наступления повстанцев на Триполи в 2011 г. Однако и сегодняшние в значительной мере продолжающие опираться на исламистские круги власти в Триполи не пользуются их поддержкой. Другая часть берберов, дисперсно проживающая в центре и на востоке страны и часто перемешанная с арабским населением, выступала, как и арабские племена, в ходе событий разнонаправленно. Часто здесь имели место точечные выступления, связанные главным образом с племенными и клановыми интересами⁷.

Представители туарегов, этого преимущественно кочевого этноса, общая численность которых достигает 1,5 млн человек и которые проживают трансгранично на территории Мали, Нигера, Алжира и Буркина-Фасо и лишь незначительная часть — в Ливии, изначально выступили на стороне М. Каддафи, причем на его поддержку стекались туареги из соседних стран. После свержения ливийского лидера позиции туарегских племен переживают заметную трансформацию. Отмечен целый ряд важных эпизодов их позиционных союзов с наиболее радикальными исламистами из «Аль-Каиды в Арабском Магрибе», а также ИГ, в результате чего стали возможными их совместные рейды на территориях Мали, Алжира, Нигера и Буркина-Фасо.

Племена тубу, ареал которых также носит трансграничный характер, охватывая большую часть Чада, восток Нигера, запад Судана и юг Ливии, поддержали восстание против М. Каддафи и присягнули на верность правительству в Триполи. Возникший в ходе гражданской войны в Ливии Национальный фронт спасения тубу (НФСТ) в конце 2011 г. объявил о самороспуске. Однако в 2012 г. произошли столкновения между милицией в г. Себхе, подконтрольной властям Триполи, и арабским племенем зувайя с контролирующими этот район вооруженными племенами тубу, в результате чего началась конфронтация тубу с ВНК, а затем и с ИГ. Поэтому в 2012 г. произошло воссоздание НФСТ, который выступил с проектом национальной автономии тубу, а некоторое время склонялся, подобно туарегам, к созданию сепаратного государства, охватывающего их трансграничный ареал. В 2015 г. также резко обострились

---

⁷ Лэйн Э. Ливийские берберы (амазиги) требуют признания независимости. 2012. 21 июня // Сайт сообщества «За Каддафи и его народ». URL: zakkaddafi.org/node/11958 (дата обращения: 04.09.2020).

отношения тубу с туарегами, что привело к вооруженным столкновениям между ними⁸.

Поскольку все три неарабские этнические группы (включая и берберов, также проживающих трансгранично) имеют проекты создания своих национальных государств (причем, как это видно на примере туарегов, эти проекты имели попытки реализации), их позиции и в ряде случаев конкретные действия лишь усугубляют состояние распада ливийского государства. А поскольку их интересы часто пересекаются территориально, то возникающие на этой почве межэтнические конфликты усиливают эффект войны всех против всех. И уж во всяком случае совершенно иллюзорным выглядело бы представление, будто кто-либо из противоборствующих сторон в Тобруке и Триполи способен контролировать эти этническо-племенные группы.

Одной из основных попыток достижения примирения в Ливии со стороны международного сообщества и соседних арабских государств стало подписание в г. Схирате в Марокко 17 декабря 2015 г. документа о создании правительства национального согласия. Этот шаг получил поддержку со стороны ООН. Такое правительство во главе с Файезом Сарраджем было создано. Неоднократные попытки Ф. Сарраджа, вначале постоянно пребывавшего в Тунисе, обосноваться на ливийской территории заканчивались неудачей. Когда он прибыл в Ливию в последнюю декаду марта 2016 г., глава правительства в Триполи потребовал, чтобы он немедленно покинул страну, грозя ему в противном случае задержанием и арестом. И только позже, в самом конце марта — начале апреля 2016 г., под сильным давлением международного сообщества, ряда западных стран и арабских государств руководство ВНК и сформированного им правительства было вынуждено заявить о своей отставке, после чего стало возможным начало формального функционирования ПНС, однако лишь формального, поскольку никакой общественно-политической опоры у него не было и оно по-прежнему вынуждено было ограничиваться поддержкой, которую ему оказывали ушедшие в тень структуры ВНК и стоящие за ними силы. Не видно

---

⁸ Фактор тубу. Последствия ливийской войны в сахарской политике // Военное обозрение. 2015. 5 августа. URL: topwar.ru/80013-factor-tubu-posledstviya-liviyskojvoynynvsaharskoj-politike.html (дата обращения: 04.09.2020).

было поддержки правительства национального согласия и со стороны тобрукских властей. Таким образом, проект примирения привел к тому, что вместо двоевластия на какое-то время образовалось троевластие, причем третья власть вместо инструмента национального объединения превратилась в инструмент, всякое влияние которого в стране носило не более чем фантомный характер. Вместе с тем ситуация с отставкой ПНС продолжала оставаться двусмысленной. Так, 1 апреля 2016 г., т.е. на следующий день после его объявления о сложении полномочий, Министерство финансов США сообщило о введении санкций против его главы Халифы аль-Гвейля за блокирование либо подрыв деятельности ПНС⁹.

Правда, в начале лета 2016 г. появились некоторые обнадеживающие сообщения, свидетельствующие о том, что ПНС все же начал до какой-то степени укреплять свое влияние в стране. Правда, эти сообщения носили довольно противоречивый характер. Так, в начале июня говорилось о том, что войска, подчиненные ПНС, под командованием полковника Мухаммеда аль-Гарси вошли в Сирт и ведут бои на улицах города¹⁰, а в конце июня сообщалось о наступлении вооруженных сил под эгидой ПНС на позиции ИГ даже не в самом городе, а лишь в районе Сирта. Это свидетельствовало о том, что тенденция укрепления позиций ПНС все же стала просматриваться, однако говорить о существенном переломе ситуации в его пользу было, по крайней мере, преувеличением. Причем одновременно с наступлением сил ПНС на Сирт на востоке страны от боевиков ИГ был освобожден г. Эн-Науфалия, но освободили его вовсе не вооруженные силы, действующие под эгидой ПНС, а подразделения, подчиненные правительству в аль-Бейде.

Одним из важнейших аспектов внутривирийского противостояния стал ресурсный фактор. Следует выделить его три основные составляющие: 1) финансы; 2) нефть и другие углеводороды; 3) оружие. Разграбление государственных финансов и богатств, принадлежавших семьям М. Каддафи и его ближайшего окружения, было одной из основ существования многочисленных исламистских,

⁹ США ввели санкции против главы самопровозглашенного правительства Ливии // ТАСС. Международная панорама. 2016. 19 апреля. URL: tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3221285 (дата обращения: 04.09.2020).

¹⁰ Правительственные войска Ливии вошли в Сирт — главный оплот ИГ в Ливии // ТАСС. Международная панорама. 2016. 3 июня. URL: tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3338007 (дата обращения: 04.09.2020).

криминальных и племенных структур. Какая-то часть государственных авуаров оказалась в распоряжении триполитского и тобрукского правительств и до сих пор остается важным фактором поддержания их функционирования. Однако этого явно недостаточно для расширения зоны их территориального контроля, необходимых в целом ряде случаев договоренностей с местными вооруженными политическими и племенными формированиями. Поэтому особое, если не первостепенное значение приобретает нефтяной фактор. Борьба за контроль над нефтяными месторождениями, транспортировкой и экспортом нефти имеет в этой связи не менее, а в большинстве случаев и более важное значение, чем просто контроль над территориями. Поэтому, когда ИГ удалось на короткое время овладеть портом Рас Лануф, возникла реальная опасность того, что доминирование над экспортом нефти в перспективе создаст для него в Ливии даже более прочную и устойчивую базу, чем в Ираке и Сирии. Отвоевание Рас Лануфа войсками Х. Хафтара превратило тобрукский центр в более прочный очаг политической власти с ресурсной базой, обеспечивающей определенную перспективу не только сохранения, но и дальнейшего расширения своей зоны влияния не только на востоке, но и по крайней мере в некоторых районах Триполитании. В то же время появлялись сообщения о том, что ИГ удастся осуществлять контрабанду нефти в Европу с использованием мелких нефтеналивных судов из населенных пунктов, которые оставались под его контролем на побережье¹¹. Позиции правительства Триполи в нефтяной отрасли выглядят скромнее по сравнению с позицией тобрукских властей, поскольку главные нефтеналивные порты располагаются на востоке страны, вне зоны его контроля, хотя следует отметить, что основные финансовые расчеты продолжают осуществляться через Триполи.

Применительно к Ливии известное высказывание Мао Цзэдуна «Винтовка рождает власть» приобретает особый буквальный и в то же время плюралистический смысл, поскольку от количества оружия и умения его использовать зависят уровень и масштаб власти тех или иных групп.

---

¹¹ *Топалов А.* ИГ идет за ливийской нефтью // Газета.ru. 2015. 14 декабря. URL: www.gazeta.ru/business/2015/12/14/7966985.shtml (дата обращения: 04.09.2020).

Таким образом, к концу 2016 г. в Ливии произошла относительная стабилизация обстановки, главным элементом которой стало резкое ослабление роли крайних радикальных исламистских организаций, прежде всего Аль-Каиды и ИГ. Это давало некоторую надежду на купирование ситуации в Ливии как главного очага региональной и межрегиональной нестабильности на широком пространстве Северной, Западной и Центральной Африки.

В то же время эту ситуацию на конец 2016 г. можно было характеризовать лишь как «стабилизацию нестабильности», поскольку распад и фрагментация страны вовсе не были устранены, политические, межэтнические и межплеменные противоречия сохранились, отряды исламистов и вооруженных бандформирований продолжали присутствовать в большинстве регионов, включая крупнейшие городские центры.

Распространение терроризма с территории Ливии на другие африканские страны. Разграбление одного из крупнейших в Африке арсеналов вооружений оказало и продолжает оказывать воздействие не только на весь ход внутреннего противостояния. Современные «тачанки» с крупнокалиберными пулеметами и РПГ, бронированная техника и даже системы залпового огня расплозились чуть ли не на половину Африканского континента — вплоть до Нигерии, Камеруна и ЦАР.

Этот фактор сыграл далеко не последнюю роль в усилении межэтнических и межплеменных конфликтов в целом ряде стран Африки, распространении и усилении сепаратистских тенденций, нередко переплетающихся с исламистскими движениями. Самым ярким проявлением этих последствий распада ливийского государства стали события в Мали весной 2012 г., приведшие к расколу страны. С конца марта 2012 г. большая часть страны была захвачена сепаратистским туарегским Движением за освобождение Азавада (ДОО), в котором, наряду с малийскими, приняли участие ливийские туареги. В апреле 2012 г. ДОО провозгласило независимость Азавада на севере страны¹². Наряду с ДОО там же изначально стала действовать также состоящая из туарегов организация «Ансар ад-Дин», тесно связанная с преследующей цель создания шариатского

---

¹² Филиппов В. Путч в Мали: причины и последствия // РСМД. 2012. 5 июня. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/putch-v-mali-prichiny-i-posledstviya/> (дата обращения: 04.09.2020).

государства «Аль-Каидой исламского Магриба» (АКИМ), в которую входят алжирские, тунисские и ливийские исламисты. Примечательно, что в ходе малийских событий АКИМ была переименована в «Аль-Каиду в Западной Африке» (АКЗА), что означало ее переориентацию на деятельность в первую очередь в неарабских странах континента¹³.

Распад малийского государства, в свою очередь, породил питательную почву для распространения терроризма и на другие страны южнее Сахары, о чем свидетельствуют последовавшие за нападением на отель в Бомако в 2015 г.¹⁴ террористические акты в Буркина-Фасо¹⁵ и Кот д'Ивуаре¹⁶. Распространение оружия через страны Сахеля подпитывало террористов «Боко Харам» в Нигерии и другие террористические группы в соседних странах — от Камеруна до ЦАР. Тем самым в регионе создается широкий пояс террористической активности, уже охвативший целый ряд стран и угрожающий соседним с ними государствам. Таким образом Ливия превратилась в эпицентр распространения исламистского терроризма на обширные пространства Африканского континента.

Помимо уже описанного наиболее опасного ввиду открытости и полной неконтролируемости границ южного направления, эта опасность распространяется и на другие направления периметра ливийских границ. Но если на востоке эта террористическая угроза оказалась купированной в результате усиления действий египетской армии после событий 2013 г., а затем и контроля армии Х. Хафтара над восточной частью страны, то по поводу западного направления этого сказать нельзя. В ходе малийских событий 2012 г. террористы осуществили рейд на территорию Алжира, где захватили заложников в районе газовых месторождений на юго-востоке страны. Вооруженные силы Алжира отразили террористическую атаку, однако в ходе нее было убито большое количество заложников,

¹³ Куделев В.В. Указ. соч. С. 218–323.

¹⁴ Козичев Е. Хроника террора в Мали // Коммерсантъ. 2015. 20 ноября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2859686> (дата обращения: 04.09.2020).

¹⁵ Террористические акты в Буркина-Фасо унесли жизни 30 человек // РИА Новости. 2016. 16 января. URL: <https://ria.ru/20160116/1360631206.html> (дата обращения: 04.09.2020).

¹⁶ Неизвестные расстреляли туристов на пляже в Кот д'Ивуаре // РБК. 2016. 13 марта. URL: <https://www.rbc.ru/society/13/03/2016/56e597419a79475f507a2b90> (дата обращения: 04.09.2020).

в том числе граждан других стран. Сегодня внутренняя опасность терроризма в Алжире сведена к минимуму, однако террористические вылазки со стороны ливийской и тунисской границ в последние годы имели место неоднократно. После нападения на Бен-Гардан вооруженные силы страны в очередной раз были приведены в полную боеготовность в связи с опасностью террористического нападения со стороны Ливии в марте 2016 г.¹⁷

Однако если Алжир достаточно хорошо защищен от массированных террористических атак, которые, как правило, носят локальный характер, применительно к Тунису они рассматриваются как угроза общенационального масштаба. Ряд террористических рейдов, совершавшихся в последние годы в Тунисе, происходил с территории Ливии. И это не только индивидуальные нападения террориста на приморский пляж, но и гораздо более масштабная атака в районе г. Бен-Гардан в начале марта 2016 г. Тунисские исламисты, которые находились на территории Ливии и численность которых достигала 3 тыс. человек, вынашивали и более широкие планы нападения на Тунис, которые могли угрожать его государственному строю.

Влияние конфликта на Европу. Самая непосредственная угроза исходит с территории Ливии и для европейского континента. Ливия является вторым после Турции источником нелегальной миграции в Европу. И хотя в 2015 г. масштабы миграции отсюда были на порядок меньше, чем из Турции, поток неконтролируемых переселенцев из Африки имеет явную тенденцию к нарастанию¹⁸. А поскольку этот поток со стороны Ливии находится под непосредственным контролем исламистов, прежде всего ИГ, направленная засылка террористов

¹⁷ В Алжире подняли уровень тревоги в войсках до военного положения // ПРОНЕДРА. 2016. 9 марта. URL: pronedra.ru/weapon/2016/03/08/alzhir-terroristy-uroveni-trevogi/ (дата обращения: 04.09.2020).

¹⁸ В статье И.О. Бабыниной и В.А. Кузнецова «ЕС и страны Магриба» в книге «Европейский Союз в поиске глобальной роли» (М.: Весь мир, 2015. С. 535—536) со ссылкой на официальные данные ЕС отмечалось, что в 2014 г. было зарегистрировано 170 тыс. мигрантов в государствах Евросоюза из стран Магриба, а за первые три месяца 2015 г. их число составило 100 тыс., причем 80% контрабанды людей из этих стран осуществлялось с территории Ливии. В 2017 г. количество мигрантов из Ливии в Европу достигло 78 800 человек (The International Migration Report 2017 (Highlights). UN. Department of Economic and Social Affairs. URL: <https://www.un.org/development/desa/publications/international-migration-report-2017.html> (дата обращения: 04.09.2020)).

в рядах мигрантов — более чем реальная перспектива, если в некоторых случаях не уже свершившийся факт. Из этого следует, что ливийская ситуация, которая и так находилась в центре внимания стран Евросоюза, очевидно, послужила основанием для соответствующих решений и действий со стороны ЕС в последующий период.

Реакция арабских государств и Турции. Ситуация в Ливии вызывала постоянную озабоченность соседних арабских стран. Однако их позиции не совсем идентичны. Формально все арабские страны Северной Африки выступали с единых позиций, заключающихся в необходимости прекращения внутреннего противоборства, мирного решения внутренних проблем путем диалога между противоборствующими сторонами, создания на этой основе правительства национального единства. Вместе с тем детализация их реальных позиций в отношении ливийской ситуации позволяла выявить различные, порой достаточно существенные расхождения.

Египет, подчеркивая, что прямое военное вмешательство из-за рубежа во внутриливийское противоборство контрпродуктивно и приведет лишь к усугублению конфликта, фактически оказывал поддержку тобрукскому правительству и армии Х. Хафтара. Однажды ему пришлось вмешаться в ливийские события и напрямую: после жестокой расправы террористов ИГ над египетскими коптами египетская авиация по решению президента А. ас-Сиси осуществила авиаудары по позициям исламистов.

Алжир также выступал против прямого вмешательства в ливийскую ситуацию, ограничиваясь лишь операциями на границе с Ливией с целью предотвращения проникновения исламистов на территорию своей страны. В 2015 г. Алжир выступил с инициативой совместных действий группы стран — соседей Ливии с целью помочь сторонам внутреннего конфликта в установлении диалога. Говоря об алжирской позиции, нельзя не упомянуть информацию о поставках оружия армии Х. Хафтара Алжиром, Египтом, ОАЭ и Саудовской Аравией в 2015 г.¹⁹

Находившийся в наиболее уязвимом положении Тунис объявил в начале февраля 2016 г. об окончании строительства 200-километровой стены на границе с Ливией для предотвращения проникновения с ее территории террористических групп. В то же время министерство

---

¹⁹ Станет ли Халифа Хафтар диктатором Ливии // Lenta.ru. 2015. 3 марта. URL: <https://lenta.ru/articles/2015/03/03/haftar/> (дата обращения: 30.08.2020).

обороны Туниса резко выступало против военной операции западных стран в Ливии, опасаясь в первую очередь того, что ее результатом станет дальнейший наплыв ливийских беженцев в Тунис.

Марокко, в отличие от Египта, в основном поддерживало контакты с властями в Триполи. Вместе с тем следует обратить внимание, что именно Марокко сыграло решающую посредническую роль в поддержке усилий ООН по проведению диалога между представителями Триполи и Тобрука в 2015 г., результатом чего стало достижение соглашения о создании Правительства национального согласия 17 декабря 2015 г.

Если говорить о позициях других значимых арабских и ближневосточных стран, то здесь заметна их очевидная поляризация. Саудовская Аравия и ОАЭ вместе с Египтом однозначно поддержали правительство в Тобруке, причем в августе 2015 г. базирующаяся в Египте авиационная группа из ОАЭ провела военную операцию, осуществив бомбардировку позиций исламистов в Ливии. Тогда же Х. Хафтар обвинил Катар, Турцию и Судан в поддержке ливийских исламистов. При этом очевидно, что ведущая роль в такой поддержке принадлежала в этот период именно Катару, поскольку Турция была целиком поглощена действиями на сирийском фронте и противоборством с курдами. В то же время Анкара уже тогда способствовала транзиту исламистов в Ливию и отчасти поставкам оружия, то же примерно в еще меньших пропорциях относилось и к Судану.

Политическая линия западных государств. Политика стран Запада в отношении Ливии после периода относительной пассивности, последовавшей за воцарением в стране политического хаоса, засильем исламистских и криминальных формирований и зверским убийством посла США в Бенгази, стала меняться в направлении активизации в 2014–2015 гг.

В 2015 г. по линии НАТО и ЕС стали вынашиваться планы непосредственного вооруженного участия этих структур, а также ряда ведущих стран Запада, прежде всего США, Великобритании, Франции и Италии, в ливийских событиях — от контактов с ливийскими силовиками до прямого вооруженного вторжения на ливийскую территорию. Уже в мае 2015 г. WikiLeaks²⁰ предала гласности ряд

---

²⁰ WikiLeaks — международная некоммерческая организация, которая публикует секретную информацию, взятую из анонимных источников или при утечке данной информации.

деталей секретного плана ЕС по вооруженным действиям (по согласованию с НАТО) как в акватории Средиземного моря, так и на суше против гражданских инфраструктур Ливии с целью прекращения притока иммигрантов в страны Евросоюза.

В конце февраля 2016 г. WikiLeaks обнародовала уже гораздо более детализированный план под кодовым названием «София». Он предусматривал три фазы осуществления операции на море и в прибрежных районах Ливии. Первые две — обучение ВМС и береговой охраны Ливии и операция на море. Обе фазы были фактически осуществлены в 2015 г., причем в ходе второй фазы было уничтожено 67 судов для перевозки мигрантов и арестованы 46 контрабандистов. Вторая фаза, реализацию которой осуществляла прежде всего Италия, сыграла всего лишь незначительную роль в общем ограничении потока мигрантов, но смогла перенаправить этот поток от Италии в сторону Греции. Третья фаза операции планировалась на 2016 г. на случай провала формирования ПНС и предусматривала прямое вторжение вооруженных сил европейских стран на ливийскую территорию. Она должна была стать дублирующей по отношению к аналогичной операции НАТО в случае срыва вторжения под эгидой военного альянса²¹.

Наряду с этими планами в Ливии уже с 2015 г. действовали вооруженные формирования ряда стран НАТО. Так, на территорию страны прибыли бойцы спецназа США «для контактов» с местными силовыми структурами, однако в декабре под давлением местных вооруженных формирований они вынуждены были покинуть ливийскую территорию. Вместе с тем, по информации катарского телевизионного канала «Аль Джазира», в феврале 2016 г. в Ливии располагались вооруженные подразделения США, Великобритании и Франции. Американские военнослужащие были расквартированы на базе ВВС Эль-Ватья на юго-западе Триполи, британские — на авиабазе Наср близ Тобрука, французские — на военной базе близ Тобрука, где они действовали в координации с подразделениями

---

²¹ Операция «София». Секретный доклад ЕС рассказал об уничтожении беженских лодок // МК. 2016. 17 февраля. URL: <https://www.mk.ru/politics/2016/02/17/operaciya-sofiya-sekretnyy-doklad-es-rasskazal-ob-unichtozhenii-bezhenskih-lodok.html> (дата обращения: 04.09.2020); WikiLeaks опубликовал секретный доклад ЕС по уничтожению беженцев в море // Известия. 2016. 17 февраля. URL: <https://iz.ru/news/604453> (дата обращения: 04.09.2020).

армии Х. Хафтара. 19 февраля 2016 г. авиация США нанесла авиаудар по лагерю подготовки боевиков ИГ в предместьях г. Собраты к западу от Триполи. В результате этого были уничтожены 30 боевиков, прибывших из Туниса. Однако жертвами бомбардировки стали и мирные жители, а также иностранцы — двое граждан Сербии.

В начале марта ТАСС со ссылкой на *The New York Times* сообщило, что Пентагоном подготовлен план военной операции в Ливии, предусматривающий нанесение ударов по командным центрам, складам вооружений и лагерям подготовки боевиков. Этот план был представлен Б. Обаме, однако не был утвержден американским президентом²².

Наличие вооруженных подразделений западных стран в Ливии свидетельствовало о том, что политические власти как в Тобруке, так и в Триполи не отказывались от координации действий, в том числе вооруженных, с представителями мировых центров силы. Вместе с тем они решительно выступали против вооруженного вторжения этих сил на территорию страны. Эта позиция разделялась и соседними арабскими странами, включая Египет, Алжир и Тунис.

Говоря о планах вторжения в Ливию, нельзя не упомянуть о ряде появившихся в этот период публикаций в западной печати, в которых говорилось о стремлении ряда европейских лидеров вовлечь Россию в участие в вооруженной операции в Ливии. Хотя никаких официальных подтверждений на этот счет не было, данные публикации являлись попытками зондажа по поводу возможного российского участия на высоком политическом уровне. В конце марта 2016 г. ЕС принял решение о введении санкций против председателя палаты депутатов в Тобруке, главы ПНС и председателя ВНК в Триполи за попытки воспрепятствования реализации соглашения о формировании правительства национального согласия. Хотя это соглашение (от 17 декабря 2015 г.) было принято под эгидой и одобрено решениями ООН, никаких санкций эти решения не предусматривали. Поэтому данное решение ЕС вызвало протест со стороны МИД России как односторонняя мера, принятая в обход Совета Безопасности ООН.

---

²² NYT: Пентагон представил Обаме план военной операции против ИГ в Ливии // ТАСС. 2016. 8 марта. URL: tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2723369 (дата обращения: 04.09.2020); *Труевцев К.М.* Распад Ливии как фактор напряженности в Африке и Средиземноморье // *Азия и Африка сегодня*. 2016. № 10. С. 12–20.

Глава 18

СТРУКТУРА И ДИНАМИКА БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ЗОНЫ КОНФЛИКТА

О современном состоянии Ближневосточного конфликта с полной определенностью можно сказать, пожалуй, только одно — ясно очерчены его границы: с запада — Египет, с востока — Иран, с юга — Аравийское море, с севера — южное побережье Черного моря. Вся остальная территория, т.е. практически полностью регион Ближнего Востока, прямо или косвенно охвачена бушующим огнем. В относительной безопасности пока остаются лишь четыре страны Персидского залива — Кувейт, Катар, ОАЭ и Оман. Иран является непосредственным участником конфликта, но его территория остается вне досягаемости военных действий, чего нельзя сказать о Египте — внутри конфликтной зоны находится Синай.

О достоверности прогнозирования развязки конфликта и тем более о характере постконфликтного регионального дизайна в этих условиях можно говорить лишь в относительных категориях, тем более что в своем развитии конфликтный политический процесс уже достаточно продемонстрировал свою нелинейность, связанную в том числе и с некоторыми поворотами, которые никто не предвидел. Тем не менее сегодня ряд основных линий дальнейшего течения конфликта относительно отчетливо выстроился, что позволяет сузить диапазон наиболее вероятных сценариев исхода.

Сирия как эпицентр регионального конфликта. «Арабская весна», охватившая подавляющее число арабских стран, привела к радикальным изменениям, выразившимся в свержении существующих режимов только в четырех из них — Тунисе, Египте, Ливии и Йемене. Учитывая тот факт, что все эти режимы если не по формальным, то по реальным параметрам структуры и методов управления

были более-менее идентичны, многие аналитики предрекали, что и сирийский режим вскоре ожидает подобная участь¹.

Действительно усталость от существующего режима в Сирии вылилась в массовые выступления, которые стали проходить в столице и других крупнейших городах страны с небольшим временным лагом по отношению к Тунису и Египту². Однако с самого начала было ощущение, что политический процесс здесь развивается иначе, чем в других странах.

Радикализация ситуации произошла в марте 2011 г. после ряда неверных шагов режима — непропорционального применения силы³, а также циничного поведения представителей властей, что спровоцировало восстание в г. Дарья близ границы с Иорданией в конце марта. Именно с этого момента фактически и началась гражданская война, охватившая значительную часть страны.

Но сразу после этого Б. Асад предпринял ряд шагов, позволивших ему расколоть оппозицию и консолидировать определенную часть населения вокруг правительства или по крайней мере нейтрализовать протестные настроения⁴. Однако радикальная часть оппозиции, действовавшая под лозунгом свержения режима и перехода власти к представителям суннитского большинства, не желала никакого примирения с существующей властью⁵. При этом

---

¹ Это нашло отражение в целом ряде аналитических материалов. «При слишком жестком подавлении выступлений режим Асада ждет судьба Каддафи... При мягком ответе на протест... режим ждет судьба Туниса», — отмечалось, например, в статье, описывавшей дилемму Б. Асада в начальный период событий. См.: *Хлюстов М.* «Арабская весна» в Сирии // Центр стратегических оценок и прогнозов. 2013. 5 октября. URL: csef.ru/ru/politika-i-geopolitika/477/arabskaya-vesna-v-sirii-4767 (дата обращения: 04.09.2020).

² Антиправительственные демонстрации начали проходить в Дамаске 26 января 2011 г., т.е. на следующий день после кульминационных событий на площади ат-Тахрир в Каире. См.: *Шишкина А.* Сирия: секреты стойкости режима // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабский мир после Арабской весны / под ред. Л.М. Исаева, А.Р. Шишкиной, А.В. Коротаева. М.: ЛЕНАНД, 2013. С. 336.

³ По сообщениям арабской печати, в период с февраля по март в результате действий армии и полиции погибло более 100 человек из числа протестующих демонстрантов. URL: <http://www.asharqalarabi.org.uk/m-w/b-mawakif-562.htm> (дата обращения: 04.09.2020).

⁴ *Шишкина А.* Указ. соч. С. 336.

⁵ В июне активизировались выступления радикальной оппозиции как внутри Сирии, так и за ее пределами, прежде всего в Турции. См.: Guide to the

лозунг власти суннитского большинства не только расколол общество по конфессиональному признаку, но и положил начало эскалации деятельности исламистского крыла оппозиции. Положение осложнялось и тем, что большая часть солдат и офицеров уже к середине года дезертировала из армии (по данным военных специалистов, примерно 200 тыс. из общего числа 325 тыс. человек)⁶. В конце июля оппозиционные офицеры объявили о создании Свободной сирийской армии (ССА). Однако это не значит, что все 200 тыс. дезертировавших военнослужащих вошли в состав ССА. Многие из них присоединились к различным крупным и мелким вооруженным формированиям, общее число которых, по мнению ряда арабских, российских и американских экспертов, начиная с 2012 г. достигло нескольких тысяч⁷.

В марте произошло также восстание курдов в г. Камышлы, которое распространилось на большинство курдских районов. Однако Б. Асаду удалось купировать развитие национального движения курдов в направлении вооруженной борьбы против сирийского режима. В начале апреля он принял в Дамаске представительную делегацию курдов из Камышлы, после чего появилось официальное сообщение о предоставлении сирийского гражданства многим из 150 тыс. курдов, которого они добивались в течение многих лет. Это стало знаковым событием в том отношении, что с этого времени курды (в подавляющем большинстве сунниты по вероисповеданию) выпали из потенциальной социальной базы движения под лозунгом власти суннитского большинства.

Политическое оформление радикальной оппозиции — и это еще одно существенное отличие политического процесса в Сирии

Syrian opposition // BBC. 2013. October 17. URL: [//www.bbc.com/news/world-middle-east-15798218](http://www.bbc.com/news/world-middle-east-15798218) (дата обращения: 04.09.2020).

⁶ *Ващенко В.* Армия Сирии наступает из последних сил // Газета.ru. 2015. 9 декабря. URL: <https://www.gazeta.ru/army/2015/12/09/7944227.shtml> (дата обращения: 04.09.2020); The Syrian Army Rises from Ashes // ISRAELDEFENCE. 2020. August 25. URL: www.israeldefense.co.il/en/node/41431 (дата обращения: 04.09.2020).

⁷ Так, Центр Картера оценивал количество вооруженных групп и военных советов в Сирии по состоянию на середину 2013 г. в 4390. См.: The Carter Center. Syria Countrywide Conflict Report. 2013. No. 1. August 20. P. 4. URL: https://www.cartercenter.org/resources/pdfs/peace/conflict_resolution/syria-conflict/NationwideReport-aug-20-2013.pdf?_ga=2.97946587.53686880.1598388402-1996006192.1598388402 (дата обращения: 04.09.2020).

от ряда других стран, охваченных «арабской весной», — заметно запаздывало по времени от того, что происходило на улице. Создание первой общенациональной оппозиционной организации — Сирийского национального совета (СНС) — произошло 2 октября в Стамбуле⁸. СНС не выдвигал на первый план религиозно-политических целей. В то же время он получил поддержку со стороны самой крупной на тот период оппозиционной религиозно-политической силы — «Братьев-мусульман».

С самого начала 2012 г. вооруженная оппозиция стала резко принимать исламистскую окраску. Исламистские вооруженные группировки, хотя стали формироваться еще в 2011 г., именно в первые месяцы 2012 г. вышли на передний план вооруженной борьбы. Среди них особенно выделялись «Ахрар аш-Шам» и «Лива аль-Ислам» (впоследствии — «Джейш аль-Ислам»)⁹. Первая была связана с движением «Братья-мусульмане», вторая ориентировалась на идеологию ваххабизма. С этого времени, если Запад по-прежнему продолжал поддержку США, считая ее ведущей вооруженной силой оппозиции, региональные игроки стали делать основные ставки на исламистов: Турция и Катар — на «Ахрар аш-Шам», Саудовская Аравия — на более близкую к ней «Лива аль-Ислам».

Вместе с тем именно в этот период стала проявляться первая большая неожиданность в характере внутрисирийского конфликта, которая вскоре поставила под вопрос всю стратегическую линию действий внешних по отношению к нему сил. Уже в ходе боев за Алеппо выяснилось, что лидирующей силой в боестолкновениях оказалась вовсе не США, а никому дотоле неизвестная «Джабхат ан-Нусра»¹⁰ (ДжН), которая оказалась не чем иным, как организацией Аль-Каиды в Сирии и Ливане¹¹. Силы этой организации стали

---

⁸ О создании СНС рядом активистов сирийской оппозиции было объявлено в Стамбуле еще в сентябре, однако его организационное оформление произошло 2 октября. См.: Syrian National Council // Encyclopaedia Britannica. URL: <https://www.britanica.com/topic/Syrian-National-Council> (дата обращения: 04.09.2020); Guide to the Syrian Opposition // BBC. 2013. October 17. URL: www.bbc.com/news/world-middle-east-15798218 (дата обращения: 04.09.2020).

⁹ The Carter Center... P. 7.

¹⁰ Террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

¹¹ «ДжН произошла из сирийского отделения организации Аль-Каиды в Ираке (АКИ). Она превратилась в самостоятельное отделение Аль-Каиды, при-

стремительно нарастать, к ней присоединились 12 других организаций исламистской направленности, в том числе такие уже упоминавшиеся «Ахрар аш-Шам» и «Лива али-Ислам», которые до этого действовали под эгидой ССА.

Таким образом, ДжН с этого момента превратилась в доминирующую силу вооруженной оппозиции, являясь в то же время и «зонтичной» организацией, в ряды которой влились практически все основные группировки исламистской оппозиции, а также большое число мелких групп боевиков. В то же время численность ССА стала таять на глазах, превращая ее во второстепенную силу.

Далее произошло следующее. 11 ноября в столице Катара Дохе создали Национальную коалицию сирийских революционных и оппозиционных сил (НКСРОС). В нее вошел целый ряд оппозиционных групп, в том числе СНС¹². Уже до конца 2012 г. оформилось не только фактическое, но до определенной степени и юридическое признание НКСРОС со стороны ряда арабских и западных стран, выразившееся в конечном счете и в том, что в ЛАГ она оказалась единственным представителем Сирии. Признание НКСРОС означало также и международное признание ССА, поскольку именно она фактически рассматривалась как единственная реальная сила, представляющая НКСРОС внутри Сирии¹³.

Но внутри страны она уже не была ведущей силой вооруженной оппозиции. А ДжН, которая такой ведущей силой уже стала, выразила свое отношение к НКСРОС совершенно определенно: она назвала НКСРОС «предательской организацией», подчиняющейся интересам США и других западных стран¹⁴.

знанное лидером АК Айманом аз-Завахири в первой половине 2013 г.». См.: *Cafarella J.* Jabhat Al-Nusra in Syria. Institute for the Study of War. URL: <http://www.understandingwar.org/report/jabhat-al-nusra-syria> (дата обращения: 04.09.2020). По сообщениям ВВС, «Джабхат ан-Нусра» впервые заявила о себе в январе 2012 г. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-53906360> (дата обращения: 04.09.2020).

¹² Guide to the Syrian Opposition...

¹³ Арабские страны признали объединенную оппозицию Сирии // BBC NEWS. Русская служба. 2012. 13 ноября. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2012/11/121112_arab_recognise_syria_opposition (дата обращения: 04.09.2020).

¹⁴ *Lister Ch.* Profiling Jabhat al-Nusra. The Brookings Project on US Relations with the Islamic World. Analysis Paper No. 24. July 2016. P. 13. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/07/iwr_20160728_profiling_nusra.pdf/ (дата обращения: 04.09.2020).

Отношение западных стран (как и международного содружества в целом) к ДжН тоже проявилось достаточно определенно. Она была признана террористической организацией: правительством США — в декабре 2012 г., ООН — в мае 2013 г., правительством Австралии — в июне 2013 г., правительством Великобритании — в июле 2013 г.

Отношение региональных сил к этому фронту было не столь однозначно. Представители нефтяных монархий официально не признали его террористической организацией, а в неофициальном порядке некоторые выражали несогласие с «наклеиванием на муджахедов ярлыка террористов», по крайней мере до тех пор, пока не выявились их самые одиозные выходки, вроде проявлений каннибализма. Турция официально присоединилась к признанию фронта террористической организацией, однако именно через ее территорию ему поставлялось оружие и, что не менее важно, просачивалось увеличивающееся число наемников из различных стран.

Картина событий внутри Сирии стала достаточно быстро изменяться. Во-первых, режиму удалось показать себя защитником всех конфессиональных меньшинств, прежде всего христиан и друзов, за счет чего его номинальная конфессиональная база возросла примерно вдвое — почти до 30%. Во-вторых, его действия были направлены на то, чтобы расколоть суннитское большинство. Помимо достаточно эффективных политических мер, о которых уже говорилось, существенную роль в этом отношении призван был сыграть и действительно сыграл курдский фактор.

Уже в конце 2012 — начале 2013 г. произошли значимые столкновения между курдами и исламистами, причем не только в пограничных курдских районах, но и в Алеппо. Ответные на выступления курдов зверства боевиков ДжН по отношению к мирному курдскому населению привели к тому, что курды стали перекрывать пути их снабжения с территории Турции¹⁵.

Это изменение соотношения сил сказалось и на значительной части арабского суннитского населения. Около 3 млн сирийцев, преимущественно суннитов, эмигрировали в сопредельные районы

---

¹⁵ Люлько Л. Автономия курдов — изящный ход Асада? // Pravda.ru. 2013. 13 ноября. URL: www.pravda.ru/world/asia/middleast/13-11-2013/1182052-asad-0/ (дата обращения: 04.09.2020).

Иордании, Турции и Ливана¹⁶. Но социальная база поддержки оппозиции сужалась не только за счет этого. У многих граждан, в том числе и принадлежащих к суннитской конфессии, несмотря на неприятие сирийского режима, действия исламистских боевиков вызывали растущее отторжение.

На этом фоне началось активное наступление сирийской армии на целом ряде фронтов, чему способствовало также изменение тактического рисунка действий вооруженных сил — переход от попыток фронтального наступления к концентрированным ударам по скоплению боевиков и использованию паравоенных мобильных формирований партизанского типа, чьи действия оказались особенно успешными в условиях городской войны в Дамаске и Алеппо. В юго-западных районах страны на помощь сирийскому режиму выдвинулись боевые отряды Хизбаллы, имеющие длительный боевой опыт гражданской войны в Ливане. Нанеся серьезный урон исламистским отрядам, они фактически изменили соотношение сил в пользу сирийского режима в этой части страны и почти полностью перекрыли пути снабжения суннитских боевиков с территории Ливана. Таким образом, общее стратегическое соотношение сил к лету 2013 г. изменилось в пользу правительства Б. Асада: хотя в чисто географическом отношении большая часть страны по-прежнему контролировалась боевиками ДжН, но это были преимущественно районы Сирийской пустыни, а в наиболее населенных районах центра, севера и запада страны военно-политическое превосходство сирийской власти стало очевидным.

Именно в этой обстановке произошло событие, грозившее новым существенным поворотом в развитии конфликта. 21 августа в ряде западных и арабских СМИ появилось сообщение о применении химического оружия в пригороде Дамаска¹⁷, и в этом был обвинен сирийский режим. Президент США Б. Обама 30 августа

¹⁶ В дальнейшем эмиграция из Сирии еще более увеличилась. Так, по данным Верховного комиссара ООН по делам беженцев, в 2015 г. зарегистрировали 4,2 млн прибывших в Европу сирийцев, однако французские исследователи настаивали на цифре 5,3 млн. См.: Поток мигрантов из Сирии вырастает // Иносми.ру. 2015. 15 декабря. URL: [//inosmi.ru/politic/20151215/234804000.html](http://inosmi.ru/politic/20151215/234804000.html) (дата обращения: 04.09.2020).

¹⁷ Проблема применения химического оружия в Сирии // ТАСС. 2013. 21 августа. URL: itat-tass/mezhdunarodnaya-panorama/664000 (дата обращения: 04.09.2020).

заявил о возможности нанесения военного удара по Сирии после 9 сентября. Началось сосредоточение американских военно-морских сил в Средиземном море. Готовность поддержать США в случае военной операции выразила также Франция.

Как известно, такой эскалации конфликта удалось избежать в первую очередь благодаря позиции России и личным переговорам В. Путина и Б. Обамы в сентябре 2013 г., в результате чего стало возможным разблокирование ситуации путем достижения договоренности с сирийским правительством о ликвидации сирийского химического оружия.

Несмотря на то что таким образом наиболее опасная линия развития конфликта по пути его прямой интернационализации была предотвращена, в 2013 г. стало очевидным, что конфликт из внутрисирийского стал перерастать в региональный. На стороне оппозиции в возрастающих масштабах стали сражаться наемники из арабских и других мусульманских стран, а также из числа мусульман в странах запада и СНГ, включая Россию. Их число уже в 2013 г. стало исчисляться тысячами.

Во второй половине 2013 г. на сирийском театре военных действий, помимо чисто сирийской по своему происхождению (имея в виду, что она создавалась на базе сирийского отделения Аль-Каиды) «Джабхат ан-Нусры», появились боевики действовавшего до этого в основном в Ираке ИГИЛ. Поскольку эта деятельность с точки зрения алавитов и шиитов носила ярко выраженный суннитский оттенок, в ответ на это в регионе стала формироваться противостоящая ей шиитская ось. Помимо вступления в вооруженную борьбу на стороне сирийского режима с первых месяцев 2013 г. боевых отрядов Хизбаллы, осенью появились сообщения о направлении в Сирию на помощь режиму Б. Асада из Ирана 4 тыс. бойцов КСИР¹⁸.

---

¹⁸ Так, по данным из английских источников, в 2011–2012 гг. роль Ирана ограничивалась оказанием финансовой и военно-технической поддержки сирийской национальной армии, однако начиная с конца 2012 — начала 2013 г. Иран направил в Сирию подразделения регулярной армии, также Корпуса стражей исламской революции. Во второй половине 2013 г. численность иранских военных формирований в САР еще более возросла. См.: Understanding Iran's Role in the Syrian Crisis / ed. by A. Bassiri, R. Pantucci. RUSI, Royal United Services Institute for Defense and Security Studies. L., 2016. P. 4–5.

На рубеже 2013–2014 г. складывавшаяся в регионе обстановка, казалось, свидетельствовала о генеральном развитии дальнейших событий по пути усиления противостояния именно по линии противоборства этих двух региональных политико-конфессиональных осей, причем с перевесом в пользу шиитов. Об этом, казалось, свидетельствовали и события, развивавшиеся в первые месяцы 2014 г. Продолжавшиеся столкновения между «Джабхат ан-Нусрой» и ИГИЛ, унесшие, по некоторым данным, около 2 тыс. жизней их участников, ослабляли общий потенциал суннитских радикалов, воевавших в Сирии, и позволяли вооруженным силам сирийского режима развивать успешные наступления на их позиции. Однако в начале лета ситуация стала стремительно меняться в совершенно неожиданном не только для местных и региональных сил, но и для глобальных центров, прямо или косвенно задействованных в этом ставшем уже региональным конфликте, направлении.

29 июня вместо прежнего названия ИГИЛ было провозглашено создание «Исламского государства» (уже без территориальной привязки) в форме халифата.

Победа ИГИЛ над «Джабхат ан-Нусрой» (разумеется, не окончательная и неполная) объясняется, на наш взгляд, двумя факторами, на которые поначалу практически никто не обратил внимания.

Первый заключался в том, что эта группировка изначально объявила себя государством, причем государством юнионистским, реально к тому же уже действуя на территориях обоих государств, заявленных в ее названии, — Сирии и Ирака. Это привлекало как исламистов, для которых идеал исламского государства, кажется, становился близок к реальному воплощению, так и юнионистов, для которых идеалы панарабизма оставались актуальными, пусть и в радикальном исламистском варианте. Второй фактор коренился в более качественном военном руководстве, планировании и осуществлении военных операций.

Но для того чтобы более точно воспроизвести деятельность ИГИЛ, необходимо рассмотреть ситуацию в Ираке.

Ирак. Описание обстановки в Ираке требует возвращения к ряду основных событий и фактов в стране начиная с 2003 г., дабы прояснить, каким образом складывались и сложились основные линии политического процесса сегодняшнего дня, которые трудно охарактеризовать иначе, чем линии дезинтеграции.

20 марта 2003 г. началось вторжение сил руководимой США коалиции в Ирак. К 1 мая операция по свержению режима С. Хусейна была завершена. Однако это не означало окончания войны, поскольку, несмотря на слом государственной военной машины Ирака и ликвидацию правительственных структур, сопротивление оккупации продолжалось гораздо более длительный период, поскольку вывод американских войск из Ирака состоялся 18 декабря 2011 г. Таким образом, война в Ираке длилась в общей сложности девять лет.

До начала оккупации Ирака подразделений Аль-Каиды в Ираке не было, отмечались лишь отдельные попытки их проникновения в страну, небезуспешно подавлявшиеся баасистским режимом. Но, появившись там с приходом американских войск, в начальной фазе операции против баасистского режима они активно боролись как против войск коалиции, так и против структур иракского режима.

Войскам коалиции приходилось вести борьбу на два фронта — против партизанского движения иракских суннитов, организованного главным образом остатками баасистских структур, и против бойцов Аль-Каиды. Эта борьба облегчалась тем, что между этими двумя структурами сопротивления не только не было координации, но и продолжалась открытая вражда. Однако отряды Аль-Каиды постоянно пополнялись за счет прибывавших из других стран арабов-суннитов, в первую очередь из соседних Сирии, Иордании и Саудовской Аравии. Иначе говоря, американский спецназ в Ираке действительно серьезным образом на некоторое время обрушил структуры исламских радикалов в целом ряде арабских стран и нанес тем самым определенный урон Аль-Каиде.

Этноконфессиональная вражда, пребывавшая ранее в латентном состоянии, вылилась наружу, с той, однако, разницей, что слабой стороной в этом противостоянии теперь стали не курды и не шииты, а иракские арабы-сунниты. Это противостояние уже привело к ряду результатов, которые со временем могут повлечь необратимые политические последствия и которые уже сегодня отражаются на политической и социально-политической структуре страны, в особенности в этноконфессиональном ее аспекте.

Сунниты-арабы политически уже превратились из первой в третью силу политического спектра, что видно и из состава парламента, и из перечня ведущих лиц страны. И дело идет к тому, что

они превратятся в третью социально-политическую силу в чисто физическом выражении, уступив второе место курдам: доля арабов-суннитов в населении Ирака неуклонно сокращается. Общим результатом этого этноконфессионального противостояния становилось заметное сужение и без того ограниченного ареала проживания арабов-суннитов как с северной, так и с южной стороны в направлении центра Ирака.

Сразу после свержения С. Хусейна в Ирак вернулись структуры, которые были либо вынуждены перевести свои руководящие органы за границу, либо созданы в эмиграции. Это прежде всего шиитские политические партии и ряд других политических организаций, запрещенных и преследовавшихся баасистским режимом.

Уже в 2003 г. некоторые деятели этих структур получили посты во временной, переходной администрации Ирака, созданием которой руководили в этот период оккупационные власти при личном участии посла США в Ираке Пола Бремера.

В 2004 г. Временный управляющий совет Ирака (ВУСИ) принял временную конституцию страны. Текст этого документа в основном был написан американскими конституционалистами и потому содержал положения, которые базировались на принципах, почерпнутых из западных политических систем, и практически не отражали арабские законотворческие традиции и реалии Ирака¹⁹. Помимо временной конституции, одним из важнейших юридических актов было принятие Закона о дебаасизации²⁰.

Следует отметить, что не только сама идея этого закона, но и многие положения его текста были почерпнуты из закона о денафикации Германии и поддержаны в Ираке всеми основными фракциями бывшей иракской оппозиции. В соответствии с этим законом была осуществлена широкомасштабная чистка государственного аппарата, местных администраций и силовых структур от бывших функционеров и попросту членов партии аль-Баас.

---

¹⁹ Мирский И.Г. Ирак не станет вторым Вьетнамом // Экономические стратегии. 2008. № 2. С. 16–23.

²⁰ Закон был принят в мае 2003 г. при временной администрации Пола Бремера. В соответствии с ним создана комиссия по дебаасизации, которую возглавил А. Чалаби, а его заместителем стал Нури аль-Малики, один из лидеров партии «Исламский призыв», который, будучи до этого в эмиграции в Сирии, тайно вернулся в Ирак еще в 2002 г.

В январе 2005 г. состоялись выборы в Переходную национальную ассамблею (парламент). Одной из главных ее задач была разработка постоянной конституции страны, которая затем была вынесена на всенародное голосование и принята на общенациональном референдуме 15 октября 2005 г. В отличие от временной конституции, про этот документ уже нельзя было сказать, что он не учитывает иракских реалий.

Одна из главных особенностей конституции — положение о федеративном устройстве Ирака. Структура федеративного устройства следующая: страна делится на регионы, провинции, не входящие в регионы, и местные администрации.

Введение принципа федерализма стало новым шагом в конституционном устройстве страны: на всех этапах предыдущего исторического развития Ирак являлся унитарным государством. В этот раз введение принципа федерализма в конституцию означало прежде всего признание факта суверенитета Курдистана, который реально уже существовал на этой территории в течение более 10 лет.

Вместе с тем в конституции никоим образом не был отражен фактор поликонфессиональности населения страны, что стало одним из факторов дальнейшего углубления противоречий между шиитами и суннитами среди арабского населения Ирака в условиях фактического доминирования шиитов в политической жизни.

Принятие конституции стало важнейшим шагом в завершении переходного периода, суть которого заключалась в транзите власти от оккупационной администрации к полностью иракским политическим структурам. Но окончательная легитимизация иракской власти произошла в декабре 2005 г. после выборов теперь уже не в переходный, а постоянный парламент, действующий на основании конституции.

Шииты как крупнейшая фракция имели прерогативу назвать премьера. Им стал малоизвестный на тот момент широкой публике Нури аль-Малики, который и был избран премьером. 21 декабря 2010 г. парламент утвердил новый состав кабинета, который вновь возглавил Н. аль-Малики. Президентом страны к этому времени снова был избран Дж. Талабани, а председателем парламента стал представитель суннитов Усама ан-Наджафи.

В 2011 г., пожалуй, главным событием стало завершение вывода войск коалиции, прежде всего США, из Ирака. Вывод был завершен

раньше намечавшегося срока и стал результатом как обещания, данного президентом США Б. Обамой американскому народу в ходе предвыборной кампании, так и позиции иракского правительства, которое также настаивало на скорейшем выводе иностранных войск и отказалось от компромисса, по которому США сохраняли бы в Ираке свои военные базы после вывода войск. Вывод войск происходил в далеко не простой политической обстановке, складывающейся в арабском мире в связи с волнениями «арабской весны», охватившей большинство арабских стран.

Однако стоит отметить, что, хотя эти события напрямую не затронули Ирака, в конце 2011–2012 гг. осложнилась обстановка и в этой стране. Целый ряд террористических актов был проведен в Багдаде, Мосуле, Киркуке и ряде провинций страны. Основную ответственность за теракты взяла на себя «Исламская армия Ирака», которая, несмотря на свое название, являлась ведущей организацией баасистского подполья и после ухода американских войск поставила перед собой задачу разжечь межконфессиональный конфликт в стране. Претендуя на общеиракскую роль, «Исламская армия Ирака» тем не менее состояла из суннитов, как иракцев, так и арабов из других стран, которые вербовались в ее ряды.

Ситуация в Сирии с 2011 г. стала оказывать самое прямое воздействие на Ирак. Помимо того что основная часть трехмиллионного отряда иракской эмиграции находилось в Сирии, гражданская война в этой стране приняла оттенок алавито-суннитского противостояния, поэтому в Ираке представители шиитов стали расценивать действия суннитской оппозиции как направленные против шиитского меньшинства. Это отразилось и на позициях доминирующих шиитов во власти, все больше склонявшихся к союзу с режимом Б. Асада.

Суннитским ответом в Ираке стало создание в 2013 г. организации «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ)²¹. Руководо-

---

²¹ Первые предпосылки к созданию ИГИЛ возникли еще в 2003 г., когда выходец из Иордании Абу Мусаб аз-Заркауи создал на территории Ирака филиал Аль-Каиды. Уже в 2006 г. на ее базе было создано «Исламское государство Ирака». А в 2013 г. после его слияния с боевыми структурами баасистского подполья возникло название «Исламское государство Ирака и Леванта» с явными претензиями не только на территории Ирака и Сирии, но также Ливана, Иордании и Палестины. См.: Исламское государство

дителем ее с 2010 г. является Абу Бакр аль-Багдади. В ее рядах впервые смогли объединиться структуры организации Аль-Каиды в Ираке с отрядами баасистского подполья, в которые к этому времени примкнули выпущенные из тюрем высшие офицеры баасистской национальной гвардии и армии свергнутого режима. Вскоре после своего создания в 2013 г. произошло взаимное размежевание между ИГИЛ и Аль-Каидой. ИГИЛ начало осуществлять свои операции на территории не только Ирака, но и Сирии.

Одной из первых операций ИГИЛ на территории Ирака стало его участие в восстании суннитов в провинции аль-Анбар в конце 2013 г. Но к началу лета 2014 г. боевые операции ИГИЛ в стране приняли полномасштабный характер. 10 июня 2014 г. боевики ИГИЛ захватили крупнейший город севера Ирака Мосул, 11 июня — Тикрит, а спустя несколько дней подошли вплотную к Багдаду. Опасность, угрожавшая иракской столице, стала приобретать вполне реальные очертания, однако военное руководство ИГИЛ неожиданно сменило главное направление своих действий, вновь переместив его на территорию Сирии. В августе 2014 г. отряды ИГИЛ захватили курдский город Синждар, расположенный в провинции Нейнава, в относительной географической близости от Мосула.

Под контролем ИГИЛ оказались территории Сирии и Ирака, на которых был установлен крайне жестокий репрессивный режим. Массовые казни, превращаемые в медиашоу, пытки и избиения за малейшие провинности против установлений самозванных властей стали повседневной действительностью этого квазигосударства. Массовым истреблениям на этой территории стали подвергаться курды, христиане, представители других этнических и конфессиональных групп. В то же время на территорию, подконтрольную ИГИЛ, стали стекаться тысячи радикальных исламистов, зомбированных ими людей и просто искателей приключений со всего мира. К концу 2014 г. ИГИЛ контролировало не менее 40% территории Ирака и значительную часть территории Сирии. К этому времени ему удалось овладеть значительными финансовыми и экономическими ресурсами в обеих странах. Захват национального

(ИГИЛ): как стать проблемой мирового масштаба // MilitaryArms. Военный обзор. 2019. 1 августа. URL: <http://militaryarms.ru/armii-mirs/islamskoe-gosudarstvo/> (дата обращения: 04.09.2020).

банка в Мосуле с его авуарами, которые оценивались от 500 млн до 2 млрд долл., нефтяных и газовых инфраструктур, плодородных земельных угодий, культурных ценностей — все это создавало солидную экономическую базу для существования этого исламистского квазигосударства, построенного на принципах халифата. Кроме того, ИГИЛ удалось создать внутри захваченных земель и базу постоянного налогообложения²².

Военные действия ИГ и жестокие поражения иракской регулярной армии, приведшие к ее почти полному разгрому, повлекли за собой изменения в руководстве страны. Они стали поводом для отставки Н. аль-Малики с поста премьер-министра, хотя причиной этой отставки было нараставшее недовольство его действиями как внутри страны — со стороны руководства Курдистана, а также курдов, суннитов и части шиитов в рядах парламента и в структурах исполнительной власти, так и со стороны Соединенных Штатов.

Турция. Отношение Турции к событиям в Сирии было существенно связано с региональной ролью, которую ее руководство определило для страны в связи с «арабской весной».

В Турции «арабская весна» была встречена с особым энтузиазмом. Страна ощутила себя в авангарде политического процесса на Ближнем Востоке²³, что не могло не сказаться на ее политике в отношении соседней Сирии, тем более что силы сирийской оппозиции имели определенную почву на ее территории, чем она и не преминула воспользоваться.

В апреле 2011 г. Р. Эрдоган, находившийся тогда на посту премьер-министра и имевший, по его выражению, «братские» отно-

²² Исламское государство (ИГИЛ): как стать проблемой мирового масштаба...

²³ В сентябре 2012 г. Р. Эрдоган, выступая на съезде Партии справедливости и развития (ПСР), заявил, что его партия стала примером для подражания для всех мусульман (см.: Эрдоган считает свою партию примером для всех мусульман // BBC NEWS. Русская служба. 2012. 30 сентября. URL: http://www/bbc.com/Russian/international/2012/09/120930_turkey_party_congress.shtml (дата обращения: 04.09.2020)). Не случайно на этом съезде в качестве гостей присутствовали президент Египта М. Мурси, представлявший партию победивших на египетских парламентских выборах «Братьев-мусульман», которая получила схожее с партией Р. Эрдогана название Партии свободы и справедливости, а также лидер ХАМАС Х. Машааль. Это был период, когда победа «Братьев-мусульман» в результате «арабской весны» в Египте и Тунисе вселяла надежды в турецких исламистов на продолжение побед «Братьев-мусульман» в других странах, а также на то, что турецкой ПСР удастся оседлать эту волну.

шения с Б. Асадом, предложил ему начать переход к многопартийной системе, настаивая на обязательном включении в нее «Братьев-мусульман». Сирийское руководство и лично президент Б. Асад, настроенные на политические реформы, в то же время были вовсе не готовы к усилению роли «Братьев-мусульман», с которыми режим разделяла глубокая многолетняя конфронтация. Это стало камнем преткновения в двусторонних отношениях, которые стали быстро перерастать во вражду.

Турция выдвинулась в авангард региональных держав, оказывающих поддержку сирийской оппозиции, вплоть до того, что в сентябре 2012 г. дело дошло до эпизодов прямого столкновения, грозивших перерасти в прямой турецко-сирийский военный конфликт.

Однако в 2013 г. обстановка в Турции существенно изменилась. С конца мая в Стамбуле начались серьезные волнения на площади Таксим, которые вскоре перекинулись на большинство крупнейших городов страны. Массовые волнения продолжались спорадически в течение двух месяцев и прекратились только в конце августа. Причем спустя три месяца они вспыхнули с новой силой, хотя и с несколько иной мотивацией, получив продолжение уже в следующем, 2014 г.

Они ознаменовались несколькими линиями общественно-политического раскола. Причем эти линии раскола не только имели отношение к развитию сирийского кризиса, но в какой-то мере и сами отражали, прямо или косвенно, отношение значительных секторов турецкого общества к сирийским событиям.

Первая линия раскола — между сторонниками правящей исламистской партии и «кемалистами» в самом широком смысле, т.е. сторонниками светского республиканского правления, в чьих рядах на деле оказались и анархисты, и коммунисты, выступившие вместе с экологами застрельщиками протеста.

Вторая линия раскола — между турками и курдами: последние активно использовали участие в протестах для продвижения своих целей.

Третья совершенно новая линия раскола выявилась в рядах самих исламистов между сторонниками Р. Эрдогана и стоявшего у истоков современного исламистского движения в Турции религиозно-политического мыслителя и общественного деятеля Фет-

хуллага Юлена, посчитавшего, что Р. Эрдоган свернул с дороги «правильного» просвещенного турецкого исламизма.

Наконец, четвертая, также совершенно новая в политическом контексте линия раскола — между суннитским большинством и турецкими алевитами, впервые выступившими в ходе этих событий как самостоятельная политическая сила.

В контексте сирийского конфликта здесь интересно вот что. Если курды по уже во многом объясненным причинам не только ослабляли линию Турции в сирийском кризисе, но и предвосхищали одну из линий его возможной регионализации в турецком направлении, то заявленные позиции гюленистами и алевитами нанесли по ней не менее серьезный удар. Первые заявили о том, что позиция Турции в отношении Сирии является в корне неверной и ее необходимо пересмотреть в сторону восстановления отношений с сирийским режимом. Вторые прямо выступили на стороне Б. Асада и выразили готовность любыми средствами поддержать сирийский режим. Позиции всех трех сил достаточно значимы как в социально-демографическом, так и в политическом смысле. Курды, по разным оценкам, составляют от 15 млн до 20 млн из 80-миллионного населения страны, алевиты — до четверти населения²⁴.

Что касается курдов, то в целом именно в этот период Р. Эрдогану удалось достичь определенного прорыва в решении курдского вопроса, который являлся одним из наиболее уязвимых мест общей политической стабильности в стране на протяжении десятилетий. Стоит напомнить, что курды вели борьбу за свои национальные права достаточно длительное время. В 1978 г. была образована Рабочая партия Курдистана (РПК), которая возглавила вооруженную борьбу в населенных курдами провинциях Турции. В 1980-е годы РПК удалось создать многотысячную партизанскую армию, а ее политические структуры контролировали значительную часть курдского общества в Турции. 17 июля 2011 г. союз курдских неправительственных организаций «Конгресс демократического общества» объявил о создании курдской автономии в составе Турции.

²⁴ Эрдоган считает свою партию примером для всех мусульман // BBC NEWS. Русская служба. 2012. 30 сентября. URL: http://www.bbc.com/Russian/international/2012/09/120930_turkey_party_congress.shtml (дата обращения: 04.09.2020).

В 2012–2013 гг. глава турецкой разведки Хакан Фидан по указанию Р. Эрдогана провел серию переговоров с лидером РПК А. Оджаланом, находящимся в заключении. Результатом их стал призыв А. Оджалана к РПК прекратить вооруженное противостояние. В мае начался вывод вооруженных сил РПК из Турции на территории Иракского и Сирийского Курдистана, который был завершен в начале 2014 г.

Таким образом, была не только снята острота турецко-курдского противостояния внутри страны, но и, казалось, устранен ее вооруженный компонент. Вместе с тем это имело отложенные последствия, которые выразились в следующем.

1. Было положено начало созданию инфраструктуры курдской автономии на территории Турции в виде муниципалитетов в населенных курдами турецких провинциях.

2. Выведенные на территорию Сирийского Курдистана отряды РПК стали ядром создаваемых там отрядов народной самообороны, а в Иракском Курдистане — самостоятельной военной силой, которой суждено было сыграть важную роль в последующих событиях. Граница же между соответственно Иракским, Сирийским Курдистаном и Турцией оставалась достаточно прозрачной, что не гарантировало от возвращения этих отрядов в случае нового обострения.

3. В результате этого политического процесса на арену вышла новая легальная политическая организация — Демократическая партия народов во главе с Салахеттином Демирташем, которая в результате последних выборов превратилась в третью парламентскую силу страны. Эта партия стала не только легальным представителем курдов, но и выразителем интересов всех других национальных меньшинств, а также алевитов как наиболее крупного конфессионального меньшинства.

Хотя Р. Эрдогану удалось успешно выйти из всех перипетий двух лет почти непрерывных волнений, эти позиции не могли не наложить отпечаток на роль Турции в сирийском конфликте и до поры до времени почти нейтрализовали ее роль в нем. Однако уже в 2014 г. Р. Эрдогану удалось практически справиться с волнениями или по крайней мере значительно притупить их острую фазу, что позволило турецкому руководству с прежней активностью вернуться к сирийским делам.

Впрочем, определенная роль Турции на сирийском направлении носила перманентный характер. Именно через Турцию шла основ-

ная финансовая и военная поддержка оппозиции, включая различные силы радикальных исламистов. Прежде всего речь шла о поддержке «Ахрар аш-Шам» и других группировок, связанных с «Братьями-мусульманами», которые были напрямую завязаны на Турцию. Но оказывалась поддержка и «Джабхат ан-Нусре», а в дальнейшем также и ИГИЛ. После того как в Египте были устранены от власти «Братья-мусульмане», роль Турции еще более усилилась и в транзите террористов на территорию Сирии как из арабских стран, так и со всех других концов света.

Саудовская Аравия. Королевство Саудовская Аравия (КСА) с самого начала рассматривалось в качестве одного из главных региональных участников сирийского конфликта. КСА выступало и продолжает выступать одним из основных критиков сирийского режима и сыграло одну из главных ролей в исключении Сирии из Лиги арабских государств (ЛАГ). Саудовская Аравия поддержала НКСРОС с начала его создания и способствовала его представительству в ЛАГ. Одна из самых непримиримых политических групп оппозиции на переговорах в Женеве — Высший комитет по переговорам (ВКП) — была сформирована в столице Саудовской Аравии, и недаром поэтому ее еще называют «группой Эр-Рияда». Было немало публикаций о спонсорстве различных групп оппозиции со стороны Саудовской Аравии, а также документальных свидетельств о поставках вооружений для оппозиции через Джидду. Среди боевиков, в том числе и их полевых командиров, было отмечено достаточно большое число лиц, имеющих саудовское гражданство.

Все это так. Но, с другой стороны, прямой вовлеченности Саудовской Аравии в сирийский конфликт отмечено не было. Ни частей и подразделений вооруженных сил, ни каких-либо отрядов спецназа (в отличие, например, от Турции). Эта, на наш взгляд, примечательная деталь заслуживает анализа.

Во-первых, вопреки порой встречающемуся расхожему мнению, будто все события «арабской весны» были спланированы Саудовской Аравией, это далеко не так. Разумеется, в этих событиях в КСА увидели определенный шанс для дальнейшего усиления роли политического ислама в регионе и в исламском мире в целом, а следовательно, и в дальнейшем укреплении своей роли и как центра исламского мира, и как региональной державы. Однако, как отмечал один из наиболее авторитетных российских исследователей

политики КСА, «саудовская позиция в отношении событий “арабской весны” выглядела селективной»²⁵. Стоит, однако, помнить, что эти события захватили и саму Саудовскую Аравию, особенно ее восточную провинцию в 2011 г., и поэтому отношение к ним со стороны руководства монархии изначально и не могло быть однозначным.

Во-вторых, для КСА с самого начала было характерно резко негативное отношение к движению «Братья-мусульмане», в котором оно усматривало вид салафизма, альтернативный ваххабизму, лежащему в основе официальной идеологии королевства.

В-третьих, определяя свое негативное отношение к сирийскому режиму, саудовские власти прежде всего делали акцент на его отношениях с Ираном, который они рассматривали как главную региональную опасность для своей страны. В то же время на первых порах КСА не спешило оказывать поддержку оппозиции, опасаясь, что ее победа приведет к хаосу²⁶. И лишь в августе 2011 г. Саудовская Аравия окончательно определилась с отрицанием режима как такового, отозвав своего посла из Сирии и поддержав «своих братьев» в лице оппозиции в этой стране. В декабре 2012 г. КСА признало НКСРОС и выделило в ее поддержку 100 млн долл. Начиная с этого периода КСА неизменно выступало за отстранение Б. Асада от власти и создание переходного правительства с участием сирийской оппозиции.

Примечательно, что, выступая уже в 2014 г. против «исламского государства» и призывая «уничтожить эту гадину террора», саудовские представители в качестве предварительного условия ставили необходимость устранения действующего режима и присутствия Ирана в Сирии²⁷. Но как ядро будущей боеспособной сирийской армии они рассматривали ССА, а не какие-либо иные боевые группы.

Это не значит, что у КСА среди таких боевых групп не было своих предпочтений. Начиная с 2012 г. главная ставка делалась им на «Лива аль-Ислам» во главе с Захраном Аллюшем, ориентиро-

---

²⁵ Косач Г.Г. Эволюция внешней политики Саудовской Аравии после «арабской весны» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 3. С. 52.

²⁶ Там же. С. 53.

²⁷ Там же. С. 54.

вавшимися на ваххабизм и поддерживавшим тесные связи с Саудовской Аравией. В 2013 г. после инцидента с химическим оружием в королевстве надеялись на прямое вмешательство в Сирии США и других членов коалиции по ливийскому сценарию и были разочарованы тем, что этого не произошло. Когда «Лива аль-Ислам» превратилась в 2013 г. в зонтичную организацию под названием «Джейш аль-Ислам», поддержка ее со стороны Саудовской Аравии усилилась.

Что касается отношений с «Джабхат ан-Нусрой» во главе с Абу Мухаммедом аль-Джулани, официальное отношение к ней руководства КСА было резко отрицательным — как к сирийскому отделению Аль-Каиды. Дело в том, что в КСА были памятливы события первого десятилетия миллениума, когда Аль-Каида одним из главных театров своих действий выбрала именно Саудовскую Аравию, осуществляя там регулярные теракты²⁸. Среди жертв Аль-Каиды были и члены большой королевской семьи. Этим объясняется резко отрицательное отношение клана Аль Сауд не только к ДжН, но и в последствии к ИГИЛ.

Однако не все так просто. Стабильность политического устройства КСА держится на идущем с XVIII в. консенсусе между кланом Аль Сауд и племенем ат-Тамими, из которого происходил основатель ваххабизма²⁹. Этот консенсус сохраняется до сих пор. Но именно из племени ат-Тамими по-прежнему рекрутируется значительное число ведущих богословов, в том числе и самого радикального направления. А эти богословы поддерживали и поддерживают связи с радикальными исламистскими организациями, включая Аль-Каиду и ИГИЛ.

Кроме того, после усиления шиитского вектора, связанного с Тегераном, в Ираке, а затем и в Сирии возник соблазн попытаться использовать радикальные суннитские исламистские группировки в качестве инструмента в борьбе с Тегераном и его союзниками. Этим также объясняются контакты с ДжН и ИГИЛ, которые осуществлялись в основном по линии спецслужб. Но вместе с тем при этих контактах КСА всегда стремилось соблюдать известную осто-

²⁸ Труевцев К.М. Экономический кризис и арабский мир: сценарии и реальность // Полития. 2009. № 3. С. 159.

²⁹ Васильев А.М. История Саудовской Аравии. М.: Классика плюс, 1999. С. 90–101.

рожность, памятуя об опасности, которая может исходить от этих организаций для самого королевства.

Катар. Катар традиционно рассматривается в качестве одного из главных акторов ближневосточного конфликта, наряду с Саудовской Аравией, Ираном и Турцией. Это можно было бы считать большим преувеличением в отношении географического и демографического карлика (территория Катара чуть больше территории Ливана, но, в отличие от него, почти целиком занята пустыней, а население — менее 2 млн человек), если бы не три следующие обстоятельства.

1. Избыточные финансовые ресурсы (начиная с миллениума Катар занимал первое место в мире по доходам на душу населения), что порождает соблазн использовать их для геополитических авантюр. Для Катара таким соблазном стала «арабская весна».

2. Одним из главных этнообразующих племен Катара является племя ат-Тамими, то самое, из которого происходил основатель ваххабизма и которое является частью политического консенсуса в КСА. К этому племени принадлежит и правящая семья Ат-Тани. Это обстоятельство, с одной стороны, определяет относительную самостоятельность Катара от Саудовской Аравии, а с другой — предоставляет возможности построения отношений с различными радикальными исламистскими организациями (в прошлом с Аль-Каидой и Талибаном, сейчас — с «Братьями-мусульманами», ДжН и ИГИЛ).

3. Катар начиная с миллениума превратился в настоящий медиахаб арабского и исламского мира, прежде всего благодаря медийной империи «Аль-Джазира», сыгравшей значительную роль в событиях «арабской весны».

Впрочем, за пределами этих обстоятельств роль Катара на поверку остается весьма ограниченной, если, конечно, не считать чисто финансовых и медийных ресурсов. Однако превращение их в политические, а тем более в геополитические возможно лишь при наличии сильных союзников, которыми в одних обстоятельствах оказывалась Саудовская Аравия, в других — Турция, в третьих — Соединенные Штаты.

Относительная самостоятельность Катара проявилась в построении контактов с ДжН и ИГИЛ. Но как раз эта роль, как и чрезмерная, по мнению КСА, поддержка Катаром «Братьев-мусульман» определили границы этого эмирата в проведении самостоятельной

внешней политики. Начиная с 2013 г. КСА стало обвинять Катар в поддержке террористов, что несет угрозу стабильности арабских государств Персидского залива, а в начале 2014 г. КСА, ОАЭ и Бахрейн отозвали своих послов из эмирата. Закончилось это примирением, однако через некоторое время отношения между Катаром и КСА вновь обострились.

Иран. Единственной региональной державой, территорию которой конфликт ни прямо, ни косвенно не затронул, является Иран. Более того, многие аналитики полагают, что Иран — единственная региональная держава, оказавшаяся в выигрыше от конфликта даже в тот период, когда возникла реальная угроза падения сирийского режима и распада Иракского государства.

Некоторые существенные реалии, связанные с сегодняшней ролью Ирана в ближневосточном конфликте, с точки зрения исторической ретроспективы могут показаться парадоксальными. Страна, первой обозначившая приход политического ислама во властные структуры, сегодня выступает в качестве одного из главных защитников светского режима в Сирии, противники которого выступают под флагом ислама. Страна, с которой многие связывали, может быть, в первую очередь понятие исламизма, поскольку здесь не просто лозунги, а религиозные институты прямо вписаны в политическую систему, причем на главных ролях, сегодня в качестве своих основных противников в регионе рассматривает большинство радикальных исламистских группировок — от «Братьев-мусульман» до Аль-Каиды и ИГИЛ. Ну и, наконец, страна, режим которой в СССР рассматривался в качестве одного из наиболее опасных идеологических и политических противников, сегодня оказывается в рядах наиболее важных политических союзников России в регионе.

Такое положение, разумеется, сложилось не сразу. Вряд ли кто-либо будет отрицать, что становление и развитие политической системы современного Ирана связано с радикальным исламом. Но с радикальным исламом, победившим в форме революции, в парадигме которой правящие королевские режимы, начиная с Саудовской Аравии, рассматривались как реакционные, а оппозиционные исламистские движения — как революционные. Поэтому отношения с СА изначально складывались как враждебные, чему способствовали претензии Ирана на начальном этапе возглавить не шиитский ислам, а современный ислам вообще. Отсюда —

контакты с У. бен Ладеном на начальном этапе становления Аль-Каиды³⁰, отсюда же и спонсорство египетских «Братьев-мусульман» в годы пребывания их в оппозиции, финансирование ХАМАС и, разумеется, наиболее близкой Ирану шиитской Хизбаллы в Ливане.

Но по мере государственного становления и развития на первый план все больше выходили и чисто государственные интересы, чему в немалой степени способствовали восьмилетняя ирано-иракская война, а затем и ситуация вокруг Ирака — начиная с захвата им Кувейта и заканчивая оккупацией Ирака в 2003 г. В рамках этих государственных интересов, разумеется, все больше вырисовывалось значение шиитской оси в Ираке, Ливане, Афганистане и Пакистане. Но не только. Иран, например, поддерживал иракских курдов и давал им приют в ходе их противоборства с режимом С. Хусейна.

В этой же логике выстраивался долгосрочный союз с Сирией: благодаря общей опоре на Хизбаллу в Ливане обозначилось стратегическое совпадение интересов Сирии и Ирана, которое переросло с тесное межгосударственное сотрудничество уже на рубеже веков. «Арабскую весну» в Иране поначалу восприняли как шанс не в меньшей степени, чем, например, в Турции или в ряде арабских государств Персидского залива, однако как шанс развития своей революционной интерпретации ислама, который, впрочем, совпал и с геостратегическими интересами Ирана. Поэтому Иран изначально поддержал Тахир в Египте, а с приходом к власти там «Братьев-мусульман» у них стали выстраиваться с Ираном тесные отношения (что не мешало Ирану продолжать и близкие государственные отношения с сирийским режимом, несмотря его враждебность с Египтом в этот период). «Фактически сразу после египетской “революции” января—февраля 2011 г. министр иностранных дел Ирана Али Акбар Салехи акцентировал внимание на том, что Иран и Египет являются “двумя главными столпами исламского мира”, добавляя при этом, что Тегеран готов возобновить дипломатические

---

³⁰ О контактах Аль-Каиды с Ираном в 1990-х годах см., например: *Joscelyn T. The Al-Qaeda-Iran Connection. Foundation for Defense of Democracies. 2018. August 8. URL: //www.fdd.org/analysis/2018/08/08/the-al-qaeda-iran-connection/* (дата обращения: 04.09.2020); «В конце 1991 г. или в 1992 г. переговоры между Аль-Каидой и иранскими боевиками привели к неформальному соглашению о сотрудничестве в предоставлении поддержки, пусть только путем подготовки и совершения акций, направленных прежде всего против Израиля и Соединенных Штатов».

отношения с Каиром “в любой момент”, а в случае получения приглашения — посетить с визитом египетскую столицу, он сам лично непременно этим воспользуется.

Еще более колоритно выразился в ходе встречи с египетской делегацией богословов, общественных и политических деятелей, посетившей Тегеран в 2011 г., президент Ирана М. Ахмадинежад, заявив в своем стиле, что западные державы опасаются восстановления египетско-иранских отношений, а также что сообща Египет и Иран смогут “бросить вызов сионистскому режиму”. М. Ахмадинежад также отметил, что его страна готова поделиться накопленным опытом с “египетскими братьями” во всех отраслях государственного строительства³¹.

Однако сирийский конфликт как развитие политического процесса в Ираке в 2011–2014 гг. заставил страну сделать выбор, который и характеризует ее политическую линию в регионе на сегодняшний момент. Начиная с 2011 г. Иран стал делать однозначную ставку на существующий режим, а рубеж 2013 г. расставил здесь окончательные точки. Слабость сирийской армии в противостоянии с оппозицией стала компенсироваться хотя бы отчасти вступлением в войну Хизбаллы, а офицеры КСИР сыграли немалую роль в переподготовке и даже становлении более отчетливого стратегического рисунка действий сирийской армии, учитывая их опыт в локальном ирано-иракском конфликте. Но тем самым Иран обозначил себя как однозначно враждебная сила по отношению ко всем радикальным суннитским организациям³², тем более что его прямое участие в сирийском конфликте повлекло вступление в борьбу на стороне сирийского режима шиитских отрядов из Ирака, Афганистана и Пакистана.

Не менее значимо для Ирана разворачивались и события в Ираке. Объединение Аль-Каиды с силами бывшего баасистского режима и ведущая военная роль в ИГИЛ бывших офицеров Национальной гвардии означали для Ирана переход в этой стране той красной черты, за которой прямое вмешательство в конфликт становится

³¹ *Билан В.* Иран, Египет и настороженность монархий Персидского залива // НЕО (Новое восточное обозрение). 2013. 14 февраля. URL: <https://ru.journal-neo.org/2013/02/14/rus-iran-egipet-i-nastorozhennost-arabskih-monarhij-persidskogo-zaliva/> (дата обращения: 04.09.2020).

³² В качестве своих стратегических целей в Сирии Иран рассматривает нанесение поражения ИГИЛ и ДжН. См.: Understanding Iran’s Role in the Syrian Crisis... P. 6–7.

Раздел IV. Волны турбулентности

непреложным. Американцы, которые формально продолжали контролировать иракский режим, просто не смогли этому ничего противопоставить, тем более после того, как подготовленная ими иракская армия потерпела позорный провал. Прямое вмешательство иранской армии и сил КСИР³³, а также роль подготовленных им шиитских отрядов народной самообороны стали теми факторами, которые предотвратили захват Багдада: силы ИГИЛ просто не решились идти на прямую конфронтацию с иранцами и неожиданно повернули свое фронтальное наступление на территорию Сирии.

***

Таким образом, в новом ближневосточном конфликте, эпицентром которого на этот раз выступали Сирия и Ирак, складывалась критическая ситуация. К 2015 г. конфликт охватывал прямо или косвенно все страны региона, приобретая многокомпонентный и плохо предсказуемый характер. Помимо государственных акторов возрастающая роль в конфликте стала принадлежать террористическим организациям — Аль-Каиде и ИГИЛ, причем последнее прямо угрожало государственности не только двух частично оккупированных им государств. ИГИЛ стоял у стен Дамаска, находился в непосредственной близости от средиземноморского побережья, а в его последующие планы в случае захвата сирийской столицы входило нападение на Иорданию, Ливан и Саудовскую Аравию. К этому добавлялись шиито-суннитское противостояние, приобретавшее общерегиональный характер, а также война в Йемене, в которой непосредственное участие приняли страны ССАГПЗ, прежде всего Саудовская Аравия и ОАЭ. Кульминационной точкой конфликта стал 2015 г., а наиболее критической — ситуация в Сирии.

При анализе всех региональных конфликтных зон было очевидно, что ближневосточная конфликтная зона являлась среди них наиболее опасным звеном, несущим в себе реальную угрозу глобальному миропорядку.

³³ Одна из ведущих ролей в координации вооруженных действий КСИР с армиями и другими вооруженными формированиями, выступающими на стороне правящих режимов в Сирии и Ираке, принадлежит одному из видных руководителей КСИР генералу Касему Сулеймани. См.: *Раванди-Федди Л.М.* От строителя до генерала: Кто такой Касем Сулеймани // Ин-т востоковедения РАН. 2017. 5 апреля. URL: <https://www.ivran.ru/articles?artid=7306> (дата обращения: 02.08.2020).

Глава 19

ИЗМЕНЕНИЕ ДИНАМИКИ, СТРУКТУРЫ И СОДЕРЖАНИЯ БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО КОНФЛИКТА С 2015 г.

В 2015 г. произошел целый ряд событий, внесших существенные изменения в ход и само содержание регионального конфликта на Ближнем Востоке. Перечислим основные из них:

- быстрое продвижение ИГИЛ по территории Сирии, захват им Пальмиры и основных нефтегазовых структур страны, выход отрядов «Исламского государства» в пригороды Дамаска, критическое положение сирийского режима;
- ввод Воздушно-космических сил (ВКС) России в Сирию по просьбе сирийского правительства. Резкое обострение российско-турецких отношений после того, как Турция сбила российский самолет;
- изменение военно-политической ситуации в Ираке в пользу правящего режима и союзных с ним сил. Освобождение значительной части страны от власти ИГИЛ;
- превращение курдов в один из важнейших факторов противостояния ИГИЛ. Поворот в создании курдской автономии на севере Сирии;
- политический поворот в Йемене в результате событий сентября—декабря 2014 г. Наступление хуситов совместно с сохранившими лояльность бывшему президенту ЙАР А.А. Салеху частями йеменской армии и захват ими значительной части территории страны;
- смена власти в Эр-Рияде. Вступление Саудовской Аравии и ряда союзных с ней стран в войну в Йемене.

Даже простое перечисление этих событий говорит о существенных изменениях в ходе конфликта и его содержании.

Сирия продолжала и продолжает до сих пор оставаться главным эпицентром конфликта. Поэтому от ситуации в этой стране существенно зависит обстановка в регионе в целом. Но если к концу 2014 г. правительственными силами, как уже отмечалось, удалось достичь относительной стабилизации на фронтах, в первой половине 2015 г. ситуация изменилась не в их пользу. Одной из главных причин этого стало молниеносное наступление ИГИЛ, в результате которого из-под контроля сирийского режима ушло более половины территории. Захватив Пальмиру и основные нефтегазовые районы, боевые отряды ИГИЛ подошли к предместьям сирийской столицы. Это наступление способствовало активизации и других исламистских сил. В этих условиях положение сирийского режима становилось критическим.

Учитывая эти обстоятельства, сирийский президент Б. Асад 30 сентября 2015 г. обратился к России с просьбой об оказании военной помощи. В тот же день Совет Федерации РФ дал президенту России В. Путину согласие на использование Вооруженных сил РФ на территории САР. При этом речь шла только о военно-воздушных силах (переименованных позже в ВКС).

Вступление ВКС России в военные действия в Сирии в поддержку сирийской армии способствовало перелому в ходе военных действий. Этот перелом стал особенно ощутимым, когда весной 2016 г. была освобождена от боевиков Пальмира, а в декабре — второй по значению город страны Алеппо. Помимо воздушных операций, в результате которых была существенно подорвана военная и экономическая структура ИГИЛ (по данным Минобороны России, поступления от продажи нефти и нефтепродуктов ИГИЛ за время операции сократились от 2 млрд до 200 млн долл.), а также боевые возможности других террористических групп. Уже в 2017 г. территория, контролируемая ИГИЛ, существенно сократилась, фактически «Исламское государство» было полностью отогнано от соприкосновения с границами Турции, а на юге — почти целиком изолировано от границ с Иорданией и оказалось полностью запертым в сирийско-иракском ареале, что не только препятствовало его дальнейшему расширению, но и сокращало до минимума возможности поступления материальных и, главное, человеческих ресурсов на его территорию.

Существенному сужению возможностей ИГИЛ также способствовали два фактора.

Во-первых, оказавшееся неожиданным для «Исламского государства» сопротивление сирийских курдов, которым удалось уже в январе 2015 г. полностью освободить от ИГИЛ административный центр Кобани, а затем, продолжив наступление против террористов, — практически всю территорию Сирийского Курдистана, где в течение 2015–2016 гг. были сформированы политическая инфраструктура и отряды народной самообороны Курдской автономии, ставшей, таким образом, реально существующим политическим фактором Сирии и всего Ближневосточного региона¹.

Во-вторых, изменение военно-политического положения в Ираке. В 2015 г. стал намечаться некоторый перелом в ходе боевых действий вооруженных сил Ирака против ИГИЛ. Министру обороны страны Халеду аль-Обейди удалось не только частично восстановить боеспособность по крайней мере части регулярных вооруженных сил, но и достичь определенного уровня координации их действий с отрядами шиитской милиции, отличавшимися наибольшей боеспособностью вне рамок регулярной армии. Одним из первых результатов этого стало освобождение от ИГИЛ г. Тикрита в конце марта 2015 г.

В марте 2016 г. армия Ирака объявила о начале операции по освобождению Мосула, однако серьезных успехов в этом ей достичь не удалось вплоть до конца года. Вместе с тем одним из главных достижений иракских вооруженных сил стала операция по освобождению аль-Фаллуджи, завершившаяся занятием города в конце июня. Это означало переход под контроль правительства значительной части провинции аль-Анбар.

В результате, по официальным данным Багдада, к концу июля ИГИЛ контролировало лишь 10% территории страны (в то время как в 2014–2015 гг. под его контролем находилось 40%). Но постоянная террористическая активность ИГИЛ в различных районах страны, включая Багдад, отнюдь не утратила своей интенсивности.

¹ Эсеров А. Сирийский Курдистан: военные успехи, политическое строительство и открытый вопрос статуса // Институт востоковедения РАН. 2017. 18 февраля. URL: <https://www.ivran.ru/articles?artid=6932> (дата обращения: 04.09.2020).

Террористические акты происходят почти ежедневно, унося десятки и сотни жизней.

Возвращаясь к сирийскому театру, следует отметить, что существенные успехи были достигнуты в 2016–2017 гг. в противостоянии не только с ИГИЛ, но и с другими оппозиционными, прежде всего террористическими, силами. После победы в Алеппо и здесь определился перелом. В 2018 г. оппозиционные силы оказались практически заперты в четырех основных анклавах: 1) самом большом в провинции Идлиб, где под контролем оппозиции находилась вся провинция с небольшими вкраплениями частей провинций Алеппо и Хама; 2) совсем крохотная территория в провинции Хомс к северу от провинциального центра; 3) небольшой анклав в оазисе Восточная Гута к северу от Дамаска и 4) более значительная по размерам территория в провинциях Дарья и Сувейда². Во всех этих анклавах происходило военное противостояние между различными силами оппозиции, прежде всего теми, которые противостояли «Джабхат ан-Нусре», а также в некоторых случаях — ИГИЛ, где его отряды присутствовали в основном точечно, географически изолированно от основной территории, контролируемой «Исламским государством».

Наиболее важным в этом контексте представляется прорыв, который произошел на переговорах в Астане в мае 2017 г. и был согласован с представителями примерно 30, т.е. практически всех крупных, оппозиционных боевых групп. По итогам был опубликован меморандум о создании зон деэскалации конфликта именно в перечисленных анклавах под контролем стран-гарантов — России, Турции и Ирана. На практике это означало, что все перечисленные анклавы, окруженные полностью или частично сирийскими правительственными войсками, стали в военном и политическом отношении зонами политического урегулирования. Однако борьба с террористическими организациями была продолжена.

События, произошедшие в Эр-Рияде в 2015 г., и события в Йемене находятся в тесной взаимосвязи. В конце января 2015 г. на трон заступил новый король Салман бен Абдель-Азиз Аль Сауд. Это, казалось бы, рутинное для жизни королевства событие на этот раз

---

² В Астане принят меморандум о зонах безопасности в Сирии // РИА Новости. 2017. 14 мая. URL: <https://ria.ru/Syria/20170504/1493671459.html> (дата обращения: 04.09.2020).

имело достаточно серьезные последствия, учитывая тот факт, что на место заместителя наследного принца назначен молодой и амбициозный сын короля Салмана, Мухаммед бен Салман, который одновременно возглавил и министерство обороны. Это назначение, в свою очередь, означало такую резкую смену поколений исполнителей реальной власти, которая сравнима с перестройкой в СССР. Действительно молодой принц объявил курс на далеко идущие экономические реформы, которые могут повлечь и ускорение политических изменений. Но в контексте ближневосточного конфликта главное не это. Главное заключалось в том, что уже в марте Саудовская Аравия объявила о начале военной операции в Йемене.

Подоплека вмешательства Саудовской Аравии в йеменские события заключается в следующем. В результате «арабской весны» в Йемене сменилась власть и политический процесс в стране на какое-то время оказался под контролем Саудовской Аравии, тщательно выращивавшей там политические силы ваххабитской направленности. Однако начиная с августа—сентября 2014 г. события в Йемене стали развиваться в ином направлении. В столицу вошли отряды движения «Ансаруллах», называемого еще хуситами по имени его руководителя. К январю 2015 г. это движение практически контролировало политическую власть, вступив в альянс с бывшим президентом страны А. Салехом и подконтрольными ему вооруженными силами, а затем на марше захватило большую часть страны. Началась полномасштабная гражданская война. Президент страны А. Хади, отстраненный от власти хуситами, бежал в Саудовскую Аравию. Поводом же для вмешательства послужили опасения Саудовской Аравии, что хуситы, представляющие зейдитскую ветвь шиитского направления в исламе, усилят шиитскую ось в регионе и влияние Ирана. Тегеран, в свою очередь, усилил эти опасения, начав оказывать поддержку хуситам³.

Вмешательство Саудовской Аравии в Йемене привело к масштабной гуманитарной катастрофе в стране, однако не только не способствовало победе, но и повлекло частичное перенесение войны на территорию королевства.

Применительно к основному ареалу ближневосточного конфликта, вовлеченность Саудовской Аравии в войну в Йемене при-

³ *Серебров С.* Йеменский кризис: «тикающая бомба» // *Международная жизнь.* 2017. № 2. С. 128–150.

вела к дальнейшему ослаблению ее позиций в Сирии, что значительно подорвало и ее позиции как региональной державы.

События 2015 г. обусловили ослабление региональных позиций Турции. Уничтожение военного самолета РФ турецкими истребителями над территорией Сирии поставило российско-турецкие отношения на грань конфликта. Нервозность руководства Турции в отношении вступления России в сирийский конфликт объяснялась тем, что помощь РФ сирийским войскам привела не только к крушению надежд Турции на свержение сирийского режима и замену его силами, подконтрольными Анкаре, но и, более того, к существенному ослаблению влияния вооруженных групп, прямо связанных с Турцией, а также перекрытию возможностей осуществления военного, экономического и другого сотрудничества с «Джабхан ан-Нусрой» и ИГИЛ, которое осуществлялось в 2013–2015 гг.

Период обострения отношений с Россией продолжался почти год. Он сопровождался охлаждением отношений и с союзниками по НАТО: с США — из-за разногласий по поводу поддержки американцами сирийских курдов и невмешательства в инцидент с российским самолетом, за которым прослеживалось молчаливое осуждение, с ЕС — из-за массированной эмиграции в Европу с территории Турции, в которой, помимо сирийцев, участвовали и лица из других стран, вплоть до Афганистана и Пакистана.

Кроме того, Турция оказалась перед лицом курдской автономии на севере Сирии, созданной по лекалам лидера РПК А. Оджалана, с дееспособными вооруженными силами, сформированными при содействии РПК. Причем территория автономии быстро расширялась, и перед Турцией маячила перспектива охвата ею почти всей пограничной территории с Сирией. В ответ турецкая армия и полиция начали операцию против курдов на юго-востоке своей страны, но и там столкнулись с ожесточенным сопротивлением. Тем временем в самой Турции назревал военный переворот. Попытка военного переворота произошла в июле 2016 г., но незадолго до нее Р. Эрдогану удалось погасить конфликт с Россией. Помощь же России и Ирана в предотвращении переворота произвела существенный поворот как в двух-, так и в трехсторонних отношениях. Это видоизменило конфигурацию взаимоотношений по поводу сирийского конфликта. Разумеется, их интересы по-прежнему не совпадали. Россия и Иран все так же продолжали поддерживать сирийский режим, а Турция —

опозицию. Но появилась возможность согласовывать эти интересы так, чтобы усилить вектор в сторону мирного урегулирования. Кроме того, Турция была вынуждена принять курс на конфронтацию с ИГИЛ и «Джабхат ан-Нусрой» (другое дело, насколько он был наполнен реальным содержанием).

Тем не менее это определило реальную картину ситуации на финальной стадии освобождения Алеппо. Турция, начав операцию «Щит Евфрата» и ликвидировав в ходе нее единственный участок соединения «Исламского государства» с турецкой границей, в то же время преследовала цель не дать соединиться курдским анклавам на севере провинции Алеппо. Это ей удалось путем оккупации части сирийской территории. Но в ходе этой операции Турция оттянула часть боевиков Сирийской свободной армии, «Ахрар аш-Шам» и других группировок из Алеппо, тем самым поспособствовав освобождению города.

В дальнейшем из конфигурации Россия — Иран — Турция возникли очертания гарантов урегулирования через астанинский процесс. Ценность его в том, что, в отличие от женевских переговоров, он объединяет за одним столом с представителями сирийского режима не заграничную оппозицию, часто не имеющую реальной почвы внутри страны, а тех, за кем стоят боевые отряды. Кроме того, астанинский процесс способствовал практическому отделению «умеренной» оппозиции от террористов, что нашло подтверждение в создании четырех зон деэскалации, из которых три — Ростанская между Хомсом и Хамой, Восточная Гута (в пригороде Дамаска) и Юго-Западная (в провинциях Дарья, Сувейда и Кунейтра) — были полностью освобождены и в 2018 г. перешли под контроль сирийского правительства.

Находящаяся частично под контролем ориентирующихся на Турцию исламистов («Ахрар аш-Шам» и проч., объединившихся в так называемый Патриотический фронт освобождения), частично — в руках образованной вокруг террористической ДжН «Хайат Тахрир аш-Шам» провинция Идлиб с прилегающими районами провинций Хама, Латакия и Алеппо оставалась в 2019 г. единственным полноценным террористическим анклавом в Сирии после ликвидации господства ИГИЛ в Заевфратье.

Несмотря на предусмотренные в Сочи договоренности о создании по всему периметру идлибской зоны коридора деэскалации

с установлением в нем контрольных постов России, Турции и Ирана и выводе из этого коридора тяжелых видов вооружений, эти условия соблюдены не были, террористы продолжали наносить удары и совершать рейды на территории, контролируемые правительством. Обстановка стала еще более нетерпимой в начале 2019 г., когда «Хайат Тахрир аш-Шам» выбила из этой зоны протурецкие силы и обрела полный контроль над территорией.

В этих условиях сирийская армия при поддержке ВКС России провела операцию, которая в августе 2019 г. завершилась освобождением почти всей северо-восточной части провинции Хама и значительной части территории провинции Идлиб. С середины декабря 2019 г. сирийская армия при поддержке ВКС России продолжила зачистку восточной части провинции Идлиб и юго-западной части провинции Алеппо, включая западные пригороды столицы провинции. В результате операции к марту 2020 г. сирийское государство восстановило контроль над западными и южными районами провинции Алеппо, отбросив боевиков на десятки километров от второго по значению сирийского города. Под контроль правительства перешло в общей сложности более 50% провинции Идлиб, включая стратегическую трассу Дамаск—Алеппо, а также часть другой стратегической дороги Латакия—Алеппо⁴.

Итоги этой операции были фактически закреплены и даже расширены в результате договоренности между В. Путиным и Р. Эрдоганом в Москве 5 марта 2020 г., в рамках которой вокруг трассы М-4 Латакия—Алеппо создавалась зона деэскалации, а контролируемые террористами территории к югу от нее оказались отсечены от этой зоны. И хотя это привело к расширению присутствия здесь турецких наблюдательных постов, участь вновь образовавшегося террористического анклава стратегически была предreshена⁵.

---

⁴ СМИ сообщили об освобождении пригородов Алеппо. URL: <https://rns.online/society/SMI-soobschili-ob-osvobozhdenii-ot-boevikov-prigorodov-aleppo-2020-02-16/> (дата обращения: 04.09.2020); Сирийские войска отбили контратаки террористов на юге Идлиба. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7460457>; Армия Сирии отбила у боевиков город Саракиб. URL: <https://ria.ru/20200205/1564299998.html> (дата обращения: 04.09.2020).

⁵ Крутиков Е. «Московский протокол» обозначил крупнейшее поражение Эрдогана в Сирии // Взгляд. 2020. 6 марта. URL: <https://vz.ru/politics/2020/3/6/1027514.html> (дата обращения: 04.09.2020).

Следует добавить, что в октябре 2019 г. на северо-востоке Сирии Турция провела операцию «Источник мира», захватив часть пограничных территорий провинций Ракка и Хасака. Турецкие власти мотивировали этот шаг необходимостью борьбы против «курдских террористов». Операция была остановлена в результате меморандума, подписанного В. Путиным и Р. Эрдоганом 22 октября 2019 г.⁶

Результаты этой операции Турции следует расценивать двояко. С одной стороны, она привела к оккупации еще одной части территории Сирии, а с другой — российско-турецкий меморандум предотвратил осуществление более масштабных планов Турции против сирийских курдов, позволил продвинуться сирийской армии на северо-восток страны, достигнуть более широкого взаимопонимания и даже координации действий между САА и СДС, что может стать шагом в достижении соглашения между Дамаском и курдами.

Хотя часть территории Сирии (в провинциях Ракка, Хасака и Дейр эз-Зор) находится под совместным контролем Сирийских демократических сил (СДС) во главе с курдской Партией демократического союза (ПДС) и международной коалиции, возглавляемой США, а северная часть провинции Алеппо (район Африна и операции «Щит Евфрата») и часть провинций Ракка и Хасака — под совместным контролем Сирийской свободной армии и вооруженных сил Турции, антитеррористическая борьба в стране в основном завершена.

Вопрос же полного воссоединения территории страны становится темой переговоров, а не вооруженной конфронтации, и в этом смысле в целом можно говорить об окончании стадии вооруженного конфликта в Сирии.

Нельзя не сказать и о последнем этапе другого очага вооруженного конфликта в регионе — йеменского. В 2018–2019 гг. в его ходе произошел очевидный поворот. Саудовская Аравия оказалась на грани военного поражения в Йемене. Во всяком случае основные силы, на которые она опиралась, — правительство А.Р.М. Хади, возглавляемая генералом Мохсеном аль-Ахмаром часть армии и исламистская партия Ислах — все без исключения терпят фиаско. Дальнейшее наступление хуситов и союзных с ними частей йемен-

⁶ Турция отказалась от возобновления наступления на северо-востоке Сирии // Ведомости. 2019. 23 октября. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2019/10/23/814494-turtsiya-otkazalas-ot> (дата обращения: 04.09.2020).

ской армии в 2020 г. подтвердило эту тенденцию. В результате наступлений ими полностью были захвачены провинция Джауф⁷ и большая часть провинций аль-Бейда и Маариб⁸, уничтожен ряд командиров партии «Ислах» и видных деятелей Аль-Каиды и ИГ.

На севере страны пришедшее к власти движение «Ансар Аллах» (хуситы) практически полностью контролирует столицу и большинство провинций Северного Йемена, а противостоящие ему силы, поддерживаемые Саудовской Аравией, терпят одно поражение за другим, за исключением Армии Юга. Но на юге страны происходят события, развивающиеся отнюдь не в пользу Саудовской Аравии. Фактически в главном городе Юга — Адене — к власти пришел Переходный совет (ПС), провозгласивший курс на отделение Южного Йемена. Этот курс, судя по всему, поддерживается большинством населения Юга. Финансовую, а отчасти и военную поддержку ему оказывают ОАЭ. ПС осуществляет полный контроль над Аденом и показал это, захватив резиденции президента и правительства. Сам же президент постоянно находится в Эр-Рияде и уже длительное время вообще не появляется на территории страны. Показательно не только то, что расхождения Саудовской Аравии и ОАЭ в Йемене стали явными, но и то, что Эр-Рияд пошел на переговоры с ПС, де-факто признав его дееспособность. Результатом этих переговоров стало включение членов ПС в правительство Йемена⁹.

Все это пока еще не означает завершения йеменского конфликта, но по крайней мере делает его дальнейшее развитие настолько ясным, что обозначает и явные линии выхода из него. Несмотря на то что в 2019 г. намечилось обострение конфликтной ситуации вокруг Ирана, во многом инициированное Соединенными Штатами, довольно быстро выяснилось, что ее дальнейшая эскалация вряд ли имеет серьезные перспективы.

Все это говорит о том, что динамика ближневосточного конфликта в целом близка к исчерпанию.

---

⁷ Наступление хуситов в провинции Аль-Джавф. 2020. 29 марта. URL: <https://colonelcassad.livejournal.com/5749067.html> (дата обращения: 04.09.2020).

⁸ Наступление хуситов. 2020. 11 июля. URL: <https://colonelcassad.livejournal.com/6012366.html> (дата обращения: 04.09.2020).

⁹ Правительство и сепаратисты Йемена согласились создать новое правительство // Известия. 2020. 29 июля. URL: <https://iz.ru/1041323/2020-07-29/pravitelstvo-i-separatisty-jemena-soglasilis-sozdat-novoe-pravitelstvo> (дата обращения: 04.09.2020).

Глава 20

ЗНАЧЕНИЕ ПОВОРОТА 2015 г. В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ ДИНАМИКИ КОНФЛИКТНЫХ ЗОН

Поворот в динамике, содержании, структуре и дальнейших линиях развития региональных конфликтов в 2015 г. вовсе не ограничился ближневосточным конфликтом.

Как видно из предыдущего анализа, в 2012–2015 гг. шло нарастание всех пяти региональных конфликтов, причем по мере развития этого процесса усиливалась и синхронизация их эскалации, достигнув кульминационной точки именно в 2015 г. Ситуация, как это частично было замечено в этой работе ранее, в результате данной динамики стала приобретать настолько опасный характер, что ряд аналитиков заговорил о реальной угрозе и даже неизбежности ее перерастания в глобальный конфликт, иначе говоря, в третью мировую войну. На наш взгляд, подобные выводы грешили чрезмерностью, поскольку окончательных линий глобальной конфронтации не сложилось, как не сложилось и прочных глобальных военных союзов как необходимого условия для начала полномасштабного глобального конфликта.

Тем не менее кульминационное нарастание всей цепочки региональных конфликтов подобную возможность приближало, в результате чего кульминационный скачок теоретически мог произойти в силу, например, рокового стечения случайных обстоятельств. Эта обстановка ощущалась не только аналитиками, но и политическими деятелями ведущих мировых держав и союзов (например, ЕС), поэтому отдельные усилия по деэскалации региональных конфликтов были предприняты именно в 2015 г.

Так, совместными усилиями России и двух ведущих держав ЕС — Германии и Франции — была купирована дальнейшая эскалация украинского конфликта путем запуска нормандского, а затем

минского процессов. Тем самым была прежде всего предотвращена сама возможность соединения украинского конфликта с другими линиями конфликтности и кризисных явлений в Европе, что и не дало развиваться конфликту до полноценного регионального. Предпринимались многочисленные усилия по купированию ливийского (и североафриканского в целом) конфликта, о чем частично уже упоминалось в данной работе. Существенного перелома эти усилия в 2015 г. не принесли, однако на более длительном отрезке времени все же способствовали изменению динамики и структуры конфликта; правда, на это, возможно, даже в большей степени в дальнейшем повлияли и другие факторы.

Но на всем этом фоне еще контрастнее выделялась центральная, в определенном смысле ключевая роль ближневосточного конфликта по отношению практически ко всем другим региональным конфликтам, как по отдельности, так и в целом. Отчасти эта роль была уже показана, однако необходимость в ее акцентировании все же остается.

Ближневосточный конфликт влиял на североафриканский уже потому, что в общеисламском дискурсе он всегда был и остается центральным. Это дополнялось тем фактом, что главным источником терроризма в его джихадистской форме был ближневосточный ареал как в идейной (именно оттуда исходили основные идейно-политические импульсы Аль-Каиды и ИГИЛ), так и в материальной (командование и многие ведущие активисты рекрутов джихадистов, в первую очередь ИГИЛ, также мобилизовались и направлялись в Ливию прежде всего из ближневосточного региона) форме. Динамика ситуации в самой Ливии, где пик террористической активности, который выражается, в частности, в тенденции к доминированию ИГИЛ и Аль-Каиды в ряде прибрежных и других районах, захватил не только 2015 г., но и по крайней мере первую половину 2016 г., после этого стала переживать резкий спад. Происходило это в значительной мере благодаря усилиям Ливийской национальной армии (ЛНА) во главе с Х. Хафтаром, которой не в последнюю очередь в результате использования междоусобицы между террористами удалось нанести им серьезные поражения уже во второй половине 2016 г. Одним из поворотных пунктов стало освобождение ЛНА от джихадистов г. Дерна и нефтяного порта Рас-Лануф, что во многом предопределило ее последующие успехи в 2017–2019 гг.,

в результате которых к лету 2019 г. под контролем ЛНА оказалась большая часть территории страны, включая не только восточные и многие южные районы, но и часть западного побережья Триполитании, вплоть до ближайших пригородов столицы. Это значительно снизило роль Ливии и как эпицентра регионального конфликта, прежде всего его террористической составляющей. Не случайно поэтому не только ряд арабских стран (Египет, ОАЭ, Саудовская Аравия) и Россия, которые и прежде поддерживали ЛНА, но и часть европейских государств, прежде всего Франция, которые ранее выступали лоббистами Правительства национального согласия (ПНС), стали склоняться к поддержке парламента в Тобруке и его военной составляющей в виде ЛНА, рассматривая ее в качестве наиболее успешной силы в борьбе с терроризмом, в то время как успехи ПНС в этом отношении выглядели по меньшей мере сомнительными.

На Европейский регион Ближний Восток оказывал воздействие прежде всего всплеском массовой миграции, что, как хорошо известно, произошло именно в 2015 г., а также ростом террористической опасности: террористы оказывались как среди новых мигрантов, так и в числе представителей мигрантских поколений, уже выросших в Европе, не исключая и неофитов из числа автохтонного европейского населения. При этом еще шел и своеобразный взаимообмен: часть рекрутов Аль-Каиды и ИГИЛ мобилизовалась из европейских стран, участвовала в боевых и прочих действиях в джихадистских рядах в Сирии и Ираке, а затем возвращалась обратно, уже приобретя там террористический опыт¹.

Следует заметить, что все эти явления и процессы не только касались Европы, но и распространялись на Россию и другие государства постсоветского пространства, а также на Индию, Китай, Пакистан и многие другие страны.

Из сказанного уже очевидно, что непосредственное воздействие ближневосточный конфликт оказывал на Центральноазиатский регион, однако оно не ограничивалось упомянутыми факторами. Особая взаимосвязь, которая установилась между двумя регионами в ходе афганской войны и закрепились в период пребывания У. бен

---

¹ Что делать с джихадистами — гражданами стран ЕС? // DW. 2019. 10 ноября. URL: <https://www.dw.com/ru/что-делать-с-джихадистами-гражданами-стран-ес/a-51157027> (дата обращения: 04.09.2020).

Ладена и оперативного центра Аль-Каиды в зоне трансграничных пуштунских племен, продолжала сохраняться. В этом контексте неудивительно, что активизация Талибана в Афганистане и в целом террористическая активность в регионе произошла с 2012 г. не без прямого воздействия событий на Ближнем Востоке, а после 2014 г. здесь стали появляться и отряды ИГИЛ.

Понятно, что общий рост синхронизации динамики региональных конфликтов одновременно усиливал и центральную роль в этой цепи ближневосточного конфликта.

В нашем распоряжении нет никаких свидетельств о том, что, принимая решение о непосредственном участии в сирийском конфликте, российское руководство опиралось на все перечисленные обстоятельства: они в тот момент могли быть не окончательно ясны как аналитикам, так и лицам, принимавшим политические решения. Но то, каким образом вмешательство России изменило всю глобальную конфликтную парадигму, а в известной мере — и ход и характер развития всего процесса глобализации, свидетельствует о глубине стратегического воздействия этого шага.

О самом ближневосточном конфликте в этом аспекте сказано в основном достаточно. Но следует обратить внимание на линии его воздействия на другие региональные конфликты: что стало происходить по этим направлениям.

После 2015 г. резко снизилось иммиграционное давление на Европу: поток нелегальной миграции с Ближнего Востока стал иссякать и утратил первенство в потоках мигрантского транзита, уступив это место Северной Африке. Этот и другие факторы не привели к полной потере конфликтного потенциала в Европе, но обусловили разбалансировку межконфликтных связей и перевод их эпицентра в другие, менее драматичные с точки зрения непосредственной угрозы человеческим жизням направления (Брекзит, Каталония, межпартийная конкуренция и проч.).

Не сразу, но уже после 2016 г. ливийский конфликт приобрел менее хаотичные, более линейные и предсказуемые очертания, которые можно характеризовать понятием «стабилизация нестабильности». Это далеко не значит, что приблизилась реальная перспектива урегулирования конфликта. В стране по-прежнему два центра власти — в Триполи и Тобруке, два парламента и правительства и даже два центробанка. ЛНА во главе с маршалом

Х. Хафтаром удалось значительно укрепить свое положение не только на востоке, но и на юге страны, в основных районах, связанных с нефтяной инфраструктурой, в том числе и на западе. Но его операция по взятию Триполи оказалась провальной. Столица страны по-прежнему разделена на зоны влияния вооруженными группировками, которые и остаются основной реальной опорой международно признанного правительства Ф. Сараджа. Кроме того, сохраняются независимые центры силы в виде частично исламистской Мисураты (200 км на восток от Триполи на линии средиземноморского побережья) и в основном светского Зинтана (120 км к юго-западу от Триполи). Наличие внушительной самостоятельной силы у этих центров, включая самолеты, бронетехнику и проч., было одним из решающих факторов, предотвративших захват Триполи силами ЛНА, поскольку оба центра предпочитают поддерживать слабое правительство Ф. Сараджа, сохраняя возможность оказывать на него давление для обеспечения своих интересов.

Все это так, но одними из главных итогов развития ситуации после 2016 г. стали резкое ослабление роли джихадистских сил, прежде всего Аль-Каиды и ИГИЛ, их практический уход из стратегически важных центров побережья и превращение в своего рода «блуждающие центры силы».

К июню 2019 г. ЛНА удалось не только добиться контроля над рядом южных территорий, но и выйти на западные рубежи Ливии и в конечном счете начать боевые действия на ближайших подступах к столице и в черте самого Триполи. Ряд экспертов, основываясь на ожиданиях главнокомандующего ЛНА Х. Хафтара и заявлениях его официального представителя Ахмеда аль-Мисмари, уже предрекал скорый захват Триполи и падение власти ПНС. Этого, однако, не случилось.

В конце июня произошло неожиданное нападение на расположенный к югу от Триполи г. Гарьян, который Х. Хафтар превратил в опорный пункт наступления на Триполи². Хотя представители ПНС приписывали этот рейд себе³, ряд источников утверждал, что

² *Wintour P.* Libyan Government Forces Capture Key Town from Warlord // *The Guardian*. 2019. June 27. URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/jun/27/libya-un-recognised-government-captures-gherian> (дата обращения: 04.09.2020).

³ *Ibid.*

за этим нападением стояли зинтанские бригады, а конкретно — бригада под командованием Усамы аль-Джувейли. Но в любом случае факт остается фактом — в результате этого рейда генеральное наступление ЛНА на Триполи на определенный период было сорвано.

Почему этот эпизод был важен и почему важно упоминание зинтанских бригад? Это событие продемонстрировало ахиллесову пяту стратегии Х. Хафтара — недооценку им и его союзниками роли центров силы второго ряда — и позволило в дальнейшем зацепиться за эти слабые точки не только ПНС, но и Турции, которая начала все более втягиваться непосредственно во внутривосточные события.

Дело в том, что в ливийском военно-политическом театре с 2011 г. и по сей день значительную роль продолжают играть силы, о которых упоминалось ранее, — племена и племенные союзы и городские ополчения, отношения с которыми любая из ведущих сил — ЛНА и ПНС — вынуждена строить на договорной основе, с учетом финансового фактора, но не только. Каждая из сил второго ряда не заинтересована в окончательной победе центральной власти ни в лице ЛНА, ни в лице ПНС: племена — поскольку это угрожает восстановившейся после власти М. Каддафи племенной вольнице; городские ополчения — по сходной причине, так как это подрывает их контроль над городскими центрами и кварталами крупных городов. В Триполитании, помимо самого Триполи, таких центров два — Мисурата и Зинтан. Первый более тесно связан с ПНС не в последнюю очередь по причине доминирования «Братьев-мусульман» и «Ансар аш-Шариа», оказывающих постоянное давление и на правительство в Триполи. Зинтанцы, позиционирующие себя как антиисламистские силы, не раз вступали в столкновение с теми, кто поддерживает ПНС. Именно поэтому удар со стороны Зинтана в июне 2019 г. оказал на ЛНА ошеломляющий эффект⁴. Лишь в конце июля ЛНА смогла продолжить наступление на Триполи, грозившее принять переломный характер к декабрю, когда ее силы вновь контролировали большинство районов к западу и югу от Триполи, вели бои в черте города, а в начале января 2020 г. овладели Сиртом и начали наступление в направлении Мисураты.

---

⁴ Зинтанские бригады // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Зинтанские_бригады (дата обращения: 04.09.2020).

В центральноазиатском регионе, прежде всего в Афганистане, несмотря на продолжающийся высокий уровень общей террористической угрозы, включая постоянно происходящие террористические акты, противоборство между Талибаном и ИГИЛ все же приводит к постепенной возможности локализации конфликта (включая начавшиеся переговоры с талибами).

В обоих случаях влияние на изменение хода ближневосточного конфликта не в последнюю очередь заключается в следующем. Усилился вес двух региональных держав — Египта и Ирана. Несмотря на их разную, а часто противоположную региональную роль, обе страны с самого начала были препятствием для генерализации конфликтов и соединения конфликтных линий Ближнего Востока как с североафриканской, так и с центральноазиатской зонами. Начиная с 2013 г. стала происходить, а с 2015 г. значительно усилилась активизация действий в этом направлении, причем в обоих случаях при прямом участии России. Это видно на примере участия Египта в борьбе с терроризмом в Ливии и поддержке антитеррористических операций Х. Хафтара, причем следует отметить, что в данном случае играло роль также и сотрудничество в этом деле Саудовской Аравии и ОАЭ.

Общий вывод, который следует: после 2015 г. произошел существенный перелом в развитии всех конфликтных зон, и, хотя, как это хорошо видно, до окончательного прекращения региональных конфликтов по-прежнему далеко, эта вторая волна турбулентности перестает быть доминирующим фактором в процессе глобализации, уступая место другим, более продуктивным тенденциям глобального развития. Однако роль Ближнего Востока и арабского мира в целом в этом развитии снижается.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Элементы постконфликтного дизайна в арабском мире и в глобальном контексте

Течение описанных региональных конфликтов еще не закончилось, не исчезли и тенденции к образованию новых волн турбулентности, как, впрочем, и новых конфликтных зон. Однако применительно к рассматриваемым конфликтам, прежде всего к главному из них — ближневосточному, тенденция к затуханию становится все явственнее, и вместе с тем все отчетливее проступают черты постконфликтного дизайна. Пока их можно обозначить только как пунктирные линии, поэтому стоит говорить не о некоей целостной постконфликтной структуре, а лишь о ее элементах, учитывая к тому же их вероятностный характер.

В арабском мире

Здесь не случайно столь подробно рассматривался авторитарный контекст того, что происходило, в частности, в арабском мире, и не только. «Арабская весна» и последовавшие региональные конфликты в арабском мире явственно продемонстрировали обреченность и близкую конечность авторитарных политических систем. Подчеркнем, именно политических систем, поскольку тема элементов авторитаризма в различных политических системах, равно как и тематика смешанных (или гибридных, как их нередко называют) политических систем, далеко не исчерпана.

Сравнительная демонстрация трех основных глобальных ареалов авторитаризма показала, что только в арабском мире авторитарные политические системы оставались доминирующим типом политических структур до «арабской весны», и все они без исключения подверглись испытаниям в ходе турбулентного политического процесса. Многие из них этого испытания не выдержали и были разрушены либо трансформировались, что как раз меньше всего подлежит дальнейшему обсуждению.

Гораздо интереснее следующие вопросы. Во-первых, почему многие из этих систем не подверглись разрушению и что из этого следует. Во-вторых, почему основной альтернативой авторитаризму во многих случаях оказался не демократический транзит, а радикальные исламистские проекты и почему эти проекты, в свою очередь, оказались бесперспективными и скоротечными, о чем сегодня уже можно говорить с большой долей определенности. Наконец, в-третьих, что происходит в странах, где политические режимы подверглись разрушению, но при этом общественно-политические устои, в том числе и государственность как таковая, не разрушились, а продолжают путь политического транзита. Думается, постконфликтная действительность уже дает по крайней мере частичные ответы на эти вопросы.

Ситуация в крупнейшей арабской стране — Египте — с точки зрения многого, что было постулировано в этой книге, казалось бы, на первый взгляд парадоксальна. После всех потрясений «арабской весны» и последовавшего общественно-политического раскола страна, по крайней мере внешне, вернулась примерно к тому же варианту авторитаризма, который существовал до февраля 2011 г.

Стоит, однако, вернуться к исходной точке, с которой этот последний поворот начался, — к июлю 2013 г. Египет был буквально на грани гражданской войны, и эта война уже готова была разразиться, причем с вполне возможной победой исламистов, поскольку преимущество на улице было на их стороне. Армия вмешалась в самый кульминационный момент, причем вмешалась, так сказать, «по просьбе трудящихся», поскольку представители антиисламистских сил прямо призывали ее к этому.

И нельзя не заметить, что для такого вмешательства были не только политические, но и конституционные основания. Роль армии была конституционно закреплена, и это закрепление было продолжено в конституции, утвержденной уже в период власти исламистов. Это основывалось и на том, что в период восстания на площади Ат-Тахрир армия выступила фактически в роли арбитра и оставалась в этой роли весь постмайданный период. Это, разумеется, закрепляет основы авторитаризма, учитывая в том числе и армейские корни президента. Многие другие признаки системного авторитаризма, как законодательные, так и функциональные, также налицо. При этом рецидив авторитаризма в значительной мере

продолжает держаться на постконфронтационном, постантиисламистском синдроме до тех пор, пока не иссякнет этот ресурс. Кроме того, в финансово-ресурсном аспекте Египет критически зависит от содействия Саудовской Аравии и ОАЭ, а этот ресурс вскоре может оказаться близким к исчерпанию.

Можно только предположить, что жесткий авторитаризм как реакция на гражданское противостояние в центристском варианте может открыть путь длительному политическому транзиту, сопровождаемому постоянным противоборством с радикальным исламом.

В Тунисе, несмотря на все перипетии, сложности и противоречия политического процесса после произошедшей революции, можно все же в целом говорить о развитии политической системы на принципах представительной демократии. Более того, это единственный республиканский режим в Северной Африке, где исламистское движение «Ан-Нахда» смогло относительно органично вписаться в процесс демократического транзита. Во всяком случае «Ан-Нахда», в отличие от египетских «Братьев-мусульман», оказалось способным не злоупотреблять своим большинством на первом этапе этого транзита и не сопротивляться его утрате в последующем. Более того, оно согласилось с принятием демократической конституции, несмотря на то что парламентское большинство отказалась включать в нее положения шариата, и не воспротивилось принятию ряда законов, таких как, например, об имущественном равенстве женщин и проч.

Политический процесс в Алжире имеет некоторые черты сходства с тунисским, хотя в основном обладает своими неповторимыми, уникальными чертами. Главное сходство состоит, пожалуй, в том, что после сепарации умеренных исламистов от радикалов, произошедшей в ходе гражданской войны, представители умеренных исламистских течений отказались от стремления к доминированию в политическом спектре и тем самым не стали отделять себя непреодолимой стеной от различных фракций демократического движения. Это проявилось в ходе протестных движений, развернувшихся с конца 2018 — начала 2019 г.

Институциональный авторитаризм А. Бутефлики, опиравшийся на узкий круг политической элиты, армейского руководства и спецслужб (при физической слабости самого президента после 2013 г.),

и попытка протащить его в условиях практической недееспособности на новый президентский срок стали детонатором волнений в стране. В итоге президент отказался от нового выдвижения, но и после его отставки протесты продолжались. Требования протестующих расширились и распространились на необходимость коренной реформы всей политической системы¹.

В связи с продолжающимся протестным движением президентские выборы дважды отменялись и состоялись лишь 12 декабря. Заявки на участие в выборах подали 145 кандидатов, однако зарегистрированы были только 5, причем все они являлись представителями существующего политического истеблишмента². Победу на выборах одержал Абдельмаджид Теббун, бывший премьер-министром Алжира в 2017 г., который набрал свыше 58% голосов. В ходе выборов он выступал как независимый кандидат. Таким образом, движение протеста привело к серьезным подвижкам в политической жизни страны, обозначившим определенный тренд в направлении демократизации политической системы. Однако произошедшие изменения трудно охарактеризовать иначе как частичные, поскольку у власти сохранились представители существующего истеблишмента, и, судя по всему, движения за дальнейшие изменения будут продолжаться. Вместе с тем стоит отметить следующее: 1) движения за политические изменения носили исключительно мирный характер; 2) решающую роль в них играли представители и организации демократических сил; 3) в них участвовали также и исламистские движения, однако, во-первых, они не играли ведущей роли, а во-вторых, в основном это были движения исключительно умеренных исламистских сил, выступающих в общедемократическом контексте; 4) большая часть представителей власти, пытавшихся сопротивляться протестному движению, была вынуждена уйти в отставку, а оставшиеся в руководстве (военном, партийном и государственном) соглашались со значительной долей требований протестующих. Это дает основание рассчи-

---

¹ В Алжире проходят многотысячные манифестации // ТАСС. 2019. 6 сентября. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/685551> (дата обращения: 04.09.2020).

² URL: <https://www.aljazeera.com/news/2019/11/algeria-presidential-election-candidates-announced-191103064535822.htm> (дата обращения: 02.12.2019).

тивать на продолжение политических реформ, несмотря на относительность произошедших изменений.

Таким образом, тенденция политического развития Алжира в известной мере сближает характер его политической системы с тунисской после событий «арабской весны», несмотря на разницу формальных характеристик политических систем двух стран.

Марокко — единственное монархическое государство в Северной Африке и единственная страна, где политический транзит в ходе «арабской весны» в условиях критически сильных волнений пошел мирным, эволюционным путем. При этом монархия приняла не только отставку правительства и парламента, но и изменения конституции, в которую были внесены поправки, как удовлетворяющие требования исламистов, так и ограничивающие полномочия короля в роспуске парламента, формировании и отставке правительства³ и т.д. Иначе говоря, изменения носили как происламистский, так и общедемократический характер. Причем в последних прослеживаются отчетливые черты дальнейшей эволюции политического режима в направлении конституционной монархии.

Выборы в парламент, состоявшиеся после «арабской весны» в 2011 г.⁴, привели к тому, что исламисты получили большинство. Этот успех исламистская Партия справедливости и развития смогла повторить на выборах 2016 г., еще больше увеличив количество полученных мест⁵.

---

³ «Согласно Конституции Марокко 1992 г. право назначать премьер-министра государства принадлежало монарху, таким образом, эта должность выборной не была. После изменений, внесенных в Конституцию в 2011 г., это право было за королем сохранено, но теперь монарх должен был делать свой выбор на основе того, какая партия заняла большее количество мест в парламенте государства, так как, согласно статье 47 новой конституции Марокко, премьер-министр должен быть членом партии большинства». Эрак Л.П. Эволюция избирательной системы Марокко (в контексте международных избирательных стандартов). URL: <https://www.mjil.ru/jour/article/viewFile/135/75.pdf> (дата обращения: 04.09.2020).

⁴ Парламентские выборы в Марокко выиграли исламисты // РБК. Политика. 2011. 26 ноября. URL: <https://www.rbc.ru/politics/26/11/2011/5703ef659a79477633d3a73b> (дата обращения: 04.09.2020).

⁵ Марокко: на парламентских выборах победили правящие умеренные исламисты // Euronews. 2016. 8 октября. URL: <https://ru.euronews.com/2016/10/08/moderate-islamists-win-elections-in-morocco> (дата обращения: 04.09.2020).

Развитие политического процесса в Марокко подтверждает высказанное нами здесь и ранее положение, что иордано-марокканская модель монархических режимов в арабском мире оказалась более подготовленной к эволюционному пути транзита арабского авторитаризма, чем практически все республиканские модели. Это нашло подтверждение и в ходе второй волны турбулентности: Марокко никак не было вовлечено в волну региональных конфликтов, а внутренний конфликт 2016 г., несмотря на человеческие жертвы, не имел фатальных последствий, косвенным свидетельством чего стал в том числе электоральный процесс.

Военный переворот в Судане, произошедший в апреле 2019 г., можно в какой-то мере считать отложенным эффектом «арабской весны»: волнения 2011 г. носили здесь относительно ограниченный характер, однако причины, приведшие к ним, не были устранены. Как не были устранены они и после раскола страны. Отделение Юга не устранило конфликтности в республике: продолжали бушевать конфликты в Дарфуре и других провинциях страны, а столицу и другие города сотрясали многомесячные протестные движения.

4 августа ПВС и основная коалиция оппозиционных сил «Альянс за свободу и перемены», объединяющая ряд крупнейших партий и профсоюзов страны, подписали Конституционную декларацию, призванную временно заменить ранее действовавшую конституцию. Была достигнута договоренность о трехлетнем переходном периоде, в течение которого страной должен был управлять созданный 17 августа Суверенный совет, состоящий из пяти военных и шести гражданских представителей. В первый период (21 месяц) его должен возглавлять А.Ф. аль-Бурхан, а в течение последующих 18 месяцев его должен сменить представитель гражданских сил.

Формирование переходного военно-гражданского правительства знаменует начало перехода к гражданской форме правления. О реальных перспективах, например, демократического транзита говорить пока рано: подобные переходы от военного правления к гражданскому происходили не раз в истории страны, но всегда через какое-то время вновь наступала военная диктатура.

Общая региональная картина в Северной Африке, таким образом, кардинально изменилась. В западной части региона наметился, пусть неустойчивый и противоречивый, тренд демократического

транзита; на востоке — Египет с возвратным авторитаризмом, окруженный с запада разрушенной Ливией, с юга — Суданом с неясным будущим, с востока Саудовской Аравией — тоже с неясными перспективами начавшегося экономического и политического транзита и палестинским сектором Газа, из которого исходят постоянные импульсы поддержки джихадистского движения на Синае. Все это в дополнение к сложному экономическому положению делает сомнительными перспективы возвращения Египтом утраченного статуса региональной державы.

К этому стоит добавить, что в дополнение к существующим проблемам Египет с конца 2019 г. столкнулся с новым вызовом, связанным с разворотом ливийского конфликта. Этот разворот, произошедший со всей очевидностью уже в 2020 г., имел предысторию, без которой не будут ясны некоторые его аспекты. При описании текущей фазы ливийского конфликта ранее здесь была отмечена тенденция к доминированию ЛНА на большей части территории страны к середине 2019 г. Оно выражалось в том, что к июню 2019 г. ЛНА удалось не только получить контроль над рядом южных территорий, но и выйти на западные рубежи Ливии и в конечном счете начать боевые действия на ближайших подступах к столице и в черте самого г. Триполи.

Это, казалось бы, доминирующее положение ЛНА позволило Х. Хафтару отказаться от подписания соглашения с ПНС на переговорах в Москве в январе 2020 г., а затем и от подписания итогового документа конференции по Ливии в Берлине, предъявляя к ПНС ряд ультимативных требований. Однако после этого в конфликте произошел новый перелом, теперь уже не в пользу ЛНА. Решающим фактором стало прямое вмешательство в конфликт Турции.

Уже во второй половине 2019 г. Турция начала переброску сирийских боевиков в Ливию, которых к концу года насчитывалось несколько тысяч человек. Сами по себе они не представляли боевой силы, способной переломить ход военных событий, но под их прикрытием действовал турецкий спецназ. Однако решающим фактором стал переход на их сторону ряда племенных и городских ливийских формирований, которые до этого оказывали поддержку ЛНА. В апреле—июне в результате совместных операций подконтрольных ПНС и Турции вооруженных отрядов силы ЛНА были выбиты из черты Триполи и регионов побережья к западу от сто-

лицы, а затем существенно продвинулись на востоке в направлении Сирта.

Угроза Сирту и военной базе ЛНА в Аль-Джуфре вынудила президента Египта А.Ф. ас-Сиси выступить 20 июня 2020 г. с заявлением о том, что попытка занять эти населенные пункты вынудит Египет предпринять прямое военное вмешательство в Ливии и отдать приказ о приведении вооруженных сил страны в состояние боеготовности⁶. В ответ 13 июля министр иностранных дел Турции заявил, что Турция начнет военную операцию, если ЛНА не покинет Сирт⁷.

Таким образом, во время, когда эта книга готовилась к изданию, возникла прямая угроза перерастания ливийского противостояния в международный конфликт. Причем, помимо Египта и Турции, в него могут быть вовлечены также Греция, Кипр и Франция.

Общая картина арабского Машрика, государств, расположенных в Азии, даже на поверхностный взгляд весьма примечательна. Республиканских и монархических режимов здесь почти поровну. Первые пять — Сирия, Ливан, Ирак, Йемен и Палестинская автономия. Если, конечно, последнюю считать государством, поскольку перспективы утверждения ее государственности в результате действий Израиля и США (и не только) становятся все более призрачными. Впрочем, количество республиканских и монархических режимов в ближайшем будущем может и вовсе сравняться. Во-первых, потому что перспектива раскола Йемена на два государства стала достаточно реальной. Во-вторых, поскольку в Палестинской автономии, и так уже географически расколотовой на сектор Газа и Западный Берег реки Иордан, существующие политические режимы по-прежнему настолько несовместимы, что возможность их реального объединения вот уже который год никак не воплощается в жизнь.

Из де-юре существующих пока политических режимов три — Ливан, Ирак и Палестинскую автономию — если не по фактическим

---

⁶ Ас-Сиси назвал легитимным возможное прямое вмешательство Египта в Ливии // ТАСС. 2020. 20 июня. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8779101> (дата обращения: 04.09.2020).

⁷ Turkey Threatens Major Military Operation if Libyan Army Does Not Withdraw from Sirte // AMN. 2020. July 13. URL: <https://www.almasdarnews.com/article/turkey-threatens-major-military-operation-if-libyan-army-does-not-withdraw-from-sirte/> (дата обращения: 04.09.2020).

(хотя объективный взгляд свидетельствует, что и по фактическим), то по крайней мере по формально-юридическим основаниям можно считать демократическими: везде действуют конституции, существуют многопартийные системы, проводятся регулярные выборы (президентские и парламентские), правительства формируются по результатам выборов⁸. Мы здесь сознательно не останавливаемся на нюансах, таких как парламентские, парламентско-президентские или президентско-парламентские республики, квотирование конфессионального или этноконфессионального представительства и т.д.

Проблема не в этом, а в том, что все три политические образования представляют собой неустойчивые политические системы. О проблемах Палестинской автономии сказано ранее, стоит лишь добавить, что общеарабский компонент — тенденции развития сотрудничества между Израилем и большинством окружающих арабских режимов — лишь усиливает давление на палестинскую политическую систему в направлении усиления ее неустойчивости.

В Ливане постоянная неустойчивость межконфессионального баланса уже привела к длительной гражданской войне, однако не была устранена. Военно-политическое укрепление Хизбаллы в ходе сирийского конфликта обозначило превращение ее в доминирующую силу в стране как в военном, так и политическом отношении. Эта тенденция, которая лишь усилится по мере окончательного возвращения Хизбаллы из Сирии (а оно отнюдь не за горами), а учитывая постоянную нацеленность движения на конфронтацию с Израилем, будет придавать ей еще и растущее внешнее измерение, грозящее новой эскалацией внутреннего конфликта, который, не исключено, будет сопровождаться и военным противоборством с соседним еврейским государством.

Подтверждением этому стали волнения в Ливане. Протесты в стране начались в середине октября 2019 г. Непосредственным поводом для них стало объявленное правительством повышение налогов на бензин, табачные изделия и введение налога на телефонные контакты через мессенджер WhatsUpp. Однако почти сразу же главным мотивом выступлений стало обвинение правящей

---

⁸ Справедливости ради нужно отметить, что выборы в Палестинской автономии давно не проводились.

элиты в коррупции⁹. При этом характерно, что обвинениям в коррупции, в том числе персональным, были подвергнуты высшие представители правящей элиты независимо от их конфессиональной принадлежности. Так, коррупционерами были объявлены премьер-министр Саад Харири и его непосредственное окружение (мусульмане-сунниты), спикер парламента Набих Барре (мусульманин-шиит), зять президента Мишеля Ауна Жубран Басиль (христианин-маронит). Это уже само по себе примечательно для Ливана, где гражданская война 1975–1990 гг. раскидала людей по конфессиональным идентичностям и уровень внутрiconфессиональной солидарности долгое время намного превышал уровень общеливанской гражданской идентичности. Поэтому зафиксированное в Национальном пакте 1943 г.¹⁰ квотирование мест в парламенте по конфессиональному признаку и разделение властей по этому же признаку (президент — маронит, спикер парламента — шиит, председатель правительства — суннит) воспринималось как норма, а следствием этого стало и закрепление иностранных векторов влияния в стране (Запада и косвенно Израиля — через маронитов, Сирии и Ирана — через шиитов, Саудовской Аравии — через суннитов). Причем в последние годы особенно усилился вектор саудовско-иранского противостояния, оказывавший воздействие на процесс формирования власти в Ливане.

Поэтому нынешние выступления, принявшие форму восстания против всех политических и экономических элит, — совершенно новое явление для страны. Во-первых, в протестах приняли участие представители всех конфессий, отрицавших при этом всякое конфессиональное разделение между собой; во-вторых, пожалуй, впервые за всю историю независимости Ливана они выдвинули требование изменения политической системы с условием ликвидации принципа формирования власти по конфессиональной принадлежности¹¹.

⁹ Lebanon Protesters Found Strength in Unity, Ditched Sectarianism // Report Syndication. URL: <https://reportsyndication.news.blog/2019/10/27/lebanon-protesters-find-strength-in-unity-ditched-sectarianism/> (дата обращения: 04.09.2020).

¹⁰ The National Pact. URL: <http://countrystudies.us/lebanon/77.htm> (дата обращения: 04.09.2020).

¹¹ Определенным шагом в этом направлении были Таизские соглашения 1989 г., положившие конец гражданской войне в Ливане. В них было за-

Волнения привели к отставке правительства С. Харири уже на 13-й день протестов и затянувшемуся правительственному кризису в связи с требованием протестующих о создании «технократического» правительства, т.е. правительства, сформированного не по конфессиональному принципу, а переходного кабинета, призванного проводить реформы до осуществления глубокого изменения политической системы.

Формально такой кабинет был создан 20 января 2020 г. во главе с премьер-министром Хасаном Диабом. Однако протесты продолжались, поскольку многие протестующие считали, что на него фактически сохранялось доминирующее влияние шиитской Хизбаллы, которого после возвращения ее вооруженных отрядов из Сирии опасались протестующие.

Дальнейшее усиление протестов было спровоцировано катастрофическим взрывом в порту Бейрута 4 августа 2020 г. В результате правительство Х. Диаба ушло в отставку.

На фоне ситуации в Ливане положение в Ираке кажется более устойчивым только в одном отношении: у него не очень много шансов перерасти в полномасштабную гражданскую войну. Здесь риски другие: поскольку этноконфессиональные линии географически почти с полной определенностью прочерчены, страна находится в положении полураспада. Доминирование шиитов в парламенте, которое дает возможность формировать правительство, обеспечивает им преимущества также на уровне силовых структур и в проведении экономической политики. Для курдов это компенсируется отнюдь не декоративной фигурой президента, избираемого парламентом, но наделенного широкими полномочиями, поскольку его пост конституционно закреплен за курдским представителем. Но главным противовесом все же служит наличие курдской автономии, в которой в 2017 г. прошел референдум, утвердивший решение о создании курдского государства. Сам этот результат де-факто означает неформальное превращение Ирака из федерации

креплено равное представительство христиан и мусульман в парламенте, нашедшее затем отражение в конституции. Однако сам принцип представительства по конфессиональным квотам не был устранен. См.: *Ислам Аль Мутаз Беллах Мохмед Хассан Хусейн Эльариш*. Влияние конфессионализма на политическую и экономическую жизнь в годы гражданской войны в Ливане (1975–1990) // Вестник Белорусского гос. экономического университета. 2016. № 4. С. 123.

в конфедерацию, по крайней мере до тех пор, пока вытекающее из результатов референдума решение о выходе из состава Ирака не воплощено в жизнь. Такое состояние может быть длительным не столько в результате давления на Иракский Курдистан со стороны США и коллективного Запада, сколько из-за реальной угрозы применения силы со стороны Турции и Ирана.

Вместе с тем волнения в Ираке стали неожиданностью прежде всего для соседнего Ирана. Движение массовых протестов в Ираке началось в Багдаде 1 октября 2019 г. и продолжалось несколько месяцев, охватив значительную часть страны¹²; окончательно протесты не утихали и в 2020 г. За начальный период волнений, согласно официальным данным МВД Ирака, погибло более 100 человек и более 1000 получили ранения (на начало февраля 2020 г. число погибших превысило 550 человек¹³).

В качестве побудительных мотивов протестов рассматривалось недовольство массовой бедностью и безработицей, превысившей 20% активного населения, отсутствием социальных услуг и коррупцией. Однако уже начиная со второго дня волнений лозунги протестующих стали приобретать далеко идущую политическую направленность. Так, одним из замеченных наиболее характерных призывов был «Народ хочет свержения режима», что трудно рассматривать иначе чем прямую отсылку к настроениям «арабской весны».

Вместе с тем в случае Ирака речь идет о кризисе совершенно новой, насчитывающей чуть более 15 лет политической системы, хоть и появившейся с родовыми травмами, не без внешнего воздействия и сомнительных или по крайней мере спорных заимствований. Модель политического представительства в Ираке, при-

---

¹² Iraq's government seems powerless to halt protests in its heartland // The Economist. 2019. October 6. URL: <https://www.economist.com/middle-east-and-africa/2019/10/06/iraqs-government-seems-powerless-to-halt-protests-in-its-heartland>; Массовые протесты в Ираке: десятки погибших, сотни пострадавших // BBS NEWS. Русская служба. 2019. 4 октября. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-49933423> (дата обращения: 04.09.2020); Протесты в Ираке несут риски для России // Независимая газета. 2019. 11 ноября. URL: http://www.ng.ru/world/2019-11-11/2_7723_iraq.html (дата обращения: 04.09.2020).

¹³ Death toll from Iraq protest violence reaches 550: Commission // The New Arab. 2020. February 8. URL: <https://english.alaraby.co.uk/english/news/2020/2/8/nearly-550-killed-in-iraq-protest-violence-commission> (дата обращения: 04.09.2020).

званная, по замыслу создателей его конституционного устройства, гарантировать устойчивость постсаддамовского порядка в стране, на деле не смогла обеспечить стабильность на всем протяжении ее существования. Этноконфессиональный характер политического устройства, отнюдь не сводящийся к парламентско-президентской форме республики, формам избирательной системы и избирательного процесса, таил в себе массу подводных камней, которые породили неизбежные катаклизмы.

Нельзя не обратить внимания, что на процессы накладывались тенденции, развивавшиеся в военно-политическом спектре. Армия и полиция с начала американской оккупации в 2003 г. находились в состоянии развала, и одной из ведущих тенденций стало повсеместное возникновение вооруженных формирований на этноконфессиональной основе. В Курдистане к этому времени уже существовали отряды пешмерга, которые продолжают оставаться основой его вооруженных сил и по сей день, в шиитских районах буквально сразу после вхождения американских войск возникли вооруженные формирования типа «Армии Махди» и проч., ну а в суннитской полосе отдельно действовали отряды Аль-Каиды и баасистского партизанского движения, при соединении которых впоследствии и возникло ИГИЛ.

Строительство армии и полиции, крайне необходимое в иракских условиях не только для становления государства, но и для борьбы с терроризмом, первоначально осуществлялось под эгидой американцев, и происходило это крайне неудачно, пока за дело не взялся внедрившийся из Ирана Корпус стражей исламской революции (КСИР). Именно КСИР удалось создать боеспособные и мотивированные шиитские «Аль-Хашд аш-Шааби» (Силы народной самообороны, СНС). Именно СНС, наряду с курдскими пешмерга, а вовсе не регулярной армии принадлежала ведущая роль в освобождении Мосула и других важных эпизодах борьбы с ИГИЛ.

Однако после победы над террористами встал вопрос о дальнейшей нетерпимости к разделению вооруженных сил по этноконфессиональному признаку, поскольку такое положение несло в себе реальную угрозу вооруженной конфронтации между основными этническими и конфессиональными общинами страны. Примечательно, что растущее недовольство по этому поводу стали выражать

не только курды и сунниты, но и определенная часть шиитов, склонная рассматривать СНС в качестве инструмента военно-политического доминирования иранцев в Ираке.

Серьезным водоразделом в развитии политических событий в Ираке стали парламентские выборы 2018 г. Одним из наиболее примечательных результатов избирательной кампании явилась победа блока «Ас-Сайрун», возглавляемого популярным общественным деятелем Моктадой ас-Садром¹⁴. Сын влиятельного шиитского богослова, убитого баасистским режимом в 1999 г., М. ас-Садр в 2004 г. поднимал восстание против американской оккупации. При этом изначально он позиционировал себя не только как шиитский лидер, но в первую очередь как патриот Ирака, стремящийся объединить национальные силы страны независимо от их конфессиональной и этнической принадлежности. Именно эта тенденция в политическом поведении М. ас-Садра сыграла в дальнейшем важнейшую роль в его общественной деятельности. Это привело возглавляемое им движение садристов к формированию широкого избирательного блока «Ас-Сайрун» с участием различных политических сил, включая Иракскую компартию.

Победа «Ас-Сайрун» ознаменовала новую тенденцию в развитии политического процесса в Ираке, направленную на сплочение патриотических сил независимо от конфессиональной и этнической принадлежности. Примечательно, что этот блок оказался единственным набравшим голоса во всех 19 провинциях страны, включая суннитские и курдские регионы.

Вместе с тем не менее значимым результатом выборов 2018 г. явилось то, что в них приняло участие менее половины избирателей — 44%¹⁵. Это был тревожный звонок, на который в свое время не обратили особого внимания. А между тем он свидетельствовал о разочаровании населения в политической элите.

Еще один примечательный факт: выборы состоялись 12 мая, а премьер-министр Адиль Абдель Махди, отставки которого требовали затем восставшие, был назначен президентом только 2 октября 2018 г. С чем была связана такая задержка?

¹⁴ ЦИК Ирака огласил итоги выборов 12 мая: первым пришел блок «Аль-Сайрун» // EurAsia Daily. 2018. 19 мая. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2018/05/19/cik-iraka-oglasil-itogi-vyborov-12-maya-pervym-prishyol-blok-al-sayrun> (дата обращения: 04.09.2020).

¹⁵ Там же.

Ряд политических сил, в первую очередь упомянутый блок «Ас-Сайрун», заявил о махинациях и подтасовках при подсчете голосов и потребовал их пересчета. Пересчет состоялся в июле 2018 г., однако лишь в нескольких провинциях. Высший суд Ирака утвердил результаты выборов лишь в августе. Это означало, что парламент, который по конституции избирает нового президента, мог собраться для этого на заседание не раньше сентября. Поэтому правительством вплоть до октября по-прежнему руководил прежний премьер Х. аль-Абади, хотя возглавляемый им блок «Ан-Наср» занял на выборах лишь третье место.

В соответствии с конституцией избранный парламентом на пост президента 2 октября Бархам Салех назначил кандидатуру нового премьера. Предложение на этот пост внеблокового «технического» премьера А. Абдель Махди означало, что парламентариям не удалось создать правительственную коалицию.

Кроме того, этому предшествовали волнения в Басре в сентябре, направленные против Ирана и сопровождавшиеся также прорывом демонстрантов на территорию расположенного неподалеку нефтяного месторождения. Несмотря на относительно локальный характер этих событий, они также стали предвестником того, что последовало год спустя.

Вся эта цепочка событий достаточно убедительно свидетельствовала о назревавшем политическом кризисе.

Тем не менее октябрьские события 2019 г. явились неожиданными для всех представленных в истеблишменте политических сил. Взрывной характер волнений, изначальный и дальнейший состав участников, отсутствие явных политических лидеров и проч. — все это почти детально напоминало события «арабской весны» в Тунисе и Египте. Схожесть и в том, что застрельщиками событий выступили представители студенческой молодежи Багдада, организовавшие начало выступлений посредством социальных сетей, что, как в Тунисе и Каире, усилило эффект неожиданности для власти предрержавших и повлекло проблемы реагирования на это движение протеста.

Изначальная мотивировка выступлений — социальный протест. Безработица в стране превышала 20%, среди молодежи — значительно больше. Бедность населения вопиющая. Что ново для Ирака: так было и в годы военных авантюр С. Хусейна, и в период

развала страны в начальный период оккупации, и во время террористического наступления ИГИЛ.

Однако начиная с 2016 г. Ирак вышел на второе место в ОПЕК по добыче и экспорту нефти¹⁶ и стал приближаться к показателям ведущей нефтяной тройки — США, Саудовской Аравии и России. Отсюда и лозунг выступающих: «Если страна такая богатая, почему народ такой бедный?». Их же ответ о причине этого: «коррупция». Действительно, по уровню коррупции Ирак в 2019 г. находился на 162-м месте¹⁷.

Именно на этом пункте протест из социального переходит в область политического: политический статус становится, как правило, исходной точкой для роста индивидуального богатства за счет коррупционной составляющей. Многочисленные факты такого рода, касающиеся политических деятелей и не в последнюю очередь парламентариев, стали предметом широкой гласности. В сущности, это и есть ответ на вопрос, были ли протесты в Ираке спровоцированы кем-то извне. Более детально: и у США, и у Ирана, и у ряда соседних арабских стран, включая Саудовскую Аравию, есть несомненные рычаги влияния на Ирак, но это влияние ограничивается различными секторами политической элиты, а вовсе не рядовыми гражданами, выступившими с протестом.

Дальше начинаются существенные отличия волнений 2019–2020 гг. в Ираке от событий «арабской весны». Во-первых, если среди молодежи Египта и Туниса имела место предварительная подготовка активистов, скажем, в Сербии, в отношении Ирака не было подобных свидетельств. Во-вторых, уже на следующий день протеста к молодежи стали присоединяться люди различных возрастов, включая и пожилых, а количество женщин среди участников, по данным компартии, превысило 30%. В-третьих, в отличие от волнений «арабской весны», в 2011 г. в Ираке полностью отсутствовала исламистская составляющая. Более того, волнения охватили главным образом шиитскую часть страны, где многие наиболее крупные партии представлены течениями политического

---

¹⁶ Ирак нарастил добычу нефти до рекордного уровня перед встречей ОПЕК // РБК. 2016. 16 апреля. URL: <https://www.rbc.ru/economics/11/04/2016/570b48839a7947b34af7520b> (дата обращения: 04.09.2020).

¹⁷ Рейтинг стран по уровню коррупции // NoNews. URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/corruption> (дата обращения: 04.09.2020).

ислама, а волнения были направлены в том числе против этих партий.

Политические требования выступающих включали изменение политической системы и, в частности, конституции страны. Не очень ясно, однако, какие конкретно шаги по изменению конституции ими предлагались, хотя направленность против этноконфессионального разделения была очевидна. Кроме того, были общеизвестны и требования по изменению избирательного законодательства, которые поддержал ряд представленных в парламенте политических сил. В частности, М. ас-Садр призвал к проведению новых выборов под международным контролем. В определенном смысле в качестве косвенной поддержки можно расценивать и заявление президента страны о возможности новых выборов, но только после изменения избирательного законодательства.

Военные признали чрезмерное применение силы, виновные в этом офицеры были отправлены под следствие. На поддержанное М. ас-Садром требование выступающих об отставке правительства премьер заявил, что согласится уйти в отставку только при наличии альтернативной кандидатуры.

Из перечисленного очевидно, что именно блок «Ас-Сайрун» и его руководство стремились позиционировать себя в качестве силы, наиболее близкой к восставшим. Но были и нюансы. Так, компартия вывела своих депутатов из парламента и, очевидно, стремилась более тесно солидаризироваться с протестующими как отдельная политическая сила. Заявил о поддержке ряда требований протестующих и настаивал на расследовании действий, приведших к гибели людей, и духовный лидер шиитов Ирака Али ас-Систани. Это могло свидетельствовать о том, что наметившееся в последние годы сближение между ним и М. ас-Садром сыграет дальнейшую роль в итогах протестов.

Нельзя не обратить внимания и на антииранскую направленность протестов. Реакция иранского руководства, в особенности духовного лидера Ирана Али Хаменеи, была сдержанной. Отметив, что «враги не могут посеять раздор» между Ираном и Ираком, он, однако, не высказал никакого отношения к самим протестующим. МИД Ирана в своем заявлении указало на возможность злоупотребления ситуацией иностранными силами. Это говорило о том, что иранское руководство заняло осторожную позицию в ситуации,

которая являлась крайне неудобной для Ирана в условиях нарастающего давления на него со стороны США и региональных сил. Очевидно, Иран рассматривал различные варианты изменения своей политики в Ираке в сторону большей гибкости, поиска опоры и компромиссов с теми иракскими силами, которые не воспринимаются местным населением в качестве прямой иранской креатуры, в частности с курдами и с тем же блоком «Ас-Сайрун», тем более что М. ас-Садра, несмотря на его критику действий Ирана, нельзя рассматривать как антииранского деятеля.

В то же время очевидно, что иракские события объективно ослабили региональные позиции Ирана, его претензии на роль доминирующей региональной державы. Это, однако, не означает, что Соединенные Штаты могут в результате этих событий вернуть себе позиции политического доминирования, характерные для периода сразу после 2003 г. Некоторые американские аналитики признавали, что у США не осталось серьезных рычагов воздействия на внутрииракскую ситуацию. Весьма ограничены возможности внутреннего воздействия на Ирак и у Саудовской Аравии, Турции и других региональных сил.

Ряд аналитиков высказал опасение, что сосредоточение силовиков в основном на противодействии протестам может способствовать оживлению и даже восстановлению позиций ИГИЛ. Такая опасность есть, поскольку деятельность не только спящих ячеек, но и отдельных отрядов террористов далеко не подавлена, а террористические акты происходят практически ежедневно. Однако после разгрома ИГИЛ как системного объекта эти действия все же в значительной мере локализованы географически и имеют свои ограничения.

Возможность более серьезного расширения действий террористов могла потенциально возрасти лишь в том случае, если бы общая обстановка, связанная с протестами, привела к окончательному параличу власти. Продолжение патовой ситуации во власти такую возможность в себе таило. Приход к власти правительства Ирака Мустафы аль-Казими 9 апреля 2020 г. стабилизировал политическую ситуацию в стране. Вместе с тем глубина общественно-политических проблем, проявившаяся в ходе протестов, показала их долговременный характер.

Политический процесс в 2019 г. во всех четырех странах (Алжире, Судане, Ливане и Ираке), центром которого оказались протестные

движения, и в 2020 г. далек от завершения, поэтому выводы, которые сделаны здесь, можно рассматривать лишь в качестве предварительных. Тем не менее в нем уже на данный момент являются черты, которые нельзя не заметить.

В каждой из стран проявились специфические и даже уникальные особенности, связанные с непохожестью политического устройства, характера политических систем, политической культуры и проч. Вместе с тем нельзя не отметить и ряда объединяющих тенденций: это неприятие политической элиты, политического истеблишмента как такового, решительное отвержение попыток косметических реформ, которые лишь подогревали протест. В этом многие усматривают продолжение «арабской весны».

Однако были и явные отличия. Прежде всего это касается исключения из повестки протестов тематики политического ислама. Более того, в Ираке и Ливане, к примеру, острие протестов было направлено в том числе против исламистских партий, движений и коалиций и шиитского, и суннитского толка, а в Судане вместе с бывшим президентом О. аль-Баширом были арестованы представители «Братьев-мусульман», причем их арест был поддержан протестующими. Возможно, именно эта тенденция — отвержение исламизма — и способна обозначить поворот в развитии ситуации, воздействующий на дальнейшие судьбы региона. И в этом смысле они, кстати, как бы завершают в эпистемологическом смысле волны турбулентности, начатые «арабской весной» и продолженные региональными конфликтами, хотя сам процесс транзита и связанной с ним турбулентности, конечно, далек от завершения.

Как это ни покажется парадоксальным на первый взгляд, устойчивость политической ситуации в Сирии выше, чем в остальных странах Машрика с республиканскими формами правления. Несмотря на незаконченный конфликт, задача ликвидации терроризма близка к завершению, осталась проблема оккупированных территорий, где уровень политической стабильности значительно ниже, чем в зонах, находящихся под контролем сирийского правительства. В районах, занятых турецкой армией, продолжалось внутреннее вооруженное противоборство различных отрядов и групп вооруженной оппозиции и террористов, не говоря о партизанской борьбе курдов в Африне и на территории между городами Аазаз и Джараблус. Поэтому турецкий контроль над этими зонами весьма относителен.

На территориях, находящихся под совместным контролем США и СДС, уровень политической стабильности также весьма низок. Юг провинции Ракка и часть провинции Дейр эз-Зор, находящаяся в востоку от Евфрата, являются ареалом проживания арабосуннитских племен, которые не смирились ни с американским, ни с курдским контролем, и в этих районах продолжается вооруженная конфронтация. Даже в основном ареале проживания курдов на северо-востоке Сирии постоянно выявляются спящие ячейки ИГИЛ, происходят террористические акты и проявляются другие признаки вооруженной конфронтации.

В отличие от этого, практически на всей территории, находящейся под контролем правительства, обстановка значительно спокойнее, за исключением отдельных районов Сирийской пустыни, где продолжают действовать разрозненные отряды ИГИЛ.

Исходя из сказанного, можно вполне уверенно говорить в целом о завершении фазы конфликта в Сирии и начале постконфликтного восстановления.

В то же время Сирия сегодня — единственная республиканская страна в Машрике, где сохраняется авторитарный режим. Учитывая причины, приведшие к началу волнений в Сирии, данное положение представляется в определенном смысле анахронизмом, и эту проблему сирийскому руководству или, говоря шире, сирийскому обществу рано или поздно придется решать.

Вряд ли это произойдет посредством механизма конституционного комитета, формат которого инициирован ООН и получил развитие на конгрессе в Сочи, а также в ходе женевского процесса, по одной простой причине: реально светская оппозиция практически потеряла влияние внутри страны начиная с 2012 г., когда инициатива вооруженного противоборства полностью перешла в руки исламистов, а с исламистами сирийское правительство ни при каких обстоятельствах не готово делить власть, несмотря на любое давление из-за рубежа. Это было очевидно и прежде, а сейчас, когда оставшиеся вооруженные отряды умеренных исламистов находятся на территориях с турецким военным присутствием, сирийские власти склонны рассматривать их не иначе как иностранных наемников. Можно, конечно, гипотетически предполагать, что сирийское руководство согласится принять какие-то оппозиционные фигуры, подобно тому, как это было в 2011 г.

Но очевидно, что магистральный путь реформирования политических структур начнется через систему местного самоуправления, учитывая тот факт, что Б. Асад в начале 2019 г. реанимировал закон о местном самоуправлении, принятый еще в 2011 г., но замороженный на время конфликта. Причем в процессе развития местного самоуправления вопрос политического участия будет центральным. А это означает, что властям вряд ли удастся избежать учета особенностей местных сообществ, которых в Сирии насчитывается несколько различных типов¹⁸. Развитие местного самоуправления неизбежно приведет к активизации и развитию гражданского общества, а стало быть, в конечном счете и политического представительства, и политического плюрализма. На этом пути возможно также решение курдского и других сложных вопросов.

От того, сможет ли сирийская власть решить этот и другие вопросы политического реформирования, и будет зависеть алгоритм постконфликтного развития страны.

Монархические государства Машрика, как это видно из обзора хода «арабской весны», были затронуты этой волной турбулентности не в такой степени, чтобы это привело к смене государственного строя. Произошло это по разным причинам, а значит, и последствия этих событий, как прямые, так и отложенные, оказались весьма различными. Эти различия, пожалуй, еще более углубились в ходе течения ближневосточного регионального конфликта.

В Иордании события «арабской весны» развивались настолько близко к марокканскому сценарию и имели столь схожие результаты, что нет смысла рассматривать их более подробно. Отметим лишь, что Иордания, как и Марокко, в результате этих событий продолжила эволюцию от дуалистической к конституционной монархии. Но в ходе расширения регионального конфликта Хашимитское королевство оказалось в прямом соприкосновении с его эпицентром. Террористы ИГИЛ пытались развернуть прямую военную конфронтацию с Иорданией, но эти попытки натолкнулись на решительный отпор. Можно констатировать, что королевство,

---

¹⁸ Речь идет о совершенно разных по характеру территориальных сообществах — начиная с населения крупных городов, прежде всего Дамаска и Алеппо с их достаточно развитым гражданским обществом, и заканчивая местными общинами севера, юга и востока и кочевыми племенами Сирийской пустыни.

наладив ровные отношения со всеми окружающими странами, было и остается одним из островков стабильности в регионе.

Кувейт и Бахрейн, как уже отмечалось, оказались наиболее затронутыми событиями «арабской весны», которые выявили точки уязвимости их политических систем. Несмотря на дальнейшую стабилизацию внутреннего положения (на Бахрейне весьма относительную и по-прежнему опирающуюся в значительной степени на присутствие саудовских войск и полицейских сил ОАЭ), результаты потрясений сказались на их региональной активности. Обе страны практически воздерживаются от всякого активного участия в любых военных операциях, равно как и от прямой поддержки тех или иных вооруженных структур в регионе. Так, ни одна из этих стран не участвовала в созданной США коалиции, не оказывала прямой поддержки вооруженной оппозиции в Сирии, не участвовала и в военных операциях в Йемене, несмотря на формальное вступление в созданную Саудовской Аравией коалицию. Кувейт, в отличие от Бахрейна, занял нейтральную позицию даже в ходе эскалации саудовско-иранского конфликта и был, наряду с Оманом, одной из двух стран, куда совершал визиты президент Ирана Х. Рухани. Следует отметить, что политические реформы, направленные на эволюционное развитие режимов в обеих странах, заморожены, и это является одним из факторов снижения их регионального веса.

Катар, самая маленькая по населению страна арабского мира, в силу рассмотренных причин не была затронута «арабской весной» и попыталась извлечь наибольшие дивиденды из регионального конфликта, оказывая информационную и финансовую поддержку исламистским силам в Сирии и Ливии. Поддержка «Братьев-мусульман» сблизила ее с Турцией, но рассорила с Саудовской Аравией. Последняя поддержала государственный переворот в Катаре в 2013 г., но в дальнейшем отношения между странами резко обострились. В 2017 г. Королевство Саудовская Аравия (КСА) разорвало с Катаром дипломатические отношения и организовало вокруг него экономическую блокаду. Возникла угроза вооруженного конфликта между КСА и Катаром, но последний был поддержан Турцией и Ираном.

Оман был затронут волнениями в ходе «арабской весны», и следует отметить, что правитель страны султан Кабус, в отличие от многих других арабских монархов, оперативно ответил на волнения

указом о политических реформах, включая наделение консультативного совета законодательными полномочиями, что означало начало вступления на путь парламентаризма. Это вообще характеризует политический стиль одного из наиболее прозорливых арабских политиков, обеспечившего стране впечатляющие результаты экономического и политического роста. Эволюционное развитие по пути политических реформ гарантирует стране стабильность, чему способствовала и практически полная отстраненность от всех конфликтов в регионе, включая сирийский и йеменский, а также конфликтную ситуацию между КСА и Ираном, в которой Оман занимает нейтральную позицию.

Саудовская Аравия, как известно, была затронута «арабской весной» в основном в шиитских районах, однако это не значит, что влияние волнений никак не сказалось на суннитском населении страны. Одним из реактивных действий КСА была поддержка исламистских движений в арабском мире, однако не всех, а лишь тех, которые были прямо или косвенно связаны с ваххабизмом. Но и здесь политика королевского дома Саудовской Аравии была достаточно избирательна, поскольку имевшие ваххабистские корни Аль-Каида и ИГИЛ были нацелены на конфронтацию с королевством, имея в этом поддержку части духовенства в самой стране. «Братьев-мусульман» КСА рассматривает в качестве одних из наиболее опасных противников. Поэтому, в отличие от Катара и Турции, оно включило «Братьев-мусульман» в список террористов и противостоит им почти повсюду — в Египте, Ливии и других государствах региона.

В Сирии ставка КСА на «Джейш аль-Ислам», как уже было показано ранее, оказалась полностью провальной, в результате чего королевство утратило всякое влияние на ход сирийского конфликта, а вместе с тем стал резко снижаться и его региональный вес. Поэтому в 2019–2020 гг. КСА в стремлении «сохранить лицо» продолжило в отношении САР политику непризнания и препятствовало возвращению Сирии в ЛАГ. Вместе с тем восстановление дипломатических отношений с Сирией ОАЭ и особенно Бахрейна вряд ли обошлось без согласования с Саудовской Аравией.

Исключение составил Йемен, где изначально происходившая из движения «Братья-мусульмане» партия «Ислах» была в течение длительного времени «перевоспитана» в ваххабистском духе. По-

скольку в Йемене эта партия занимала одну из доминирующих позиций в ходе «арабской весны», КСА сделало, казалось бы, безошибочную ставку на нее вкупе с кланом аль-Ахмаров, стоявшим во главе крупнейшего племенного союза хашид, которые к тому же контролировали и партию «Ислах».

Обеспечив смену президента А. Салеха на слабую фигуру А.Р.М. Хади, КСА, казалось, обеспечивало себе полный контроль над этой соседней страной. Однако победа хуситского движения на севере Йемена и сепаратистское движение на юге страны привели к тому, что позиции КСА здесь становились все более зыбкими, уступая позициям Ирана на севере и ОАЭ на юге. Этот процесс в 2019–2020 гг. стал близок к тому, чтобы достичь точки бифуркации.

Проведение заявленных наследным принцем КСА М. бен Салманом амбициозных реформ невозможно без выхода из серии конфликтных состояний, а это, помимо неудачной йеменской кампании и политического провала в Сирии, еще и нарастание противоречий с Катаром, Ираном и Турцией. В середине 2019 г. к этому прибавились растущие противоречия с ОАЭ на йеменском направлении.

Сумма этих факторов ведет к снижению роли КСА в качестве региональной державы.

Единственным бенефициаром суммарных итогов регионального конфликта в арабском мире по факту оказываются Объединенные Арабские Эмираты. Их незатронутость волной «арабской весны» объясняется не только общей динамикой развития и высоким уровнем благосостояния (с этих позиций ситуации во всех княжествах Персидского залива сопоставимы), но и тем, что на момент 2011 г. ОАЭ оказались единственной арабской страной, которая по ряду параметров перешла на постиндустриальную стадию, что позволило, в частности, перекрыть попытки развития волнений уже на уровне призывов к ним в Интернете. Дополнительным фактором, также связанным с этими причинами, стало отсутствие серьезной мотивации к волнениям у автохтонного населения страны.

Отметим также минимальную вовлеченность ОАЭ в конфликты. Они вмешивались в них только там, где их участие было максимально безопасно и могло принести наибольшую пользу. Несомненно, за этим стоял хорошо продуманный расчет. Так, ОАЭ не только помогали в Ливии армии Х. Хафтара, но и осуществляли

бомбардировки позиций террористов. В то же время в Йемене они вмешались достаточно глубоко и многосторонне, но только на стороне сил Юга, с которыми их связывают традиционные тесные отношения, и в результате точного анализа ситуации.

В результате КСА терпит поражения, а ОАЭ только выигрывают.

Этот обзор ситуации в арабском мире, переходящей от конфликтного к постконфликтному состоянию, показывает следующее.

1. Прокатившиеся одна за другой две волны турбулентности привели к серьезному реформатированию страновых политических структур и политической ситуации во всем арабском регионе.

2. «Арабская весна» обозначила тенденцию демократического транзита республиканских автократий, но реально он состоялся только в одной стране — Тунисе. Его, по крайней мере частичная, реализация началась также в Алжире. Не исключен демократический транзит и в Южном Йемене в случае его отделения, но о такой возможности можно говорить как о туманной перспективе.

Среди других республиканских режимов можно отметить три демократии — Ливан, Ирак и Палестинская автономия (ПА), однако они крайне неустойчивы и в случае Ирака и ПА чреватых распадом, а в случае Ливана — возобновлением гражданской войны. Кроме того, мы имеем два распавшихся государства — Сомали и Ливию, причем первое — задолго до «арабской весны», но второе — в результате этого процесса и последовавшего конфликта. Еще есть Северный Йемен с не очень определенным будущим, так как политический транзит обещает быть долгим, и две системные автократии — Египет и Сирия. Причем возвращение автократии в первом случае и ее сохранение во втором являются результатом противостояния радикальному исламистскому дискурсу. Все эти изменения сложно рассматривать как позитивные, но один их региональный результат очевиден: системные автократии среди республиканских режимов стали исключением, а не правилом.

3. Среди монархических режимов две страны — Иордания и Марокко — продолжили демократический транзит, причем этот процесс был подстегнут событиями «арабской весны». Еще две страны — Оман и ОАЭ — определились с начальной фазой транзита, но при этом транзит последней преждевременно называть демократическим,

скорее, он находится где-то в промежутке между моделями Сингапура и Малайзии¹⁹. Некоторые наметки транзита, подобного оманскому, можно отметить также в Катаре. В то же время в Кувейте и на Бахрейне возможности дальнейшего транзита по результатам «арабской весны» заморожены. Наконец, в КСА драйв от абсолютизма пока можно рассматривать лишь в гипотетической плоскости, если не принимать за таковой, пожалуй, преувеличиваемый рядом аналитиков эффект местных избирательных кампаний. Таким образом, в монархическом спектре также есть определенные подвижки, но они гораздо менее радикальны и драматичны, чем в республиканском.

4. Касательно региона в целом можно говорить о двух кардинальных последствиях.

Во-первых, отсутствие серьезных интеграционных потенций как в общерегиональном плане, так и в более локальных контекстах. Проект Арабского Магриба заморожен и пока только гипотетически может быть возрожден по линии Марокко — Алжир — Тунис, если для этого созреют объективные условия. ССАГПЗ явно разваливается по политическим линиям, что препятствует и экономической интеграции.

Во-вторых, тенденция к общему снижению веса региона в глобальном геополитическом контексте. Частично это объясняется изменением глобальной экономической конъюнктуры, но и не исчерпанная до конца конфликтогенность региона сыграла далеко не последнюю роль.

В глобальном измерении

Региональные конфликты перестают быть самой актуальной темой в глобальной повестке. Хотя конфликтный потенциал продолжает сохраняться в той или иной мере во всех перечисленных в данной работе региональных зонах (а в некоторых, как было показано, он имеет тенденцию к дальнейшему нарастанию), этот фактор уже вряд ли будет определяющим в дальнейшем течении процесса глобализации. На передний план выступают другие тен-

---

¹⁹ В ОАЭ признаки такого транзита выражаются в развитии местного самоуправления на уровне каждого эмирата, в Омане — наделением консультативного совета представительскими функциями с последующей возможной перспективой его выборности.

денции, которые начинают играть первостепенную роль в развитии глобального геополитического процесса.

Прежде всего речь идет о новой революции в сфере коммуникаций, которая уже начинает оказывать и в самом ближайшем будущем окажет огромное воздействие на все аспекты жизни мирового социума, в том числе на течение и направления дальнейшего развития процесса глобализации.

Оба основных аспекта коммуникаций — «мягкие» (связанные с передачей и распространением информации) и «жесткие» (связанные с развитием различных систем транспорта) — переживают процесс глубоких качественных изменений, причем эти изменения имеют глубинную взаимосвязь, заключающуюся в складывании принципиально новой ткани глобальной кооперации и интеграции, и втягивают в этот процесс все новые уровни и элементы глобального социума. В области «мягких» коммуникаций это, во-первых, использование космических коммуникаций в сфере контроля и управления, во-вторых, тотальная оцифровка производственных и управленческих процессов и, в-третьих, создание искусственного интеллекта. В области «жестких» коммуникаций это новая транспортная революция, которая касается прежде всего развития наземного, железнодорожного и автомобильного транспорта.

Речь здесь идет не только о новых технологиях, видах топлива и проч. (хотя все это также играет роль), но в первую очередь — о создании трансконтинентальной сети коммуникаций. При этом главным театром развития этой сети предстоит быть Большой Евразии, т.е. всему пространству Евразийского континента. Неслучайно в ходе целого ряда ведущих международных форумов — G-20, АТЭС, АСЕАН и др. — во время встреч лидеров ведущих евроазиатских стран эта тема неизменно была одной из ведущих.

Среди сложившихся сегодня в мире наиболее важных производственно-технологических кластеров значительная часть находится в Азиатско-Тихоокеанской зоне (Китай, Япония, Индия, АСЕАН), а еще один важнейший кластер расположен на северо-западной окраине Евразийского континента (ЕС). Современное течение процесса глобализации диктует необходимость резкой интенсификации связей между ними, прежде всего в сфере обмена продукцией и кооперации в рамках высокотехнологического уклада.

Именно этим обусловлен, например, китайский проект Великого Шелкового пути.

Однако, несмотря на выражение «Один пояс — один путь», китайский проект фактически предусматривает по крайней мере два пути — морской и трансконтинентальный²⁰. На самом деле путей гораздо больше и отнюдь не только китайских. Но дело не только в этом.

Морской путь от юго-восточных кластеров до Европы составляет минимум 40–45 суток (от берегов Индии), притом что часть его пролегает через нестабильный регион Ближнего Востока. Гипотетическая скорость трансконтинентальных перевозок даже при существующих несовершенных коммуникациях по крайней мере в 2–2,5 раза быстрее²¹.

Поэтому на сегодняшний момент прокладка и технологическое усовершенствование трансконтинентальных переходов и становится фактически главным мотивом взаимодействия стран Большой Евразии. Таких переходов на сегодня по крайней мере шесть, и все они проходят через территорию России. Это три перехода с территории Китая: через Манчжурию, Монголию и Казахстан, соединение транскорейской железной дороги с Транссибом (фактически здесь речь идет только о модернизации, поскольку дорога есть, но замороженная за годы корейского противостояния, и не случайно поэтому представители Южной Кореи недавно провели инспекцию пути в КНДР с целью его скорейшей модернизации); Япония—Россия (в контексте вышеизложенного российско-японские переговоры вокруг мирного договора и Курил и имеют гораздо более широкий контекст, чем кажется некоторым узким специалистам: Россия заинтересована в конкуренции коммуникаций через ее территорию, но Япония может и опоздать); и, наконец,

²⁰ Стратегия экономического проекта «Один пояс — один путь» // РИА Новости. 2017. 11 сентября. URL: <https://ria.ru/20170911/1502017345.html> (дата обращения: 04.09.2020); «Один пояс, один путь»: детали масштабной экономической идеи // Вести. Экономика. 2019. 26 апреля. URL: <https://vestifinance.ru/videos/47837> (дата обращения: 04.09.2020); Россия — главный партнер Китая в проекте «Один пояс — один путь». URL: chinamachineryfair.ru/gossia_kitaj (дата обращения: 04.09.2020).

²¹ Двенадцать стран обсуждают в Тегеране транспортный коридор «Север—Юг» // EurAsia Daily. 2019. 4 марта. URL: <https://easdaily.com/ru/news/2019/03/04/dvenadcat-stran-obsuzhdayut-v-tegerane-transportnyy-koridor-sever-yug> (дата обращения: 04.09.2020).

коридор Север—Юг (железная дорога, проходящая от портов Ленинградской области через Азербайджан к южным портам Ирана), который связывает Европу с Индией и АСЕАН.

Очевидно, что развитие всей этой транспортной сети — неизбежный императив самых ближайших лет. Более того, перевозки через Транссиб и БАМ уже происходят, пробные перевозки через коридор Север—Юг состоялись. Кроме того, создаются дублирующие автомобильные пути. Дальнейшая модернизация железнодорожных путей и строительство новых высокоскоростных магистралей позволят сократить время перевозок из Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии в Европу кратно, по крайней мере до одной недели, а в дальнейшем — до считанных дней. При такой скорости перевозок никакие морские пути в обозримое время будут не в состоянии конкурировать с ними.

За этой назревающей коммуникационной (транспортной) революцией просматриваются следующие тенденции.

1. Начало создания единого геополитического пространства Большой Евразии — от западных оконечностей Европы до побережья Тихого и Индийского океанов. Под этим единым пространством, естественно, подразумевается не скорая ликвидация всех существующих диспропорций и противоречий, но существенное пространственно-временное сближение основных производственных кластеров на этом пространстве.

2. Основным предметом торгового обмена и производственной кооперации на этом пространстве становятся не сырье, энергоресурсы, продукция сельского хозяйства и товары массового потребления (при всем их сохраняющемся значении), а компоненты новой высокотехнологической экономики XXI в. Именно они выступают основным драйвером развития коммуникационной системы.

3. В связи с этим совершенно очевидны потенциальные преимущества путей, пролегающих через российскую территорию. Некоторая задержка их реализации (хотя использование Китаем российских транспортных путей фактически началась, но далеко не в тех объемах, которые гарантировали бы полное использование их объективных преимуществ) связана с упорным российско-китайским торгом по поводу технических, финансовых и других условий. Однако нарастающая конкуренция со стороны других азиатских производственных кластеров — Кореи, Японии, Индии

и АСЕАН, несомненно, будет подталкивать и Китай к активизации своей роли в этом направлении.

4. Указанные тенденции в ближайшее время приведут (а фактически уже начали приводить) к изменению содержания деятельности Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в направлении превращения ее в механизм евроазиатской экономической интеграции, причем потенциально — в ведущий драйвер развития перечисленных тенденций на всем пространстве Большой Евразии. При этом следует ожидать не только включение в ШОС новых стран, но и все более тесное сотрудничество и кооперацию с другими интеграционными структурами и зонами свободной торговли (ЕАЭС, АСЕАН, АТЭС, ЕС).

5. Очевидные преимущества от реализации указанных тенденций должны повлечь снижение уровня конфликтности на всем пространстве Евразии. Прежде всего речь идет о потенциальной возможности купирования конфликта в Афганистане и предотвращении его распространения на соседние государства путем совместных усилий прежде всего странами ШОС, а также недопущения разрастания индо-пакистанского противостояния. В дальнейшем по мере развития коммуникационной сети на пространстве Большой Евразии просматривается и решение украинского конфликта в связи с неизбежностью вовлечения Украины в общий коммуникационный процесс.

Исключение на достаточно обозримый период, очевидно, будет представлять Ближний Восток в силу следующих обстоятельств.

1. Районы Ближнего Востока и Северной Африки оказались отброшенными на периферию современного развития по сравнению не только с Европой и Америкой, но и со странами АТР и Южной Азии (имеются в виду Индия и АСЕАН). Несмотря на наличие компонентов современного общества, таких как индустриализация и урбанизация, их переход к постиндустриальной стадии не состоялся (за исключением небольшого количества стран Персидского залива, прежде всего ОАЭ).

2. Государственность ряда стран — членов ЛАГ либо разрушена полностью (Сомали, Ливия) или частично (Йемен), либо существенно ослаблена (Ирак, Сирия). Региональный вес ряда других арабских государств, прежде всего Египта и Саудовской Аравии, обнаружил тенденцию к снижению по сравнению с другими, не-

арабскими акторами. Происходит дальнейшая фрагментация арабского мира. Несмотря на то что он объективно сохраняет роль религиозно-цивилизационного центра всего исламского ареала, возможности его воздействия на ход исторического процесса в этом регионе минимизированы, если на обозримый период не утрачены вовсе.

3. Возросло влияние Ирана и Турции как региональных держав. Однако их претензии на роль не только политических, но и религиозно-цивилизационных центров исламского мира объективно ограничены, и ни одна из этих стран сегодня не может претендовать на место лидера исламского мира. Это показали как провал Турции в попытках воздействия на политические процессы в арабских странах (Тунисе, Египте, Ливии, а сейчас все в большей мере и в Сирии), так и пределы воздействия Ирана за границами шиитского ареала.

4. Существенно увеличился вес Израиля в качестве региональной державы. Продолжающиеся нормализация и развитие его отношений с арабскими странами с учетом признания его технологического превосходства и стремления ряда арабских государств воспользоваться его плодами ставят Израиль в положение одного из центральных игроков в регионе.

5. Становится все более очевидным, что дальнейшее направление развития исламских стран будет определяться все в большей мере либо их нахождением в экономико-политических (интеграционных) кластерах, где они уже находятся (Индонезии, Малайзии и Брунея — в рамках АСЕАН, Казахстана, Киргизии и, возможно, Таджикистана — в рамках ЕАЭС), либо по намечающимся интеграционным линиям (Пакистана и, возможно, Ирана — в рамках ШОС).

Все эти факторы ставят перед арабским миром новые вопросы, связанные с его местом и ролью в процессе глобализации и системе миропорядка. Эти вопросы остаются открытыми.

***

К изложенному необходимо добавить воздействие на глобальную ситуацию и ее региональные, в том числе ближневосточные, аспекты новейших явлений и трендов, которые проявились в 2020 г. Это прежде всего эпидемия новой коронавирусной инфекции, но не только.

Сначала, конечно, о COVID-19, который стал крупнейшим глобальным явлением не только года, но и перехода от второго к третьему десятилетию XXI в. Сама по себе пандемия, разумеется, не является чем-то принципиально новым. Но глобальная реакция на нее показывает, что она в силу прежде всего коммуникационного воздействия стала одним из факторов глобализации, до такой степени, что некоторые аналитики стали высказывать мнение, будто коронавирус подвел жирную черту под все предыдущее развитие.

Это, разумеется, не так. Но все же глобальное состояние — экономическое, транспортно-коммуникационное и в определенном смысле геополитическое — на какой-то момент, продлившийся два-три месяца, застыло так, что это стало сравнимо с зависанием компьютера, после чего началась перезагрузка. В ходе того и другого (зависания и перезагрузки) можно было отметить ряд локальных парадоксальных состояний, не исключая День сурка. Не удивительно поэтому, что некоторые стали путать карантин с автаркией (например, когда стали закрываться границы, в том числе, казалось бы, навсегда до этого устраненные между членами Евросоюза). Однако очень скоро по мере ослабления карантина стало выясняться, что глобализационные тренды, обозначившиеся до COVID-19, никуда не исчезли, а некоторые стали ускоряться, как в калейдоскопе.

Не в последнюю очередь это касается явлений, связанных со страновой, региональной и глобальной турбулентностью.

Применительно к тенденции формирования Большой Евразии мы бы обратили внимание на интервью американского аналитика Роберта Каплана, который указывает на тренды (1) ухода Америки из Европы и (2) усиления связей Европы с Россией и Китаем: «Без американского лидерства Европа будет нейтрализована и в конечном итоге станет западной ветвью Евразии, в которой доминируют Россия и Китай»²². Оставляя за скобками алармистские мотивы автора в отношении доминирования (у ЕС достаточный потенциал, чтобы стать не «младшим и угнетенным», а достаточно органичным партнером), движение в направлении сближения Евросоюза с Россией, Китаем и, добавим, всеми другими значимыми акторами

---

²² Garsus amerikiečių ekspertas išvelgia pavojaingas tendencijas: Europa bus neutralizuota // Delfi. 11.07.2020. URL: <https://m.delfi.lt/uzsienyje/article.php?id=84713033> (дата обращения: 04.09.2020).

Большой Евразии выглядит как констатация становящейся все более неизбежной тенденции.

Вместе с тем пандемия и последовавшие за ней события выявили ряд проблем, носящих в конечном счете глобальный характер и чреватых новыми потрясениями. Среди них мы бы в первую очередь выделили следующие.

1. Ножницы между необходимостью карантина и восстановления экономики, коммуникаций, социальных и политических процессов — от медицинского обслуживания вне рамок COVID-19 до электоральных циклов. Это, в частности, одна из причин, породивших волнения в США, но не только: достаточно взглянуть на события в Сербии. Впрочем, волнения, связанные с этим фактором, охватили также в разной степени Великобританию, Францию, Бразилию и ряд других стран.

2. Кризис идентичности. Именно эта проблема обнаружилась со всей очевидностью в ходе политического процесса в США в 2020 г., выразившись в острейших столкновениях, охвативших, по сути, всю страну. Но глубина проблемы, во-первых, возникла не сегодня, а во-вторых, не касается только Соединенных Штатов, а носит глобальный характер. На это неслучайно обратил внимание Фрэнсис Фукуяма в своей книге «Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия»²³.

Здесь уже нет возможности подробно останавливаться на этой проблеме, отметим только, что она выходит на первый план в конфликтогенности в страновом, региональном и глобальном ракурсах и в качестве фактора, который способен порождать (и уже порождает) новые волны турбулентности. Это в полной мере относится к арабскому и, более широко, исламскому миру и сопредельным с ним территориям.

Именно эта проблема и может сказаться на реализации тенденций, которые обозначены в заключительной части данной книги, в частности в плане ликвидации конфликтов, сотрясающих арабский регион.

---

²³ Фукуяма Ф. Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия. М.: ЛитРес, 2019.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Литература

Алмонд Г. Политическая наука: новые направления. М.: Вече, 1999. 815 с.

Арабская Республика Египет: справочник. М.: Наука, 1990. 355 с.

Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентКом, 1996. 672 с.

Асламова Д. Революции ласкают молодых и рьяных. А власть приносят... бородачам // Комсомольская правда. 2012. № 20. 14 февраля.

Бабаян Г. История Того в новое и новейшее время. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Экон-Информ, 2010. 341 с.

Бабьнина И.О., Кузнецов В.А. ЕС и страны Магриба // Европейский Союз в поиске глобальной роли. М.: Весь мир, 2015. С. 535–536.

Бжезинский З. Между двумя веками: роль Америки в эру технотроники / пер. с англ. И.М. Максимовой. М.: Прогресс, 1972. 308 с.

Бжезинский З. Великая шахматная доска. Американское превосходство и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 2010. 256 с.

Бжезинский З. Выбор: Мировое господство или глобальное лидерство. М.: Международные отношения, 2010. 262 с.

Бжезинский З. Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. М.: Международные отношения, 2007. 237 с.

Ближний Восток меняет свое лицо. Круглый стол в Институте Африки РАН // Азия и Африка сегодня. 2007. № 2. С. 10–18.

Васильев А.М. История Саудовской Аравии. 2-е изд., доп. М.: Классика плюс, 1999. 670 с.

Васильев А.М. От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. М.: ЦентрПолиграф, 2018. 669 с.

Видясова М.Ф. Исторические предпосылки современного ливийского кризиса // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2016. № 2. С. 20–44.

Гали Б.Б. Путь Египта в Иерусалим: Рассказ дипломата о борьбе за мир на Ближнем Востоке / пер. с англ. К.М. Труевцева. М.: Кн. дом газеты «Труд»: Классика плюс, 1999. 413 с.

Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма / пер. с нем. И. Степанова. 4-е изд. М.: Гос. изд-во, 1924. 460 с.

Даль Р. О демократии / пер. с англ. А.С. Богдановского. М.: Аспект Пресс, 2000. 203 с.

Демченко А.В. Иордания // Ближний Восток. Арабское пробуждение и Россия: что дальше?: сб. статей / отв. ред. В.В. Наумкин, В.В. Поляков, В.А. Кузнецов. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2012. С. 321–338.

Долгов Б.В. Алжир // Ближний Восток. Арабское пробуждение и Россия: что дальше?: сб. статей / под ред. В.В. Наумкина, В.В. Полякова, В.А. Кузнецова. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2012. С. 189–204.

Дюверже М. Политические партии: пер. с фр. М.: Академический проект, 2000. 538 с.

Егорин А.З. История Ливии. XX век. М.: Ин-т востоковедения РАН, 1999. 563 с.

Егорин А.З. Ливия // Ближний Восток. Арабское пробуждение и Россия: что дальше?: сб. статей / под ред. В.В. Наумкина, В.В. Полякова, В.А. Кузнецова. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2012. С. 221–240.

Жигульская Д.В. Алевиты в Турции. М.: ПРОБЕЛ-2000: Ин-т востоковедения РАН, 2016. 114 с.

Исаев Л.М., Шишкина А.Р. Сирия и Йемен: неоконченные революции. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 264 с.

Ислам Аль Мутаз Беллах Мохмед Хассан Хуссейн Эльариф. Влияние конфессионализма на политическую и экономическую жизнь в годы гражданской войны в Ливане (1975–1990) // Вестник Белорусского гос. экономического университета. 2016. № 4. С. 118–125.

История Судана в новое и новейшее время / под ред. В.С. Кошелева. М.: Наука, 1992. 289 с.

Каддафи М. Зеленая книга. М.: Международные отношения, 1989. 159 с.

Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. М.: Фолио, 2011. Т. 8. 177 с.

Каутский К. Национальное государство, империалистическое государство и союз государств. М.: Дело, 1917. 90 с.

Косач Г.Г. Эволюция внешней политики Саудовской Аравии после «арабской весны» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 3. С. 50–62.

Куделев В.В. «Аль-Каида в странах исламского Магриба» и др. в Северной Африке: хроника событий. М.: Ин-т Ближнего Востока, 2014. 507 с.

Кузнецов В.А. Тунис (2010–2011) // Ближний Восток. Арабское пробуждение и Россия: что дальше?: сб. статей / под ред. В.В. Наумкина, В.В. Попова, В.А. Кузнецова. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2012. С. 138–169.

Лейнхарт А. Демократия в многосоставных обществах. М.: Аспект Пресс, 1997. 287 с.

Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 299–426.

Ленин В.И. Об авторитаризме // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 389–393.

Лунев С.И. Социальные протесты в Индии // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 4 (43). С. 198–207.

Мазур О.А. Курдский вопрос в политическом конфликте в Сирии. М.: Ин-т Ближнего Востока, 2019. 122 с.

Мелкумян Е.С. Малые государства Персидского залива // Ближний Восток. Арабское пробуждение и Россия: что дальше?: сб. статей / под ред. В.В. Наумкина, В.В. Попова, В.А. Кузнецова. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2012. С. 240–259.

Мелкумян Е.С. Протестные выступления в Кувейте // Арабский мир после арабской весны / под ред. А.В. Коротаева, Л.М. Исаева, А.Р. Шишкиной. М.: URSS, 2013. С. 168–187.

Миронова Е.И. Алжир: смена приоритетов развития. М.: ИИИиБВ, 2004. 128 с.

Мирский И.Г. Ирак не станет вторым Вьетнамом // Экономические стратегии. 2008. № 2. С. 16–23.

Мирский Г.И. «Арабская весна» между Америкой и «Аль-Каидой» // Ближний Восток. Арабское пробуждение и Россия: что дальше?: сб. статей / под ред. В.В. Наумкина, В.В. Попова, В.А. Кузнецова. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2012. С. 117–130.

Мухаев Р.Т. Политология: учебник. М.: Проспект, 2010. 663 с.

Наумкин В.В. Вместо предисловия. Круговорот Арабского пробуждения // Ближний Восток. Арабское пробуждение и Россия: что дальше?: сб. статей / под ред. В.В. Наумкина, В.В. Попова, В.А. Кузнецова. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2012. С. 3–20.

Наумкин В.В. Насильственные конфликты и внешнее вмешательство на Ближнем и Среднем Востоке через призму теории глубоко разделенных обществ // Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития. Сер. Российская политическая наука. Истоки и перспективы / под общ. ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: Аспект Пресс, 2016. С. 415–443.

Наумкин В.В., Кузнецов В.А. Исламский мир и исламские организации в современной мирополитической системе // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2013. № 4. С. 30–56.

Новейшая история Йемена. 1917–1982 гг. / под ред. О.Г. Герасимова. М.: Наука, 1984. 235 с.

Облонский А.В. Кризис бюрократического государства. Реформы государственной службы: международный опыт и российские реалии. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2011. 266 с.

Сафронов Б.В., Лосев Ю.И. Новейшая история стран Азии и Африки: учеб. пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2019. 344 с.

Серебров С.Н. Йемен // Ближний Восток. Арабское пробуждение и Россия: что дальше?: сб. статей / под ред. В.В. Наумкина, В.В. Попова, В.А. Кузнецова. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2012. С. 259–305.

Серебров С. Йеменский кризис: «тикающая бомба» // Международная жизнь. 2017. № 2. С. 128–150.

Скоцырев В. Китай обходит США в борьбе за рынки // Независимая газета. 2012. 4 декабря.

Сухов Н.В. «Запоздалая весна» в Мавритании // Арабский мир после Арабской весны / под ред. А.В. Коротаева, Л.М. Исаева, А.Р. Шишкиной. М.: URSS, 2013. С. 229–237.

Труевцев К.М. Демократический аудит в России: значение, возможности и перспективы // Экономика и право. 2002. № 3. С. 30–41.

Труевцев К.М. Политические системы арабских стран: между авторитаризмом и демократией // Азия и Африка сегодня. 2005. № 7. С. 15–21.

Труевцев К.М. Украина: метастазы распада // Политика. 2006. № 2. С. 117–128.

Труевцев К.М. Усама бен Ладен и генезис «Аль-Каиды» // Азия и Африка сегодня. 2006. № 2. С. 12–20.

Труевцев К.М. Ислам и глобализация: проблемы адаптации // Политика. 2007. № 4 (47). С. 55–75.

Труевцев К.М. Экономический кризис и арабский мир: сценарии и реальность // Политика. 2009. № 3. С. 157–169.

Труевцев К.М. Год 2001 — новая демократическая волна? Препринт. М.: Изд. дом ВШЭ, 2011. 28 с.

Труевцев К.М. Распад Ливии как фактор напряженности в Африке и Средиземноморье // Азия и Африка сегодня. 2016. № 10. С. 12–20.

Труевцев К.М. Ближний Восток: морфология конфликта и постконфликтный дизайн // Контуры глобальных трансформаций. 2017. Т. 10. № 2. С. 143–166.

Труевцев К.М. Социальные сети: особый случай Сирии // Азия и Африка сегодня. 2019. № 12. С. 30–33.

Туровская А.А. Роль армии в политическом развитии Турецкой Республики и Исламской Республики Пакистан после Второй мировой

войны. Сравнительный анализ: дис. ... канд. ист. наук. М.: МГИМО (Университет), 2014. 174 с.

Филоник А.О. Вокруг «арабской весны»: социально-экономические процессы в арабском мире (общее и особенное) // Ближний Восток. Арабское пробуждение и Россия: что дальше?: сб. статей / под ред. В.В. Наумкина, В.В. Попова, В.А. Кузнецова. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2012. С. 32–71.

Френкель М.Ю. История Либерии в новое и новейшее время. М.: Восточная литература, 1999. 298 с.

Фукуяма Ф. Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия. М.: ЛитРес, 2019. 250 с.

Четверикова О. Ислам в современной Европе: стратегия «добровольного гетто» против политики интеграции // Россия XXI. 2005. № 1. С. 54–87; № 2. С. 52–93.

Шишкина А. Сирия: секреты стойкости режима // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабский мир после Арабской весны / под ред. Л.М. Исаева, А.Р. Шишкиной, А.В. Коротаева. М.: ЛЕНАНД, 2013. С. 323–353.

Almond G., Powell G. Comparative Politics. System, Process and Politics. Boston-Toronto, 1978. 435 p.

Bhaghwati J. In Defence of Globalization. Oxford University Press, 2004. 406 p.

Bishop T., Reinke J., Adams T. Globalization: Trends and Perspectives // Journal of International Business Research. 2011. Vol. 10. No. 1. January. P. 117–130.

Blondel J. Comparing Political Systems. N.Y.: Praeger, 1972. 260 p.

Brownlee J. Authoritarianism in an Age of Democratization. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 264 p.

Brzezinski Z. Between Two Ages. America's Role in Technetronic Era. N.Y.: Viking Press, 1970. 334 p.

Brzezinski Z. Strategic Vision: America and the Crisis of Global Power. N.Y.: Basic Books, 2008. 208 p.

Byrne I. Democratic Audit: Executive Democracy in War and Peace // Parliamentary Affairs. 2004. No. 57 (2). P. 453–468.

Drori G.S., Meyer J.F., Hwang H. Globalization and Organization: World Society and Organizational Change. Oxford University Press, 2006. 322 p.

Easton D. A Systems Analysis of Political Life. N.Y.: Wiley, 1965. 532 p.

Easton D. The Political System: An Inquiry into the State of Political Science. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1953. 356 p.

Eriksen T.H. Globalization: The Key Concepts. N.Y.: Berg, 2007. 188 p.

Ervin J., Smith Z.A. Globalization: A Reference Handbook. Santa Barbara: ABC–Clio, 2008. 312 p.

Fukuyama F. The End of History and the Last Man. N.Y.: Free Press, 1992. 418 p.

Goldwin I., Reinert K. Globalization and Development: Trade, Finance, Aid, Migration, and Policy. Washington: World bank; Basingstoke, Hants.: Palgrave Macmillan, 2006. 308 p.

Huntington S. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. University of Oklahoma Press, 1991. 366 p.

Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y.: Simon & Schuster, 1996. 576 p.

Joscelyn T. The Al-Qaeda–Iran Connection. Foundation for Defense of Democracies. 2018. August 8.

Kiely R. The Clash of Globalizations: Neo-Liberalism, the Third Way, and Anti-Globalization. Leiden; Boston: Brill, 2005. 322 p.

McLuhan H.M. Understanding Media. N.Y.: McGraw-Hill, 1964. 318 p.

McLuhan H.M., Fiore Q. War and Peace in the Global Village. N.Y.: Bantam, 1968. 190 p.

Ohmae K. Triad Power. The Coming Shape of Global Competition. N.Y.: Free Press, 1985. 220 p.

Ohmae K. The Borderless World. Power and Strategy in Interlinked Economy. N.Y.: Harper Business, 1990. 223 p.

Ohmae K. The End of the Nation State. The Rise of Regional Economies. L.: Simon and Schuster, 1995. 214 p.

Parsons T. The Social System. L.: Routledge & Kegan Paul Ltd., 1951. 575 p.

Petersson O. The Democratic Audit in Sweden. 1995–2011 // Democracy without parties? Leiden: Leiden University, 2013. P. 14–15.

Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. L.: Sage, 1992. 211 p.

Rostow W. The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto. L.: Cambridge University Press, 1960. 179 p.

Sartory G. The Theory of Democracy Revisited. L.: Chatham House Publications, 1987. 542 p.

Sniegocki J. Neoliberal Globalization: Critiques and Alternatives // Theological Studies. 2008. Vol. 69. No. 2. June. P. 321–339.

Sorokin P.A. Mutual Convergence of the United States and the USSR to the Mixed Sociocultural Type // International Journal of Comparative Sociology. 1960. No. 1 (2). P. 143–176.

Spooner B. Globalization: The Crucial Phase. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2015. 392 p.

Strategic Vision: America and the Crisis of Global Power. N.Y.: Basic Books, 2008. 208 p.

Understanding Iran's Role in the Syrian Crisis / ed. by A. Bassiri, R. Pantucci. RUSI, Royal United Services Institute for Defense and Security Studies. L., 2016. 60 p.

Yilmaz I. Ijtihad and Tajdid by Conduct // Yavuz M.H., Esposito J.L. (eds). Turkish Islam and the Secular State: The Gülen Movement. Syracuse: Syracuse University Press, 2003. P. 208–237.

Интернет-источники

11 лет тюрьмы для экс-президента: как Атамбаев провалил операцию «Преемник» // DW. 25.06.2020. URL: <https://www.dw.com/ru/11-лет-тюрьмы-для-экс-президента-как-атамбаев-провалил-операцию-преемник/a-53941735> (дата обращения: 04.09.2020).

25 лет геноциду в Руанде: как это было // Новости ООН. URL: <https://news.un.org/ru/story/2019/04/1352631> (дата обращения: 04.09.2020).

Алевиты провели демонстрацию в Стамбуле с требованием предоставить им больше свободы // МК. 2015. 9 февраля. URL: <https://mk-turkey.ru/life/2015/02/09/alevity-proveli-v-stambule-demonstraciyu-s-trebovaniem-predostavit-im-bolshe-svobody.html> (дата обращения: 04.09.2020).

Ангола // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/geography/text/4013841> (дата обращения: 04.09.2020).

Арабские страны признали объединенную оппозицию Сирии // BBC NEWS. Русская служба. 2012. 13 ноября. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2012/11/121112_arab_recognise_syria_opposition (дата обращения: 04.09.2020).

Армия Сирии отбила у боевиков город Саракиб. URL: <https://ria.ru/20200205/1564299998.html> (дата обращения: 04.09.2020).

Ас-Сиси назвал легитимным возможное прямое вмешательство Египта в Ливии // ТАСС. 2020. 20 июня. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8779101> (дата обращения: 04.09.2020).

Билан В. Иран, Египет и настороженность монархий Персидского залива // НЕО (Новое восточное обозрение). 2013. 14 февраля. URL: <https://ru.journal-neo.org/2013/02/14/rus-iran-egipet-i-nastorozhennost-arabskih-monarhij-persidskogo-zaliva/> (дата обращения: 04.09.2020).

Ботсвана // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/geography/text/4125521> (дата обращения: 04.09.2020).

В Алжире подняли уровень тревоги в войсках до военного положения // ПРОНЕДРА. 2016. 9 марта. URL: pronedra.ru/weapon/2016/03/08/alzhir-terroristy-uroveni-trevogi/ (дата обращения: 04.09.2020).

В Алжире проходят многотысячные манифестации // ТАСС. 2019. 6 сентября. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6855551> (дата обращения: 04.09.2020).

В Астане принят меморандум о зонах безопасности в Сирии // РИА Новости. 2017. 14 мая. URL: <https://https.ru/Syria/20170504/1493671459.html> (дата обращения: 04.09.2020).

Васильев А.М. Египет после выборов // РСМД. URL: <https://rus-siancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/egipet-posle-vyborov/> (дата обращения: 04.09.2020).

Ващенко В. Армия Сирии наступает из последних сил // Газета.ru. 2015. 9 декабря. URL: <https://www.gazeta.ru/army/2015/12/09/7944227.shtml> (дата обращения: 04.09.2020).

ВВП ДРК в 2010 г. составлял 21,57 млрд долл. США // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Экономика_Демократической_Республики_Конго (дата обращения: 04.09.2020).

ВВП Туниса на душу населения в 2010 г., по данным Всемирного банка, составлял 4141,98 долл. США // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Экономика_Туниса (дата обращения: 04.09.2020).

Воронин С.А. Тарикат сенуситов: религиозная доктрина и основные направления деятельности (середина XIX — начало XX в.) // Вестник Университета дружбы народов. Сер. Всеобщая история. 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tarikat-senusitov-religioznaya-doktrina-i-osnovnye-napravleniya-deyatelnosti-seredina-hih-nachalo-hh-v> (дата обращения: 04.09.2020);

Германия назвала вмешательством санкции США против «Северного потока-2» // РБК. Политика. 2019. 21 декабря. URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/12/2019/5dfdc5589a794707fccbba2> (дата обращения: 04.09.2020).

Гражданская война в Ливии // РИА Новости. 2016. 15 февраля. URL: <https://ria.ru/20160215/1372910230.html> (дата обращения: 04.09.2020).

Григорьев В. Потерянное сорокалетие Нигерии. URL: <https://carnegie.ru/2017/03/27/ru-pub-68402> (дата обращения: 04.09.2020).

Двенадцать стран обсуждают в Тегеране транспортный коридор «Север–Юг» // EurAsia Daily. 2019. 4 марта. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/03/04/dvenadcat-stran-obsuzhdayut-v-tegerane-transportnyy-koridor-sever-yug> (дата обращения: 04.09.2020).

Демократическая Республика Конго // Энциклопедия «Всемирная история». URL: <https://w.histrf.ru/articles/article/show/kongo> (дата обращения: 04.09.2020).

Демократическая Республика Конго. Представительство политических партий в Национальном Собрании по итогам выборов 28 но-

ября 2011 года. URL: <http://www.hyno.ru/tom4/447.html> (дата обращения: 04.09.2020).

Египет разорвал отношения с Сирией // Vesti.ru. 2013. 16 июня. URL: <https://www.vesti.ru/article/1897463> (дата обращения: 04.09.2020).

Егоров О. «Халифат» в Африке: почему «Исламское государство» в Ливии — это надолго // Meduza Project. 2016. 7 апреля. URL: <http://medusa.io/feature/2016/04/07/halifat-africa> (дата обращения: 04.09.2020).

ЕС приветствует первое заседание Палаты представителей Ливии // Russian.people.cn. 2014. 5 августа. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/0805/c31520-8765117.html> (дата обращения: 04.09.2020).

Желтов М. Конституционный референдум в Турции: восход Эрдогановского султана // ИнтерИзбирком. 2017. 19 мая. URL: <http://izbircom.com/2017/05/19/конституционный-референдум-в-турции/> (дата обращения: 04.09.2020).

Журкин В.В. Между прошлым и будущим: Россия в трансатлантическом контексте. URL: www.ieras.ru/pub/ZhurkinV_1.txt (дата обращения: 04.09.2020).

Замбия // Энциклопедия «Всемирная история». URL: https://w.histrf.ru/articles/article/show/zambiiia_zambia (дата обращения: 04.09.2020).

Зинин Ю. Хуари Бумедьен // РСМД. 2016. URL: [https://russiancouncil.ru/common/upload/Титаны%20БВ%20-%20Буамедьен%20\(Алжир\).pdf](https://russiancouncil.ru/common/upload/Титаны%20БВ%20-%20Буамедьен%20(Алжир).pdf) (дата обращения: 04.09.2020).

Зинтанские бригады // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Зинтанские_бригады (дата обращения: 04.09.2020).

«Игры» Саудовской Аравии и ОАЭ в Ливии // ИноСМИ.ру. 2018. 22 января. URL: <https://inosmi.ru/politic/20180122/241239202.html> (дата обращения: 04.09.2020).

Идея демократического аудита // Psyera. URL: https://psyera.ru/ideya-demokraticheskogo-audita_13227.htm (дата обращения: 04.09.2020).

Информационный портал Евразийского экономического союза. URL: <https://portal.eaeunion.org/ru-ru/public/main.aspx> (дата обращения: 04.09.2020).

Ирак нарастил добычу нефти до рекордного уровня перед встречей ОПЕК // РБК. 2016. 16 апреля. URL: <https://www.rbc.ru/economics/11/04/2016/570b48839a7947b34af7520b> (дата обращения: 04.09.2020).

Иран в сирийском конфликте. Противостояние с Саудовской Аравией и интересы шиитов // Военное обозрение. Аналитика. 2015. 15 октября. URL: <https://topwar.ru/84409-iran-v-siriyskom-konflikte-protivostoyanie-s-saudovskoy-araviey-i-interesy-shiitov.html> (дата обращения: 04.09.2020).

Ислам в Европе. URL: <https://medinaschool.org/library/obshestvo/istoriya-islama/islam-v-evrope> (дата обращения: 04.09.2020).

Исламское государство (ИГИЛ): как стать проблемой мирового масштаба // MilitaryArms. Военный обзор. 2019. 1 августа. URL: <http://militaryarms.ru/armii-mirs/islamskoe-gosudarstvo/> (дата обращения: 04.09.2020).

История Бенина. URL: <http://historyline.ru/benin/> (дата обращения: 04.09.2020).

История Габона. URL: <http://historyline.ru/gabon/> (дата обращения: 04.09.2020).

История Гвинеи. URL: <http://historyline.ru/guinea/> (дата обращения: 04.09.2020).

История Кении. URL: <http://historyline.ru/kenya/> (дата обращения: 04.09.2020).

История межконфессионального конфликта в ЦАР // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20190206/1550395539.html> (дата обращения: 04.09.2020).

История Танзании // Africana. URL: <https://africana.ru/lands/tanzania/history.htm> (дата обращения: 04.09.2020).

История Уганды. URL: <http://historyline.ru/uganda/> (дата обращения: 04.09.2020).

История Центрально-Африканской Республики // GECONT.RU: география, экономика, достопримечательности. URL: <http://www.gecont.ru/articles/common/cag.htm> (дата обращения: 04.09.2020).

К защите режима Асада подключились иракские шииты // Лента новостей. 2013. 27 мая. URL: <https://lenta.ru/news/2013/05/27/iraqis/> (дата обращения: 04.09.2020).

Как работает Евросоюз. 12 пунктов о самом главном // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/projects/eu> (дата обращения: 04.09.2020).

Как финансируются исламистские группировки? // BBC NEWS. Русская служба. 2014. 12 декабря. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2014/12/141212_finances_of_jihadists (дата обращения: 04.09.2020).

Кеннехт Е.Н. Становление гражданского правления и переход к демократии в Республике Гана // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Политология. 2013. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-grazhdanskogo-pravleniya-i-perehod-k-demokratii-v-respublike-gana> (дата обращения: 14.09.2020).

Козичев Е. Хроника террора в Мали // Коммерсантъ. 2015. 20 ноября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2859686> (дата обращения: 04.09.2020).

Конституция Государства Кувейт. С. 43. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=91> (дата обращения: 04.09.2020).

Конституция Йеменской Арабской Республики 1991 года с конституционными поправками 1994 и 1999 годов. URL: worldconstitutions.ru (дата обращения: 04.09.2020).

Корейский Сталин. Он был жестоким диктатором, но сделал страну великой. Его считают и палачом и героем // Lenta.ru. 2019. 15 марта. URL: https://lenta.ru/articles/2019/03/15/park_chung_hee_1/ (дата обращения: 04.09.2020).

Корсун К.А. Социальный протест с «китайской спецификой»: смена вектора. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyu-protest-s-kitayskoj-spetsifikoju-smena-vektora/viewer> (дата обращения: 04.09.2020).

Косач Г.Н. Саудовская Аравия и «арабская весна». URL: http://www.intelros.ru/pdf/svobodnau_misl/2012_5_6/9.pdf (дата обращения: 04.09.2020).

Кот д'Ивуар // Энциклопедия «Всемирная история». URL: https://w.histrf.ru/articles/article/show/kot_divuar (дата обращения: 04.09.2020).

Крутиков Е. «Московский протокол» обозначил крупнейшее поражение Эрдогана в Сирии // Взгляд. 2020. 6 марта. URL: <https://vz.ru/politics/2020/3/6/1027514.html> (дата обращения: 04.09.2020).

Либерия. Краткая справка // BBC NEWS. Русская служба. 2009. 18 сентября. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2009/09/090918_in_depth_iberia (дата обращения: 04.09.2020).

Лэйн Э. Ливийские берберы (амазиги) требуют признания независимости // Сайт сообщества «За Каддафи и его народ». 2012. 21 июня. URL: za-kaddafi.org/node/11958 (дата обращения: 04.09.2020).

Люлько Л. Автономия курдов — изящный ход Асада? // Pravda.ru. 2013. 13 ноября. URL: www.pravda.ru/world/asia/middleast/13-11-201/1182052-asad-0/ (дата обращения: 04.09.2020).

Макаренко В. Осудить геноцид в прошлом — значит предотвратить его в будущем // Kurdistan.ru. 2013. URL: https://kurdistan.ru/2013/03/26/articles-18538_Osudit_genocid_v_pro.html (дата обращения: 04.09.2020).

Манн С. Теория хаоса и стратегическое мышление // Синергетика. URL: <http://skurdumov.narod.ru/mann.htm> (дата обращения: 04.09.2020).

Манойло А. Цветные революции и проблемы демонтажа политических режимов в меняющемся мире. URL: <http://fonedin.ru/biblioteka/stati/244-andrey-manoylo-cvetnye-revolycii-i-problemy-demontazha->

politicheskikh-rezhimov-v-menyayuschemsya-mire.html (дата обращения: 04.09.2020).

Марокко: на парламентских выборах победили правящие умеренные исламисты // Euronews. 2016. 8 октября. URL: <https://ru.euronews.com/2016/10/08/moderate-islamists-win-elections-in-morocco> (дата обращения: 04.09.2020).

Массовые протесты в Ираке: десятки погибших, сотни пострадавших // BBC NEWS. Русская служба. 2019. 4 октября. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-49933423> (дата обращения: 04.09.2020).

Мозамбик // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/geography/text/2222502> (дата обращения: 04.09.2020).

Намибия // Энциклопедия «Всемирная история». URL: <https://w.histrf.ru/articles/article/show/namibiia> (дата обращения: 04.09.2020).

Население ДРК в 2010 г. составляло 64,56 млн человек // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Демократическая_Республика_Конго (дата обращения: 04.09.2020).

Население Эфиопии в 2010 г. — 87,64 млн человек // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Эфиопии (дата обращения: 04.09.2020).

Наступление хуситов. 2020. 11 июля. URL: <https://colonelcassad.livejournal.com/6012366.html> (дата обращения: 04.09.2020).

Наступление хуситов в провинции Аль-Джавф. 2020. 29 марта. URL: <https://colonelcassad.livejournal.com/5749067.html> (дата обращения: 04.09.2020).

Неизвестные расстреляли туристов на пляже в Кот д'Ивуаре // РБК. 2016. 13 марта. URL: <https://www.rbc.ru/society/13/03/2016/56e597419a79475f507a2b90> (дата обращения: 04.09.2020).

Нигерия // Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Demographics_of_Nigeria (дата обращения: 04.09.2020).

Новости ООН. 2012. 22 ноября. URL: <https://news.un.org/ru/story/2012/11/1213771> (дата обращения: 04.09.2020).

«Один пояс, один путь»: детали масштабной экономической идеи // Вести. Экономика. 2019. 26 апреля. URL: <https://vestifinance.ru/videos/47837> (дата обращения: 03.05.2019).

ООН заметила активизацию «Исламского государства» в Ливии // Коммерсантъ. 2016. 11 марта. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2934131> (дата обращения: 04.09.2020).

Операция «София». Секретный доклад ЕС рассказал об уничтожении беженских лодок // МК. 2016. 17 февраля. URL: <https://www.mk.ru/politics/2016/02/17/operaciya-sofiya-sekretnyy-doklad-es-rasska>

zal-ob-unichtozhenii-bezhenskikh-lodok.html (дата обращения: 04.09.2020).

Ослон А.А. Апология умной толпы // НГ-Сценарии. 2012. 28 февраля. URL: https://www.ng.ru/scenario/2012-02-28/9_apologia.html (дата обращения: 04.09.2020).

Пак Чжон Хи (Чонхи). Возрожденная Корея: модель развития. URL: <http://www.lib.ru/MEMUARY/SINGAPUR/koreareborn.txt> (дата обращения: 04.09.2020).

Парламентские выборы в Марокко выиграли исламисты // РБК. Политика. 2011. 26 ноября. URL: <https://www.rbc.ru/politics/26/11/2011/5703ef659a79477633d3a73b> (дата обращения: 04.09.2020).

Поток мигрантов из Сирии вырастает // Иносми.ру. 2015. 15 декабря. URL: [//inosmi.ru/politic/20151215/234804000.html](http://inosmi.ru/politic/20151215/234804000.html) (дата обращения: 04.09.2020).

Правительственные войска Ливии вошли в Сирт — главный оплот ИГ в Ливии // ТАСС. Международная панорама. 2016. 3 июня. URL: tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3338007 (дата обращения: 04.09.2020).

Правительство и сепаратисты Йемена согласились создать новое правительство // Известия. 2020. 29 июля. URL: <https://iz.ru/1041323/2020-07-29/pravitelstvo-i-separatisty-jemena-soglasilis-sozdat-novoe-pravitelstvo> (дата обращения: 04.09.2020).

Проблема применения химического оружия в Сирии // ТАСС. 2013. 21 августа. URL: itat-tass/mezhdunarodnaya-panorama/664000 (дата обращения: 04.09.2020).

Протесты в Ираке несут риски для России // Независимая газета. 2019. 11 ноября. URL: http://www.ng.ru/world/2019-11-11/2_7723_iraq.html (дата обращения: 04.09.2020).

Раванди-Федаи Лана Междидовна. От строителя до генерала: Кто такой Касем Сулеймани // Институт востоковедения РАН. 2017. 5 апреля. URL: <https://www.ivran.ru/articles?artid=7306> (дата обращения: 02.08.2020).

Райс К. Преобразование Ближнего Востока // The Washington Post. 07.08.2003. URL: <https://inosmi.ru/world/20030807/189705.html> (дата обращения: 04.09.2020).

Рейтинг стран по уровню коррупции // NoNews. URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/corruption> (дата обращения: 04.09.2020).

Республика Конго (Браззавиль) и бронетехника. URL: <https://paris1814.com/республика-конго> (дата обращения: 04.09.2020).

Россия — главный партнер Китая в проекте «Один пояс — один путь». URL: chinamachineryfair.ru/rossia_kitaj (дата обращения: 04.09.2020).

Сирийские войска отбили контратаки террористов на юге Идлиба. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/7460457> (дата обращения: 04.09.2020).

«Смерть мозга». Макрон поставил НАТО диагноз и предостерег Россию от дружбы с Китаем // ТАСС. 2019. 8 ноября. URL: <https://tass.ru/opinions/7094512> (дата обращения: 04.09.2020).

СМИ сообщили об освобождении пригородов Алеппо // Информационное агентство RNS. 2020. 16 февраля. URL: <https://rns.online/society/SMI-soobschili-ob-osvobozhdenii-ot-boevikov-prigorodov-aleppo-2020-02-16/> (дата обращения: 04.09.2020).

Союзное государство: 20 лет совместного развития. URL: https://www.postkomsg.com/history/20years_of_union_state/page726227.html (дата обращения: 04.09.2020).

Станет ли Халифа Хафтар диктатором Ливии // Lenta.ru. 2015. 3 марта. URL: <https://lenta.ru/articles/2015/03/03/haftar/> (дата обращения: 30.08.2020).

Стенушова Л. Пойдет ли Латгалия по пути Каталонии? // Pravda.ru. 2016. 4 февраля. URL: <https://www.pravda.ru/world/1291065-latgalia/> (дата обращения: 04.09.2020).

Стратегия экономического проекта «Один пояс — один путь» // РИА Новости. 2017. 11 сентября. URL: <https://ria.ru/20170911/1502017345.html> (дата обращения: 04.09.2020).

Сухов Н.В. «Запоздалая весна» в Мавритании будет исламской. 2013 г. 23 января. URL: <http://www.iimes.ru/?p=16598> (дата обращения: 04.09.2020).

США ввели санкции против главы самопровозглашенного правительства Ливии // ТАСС. Международная панорама. 2016. 19 апреля. URL: tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3221285 (дата обращения: 04.09.2020).

Сьерра-Леоне: укрепление с трудом завоеванного мира // ООН. URL: <https://www.un.org/ru/events/tenstories/2006/story.asp?storyID=1400> (дата обращения: 04.09.2020).

Сюкияйнен Л.Р. Религия, право и исламская мысль в современной Турции. URL: <http://fgulen.com/ru/about-fethullah-gulen-ru/scientists/religion-law-and-islamic-thought-in-modern-turkey> (дата обращения: 04.09.2020).

Террористические акты в Буркина-Фасо унесли жизни 30 человек // РИА Новости. 2016. 16 января. URL: <https://ria.ru/20160116/1360631206.html> (дата обращения: 04.09.2020).

Топалов А. ИГ идет за ливийской нефтью // Газета.ru. 2015. 14 декабря. URL: www.gazeta.ru/business/2015/12/14/7966985.shtml (дата обращения: 04.09.2020).

Турецкая оппозиция назвала войну с Сирией капканом для страны // Известия. 2020. 1 марта. URL: <https://iz.ru/981793/2020-03-01/tureck-aia-oppozitciia-nazvala-voinu-s-siriei-kapkanom-dlia-strany> (дата обращения: 04.09.2020).

Турция отказалась от возобновления наступления на северо-востоке Сирии // Ведомости. 2019. 23 октября. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2019/10/23/814494-turtsiya-otkazalas-ot> (дата обращения: 04.09.2020).

Фактор тубу. Последствия ливийской войны в сахарской политике // Военное обозрение. 2015. 5 августа. URL: topwar.ru/80013-factor-tubu-posledstviya-liviyskojvoynysaharskoj-politike.html (дата обращения: 04.09.2020).

Федерация Арабских Республик // Советская историческая энциклопедия. URL: https://gufo.me/dict/history_encyclopedia/ФЕДЕРАЦИЯ_АРАБСКИХ_РЕСПУБЛИК (дата обращения: 04.09.2020).

Филатов Г. Каталония, Страна Басков и Галисия: сепаратистские тенденции в начале XXI века. URL: https://www.imemo.ru/publications/periodical/meimo/archive?article_id=8886 (дата обращения: 04.09.2020).

Филиппов В. Путч в Мали: причины и последствия // РСМД. 2012. 5 июня. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/putch-v-mali-prichiny-i-posledstviya/> (дата обращения: 04.09.2020).

Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. URL: <https://gt-market.ru/laboratory/basis/6341> (дата обращения: 04.09.2020).

Хафтар, Халифа // ТАСС. URL: <https://tass.ru/encyclopedia/person/haftar-halifa> (дата обращения: 04.09.2020).

Хлюстов М. «Арабская весна» в Сирии // Центр стратегических оценок и прогнозов. 2013. 5 октября. URL: csef.ru/ru/politika-i-geopolitika/477/arabskaya-vesna-v-sirii-4767 (дата обращения: 04.09.2020).

Хроника переворота в Египте // РИА Новости. 2013. 15 августа. URL: <https://ria.ru/20130815/956498419.html> (дата обращения: 04.09.2020).

Цветные революции // Русский эксперт. URL: https://ruxpert.ru/Цветные_революции (дата обращения: 04.09.2020).

Цветные революции как следствие дезинтеграции постсоветского пространства. Новые геополитические реалии Союзного государства. URL: <https://www.postkomsg.com/news/various/170014/> (дата обращения: 04.09.2020).

ЦИК Ирака огласил итоги выборов 12 мая: первым пришел блок «Аль-Сайрун» // EurAsia Daily. 2018. 19 мая. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2018/05/19/cik-iraka-oglasil-itogi-vyborov-12-maya-pervym-prishyol-blok-al-sayrun> (дата обращения: 04.09.2020).

Численность населения ЮАР в 2010 г. составляла 51,22 млн человек. ВВП на тот же период — 375,3 млрд долл. США. URL: <https://knoema.ru/atlas/Южная-Африка/ВВП> (дата обращения: 04.09.2020).

Что делать с джихадистами — гражданами стран ЕС? // DW. 2019. 10 ноября. URL: <https://www.dw.com/ru/что-делать-с-джихадистами-гражданами-стран-ес/a-51157027> (дата обращения: 04.09.2020).

Эрак Л.П. Эволюция избирательной системы Марокко (в контексте международных избирательных стандартов). URL: <https://www.mjil.ru/jour/article/viewFile/135/75.pdf> (дата обращения: 04.09.2020).

Эрдоган считает свою партию примером для всех мусульман // BBC NEWS. Русская служба. 2012. 30 сентября. URL: http://www.bbc.com/Russian/international/2012/09/120930_turkey_party_congress.shtml (дата обращения: 04.09.2020).

Эсеров А. Сирийский Курдистан: военные успехи, политическое строительство и открытый вопрос статуса // Институт востоковедения РАН. 2017. 18 февраля. URL: <https://www.ivran.ru/articles?artid=6932> (дата обращения: 04.09.2020).

Abdourahim A. Protest Hit Djibouti as Opposition Leaders Held // Reuters. 2011. February 19. URL: <https://www.reuters.com/article/us-djibouti-protests/protests-hit-djibouti-as-opposition-leaders-held-idUSTRE71I1BQ20110219> (accessed: 04.09.2020).

Arab Musicians of the 20th Century Who Had a Long-Lasting Impact on the World // Scoop Empire. 2019. March 23. URL: <https://scoopempire.com/arab-musicians-of-the-20th-century-who-had-a-long-lasting-impact-on-the-world/> (accessed: 04.09.2020).

Bhattarai K.D. Are the Maoists Rising Again in Nepal? // The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2019/03/are-the-maoists-rising-again-in-nepal/> (accessed: 04.09.2020).

Cafarella J. Jabhat Al-Nusra in Syria. Institute for the Study of War. URL: <http://www.understandingwar.org/report/jabhat-al-nusra-syria> (accessed: 04.09.2020).

Davison W. Djibouti Forces Arrest Opposition Leaders, Scuppering Protests // Bloomberg. 2011. March 11. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2011-03-11/djibouti-forces-arrest-opposition-leaders-scuppering-protests> (accessed: 04.09.2020).

Death toll from Iraq protest violence reaches 550: Commission // The New Arab. 2020. February 8. URL: <https://english.alaraby.co.uk/english/news/2020/2/8/nearly-550-killed-in-iraq-protest-violence-commission> (accessed 04.09.2020).

Democracy Index 2018: Me Too? Political Participation, Protest and Democracy // The Economist Intelligence Unit (The EIU). URL: https://pages.eiu.com/rs/753-RIQ-438/images/Democracy_Index_2018.pdf (accessed: 04.09.2020).

Egypt: 2011/12 People's Assembly Elections Results // African Democracy Encyclopaedia Project. 2013. January. URL: <https://www.eisa.org.za/wep/egy2012results1.htm/> (accessed: 04.09.2020).

Egypt: Gene Sharp Taught Us How to Revolt // English Global Voices. URL: globalvoicesonline.org/2011/04/15/Egypt_gene_sharp_taught_us_how_to_revolt (accessed: 04.09.2020).

Garsus amerikiečių ekspertas išvelgia pavojaingas tendencijas: Europa bus neutralizuota // Delfi. 2020. July 11. URL: <https://m.delfi.lt/uzsienyje/article.php?id=84713033> (accessed: 04.09.2020).

GEO: Страны мира. Страны Африки. URL: https://geo.koltyrin.ru/country_list_africa.php (accessed: 04.09.2020).

Geographic Regions. United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Statistics Division. URL: <https://unstats.un.org/unsd/methodology/m49/> (accessed: 04.09.2020).

Guide to the Syrian Opposition // BBC. 2013. October 17. URL: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-15798218> (accessed: 04.09.2020).

Iraq's Government Seems Powerless to Halt Protests in Its Heartland // The Economist. 2019. October 6. URL: <https://www.economist.com/middle-east-and-africa/2019/10/06/iraqs-government-seems-powerless-to-halt-protests-in-its-heartland> (accessed: 04.09.2020).

Lebanon Protesters Found Strength in Unity, Ditched Sectarianism // Report Syndication. URL: <https://reportsyndication.news.blog/2019/10/27/lebanon-protesters-find-strength-in-unity-ditched-sectarianism/> (accessed: 04.09.2020).

Levitt T. The Globalization of Markets // Harvard Business Review. 1983. May. URL: <https://hbr.org/1983/05/the-globalization-of-markets> (accessed: 05.09.2020).

List of Political Parties in Egypt. URL: en.wikipedia.org/wiki/List_of_political_parties_in_Egypt (accessed: 04.09.2020).

Lister Ch. Profiling Jabhat al-Nusra. The Brookings Project on US Relations with the Islamic World. Analysis Paper No. 24. July 2016. P. 13. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/07/iwr_20160728_profiling_nusra.pdf/ (accessed: 04.09.2020).

New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2010/12/01/world/africa/01egypt.html> (accessed: 04.09.2020).

NYT: Пентагон представил Обаме план военной операции против ИГ в Ливии // ТАСС. 2016. 8 марта. URL: tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2723369 (accessed: 04.09.2020).

Saler J.N. Morocco's "Arab" Spring // Middle East Institute. URL: <https://www.mei.edu/publications/moroccos-arab-spring> (accessed: 04.09.2020).

Spetalnic M., Stewart P. Obama Presses Mubarak for Transition to Democracy // Reuters. 2011. January 31. URL: <https://www.reuters.com/article/idINIndia-54518120110131> (accessed: 04.09.2020).

Syria Countrywide Conflict Report No. 1 // The Carter Center. 2013. August 20. URL: https://www.cartercenter.org/resources/pdfs/peace/conflict_resolution/syria-conflict/NationwideReport-aug-20-2013.pdf?_ga=2.97946587.53686880.1598388402-1996006192.1598388402 (accessed: 04.09.2020).

Syrian National Council // Encyclopaedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/Syrian-National-Council> (accessed: 04.09.2020).

The International Migration Report 2017 (Highlights). UN. Department of Economic and Social Affairs. URL: <https://www.un.org/development/desa/publications/international-migration-report-2017.html> (accessed: 04.09.2020).

The National Pact. URL: <http://countrystudies.us/lebanon/77.htm> (accessed: 04.09.2020).

The Syrian Army Rises from Ashes // ISRAELDEFENCE. 2020. August 25. URL: www.israeldefense.co.il/en/node/41431 (accessed: 04.09.2020).

The USA PATRIOT Act: Preserving Life and Liberty. URL: <http://www.justice.gov/archive/ll/highlights.htm/> (accessed: 04.09.2020).

Turkey Threatens Major Military Operation if Libyan Army Does Not Withdraw from Sirte // AMN. 2020. July 13. URL: <https://www.almasdarnews.com/article/turkey-threatens-major-military-operation-if-libyan-army-does-not-withdraw-from-sirte/> (accessed: 04.09.2020).

Understanding Iran's Role in the Syrian Conflict / ed. by B.T. Aniseh, P. Raffaello. Occasional Papers. 2016. August 1. P. 6–7. URL: <https://rusi>

org/publication/occasional-papers/understanding-irans-role-syrian-conflict (accessed: 04.09.2020).

Why Sudan's Arab Spring is a Fantasy // The Africa Report. 2012. September 26. URL: <https://www.theafricareport.com/6614/why-sudans-arab-spring-is-a-fantasy/> (accessed: 04.09.2020).

WikiLeaks опубликовал секретный доклад ЕС по уничтожению беженцев в море // Известия. 2016. 17 февраля. URL: <https://iz.ru/news/604453> (accessed: 04.09.2020).

Wintour P. Libyan government forces capture key town from warlord // The Guardian. 2019. June 27. URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/jun/27/libya-un-recognised-government-captures-gherian> (accessed: 04.09.2020).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1 КЛАССИФИКАЦИЯ ГОСУДАРСТВ — ЧЛЕНОВ ООН ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ РЕЖИМАМ

1. Австралия	Д.	30. Вануату	Д.
2. Австрия	Д.	31. Венгрия	Д.
3. Азербайджан	А.	32. Венесуэла	С.
4. Албания	Д.	33. Вьетнам	Т.
5. Алжир	А.	34. Габон	Н.Д.
6. Ангола	С.	35. Гаити	Н.Д.
7. Андорра	Д.	36. Гайана	Д.
8. Антигуа и Барбуда	Д.	37. Гамбия	А.
9. Аргентина	Д.	38. Гана	Н.Д.
10. Армения	С.	39. Гватемала	Д.
11. Афганистан	Н.Р.	40. Гвинея	А.
12. Багамские о-ва	Д.	41. Гвинея-Бисау	А.
13. Бангладеш	Н.Д.	42. Германия	Д.
14. Барбадос	Д.	43. Гондурас	Д.
15. Бахрейн	А.	44. Гренада	Д.
16. Беларусь	А.	45. Греция	Д.
17. Белиз	Д.	46. Грузия	С.-Д.
18. Бельгия	Д.	47. Дания	Д.
19. Бенин	А.	48. Демократическая Республика Конго	Д.
20. Болгария	Д.	49. Джибути	А.
21. Боливия	С.	50. Доминика	Д.
22. Босния и Герцеговина	Н.Д.	51. Доминиканская Республика	Д.
23. Ботсвана	Д.	52. Египет	А.
24. Бразилия	Д.	53. Замбия	Н.Д.
25. Бруней-Даруссалам	А.	54. Зимбабве	А.
26. Буркина-Фасо	А.	55. Израиль	Д.
27. Бурунди	Н.Д.	56. Индия	Д.
28. Бутан	Н.Д.	57. Индонезия	Д.
29. Бывшая Югославская Республика Македония	Д.	58. Иордания	А.
		59. Ирак	Н.Д.
		60. Иран	С.

61. Ирландия	Д.	99. Мали	Н.Р.
62. Исландия	Д.	100. Мальдивские о-ва	Д.
63. Испания	Д.	101. Мальта	Д.
64. Италия	Д.	102. Марокко	А.
65. Йемен	А.	103. Маршалловы о-ва	Д.
66. Кабо-Верде	Н.Д.	104. Мексика	Д.
67. Казахстан	А.	105. Микронезия	Д.
68. Камбоджа	Н.Д.	106. Мозамбик	С.
69. Камерун	Д.	107. Монако	Д.
70. Канада	Д.	108. Монголия	Д.
71. Катар	А.	108. Мьянма	А.-С.
72. Кения	Д.	110. Намибия	С.
73. Кипр	Д.	111. Науру	Д.
74. Кирибати	Д.	112. Непал	Н.Д.
75. Китай	Т.	113. Нигер	Н.Р.
76. Колумбия	Д.	114. Нигерия	Н.Д.
77. Коморские о-ва	Н.С.	115. Никарагуа	Д.
78. Конго	А.	116. Новая Зеландия	Д.
79. Корейская Народно- Демократическая Республика	Т.	117. Норвегия	Д.
80. Коста-Рика	Д.	118. Объединенная Республика Танзания	С.
81. Кот д'Ивуар	Н.Д.	119. Объединенные Арабские Эмираты	А.
82. Куба	Т.	120. Оман	А.
83. Кувейт	А.	121. Пакистан	Н.Д.
84. Кыргызстан	Н.Д.	122. Палау	Д.
85. Лаос	Т.	123. Панама	Д.
86. Латвия	Д.	124. Папуа — Новая Гвинея	Д.
87. Лесото	А.	125. Парагвай	Д.
88. Либерия	Н.Д.	126. Перу	Д.
89. Ливан	Н.Д.	127. Польша	Д.
90. Ливия	А.	128. Португалия	Д.
91. Литва	Д.	129. Республика Корея	Д.
92. Лихтенштейн	Д.	130. Республика Молдова	Н.Д.
93. Люксембург	Д.	131. Российская Федерация	С.
94. Маврикий	Д.	132. Руанда	Н.Д.
95. Мавритания	А.	133. Румыния	Д.
96. Мадагаскар	А.	134. Сальвадор	Д.
97. Малави	А.		
98. Малайзия	Д.		

Приложения

135.	Самоа	Д.	163.	Тувалу	Д.
136.	Сан-Марино	Д.	164.	Тунис	А.
137.	Сан-Томе и Принсипи	Д.	165.	Туркменистан	А.
138.	Саудовская Аравия	А.	166.	Турция	Д.
139.	Свазиленд	А.	167.	Уганда	Н.Р.
140.	Сейшельские о-ва	Д.	168.	Узбекистан	А.
141.	Сенегал	Н.Р.	169.	Украина	Н.Д.-С.
142.	Сент-Винсент и Гренадины	Д.	170.	Уругвай	Д.
143.	Сент-Ките и Невис	Д.	171.	Фиджи	Д.
144.	Сент-Люсия	Д.	172.	Филиппины	Д.
145.	Сербия	Н.Д.	173.	Финляндия	Д.
146.	Сингапур	Д.	174.	Франция	Д.
147.	Сирийская Арабская Республика	А.	175.	Хорватия	Д.
148.	Словакия	Д.	176.	Центрально- Африканская Республика	Н.Р.
149.	Словения	Д.	177.	Чад	А.
150.	Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии	Д.	178.	Черногория	Д.
151.	США	Д.	179.	Чехия	Д.
152.	Соломоновы о-ва	Д.	180.	Чили	Д.
153.	Сомали	Р.Г.	181.	Швейцария	Д.
154.	Судан	А.	182.	Швеция	Д.
155.	Суринам	Д.	183.	Шри-Ланка	Д.
156.	Сьерра-Леоне	А.	184.	Эквадор	Д.
157.	Таджикистан	А.	185.	Экваториальная Гвинея	А.
158.	Таиланд	Н.Д.	186.	Эритрея	А.
159.	Тимор-Лешти	Н.Р.	187.	Эстония	Д.
160.	Того	А.	188.	Эфиопия	А.
161.	Тонга	С.	189.	Южная Африка	Д.
162.	Тринидад и Тобаго	Д.	190.	Южный Судан	Н.Р.
			191.	Ямайка	Д.
			192.	Япония	Д.

Примечание. Режимы: А. — авторитарный; А.-С. — авторитарный—смешанный; Д. — демократический; Н.Д. — неустойчивая (неконсолидированная) демократия; Н.Р. — неустойчивый; Р.Г. — распавшееся государство; С — смешанный; С.-Д. — смешанный—демократический; Т. — тоталитарный.

Приложение 2
СТРАНЫ АФРИКИ ЮЖНЕЕ САХАРЫ
ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ РЕЖИМАМ

1. Ангола	С.	24. Мали	Р.Г.
2. Бенин	А.	25. Мозамбик	С.
3. Ботсвана	Д.	26. Намибия	С.
4. Буркина-Фасо	А.	27. Нигер	Н.Р.
5. Бурунди	Н.Д.	28. Нигерия	Н.Д.
6. Габон	Н.Д.	29. Руанда	Н.Д.
7. Гамбия	А.	30. Сан-Томе и Принсипи	Д.
8. Гана	Д.	31. Свазиленд	А.
9. Гвинея	А.	32. Сейшелы	Д.
10. Гвинея-Бисау	А.	33. Сенегал	Н.Р.
11. Замбия	Н.Д.	34. Сьерра-Леоне	А.
12. Зимбабве	А.	35. Танзания	С.
13. Кабо-Верде	Н.Д.	36. Того	А.
14. Камерун	Д.	37. Уганда	Н.Р.
15. Кения	Д.	38. Централь- но-Африканская Республика	Н.Р.
16. Демократическая Республика Конго	Д.	39. Чад	А.
17. Республика Конго	А.	40. Экваториальная Гвинея	А.
18. Кот-д'Ивуар	Н.Д.	41. Эритрея	А.
19. Лесото	А.	42. Эфиопия	А.
20. Либерия	Н.Д.	43. ЮАР	Д.
21. Маврикий	Д.	44. Южный Судан	Н.Р.
22. Мадагаскар	А.		
23. Малави	А.		

Примечание. Режимы: А. — авторитарный; Д. — демократический; Н.Д. — неустойчивая демократия; С. — смешанный; Н.Р. — неустойчивый; Р.Г. — распавшееся государство.

Приложение 3
КЛАССИФИКАЦИЯ СТРАН — ЧЛЕНОВ
ЛИГИ АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ
ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ РЕЖИМАМ
(на декабрь 2010 г.)

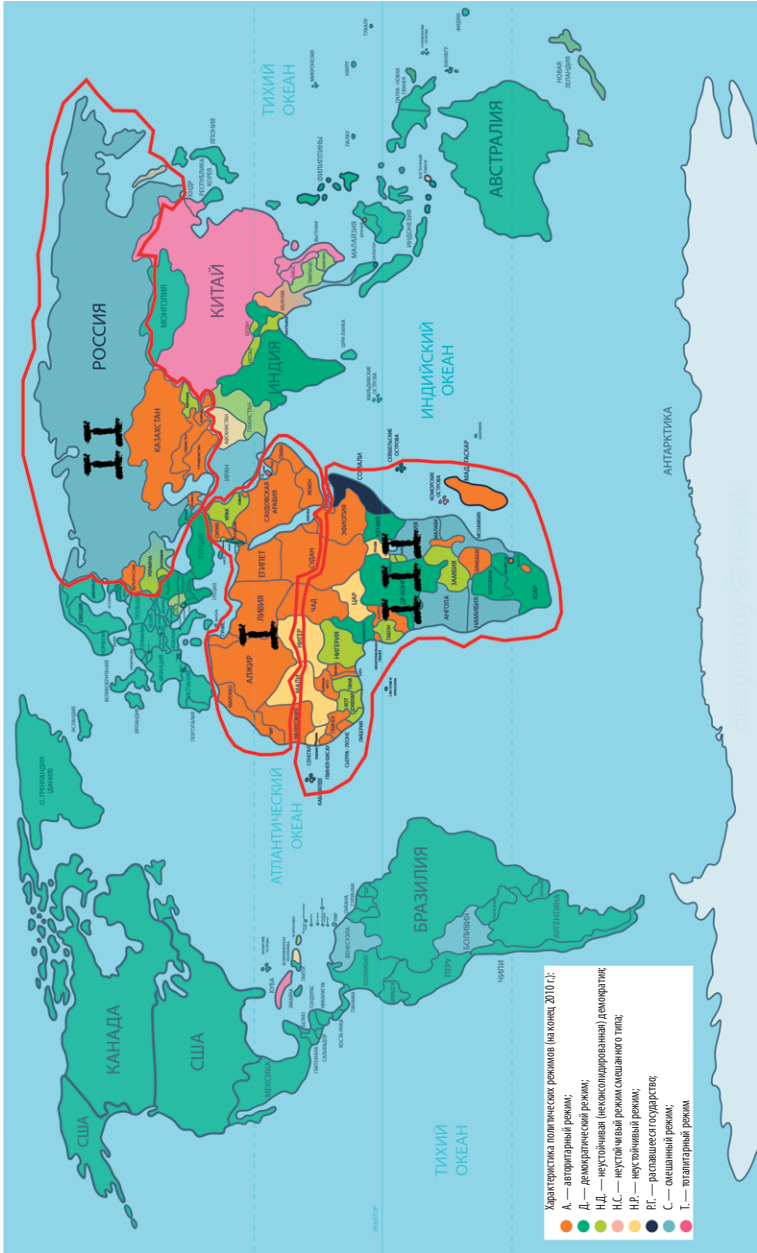
1. Алжир	А.	12. Ливия	А.
2. Бахрейн	А.	13. Мавритания	А.
3. Джибути	А.	14. Марокко	А.
4. Египет	А.	15. ОАЭ	А.
5. Иордания	А.	16. Оман	А.
6. Ирак	Н.Д.	17. Палестина	Н.Д.
7. Йемен	А.	18. Саудовская Аравия	А.
8. Катар	А.	19. Сирия	А.
9. Коморы	Н.С.	20. Сомали	Р.Г.
10. Кувейт	А.	21. Судан	А.
11. Ливан	Н.Д.	22. Тунис	А.

Примечание. Режимы: А. — авторитарный; Н.Д. — неустойчивая (неконсолидированная) демократия; Н.С. — неустойчивый смешанного типа; Р.Г. — распавшееся государство.

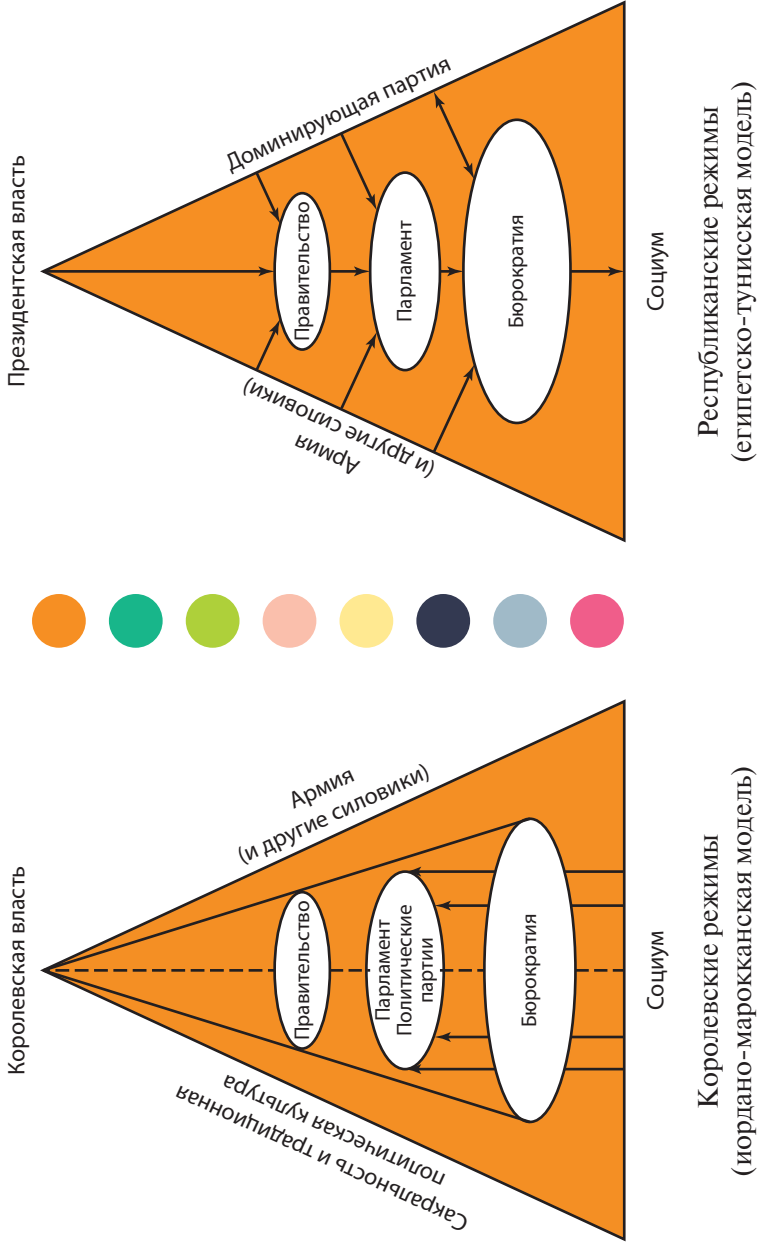
Приводятся сокращенные названия государств с учетом того, что многие из них за время существования ЛАГ меняли свои полные названия, а Палестина была включена в ЛАГ в лице Организации освобождения Палестины, т.е. когда еще не было провозглашено создание Палестинского государства.

Приложение 4 ОСНОВНЫЕ МИРОВЫЕ АРЕАЛЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ АВТОРИТАРИЗМА

Приложение 5 СХЕМА МЕХАНИЗМА ВЛАСТИ АРАБСКОГО МИРА

Научное издание

Константин Михайлович ТРУЕВЦЕВ

**ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И АРАБСКИЙ МИР:
ДО И ПОСЛЕ ДВУХ ВОЛН
ТУРБУЛЕНТНОСТИ**

Редактор *Т. Г. Паркани*
Корректор *Т. Г. Паркани*
Верстка *А. И. Паркани*
Дизайн обложки *А. И. Паркани*

Подписано 18.11.2020
Формат 60x90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 23,25. Уч.-изд. л. 19,0
Тираж 300 экз. Зак. № 436.

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И. В. Федулов
E-mail: ivran.izd@gmail.com

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5